

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Л.А. ТАРАСЕВИЧ

**СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕДЛОГОВ
С ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ
(на материале немецкого и русского языков)**

Минск 2014

УДК 811.112.2'37
ББК 81.432.4-32
Т19

Рекомендовано Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 2/36 от 23 октября 2013 г.

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор *А.М. Горлатов* (МГЛУ); доктор филологических наук, профессор *Б.Ю. Норман* (БГУ); кандидат филологических наук, профессор *Е.В. Зарецкая* (МГЛУ).

Тарасевич, Л.А.

Т19 Семантика и функционирование пространственных предлогов (на материале немецкого и русского языков / Л.А. Тарасевич. – Минск : МГЛУ, 2014. – 272 с.

ISBN 978-975-460-603-3

Монография посвящена изучению структуры семантики и функциональных особенностей немецких и русских предлогов, обозначающих основные виды пространственных отношений. Выявляются корреляции между употребительностью предлогов и их семантическими свойствами; соотношение употребительности предлога в пространственном и непространственном значениях; выводятся закономерности в сочетаемости предлогов. Исследуются типы информации о пространстве, которые входят в семантику этих языковых единиц, организация этой информации в значении предлога. Изучаются отношения между предлогами, обозначающими одно и то же пространственное отношение и образующими предложные ряды, раскрываются факторы, обуславливающие становление предложных рядов. Описывается общее и различное в членении пространства при помощи предлогов в немецком и русском языках.

Адресовано специалистам по лексической семантике и грамматике, аспирантам и магистрантам, исследующим проблемы соотношения категорий пространства и языка.

УДК 811.112.2'37
ББК 81.432.4-32

ISBN 978-975-460-603-3

© Тарасевич Л.А., 2014
© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2014

Введение

В современной лингвистике предлогам уделяется большое внимание. Проведено немало исследований, посвященных самым разным аспектам функционирования этих языковых единиц. Среди них выделяются два магистральных направления.

Первое направление связано с внутриязыковой квалификацией предлогов – грамматическими и лексическими характеристиками, структурой и границами как класса слов [7; 22; 47; 64; 93; 96; 100; 123; 171; 173; 191; 194; 206; 225; 237; 241; 244 и др.]. Сходство синтаксических функций предлогов с функциями падежных окончаний стало причиной первоначального отнесения предлогов в разряд грамматических явлений, так что их лексическое значение в определенной мере находилось на периферии исследовательского поиска. Всплеск интереса к семантике предлога во второй половине XX ст. был обусловлен практическими нуждами перевода, преподавания иностранных языков, а также проблемами, связанными с автоматической обработкой текста.

Признанию за предлогами лексического значения в значительной степени способствовали изыскания в области синтаксиса предложных конструкций в рамках юнктивной грамматики, теории валентности, в генеративистских течениях [140; 174; 217; 266; 273]. В 70-е и 80-е годы прошлого столетия появился целый ряд работ на материале разных языков, в которых предпринимались попытки определить организацию значения предлогов, выделить в нем компоненты и их структуру; были созданы композиционные модели предложной семантики [например, 105; 126; 136; 209; 248; 249]. Одновременно с этим проводились и продолжают проводиться диахронические исследования предлогов [15; 26; 33; 89; 94; 121; 158; 222; 240; 247; 270]. Проводятся изыскания по определению границ данного класса слов: они представляются весьма размытыми, поскольку многие конструкции оказываются в промежуточном положении между предложными фразами и составными предлогами, так что вопрос о количестве предлогов в разных языках продолжает оставаться открытым [16; 27; 28; 53; 124; 161].

Второе направление исследований предлогов сформировалось в рамках когнитивной лингвистики, где в центре внимания оказалась связь между мыслительными и языковыми категориями. Предлоги являются одним из средств выражения таких центральных для человеческого мышления понятий, как пространство и время; они служат для обозначения причинных, следственных, комитативных и целого ряда других связей. Рассматривая язык как «средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека» [62, с. 9], лингвисты обратились, в первую очередь, к предлогам с пространственным значением. Эти языковые единицы оказались важным источником информации о том, какие характеристики пространства находят выражение в языке, как с помощью

языковых единиц кодируются пространственные отношения, что обеспечивает их декодирование адресатом. Выяснилось, что человек в значительной степени «видит» пространство через призму своего языка [20; 66; 68; 107; 257; 259 и др.] и что даже в рамках одного языка в определенных случаях возникают проблемы с пониманием языковых выражений, в частности, предложных конструкций, описывающих пространство [168; 177; 181; 195; 197]. Предлоги с пространственным значением занимают важное место в когнитивных исследованиях взаимосвязи чувственного восприятия и языковых структур [144; 152; 233].

Когнитивный подход позволил по-новому взглянуть на семантику предлогов. Так, при анализе данных языковых единиц в композиционных моделях в качестве базовой синтаксической единицы выступает двучленная предложная конструкция (предлог + зависимое существительное). Основное внимание уделяется возможности заполнения правой валентности одного и того же предлога существительными разных семантических классов. Это дает возможность выделять у предлога разные значения. Например, правая валентность немецкого предлога *in* 'в' может быть заполнена существительными, обозначающими пространственные объекты (например, *Wald* 'лес'), темпоральные сущности (*Nacht* 'ночь'), именами, характеризующими действие (*Galopp* 'галоп') и др. Соответственно, у данного предлога выделяются пространственное (*im Wald* 'в лесу'), темпоральное (*in der Nacht* 'ночью') и модальное (*in Galopp* 'галопом') значения.

В когнитивных работах понятие предложной конструкции для обозначения пространственной ситуации расширяется за счет включения третьего члена – локализуемого объекта, а при необходимости и четвертого – глагола [183; 185]. Вводится понятие *пространственной ситуации*, которая включает в себя три основных компонента: локализуемый объект, локализирующий объект, или релятум, а также связывающие их отношения. Это позволяет обратиться к связи между пространственными характеристиками объектов и возможностью употребления их наименований с предлогами для заполнения как правой, так и левой валентностей.

Исследования на материале разных предлогов показали, что пространственное значение не является гомогенным и не может быть описано как, например, местонахождение локализуемого объекта внутри локализирующего для предлога *в* или на поверхности для предлога *на*. Исследователи обратили внимание, что при описании пространственной ситуации один и тот же предлог в зависимости от локализуемого объекта может указывать на разные места локализации по отношению к одному и тому же релятуму (ср. рус. *одежда в шкафу* и *червь в шкафу*) [199]. Ряд авторов постулирует наличие разных видов пространственных отношений в значении одного предлога. Например, В. А. Плунгян и Е. В. Рахилина выделяют, по меньшей мере, три вида пространственных значений у предлога *под* [88], Х. Кюкенс насчитывает более 10 таких видов у голландского предлога *in* [156] (см. также [83; 102; 263]).

Вопрос о том, как организованы эти значения, продолжает оставаться дискуссионным. Мнения по этой проблеме располагаются между двумя противоположными полюсами: такие авторы, как О. Н. Селиверстова, В. А. Плунгян, Д. Пайар, П. Беднарски, А. Херсковитц, придерживаются точки зрения, что в основе различных употреблений предлога лежит одна абстрактная схема-образ [88; 102; 138; 198]. С. М. Бругман, Д. Лакофф, Л. Талми отрицают существование одного стержневого значения и высказывают предположения о прототипической организации пространственных значений, когда определенный тип употреблений выступает в качестве образца, а остальные связаны с ним по принципу фамильного родства [150; 259]. Выдвигаются также гипотезы о цепочечной и радиальной организации семантики пространственных предлогов.

Так что же представляет собой семантика пространственных предлогов, и из каких компонентов она складывается? На необходимость систематизации и теоретического обоснования понятий, достаточных для описания семантики пространственных предлогов, указывал еще Н. Райтер [237, S. 410 ff.]. С 70-х годов прошлого века прослеживается устойчивая тенденция к выведению семантических компонентов предлогов из различных характеристик пространства. Категория пространства не является непосредственным объектом лингвистической науки, поэтому авторы адаптировали модели пространства, разработанные в физике, геометрии, психологии, для нужд лингвистического описания. Одними из первых это сделали Дж. Миллер и Ф. Джонсон-Лэрд [226]. Для описания значения предлогов они предложили две модели пространства. Данные модели, получившие название *топологической* и *димензиональной*, представляют пространство в разных ракурсах. Первая из моделей базируется на геометрических понятиях и отражает двухмерность пространства. Во второй – трехмерной, или димензиональной, модели – отражена естественная ориентация человека в пространстве. То, что эта ориентация служит основой для приписывания объектам таких пространственных свойств, как «верх – низ», «фронтальность – тыльность», и отражается в значении языковых единиц, было отмечено еще К. Бюлером [151].

В дальнейшем обе модели дополнялись и уточнялись [168; 181; 199; 278], однако использовались не в комплексе, а автономно. Топологическая модель применяется для описания семантики предлогов (например, [187; 204; 205; 221; 230]), димензиональная – в семантических психолингвистических исследованиях проблем отражения трехмерности в языке [177; 195; 197; 207; 213; 261; 281]¹. Вместе с данными моделями в лингвистический терминологический инструментарий был введен ряд математических (топологических) и психологических терминов, что подверглось критике некоторыми авторами (например, [102]). Тем не менее,

---

¹ Ср. по этому вопросу [152].

использование этих моделей является вполне оправданным, поскольку с их помощью подводится прочный теоретический фундамент под выделение семантических компонентов в значении предлога.

Наличие большого количества работ по семантике предлогов не уменьшает актуальности изысканий в данной области, поскольку с появлением новых знаний о языковой сущности предлогов возникают и новые вопросы о значениях, функциях и способах употребления данных языковых единиц. Наряду с работами, в которых описывается основной состав предлогов какого-либо языка во всей совокупности их значений, в последние десятилетия появилось много трудов, посвященных отдельным предлогам, а также их отдельным значениям. Наблюдается переход к качественно новому уровню описания предложной семантики, который достигается путем детализации и углубления семантического поиска.

Картину, которая сложилась сегодня в области исследования семантики предлогов, можно охарактеризовать следующим образом: к настоящему времени накопилось значительное количество научных трудов, в которых рассматриваются отдельные предлоги на материале многих индоевропейских языков. При всем многообразии имеющихся исследований (являющихся, на наш взгляд, весьма разобщенными, несмотря на принадлежность в основном к когнитивной парадигме), отсутствуют работы, которые бы давали представление о семантике и особенностях функционирования не одного или нескольких предлогов, а их систем или подсистем в рамках хотя бы одного языка. Не подвергается сомнению, что **системность как характерная черта лексики присуща также и рассматриваемому классу слов**: данные языковые единицы находятся между собой в отношениях синонимии и антонимии, а значение, например, пространственных предлогов, как справедливо отмечал Х.-В. Эрмс, определяется в противопоставлении другим предлогам [174, S. 175 ff.]. По мнению автора, в основе системной организации значений пространственных предлогов лежит оппозиция «внутри – снаружи». Мы предполагаем, что для семантики части пространственных предлогов характерна также градуальная организация по параметру ДИСТАНЦИЯ. Для выявления всего спектра системных отношений, пронизывающих данный класс лексических единиц, объяснительного описания их семантики и способов употребления необходимо рассмотрение всей совокупности или, по меньшей мере, значительной части предлогов, образующих ту или иную семантическую подсистему.

Настоящее исследование представляет собой сопоставительный анализ семантики и функционирования подсистем предлогов с пространственным значением в немецком и русском языках. **Цель** работы – сопоставление семантической структуры немецких и русских пространственных предлогов; выявление общих и индивидуальных характеристик пространства, нашедших отражение в семантике коррелирующих предлогов в сопоставляемых языках; выявление связи между семантическими

свойствами пространственных предлогов и их сочетаемостью с наименованиями объектов; определение особенностей функционирования предлогов с пространственным значением в немецких и русских газетных текстах. **Объект исследования** – несоставные (первообразные и непервообразные) немецкие и русские предлоги с пространственным значением. **Предмет исследования** – семантическая структура и функциональные характеристики данных предлогов.

Работа состоит из введения, четырех глав и заключения. В первой главе излагаются теоретические основания предпринимаемого исследования: спектр актуальных для предложной семантики проблем, основные методы, применяемые для их решения. Обосновывая теоретическую платформу, мы выбрали из всего многообразия научной литературы только те работы, которые определили главные направления научных изысканий в области предложной семантики.

Вторая глава посвящена методологическим аспектам работы с практическим материалом. В ней представлены комплекс применяемых методов, а также обусловленная этим комплексом особая процедура отбора и классификации языкового материала; предложена методика формирования репрезентативных исследовательских корпусов для проведения сопоставления таких высокочастотных языковых единиц, как предлоги; разработаны основания единой классификации наименований объектов, которые употребляются в качестве релятивов в предложных конструкциях; изложены результаты исследования влияния тематики исследовательского корпуса на дистрибутивные характеристики предлогов. Здесь же представлены основания выделения предложных коррелятов, подлежащих сопоставлению. В качестве таких оснований приняты типы пространственных отношений, нашедшие отражение в семантике предлогов. В соответствии с типами пространственных отношений выделяются семантические подгруппы пространственных предлогов – топологические, димензиональные и дирекциональные. Выявлено, что в семантике одного предлога могут быть представлены разные типы пространственных отношений; последние обнаруживают иерархическую организацию.

В третьей главе анализируются особенности семантики и дистрибутивные характеристики немецких и русских топологических предлогов, реализующих основные топологические отношения – включение, исключение, контакт, близкое расположение. В частности, выявляются типы информации, образующие семантическую структуру этих предлогов, особенности спецификации топологических отношений в их семантике. Проводится сопоставление семантической структуры и дистрибуции с наименованиями классов объектов для коррелирующих предлогов, определяется общее и специфическое в способах отражения пространственных отношений в семантике немецких и русских предлогов.

Четвертая глава посвящена исследованию проблем отражения трехмерной структуры пространства в предложных конструкциях. Эти

проблемы связаны с неоднозначностью определения региона локализации, который обозначается при помощи димензиональных предлогов. Считается, что выбор актуального региона зависит от выбора адресатом исходной точки ориентации – ориго. Таким образом, идентификация денотативного пространства языковой единицы частично ставится в зависимость от психологических факторов. Результаты психолингвистических экспериментов, а также межъязыкового сопоставления свидетельствуют о влиянии семантических свойств димензиональных предлогов на определение их региона локализации, доказывая тем самым значимость лингвистического фактора. В этой же главе проводятся выявление и сопоставление семантической организации коррелирующих димензиональных предлогов немецкого и русского языков, их количественных и дистрибутивных показателей.

В заключении обобщаются результаты исследования. Характеризуются типы информации, представленной в семантике предлогов, выводятся закономерности семантической организации предлогов (взаимозависимость представленности отдельных типов признаков), а также некоторые условия возникновения предложных рядов (двух и более предлогов для обозначения одного и того же пространственного отношения в одном языке); определяются основные типы отношений между членами предложных рядов.

Монография адресована специалистам по лексической семантике и грамматике, аспирантам и магистрантам, занимающимся исследованиями, в том числе и сопоставительными, проблем соотношения пространственных и языковых категорий, студентам-филологам.

Глава 1. Предлоги в системе языка

Предлоги являются одним из самых малочисленных, но также и самых употребительных и многозначных классов слов в индоевропейских языках. Именно в силу их употребительности и многозначности предлоги представляют особую сложность для семантических описаний, а также для решения практических задач прикладной лингвистики, таких как создание программ для автоматического анализа и синтеза текстов в компьютерной лингвистике, перевод, преподавание иностранного языка. П. Готтенрот наряду с многозначностью указывает и на другую причину такой ситуации: это особо тесная взаимосвязь между предлогом и его аргументами (актантами, заполняющими соответствующие валентности) [201, S. 77]. Семантическая структура предлогов и взаимодействие их семантики с семантикой соотносимых с их помощью языковых единиц (актантов предлога) образуют те важнейшие проблемы, которые занимают представителей разных лингвистических школ и направлений. Эти проблемы затрагивают как семантику, так и синтаксис рассматриваемого класса слов. Независимо от того, какой уровень при исследовании выступает в качестве базового, общей отправной точкой для всех работ является рассмотрение предлогов как класса слов особой категориальной принадлежности.

1.1. Критерии определения предлогов

Предлоги как часть речи относят к классу служебных единиц, которые в типологическом плане, в отличие от знаменательных классов слов, не имеют универсального характера в языках мира [62, с. 158]. Тем не менее, как часть речи предлоги типичны для всех индоевропейских языков. Выделение предлогов в отдельный класс восходит к древнегреческому ученому Дионисию Фракийскому. Данное им определение предлогов – часть речи, которая может выступать перед любыми другими частями предложения – было заимствовано Донатом, автором одной из самых известных грамматик латинского языка [186; 206]. Определение предлогов как единиц по месту их расположения относительно существительного нашло отражение в названии всего класса слов. Однако многие лингвисты рассматривают термин «предлог» как не соответствующий положению вещей (например, [95, с. 5; 221]). Он не дает полного представления о дистрибутивной специфике этого класса слов по отношению к управляемому существительному: предлоги могут находиться как в препозиции, так и в пост- и циркумпозиции [223, S. 90]. По мнению Й. Брошарта, адекватно отражает дистрибуцию данных языковых единиц термин «адлоги» (Adpositionen) [148, S. 3, 21–23].

Существует обширная лингвистическая литература, посвященная анализу того, как предлоги определяются в разных лингвистических направлениях. Без этого не обходится ни одно исследование, посвященное предлогам (см., например, [23, с. 553; 28; 53, с. 134; 57, с. 369; 74; 86; 115; 138; 161; 183, S. 6; 231, S. 175–182; 269; 275] и др.). В основе дефиниций предлогов, предлагаемых исследователями в рамках разных лингвистических теорий, лежат их количественные, дистрибутивные, морфологические, функциональные и семантические характеристики. Ниже мы кратко остановимся на каждой из характеристик.

В плане количества предлоги характеризуются как закрытый, исчисляемый класс слов, который в диахронии претерпевает по сравнению с другими классами слов меньше изменений [183]. Это утверждение, по нашему мнению, еще нуждается в проверке. Насколько позволяет судить имеющаяся научная литература по теме, исследования функционирования предлогов и их сопоставление на материале разных языков не проводились. Более того, в последнее время появились публикации, в которых отмечается, что количество предлогов может в короткое время претерпеть значительные изменения² [28; 55; 60].

Морфологические характеристики предлогов чаще всего кладутся в основу определения данного класса слов, поэтому являются общеизвестными. Мы повторим их здесь лишь в основных чертах. С точки зрения морфологии, предлоги не имеют окончаний и не изменяются [98; 129; 137; 143; 221; 249]. При этом, «соединяя два слова, предлог как грамматическая единица одновременно обращен к ним обоим; это обнаруживается прежде всего при сильных и регулярно предсказуемых слабых синтаксических связях; например, *состоять из частиц: состоять из и из частиц; говорить о деле – говорить о и о деле*» [57, с. 325].

Среди функций предлогов наибольшее внимание уделяется синтаксической и коммуникативной. В синтаксическом плане роль предлогов состоит в соотнесении управляющего существительного или глагола с управляемым существительным или местоимением [1; 128; 193; 221; 249]. Что касается коммуникативных функций, то данная тема еще нуждается в детальной разработке. Среди основных выявленных коммуникативных функций можно назвать функцию формирования коммуникативного фокуса, функцию объективации описания, функцию увеличения информативности высказывания³ [108; 110; 111; 261, S. 75].

Мнения по поводу семантики предлогов располагаются между двумя противоположными полюсами: от определения предлогов как семантически опустошенных «свободных морфем», функция которых подобна функции

---

² Отмечается, что предлоги способны эволюционировать не только в количественном, но и в грамматическом плане (изменение падежного управления).

³ Здесь имеется в виду свойство предложных конструкций в компримированной форме передавать пропозициональное содержание и имплицировать разные смыслы (например, интенциональный) [108].

падежных окончаний, до признания за предлогами «семантической полноценности» с той оговоркой, что особенностью семантики предлогов является высокая степень абстрактности значений, уподобляемая значению отношения. Поскольку положительное решение вопроса о наличии у предлогов собственного лексического значения играет для настоящего исследования принципиальную роль, рассмотрим суть этой дискуссии более подробно.

1.2. Проблема лексического значения предлогов

Точка зрения, согласно которой предлоги не обладают лексическим значением, представлена у целого ряда исследователей [18, с. 9; 38; 76; 121, с. 15]. В качестве основных аргументов в пользу мнения, согласно которому предлоги не являются «полноценными» словами (в связи с этим авторы часто употребляют термин «предложно-падежные формы») и, как следствие, у них не может быть лексического значения, назывались отсутствие номинативной функции, а также неспособность предлогов выступать самостоятельным членом предложения. К. И. Ходова резюмирует: «Не будучи соотношенными с определенными реалиями – конкретными предметами, действиями – предложно-падежные формы отдалены от внеязыковой действительности, «субстанция» не дает здесь о себе знать. Предложно-падежные формы как тип лингвистических единиц отходят от лексического уровня и приближаются по значению к фонемам и морфемам» [121, с. 15].

Другая точка зрения, которая окончательно утвердилась со второй половины XX ст., заключается в признании за предлогами «семантической полноценности», т. е. наличия у них лексического значения [1; 22; 23; 95; 124; 128; 136; 249]. Лексическое значение предлогов в самом общем виде формулируется как значение отношения [6, с. 234, 98, с. 710; 130, с. 365; 136; 137; 249], которое проявляется в разной степени в зависимости от способа употребления [128, с. 246].

Несколько отличается определение сущности лексического значения предлогов у Е. Т. Черкасовой. Исследователь исходит из наличия у слов трех типов значений: грамматического, категориального и лексического. В толковании автора грамматическое значение присуще всем словам конкретного морфологического класса. Категориальные значения представляют собой наиболее обобщенные лексические значения (предметности, качества, действия и т. п.). Лексическое значение – это значение, которым данное слово отличается от других слов того же морфологического класса. Таким образом, грамматическое и категориальное отношения, с одной стороны, и лексическое, с другой, соотносятся как общее и индивидуальное. Определяя семантику как «внутреннее конструктивное единство лексических и грамматических значений», автор

отмечает, что «отличие предлогов от полнозначных слов состоит не в отсутствии у них лексических значений, а во внутреннем их своеобразии, находящем свое выражение, прежде всего, в том, что эти значения находятся в качественно иных соотношениях со значениями грамматическими». Грамматическим значением предлога является указание на подчинительную связь существительного с другим существительным или глаголом; категориальное значение предлога – это значение релятивности; лексическое значение предлога состоит в указании на характер отношений, выражаемых в предложных конструкциях – пространственные, временные, причины, цели, способа действия и др. [124, с. 9–15].

В исследованиях, посвященных семантике предлогов, в качестве подтверждения существования у предлогов собственного лексического значения приводятся примеры словосочетаний с предлогом, когда замена предлога ведет к изменению значения всего словосочетания (ср. *книга в столе* и *книга на столе*) [162; 217; 249; 278]. Неспособность предлогов самостоятельно реализовывать свое лексическое значение не означает отсутствие такового. В этой связи Р. П. Рогожникова приходит к выводу, что «хотя наиболее отчетливо семантические различия служебных слов выявляются при их функционировании в зависимости от сочетающихся с ними единиц, но и взятые вне контекста, служебные слова несут в себе общую идею определенных отношений, заключенную в семантике каждого из них» [95, с. 6].

Изменение точки зрения на лексическое значение предлогов находит отражение в дефиниции данного класса слов: если раньше в ней отражались, в первую очередь, морфологический (неизменяемость) и синтаксический (синсинтаксичность) аспекты [1, с. 39; 192, S. 401], то в настоящее время наблюдается тенденция к детализации синтаксической роли предлогов, к выделению роли предлога в формировании семантики синтаксических единиц. Одним из наиболее полных и точных определений предлогов считаем дефиницию, данную М. В. Всеволодовой, которую, несмотря на ее объемность, целесообразно привести полностью:

«Предлог как часть речи – это класс служебных лексических единиц, служащих (в синтетических языках, в том числе, почти во всех славянских – вместе с субстантивным падежным окончанием) средством выражения семантико-синтаксической роли существительного (или его субститута) или инфинитива (а также, в ряде случаев, и наречия) в высказывании и (в некоторых случаях облигаторным) средством введения их (существительного или инфинитива) в предложение. Каждый предлог обладает своим специфическим лексическим значением (которое может быть ослабленным), вносящим свой вклад в значение синтаксемы существительного или его субститута, и определяет падежную форму («управляет» ею) последнего (в том числе и именительный падеж). Предлог не является частью морфологической формы слова, но входит на правах составляющей в синтаксическую форму слова – синтаксему» [27].

Данная дефиниция принята нами в качестве рабочей для настоящего исследования. Уточним также термин «значение»: в настоящей работе, вслед за О. Н. Селиверстовой, под значением языковой единицы мы понимаем ту информацию, которую языковой знак сообщает о своем денотате [103, с. 37]. Различение значения и денотата, которое проводится в принятом понимании, представляется нам принципиально важным для исследования семантики предлогов.

Денотатом пространственных предлогов выступают отношения в пространственной ситуации, которой через значение предлога приписываются определенные характеристики. Центральное место среди этих характеристик занимает, бесспорно, информация о типе отношений между локализуемым и локализирующим объектами, а также о некоторых пространственных свойствах этих объектов.

1.3. Частеречная характеристика предлогов

Необходимость обращения к частеречному статусу предлогов вызвана также недостаточной освещенностью и дискуссионностью некоторых аспектов данного вопроса в научной литературе (ср. по этому вопросу [100, с. 32]): при описании места предлогов в системе языка, как правило, констатируется их принадлежность к разряду служебных слов, описываются их специфические функции, проводится разграничение с другими служебными словами, в первую очередь, с союзами. Гораздо меньше внимание уделяется онтогенезу данного класса слов, соотношению со знаменательными частями речи, границам множества единиц этого типа. Не ставя задачу подробно осветить каждый из названных аспектов, мы бы хотели обобщить накопленные знания по данному вопросу в свете последних достижений лингвистической науки, акцентировав внимание на том, как реализуются показатели служебности у предлогов.

В современных грамматиках термином «предлоги» обозначаются языковые единицы, весьма разнородные как по структуре, так и по внутренней форме [27; 95, с. 5; 124, с. 6; 161; 200, S. 52; 227]. Во всех языках, которым присущ данный класс слов, можно выделить группу односложных предлогов с немотивированной внутренней формой, группу многосложных (два и более слога) предлогов с прозрачной внутренней формой, группу составных предлогов, состоящих, чаще всего, из двух или трех слов (ср. [98]). Первую группу предлогов называют первообразными или первичными, противопоставляя ее всем остальным, так называемым непервообразным, или производным, предлогам. Основанием для объединения столь разных по форме элементов в один класс выступает общность их семантико-синтаксической функции. Цель настоящей главы – определение места предлогов среди других частей речи, выделяемых в языках. Рассмотрению подлежат как качественные, так и количественные характеристики предлогов в их корреляции. Под качественными

характеристиками мы подразумеваем семантические и функциональные свойства предлогов, под количественными – исчисляемость их состава и употребительность.

Знаменательность vs. служебность – основной параметр классификации частей речи в языках (ср. [63]). Традиция подразделять части речи на две (неравноположенные) группы – знаменательные и служебные слова (М. В. Ломоносов), лексические и формальные (А. А. Потебня), полные и частичные (Ф. Ф. Фортунатов) – имеет давние корни. Такое подразделение отражает иерархическую организацию частей речи в языке в зависимости от времени вычленения и оформления в класс слов в диахронии. Эта иерархия в синхронии находит выражение в противопоставлении «открытых» и «закрытых» классов слов. Открытые (главные, знаменательные) классы слов имеют более древнее происхождение, они многочисленны и продолжают активно пополняться. Под закрытым классом слов понимается тот, который можно представить в виде исчерпывающего списка [62, с. 211]. «Концептуально такое распределение слов знаменует собой противопоставление назывных классов слов, т. е. слов с ярко выраженной номинативной функцией, не-назывным, служебным. И хотя такое противопоставление вряд ли можно считать жестким, перечисление конечным списком свидетельствует, как правило, о том, что перед нами служебный класс слов» (там же). Традиционно к знаменательным частям речи – таким, которые обладают номинативной функцией, – относят существительные, глаголы, прилагательные и наречия, к служебным, не имеющим номинативной функции, – предлоги, союзы, междометия и частицы [33; 58; 63; 121].

В некоторых работах первой половины – середины прошлого столетия частеречный статус служебных слов подвергался сомнению, высказывалось мнение о целесообразности объединения служебных слов в один класс (подробнее по этому вопросу см. [53, с. 36 и сл.]). Правомерность выделения предлогов в отдельную часть речи сегодня не вызывает сомнений, поскольку, как справедливо отмечает Е. С. Кубрякова, классификация слов по частям речи – не «изобретение» грамматистов, а факт, имеющий концептуальные основания: «нетождественность классов слов явно имела корни в нетождественности перцептуально воспринимаемого мира и выделении в нем отдельных целостностей, их частей и атрибутов» [62, с. 172]. Рассмотрим, как предлоги реализуют названные выше основные показатели «служебности», выделяемые в литературе: время вычленения, не-номинативность и закрытость.

С точки зрения генезиса как первого показателя служебности, предлоги являются производной частью речи, которая возникла и продолжает пополняться из других классов слов – наречий, существительных, глаголов [62, с. 225]. Производный характер имеют и первообразные, и производные предлоги с той разницей, что этимологию первообразных предлогов не всегда удастся проследить достаточно точно.

Процессы перехода полнозначных слов в разряд служебных, в том числе и в класс предлогов, именуются в лингвистике *грамматикализацией*. Усиленный интерес к этим процессам начал проявляться с середины прошлого века [124, с. 1–3], а в последние десятилетия исследование данной проблемы оформилось в самостоятельное направление (см., например, работы [62, с. 74; 160; 161; 190; 218; 222]).

Под грамматикализацией понимается приобретение лексическими единицами с конкретным значением абстрактных, грамматических значений, переход полнозначной лексической единицы в разряд служебных слов или грамматических морфем [161, S. 5; 190, S. 27]. Однако взгляд на становление предлогов только как на результат процессов грамматикализации, по нашему мнению, не совсем правомерен. К этому выводу нас подводит анализ основных положений теории грамматикализации, сложившейся в лингвистической науке.

Грамматикализация исследуется как с точки зрения диахронии – становления языковых единиц в ходе развития языка, так и с точки зрения синхронии – сосуществования в одном временном срезе различных стадий грамматикализации одной и той же языковой единицы. Примером этому могут служить существительные и наречия, выполняющие одновременно функцию предлогов, и предлоги, употребляющиеся в качестве союзов и т. д. Методологической основой многих исследований в этой области является модель грамматикализации, предложенная Ч. Леманом [218]. Данная модель базируется на противопоставлении таких свойств языкового знака, как автономность, которая основывается на лексическом значении слова, и зависимость, определяющаяся его грамматическими характеристиками. Автономность обуславливает способность слова употребляться свободно, зависимость накладывает ограничения на эту свободу. Процесс грамматикализации характеризуется тем, что слово постепенно утрачивает свою автономность. Автономность и зависимость – разные полюсы одной шкалы, на которой можно расположить языковые знаки в зависимости от степени автономности. Это означает, что грамматикализация имеет градуальный характер и разным лексико-семантическим классам может быть присуща разная степень грамматикализации. Разную степень грамматикализации проявляют языковые единицы и внутри отдельно взятых классов слов [161]. В качестве примера можно привести способность английского глагола *go* ‘ходить’ обозначать как конкретное действие, так и использоваться для выражения значений будущего времени [190], употребление предлогов как для обозначения пространственных отношений, так и в глагольном управлении (например, *an der Wand* ‘на стене’ и *denken an* ‘думать о’).

В лингвистике неоднократно высказывалось мнение о том, что части речи имеют прототипическую организацию. В частности, Е. С. Кубрякова отмечает, что структурация частей речи может быть названа прототипической, поскольку в ней явно выделяются ядро и периферия, что

положение отдельных слов в составе их части речи неодинаково и в частях речи можно выделить «лучших» представителей, которыми являются более ранние формы [62, с. 113–114]. Согласно К. Линквисту, высокая степень грамматикализации – одно из важнейших прототипических свойств предлогов, наряду с такими свойствами, как неизменяемость и способность управлять падежом [222, S. 15]. Предлоги различаются по отношению к прототипичности: «лучшими» представителями данного класса слов являются первообразные предлоги [161, S. 27]. По мнению Г. Дивальда, эта группа предлогов обладает и более высокой степенью грамматикализации [160, S. 65–73].

Можно предположить, что высокая степень грамматикализации означает низкую степень автономности, т. е. опустошение конкретного лексического значения. Однако мы не находим подтверждения данному предположению в языковом материале. Так, большинство первообразных предлогов – это предлоги с пространственным значением. В русском языке к таким предлогам относятся, например, *в, на, у, при, за, под, над* и др. В немецком языке это, соответственно, предлоги *in, an, auf, bei, hinter, unter, über* и т. д. Данные предлоги обозначают конкретные фрагменты внеязыковой реальности, следовательно, сохраняют ярко выраженное лексическое значение.

Перейдем к рассмотрению второго показателя служебности предлогов – способности к номинации. Здесь наблюдается определенное противоречие, когда, с одной стороны, не отрицается наличие у предлогов лексического значения, с другой стороны – за ними не признается номинативная функция (например, [23; 58, с. 106; 124, с. 12]. Вместе с тем целый ряд ученых высказывается в пользу признания за предлогами номинативной функции. Так, В. В. Веселитский обращает внимание на то, что предлог дает специфическое наименование отношению, и таким образом выделяет его как особую субстанцию ([22]). По мнению В. Г. Гака, отношения между конкретными предметами следует считать такими же явлениями внеязыковой действительности, как и сами эти предметы, поскольку номинация отношений между предметами внеязыкового мира не может существенно отличаться от номинации предметов, а значит, следует признать наличие номинативной функции у предлогов [31]. Другими словами, номинативная функция присуща, как минимум, предлогам с пространственным значением – такие предлоги соотносятся с некоторым участком пространства в физическом мире, что вполне согласуется с тезисом о том, что «онтологическая определенность дает бóльшие основания для наречения» [62, с. 173]. Что же касается предлогов, обозначающих абстрактные отношения – причины, времени, цели, комитативные и др., – то номинативная функция может быть признана за ними в той же степени, в какой она признается за существительными, именующими абстрактные сущности. Тот факт, что предлоги, по выражению Й. Шредера, «синсемантчны» (не способны самостоятельно употребляться) [249], не

отрицает наличия у них номинативной функции. В. И. Пекар отмечает, что свойство именовать внеязыковую реальность лишь в сочетании с существительными проявляют не только предлоги, но и другие знаменательные слова, например, переходные глаголы [86, с. 12].

Рассмотрим последний показатель «служебности» предлогов – закрытость данного класса слов. Этот показатель характеризуется двумя взаимосвязанными аспектами:

1) исчислимостью предлогов – возможностью назвать их точное количество для конкретного языка;

2) интенсивностью пополнения предлогов.

Считается, что по сравнению с другими классами слов предлоги относительно немногочисленны. Тем не менее, точное количество предлогов в одном отдельно взятом языке вряд ли представляется возможным назвать: в разных работах указываются цифры, значительно отличающиеся друг от друга. Например, в авторитетной академической грамматике немецкого языка У. Энгеля приводится список из 119 предлогов, причем, по мнению автора, этот список претендует на полноту [171, S. 692]. В грамматике Duden называются цифры от 50 до более 100 предлогов в зависимости от того, причислять ли прилагательные, наречия, а также некоторые предложные конструкции, употребляющиеся также и в предложной функции, к данному классу слов [163, S. 375]. В грамматике П. Айзенберга [170, S. 299] говорится, что количество предлогов немецкого языка насчитывает приблизительно 200 языковых единиц. Наконец К. Димеола, разрабатывая проблемы грамматикализации предлогов, исследует 214 предложных образований [161, S. 2].

Вопрос о количестве предлогов в русском языке также остается открытым [55, с. 7]. В Русской грамматике 1980 года перечислены всего 203 предлога разной структуры и происхождения [98]. Однако приводимые там списки предлогов (в зависимости от структуры и происхождения) вряд ли можно назвать исчерпывающими. Например, среди составных наречных предлогов с первообразным предлогом *от* названы такие конструкции, как *вблизи от, вдалеке от, вдали от, недалеко от*. В нашем исследовательском корпусе (описание корпуса см. в § 2.2) найдены случаи употреблений лишь для двух из них – *вблизи от* и *вдали от*, зато обнаружены сочетания предлога *от* с другими наречиями – *далеко, подальше, поблизости, близко, недалеко, неподалеку*, которые по своим функциям также могут быть отнесены к составным наречным предлогам. По нашему мнению, свойства предлогов проявляют также такие конструкции с существительными, как *по обе стороны от, к северу (югу, западу, востоку) от, на удалении от*. Многочисленные примеры предлогов русского языка, не учтенных в грамматиках и словарях, приводит М. В. Всеволодова. Она использует термин «предложные единицы», под которыми понимаются не только прототипичные предлоги, но и «словоформы, которые выполняют функции предлога, фактически не выходя из состава своей части речи –

существительных и сравнительной степени прилагательных и наречий» [27, с. 8]. Автор указывает, что список предложных единиц для каждого из трех восточнославянских языков включает в себя приблизительно 5000 единиц. Таким образом, исчислимость предлогов представляет собой проблему, решение которой связано с определением границ данного класса слов. Как показывает исследование, эти границы весьма размыты.

В отношении интенсивности пополнения предлогов как класса слов бытует мнение, что он в диахронии претерпевает, по сравнению с другими классами слов, меньше изменений. Однако результаты исследований процессов «предложивания» других классов слов свидетельствуют о несколько ином. Согласно Е. Т. Черкасовой, на протяжении истории русского языка состав производных предлогов оставался почти неизменным, а состав производных предлогов непрерывно изменялся. Эта же тенденция характерна и для других языков [124, с. 6]. Наиболее интенсивно образование новых предлогов протекает в XVIII – XIX ст. Автор отмечает, что «роль предлогов в XIX ст. становится особенно значительной не только в деловой письменности <...>, но также и в научно-технической и газетно-публицистической» (там же, с. 21). Результаты межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» красноречиво свидетельствуют, что состав предлогов, по меньшей мере, славянских языков продолжает активно пополняться (см. [27; 28]). В последнее время появились публикации, согласно которым предлоги способны в короткое время эволюционировать не только в количественном плане, но и в грамматическом – изменяется предложное управление глаголов, падежное управление предлогов [55; 60]. Ссылаясь на Б. Милевскую, М. В. Всеволодова приходит к выводу об открытости категории предлогов.

Все сказанное подводит нас к выводу, что закрытость предлогов как класса слов весьма относительна. Количественный состав данной части речи постоянно изменяется. Исследования процесса образования новых предлогов продолжают оставаться актуальными как в теоретическом, так и в практическом плане [28; 64; 124].

Рассмотрение основных показателей служебности предлогов позволяет сделать вывод о необходимости уточнения их места в системе частей речи, которое не укладывается в рамки жесткой оппозиции «знаменательность – служебность». Более объективно, на наш взгляд, отражает положение вещей точка зрения, согласно которой части речи представляют собой непрерывную градацию слов в языке «в зависимости от ослабления их семантического ядра, которое сопровождается ограничением их синтаксической самостоятельности» [63]. В этой градации предлоги занимают промежуточное место между лексикой и грамматикой, проявляя признаки как служебных, так и знаменательных частей речи.

1.4. Аспекты синтаксиса предлогов

Определение предлогов как класса слов, занимающего промежуточное положение между грамматическими и лексическими единицами, предполагает рассмотрение предлогов в этих двух аспектах. С точки зрения грамматики представляется целесообразным рассмотреть соотношение значения предлогов и падежей, поскольку, по мнению Б. Ю. Нормана, «предлог вместе с падежным окончанием существительного образует своего рода конфикс» [81].

Так как предлоги не являются лексически автономными единицами, с точки зрения лексики семантика предлогов должна рассматриваться в рамках *предложных конструкций*, которые, по определению С. Лаутербаха, являются в лингвистике классической темой [217]. Речь здесь идет, с одной стороны, об исследовании внутренней структуры предложных конструкций, а с другой – об их функционировании в составе предложения. Эти аспекты будут рассмотрены подробнее с позиций генеративистики, юнктивной грамматики и теории валентности.

1.4.1. Проблема разграничения значений предлогов и значений падежей

Падеж представляет собой, по меткому определению Б. Ю. Нормана, одну из «самых грамматических» категорий в славянских языках [81, с. 253]. Вместе с тем, как отмечает автор, он отличается от таких грамматических категорий, как, например, число, род, определенность. Это отличие заключается в том, что падежи обладают как синтаксической, так и семантической функцией. Как грамматическое явление падежи представлены в языках самых разных типов, при этом точное их количество сложно определить. О. Есперсен характеризовал проблему следующим образом: «с одной стороны, между разными языками обнаруживаются в этом отношении [в отношении количества падежей – Л.Тарасевич] значительные различия, а с другой – сами понятия, выражаемые различными падежами, не являются в такой же мере отчетливыми, как, например, различие между единичностью и множественностью, между прошедшим, настоящим и будущим» [40]. Расплывчатость границ между синтаксической и семантической функциями, а также многообразие средств манифестации обуславливают сложность представления данной категории в лингвистической теории.

Основополагающие идеи теории падежей были заложены в трудах таких выдающихся лингвистов, как Е. Курилович, Р. О. Якобсон, В. Скаличка [65; 131; 252]. Значительный вклад в изучение рассматриваемого языкового явления сделан в рамках теории валентности и в генеративистике [116; 193; 276]. Проблемы, связанные с функционированием падежей в разных языках, и сегодня остаются важным

направлением лингвистических изысканий [25; 50; 77, 81; 139; 142; 228; 246]. В рамках данной работы мы рассмотрим аспекты, связанные с соотношением предлогов и падежей. Вопрос, подлежащий освещению, заключается в том, в какой степени при анализе предложной семантики должно учитываться значение падежа.

У предлогов и падежей наблюдается общность некоторых функций. Являясь средством осуществления синтаксической связи между членами предложения, падежи могут также выражать и семантические отношения, сходные с теми, которые обозначаются при помощи предлогов. При этом у падежей обнаруживаются самые разные средства манифестации в зависимости от типологических особенностей языка⁴. Считается, что в языках синтетического строя падеж представляет собой словоизменительную категорию и выражается в окончании имени, в языках аналитического строя падеж может выражаться сочетанием имени и предлога. Рассмотрим русский и немецкий языки с точки зрения способов выражения падежного значения.

В русском языке выделяется шесть падежей. Средством выражения падежа в русском языке как языке синтетического типа являются падежные флексии, присоединяемые к имени. Б. Ю. Норман считает точку зрения на падежную систему русского языка как на шестичленную «весьма условной и поверхностной» и предлагает ввести в ее состав «еще несколько десятков падежей с предлогами» [81, с. 254]. Автор обращает внимание на то, что ряд падежных значений в русском языке могут быть выражены только при помощи предлога. Например, значение комитатива у формы творительного падежа появляется только в том случае, если она выступает вместе с предлогом *с*. Не следует упускать из виду и тот факт, что один из падежей – предложный – уже в самом названии включает необходимость выражения при помощи предлога. С учетом вышесказанного вполне оправданной представляется точка зрения, согласно которой предлоги считаются составляющим элементом предложно-падежных форм и рассматриваются в совокупности [42; 65; 81].

Немецкий язык, по сравнению с русским, обладает большей степенью аналитичности. В нем падеж в большинстве случаев выражается не в пределах самого существительного, а в словоформе согласуемого с ним слова – артикля, местоимения, прилагательного. Исключения составляют родительный падеж существительных мужского и среднего рода, а также существительные, относящиеся к слабому и смешанному типу склонений. Следует отметить, что этот язык также обладает достаточно развернутой падежной системой, состоящей из четырех падежей. Как и в русском языке, эта система может быть дополнена рядом предложно-падежных форм, в частности, некоторые значения, выражаемые в русском языке только

---

⁴ В Лингвистическом энциклопедическом словаре отмечается, что падеж может задаваться порядком слов в предложении, интонацией, выражаться с помощью специальных аффиксов, предлогов и т.д.

падежными флексиями, в немецком языке передаются с помощью предлогов. К таким значениям относится, например, значение инструмента, которое в русском языке передается с помощью творительного падежа (*писать ручкой*), а в немецком – конструкцией с предлогом *mit* 'с' (*mit dem Kugelschreiber schreiben*). Таким образом, и для немецкого языка выделение предложно-падежных форм является шагом вполне логичным (ср. [1; 128; 192]).

Однако в настоящей работе речь пойдет не о предложно-падежных формах, а о предлоге. Тема падежа будет затрагиваться лишь в той степени, в какой это необходимо для описания предложной семантики. Обоснуем такой подход.

Теоретическим основанием для выбора предлога, а не предложно-падежной формы, в качестве исходной единицы анализа служит концепция падежей В. Скалички, изложенная в его работе «*Poznámky k teorii pádů*» (реферируется по [138, S. 88–92]). Согласно этой концепции, падеж представляет собой комплексное языковое явление, образуемое тремя составляющими: синтаксической, семантической, а также управлением. Синтаксическая составляющая выступает основной, в языках ее выражают, по меньшей мере, четыре падежа: именительный, родительный, дательный и винительный. Синтаксическая функция именительного, дательного и винительного падежей является результатом взаимодействия трех следующих компонентов:

а) акционального, когда обозначается состояние или действие; в этом случае при помощи падежей различаются агенс vs. актум / субъект vs. предикат, например, *Петр спит*, *Петр видит Павла*;

б) номинативной предикации, когда некоторый участок внеязыковой действительности представляется как часть другого, например, *Петр учитель*;

г) актуализации, когда к известному участку внеязыковой действительности присоединяется новый, например, *Петр видит учителя*.

Таким образом, названные падежи вместе с глаголами участвуют в предикации, поскольку помогают заполнять актантную рамку глагола. Функция родительного падежа усматривается в соединении между собой двух имен, которые обозначают разные участки внеязыковой действительности.

Семантическая составляющая падежа, его так называемое «самостоятельное значение», проявляется тогда, когда с помощью падежа в синтаксическую структуру высказывания вводится обстоятельство. Для этого могут использоваться как падежные флексии, например, в случае с обозначением инструмента при помощи творительного падежа, так и предложно-падежное сочетание, например, обозначение места при помощи предложного падежа.

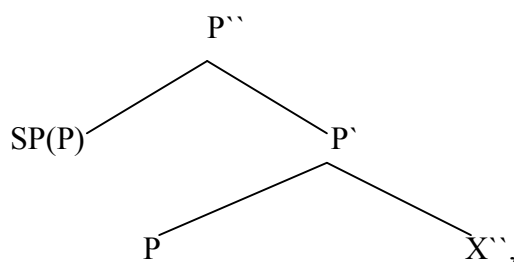
Управление как составляющая категории падежа заключается в различении управляемого и управляющего слова.

Ставя перед собой цель исследовать семантику пространственных предлогов, мы рассматриваем падеж только с точки зрения его синтаксических функций. Как было заявлено в § 1.2, мы разбираем те случаи, когда предлог управляет падежом и наиболее полно реализует свое лексическое значение; на них мы подробнее остановимся в § 1.4.3 при анализе подходов к исследованию семантики предлогов, основанных на теории валентности.

Не подлежит сомнению, что исследование условий реализации значения падежа во взаимосвязи со значением предлога представляет собой весьма интересную задачу, которая, однако, в силу своей объемности не может быть выполнена в рамках данной работы.

1.4.2. Внутренняя структура предложных конструкций

При исследовании внутренней структуры предложных конструкций в центре внимания находится связь между предлогом и другими элементами этих конструкций. Особенно интенсивно данная проблема рассматривалась в теории валентностей, а также в генеративистских течениях, в частности в рамках X-Bar-теории, Theta-теории и теории управления и связывания. Общим для этих теорий является положение, согласно которому в качестве составных частей предложной конструкции выступают предлог и субстантивная фраза, при этом грамматические свойства конструкции в значительной степени определяются предлогом. Предлогу приписывается головной статус в предложной конструкции (head), обобщенно ее базисная структура выглядит следующим образом [141, p. 3]:

где P' – первая проекция предлога P; P'' – вторая проекция P, которая возникает в результате комбинации P' и P-спецификатора SP(P); X'' – максимальная проекция субстантивной фразы N. Примерами SP(P), согласно М. Бирвишу, могут служить такие выражения, как *sehr weit* 'очень далеко' и *hoch oben* 'высоко вверху' в конструкции *sehr weit vor der Tür* 'очень далеко за дверью' и *hoch oben über der Tür* 'высоко вверху над дверью'. При этом автор отмечает, что природа спецификатора представляет собой одну из самых сложных проблем анализа предлогов с пространственным значением, поскольку вид SP(P) влияет на внутреннюю структуру предложной конструкции.

Включенная в высказывание, предложная конструкция играет одну из трех ролей – роль *предиката*, *аргумента* или *модифицирующего адъюнкта*. Примеры для каждой из названных синтаксических ролей приведены в (1), (2) и (3):

(1) *Er ist in der Schule* ‘Он в школе’.

(2) *Der Brief liegt auf dem Tisch* ‘Письмо лежит на столе’.

(3) a. *Ich kaufe das Buch in Berlin* ‘Я куплю книгу в Берлине’.

b. *eine Brücke über die Moldau* ‘мост через Влтаву’.

В (1) предложная конструкция играет роль предиката, в (2) – аргумента, в (3a) и (3b) – модифицирующего адъюнкта.

Наиболее активно, на наш взгляд, предложная проблематика разрабатывалась в рамках теории *валентности*, которая основывается на концепции Л. Теньера [266].

Согласно теории валентности, предлог управляет существительным, определяя его падеж, т.е. управляет падежом. Поскольку в синтагмах, управляемых предлогом, зависимое существительное находится с правой стороны, говорят о правой, или активной, валентности предлога. Левая валентность является, соответственно, пассивной, поскольку она замещается элементом, который сам управляет предлогом [17]. М. Краузе обращает внимание на интересное явление в области синтаксиса предлогов в немецком языке – возможность исключения из поверхностной структуры предложения субстантивной фразы, так что правая валентность предлога остается незаполненной [210]:

(4) *Er hat nur einen dünnen Mantel über* ‘На нем только легкое пальто’ (дословно⁵: ‘Он имеет только легкое пальто поверх’).

И. М. Богуславский, со своей стороны, указывает на то, что и левая, пассивная валентность предлога может оставаться незаполненной, как например, в заглавиях типа *после битвы* [17].

Способность предлога управлять падежом существительного позволила ряду авторов провести параллель с аналогичным свойством глагола. На этом основании предлоги и глаголы рассматривают как сопоставимые языковые элементы [31; 154; 221] и относят к одному общему классу – классу предикатов [209].

1.4.3. Синтаксические функции предложных конструкций

С помощью левой, пассивной, валентности предложная конструкция синтаксически «вовлекается» в высказывание, на поверхности которого она выступает в трех своих основных функциях: как *предложное обстоятельство*, *предложное дополнение* или *предложное определение*⁶.

⁵ Здесь и далее мы используем дословный или, по определению С. Денгшерц, зеркальный перевод как средство выявления структурных особенностей языка [157].

⁶ Некоторые исследователи (например, [197, S. 18–22; 231]) предлагают единообразный подход к анализу предложных конструкций и рассматривают все их синтаксические типы как предикаты.

В функции предложного обстоятельства предложные конструкции обладают определенной автономностью: они могут исключаться из высказывания без ущерба для грамматической целостности, а также разворачиваться в самостоятельное высказывание. Х.-В. Эромс иллюстрирует это положение следующим примером [174, S. 120]:

(5) *Karl liest das Buch auf dem Sofa*. ‘Карл читает книгу на диване’.

Предложная конструкция *auf dem Sofa* ‘на диване’ может быть опущена – *Karl liest das Buch* ‘Карл читает книгу’; развертывание в самостоятельное высказывание можно представить как *Karl liest das Buch. Das geschieht auf dem Sofa*. ‘Карл читает книгу. Это происходит на диване’. И, тем не менее, предложные конструкции в роли обстоятельства не обладают коммуникативной автономностью. В базисной модели валентности предложной конструкции Х.-В. Эромса ее связи в предложении представлены в схеме (рис. 1).

(5) *Karl liest das Buch auf dem Sofa*.

(5') <Karl>

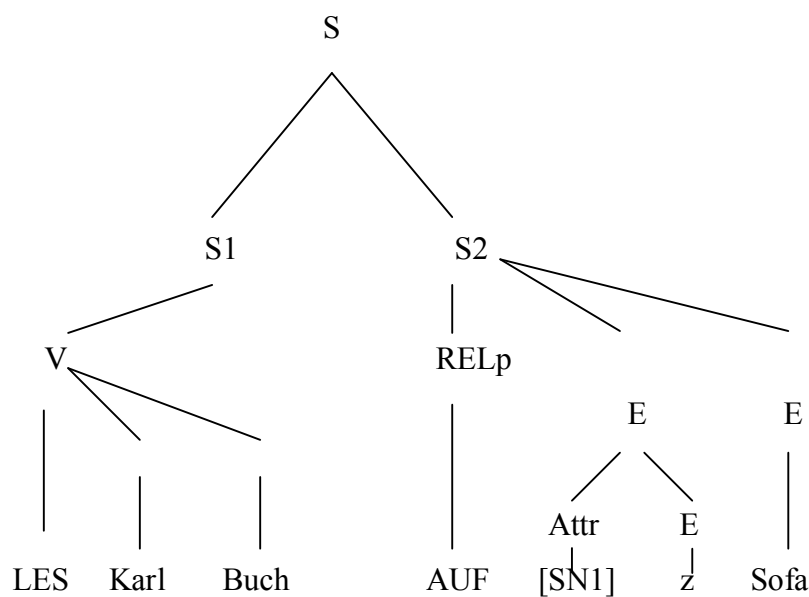

Рис. 1. Схема валентности предложной конструкции

Предложение в данной схеме состоит из двух пропорциональных частей – S1 и S2. Вершину части S1 образует глагол, вершину S2 – предлог. Таким образом, предлогу в адвербиальных предложных конструкциях принадлежит главенствующая роль, поскольку он не только вводит в предложение номинативную конструкцию, но и определяет семантическое наполнение связи. Это положение легло в основу многих последующих работ по семантике предлогов; в них предлоги исследовались в адвербиальных конструкциях [127; 137; 249]. Согласно этим работам,

значения адвербиальных предложных конструкций – пространственные, временные, причинные, цели и др. – определяются предлогом. То есть если один и тот же предлог выступает в различных типах обстоятельственных конструкций, говорят о его пространственном, временном, причинном, целевом и других значениях⁷.

Предложные дополнения, в отличие от предложных обстоятельств и определений, не привлекли к себе столь пристального внимания лингвистов. В конструкциях с функцией дополнения предлог рассматривается как атрибут управления, который в большинстве случаев не имеет собственного значения и является как бы семантически опустошенным. Предложное дополнение подчинено глаголу, от последнего зависит выбор предлога. Что касается синтаксиса предложных конструкций данного типа, то здесь внимание исследователей концентрируется в основном на двух проблемах: 1) дефиниция предложных дополнений; 2) отграничение предложных дополнений от предложных обстоятельств. Необходимость решения второй задачи вызвана тем, что дополнения получают свою дефиницию в противопоставлении обстоятельствам, в то время как между ними не существует четких границ, наблюдается целый ряд смежных и переходных случаев [147, S. 266]. Наиболее обстоятельную разработку данных проблем находим у Г. Конюшанец [209] и Х.-В. Эромса [175].

Основным признаком для разграничения синтаксических ролей дополнения и обстоятельства для предложных конструкций эти авторы называют ограниченную возможность замены предлога в предложных дополнениях (например, *принимать участие в*, но не *на* или *под*). Дальнейшими признаками, согласно Х.-В. Эромсу, являются следующие:

а) анафоризация, или постановка вопроса к таким конструкциям, возможна лишь с использованием того же предлога (*отказываться от: от чего, от этого, от того*); б) возможность замещения предложного дополнения придаточным предложением (*Он рассчитывает на выигрыш. – Он рассчитывает на то, что выиграет*). (Ср. также [217, S. 7]).

Отграничив таким образом область исследования, авторы пытаются решить следующие вопросы:

1) Насколько прозрачным остается значение предлога в дополнениях и насколько мотивировано его употребление?

2) В чем заключается специфическая синтаксическая роль предложных объектов?

Что касается первого вопроса – значения предлога – то здесь специальных исследований не проводилось, потому что «исходное значение предлога в своей абстрактной форме частично может объяснить употребление определенного предложного дополнения»⁸ [175, S. 43].

---

⁷ Подробно на исследованиях адвербиальных предложных конструкций мы остановимся в п. 3.1.

⁸ Здесь и далее мы даем собственные переводы цитируемых зарубежных первоисточников.

Отвечая на второй вопрос, Х.-В. Эромс приходит к выводу, что предложные дополнения дают возможность «сжимать» высказывания и вводить в предложение дополнительный предикат. Данное свойство представлено на рис. 2.

Нельзя не учитывать тот факт, что предложные дополнения в ходе языковой эволюции постепенно приходят на смену падежному присоединению номинативной группы. Так, в немецком языке данный процесс ярче всего наблюдается на примере родительного падежа – *sich einer Sache erinnern* – *sich erinnern an* ‘вспоминать о чем-либо’. Обращает на себя внимание тот факт, что в предложных дополнениях встречаются, главным образом, первообразные предлоги.

(6) *Wir freuen uns über Wolfgangs Erfolge* ‘Мы радуемся успехам Вольфганга’.

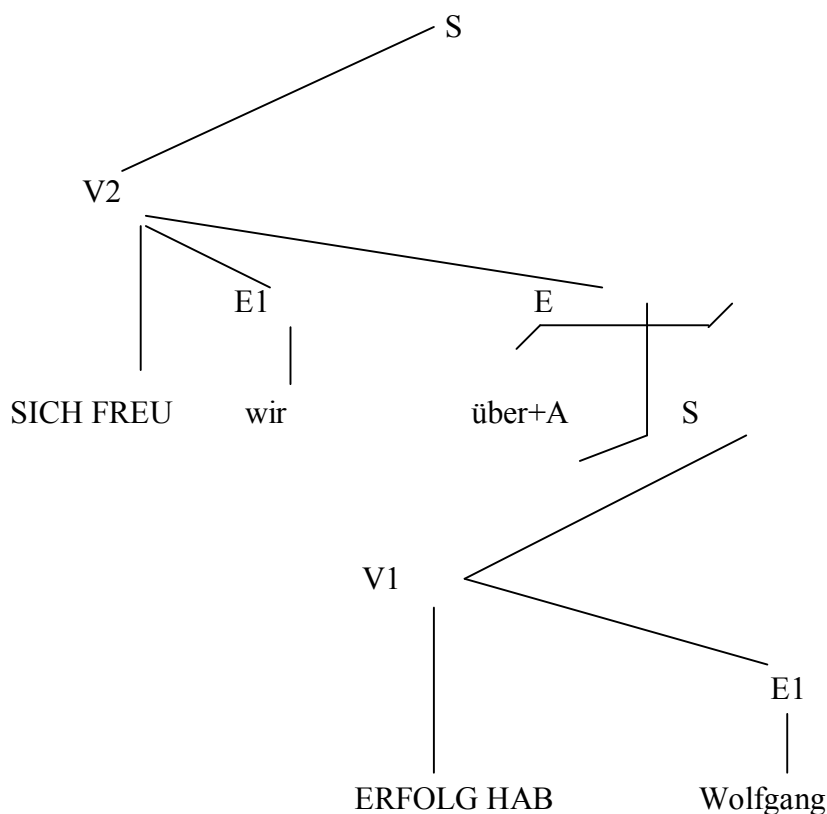

Рис. 2. Схема ввода в предложение дополнительного предиката [174, S. 315]

Предложные конструкции в синтаксической функции определений или атрибутов, напротив, вполне поддаются отграничению. Так, если предложные обстоятельства уточняют пространственные, временные, причинные и другие рамки события, выражаемого, как правило, глаголом, предложные атрибуты относятся к существительным. Согласно Г. Хельбигу и Й. Буша [192, S. 592–594], а также В. Г. Адмони [1, с. 139–140],

предложные определения образуются путем синтаксической деривации от предложных дополнений (например, *hoffen auf den Frieden* ‘надеяться на мир’ – *Hoffnung auf den Frieden* ‘надежда на мир’) и обстоятельств (например, *Er geht im Park spazieren. Das macht er mit Spaß* ‘Он идет гулять в парке. Это доставляет ему удовольствие’. – *Der Spaziergang im Park macht ihm Spaß* ‘Прогулка в парке доставляет ему удовольствие’). Как уже отмечалось выше, предлоги в конструкциях с функцией дополнения, а следовательно и в образованных от таких конструкций предложных атрибутах, характеризуются как семантически опустошенные. Семантическому анализу, соответственно, подвергаются предлоги в определениях, образованных из адвербиальных конструкций. Среди основных трудов, посвященных проблематике предложных атрибутов в немецком языке, следует назвать фундаментальное исследование Х. Г. Дроопа [162], а также работы С. Лаутербаха [217] и Ф. Шанена [244].

Центральная проблема, которую рассматривает Х. Г. Дрооп, – это проблема отграничения предложных атрибутов. Он предлагает следующие синтаксические трансформации, с помощью которых можно отличить предложные конструкции в функции определения:

1) постановка в предложении на первое место перед глаголом: *Am Bahnsteig 2 hält der Zug aus Köln* ‘У второй платформы останавливается поезд из Кёльна’. – *Der Zug aus Köln hält am Bahnsteig 2* ‘Поезд из Кёльна останавливается у второй платформы’. Но: *Paul kommt im Januar nach München* ‘Павел приедет в январе в Мюнхен’. – **Nach München im Januar kommt Paul* ‘В январе в Мюнхен приедет Павел’⁹;

2) разъединение: атрибутивно употребленная предложная конструкция может занимать позицию только рядом с определяемым существительным: **Der Zug hält am Bahnsteig 2 aus Köln*. ‘Поезд останавливается у второй платформы из Кельна’.

Кроме этого, признаками атрибутивных предложных конструкций являются возможность их трансформации в придаточные определительные, а также возможность их исключения без нарушения грамматической целостности предложения: *Der Zug ... hält am Bahnsteig 2*. ‘Поезд ... останавливается у второй платформы’. Х. Г. Дрооп разработал также семантическую классификацию предложных атрибутов, которая в основных своих чертах совпадает с классификацией предложных обстоятельств.

С. Лаутербах особое внимание уделяет внутренней структуре атрибутивных предложных конструкций, исходя из юнктивной модели предложения Х. Вайнриха в работе «*Textgrammatik der französischen Sprache*» [273]. Суть данной модели состоит в том, что между элементами

---

⁹ Перевод примера на русский язык показывает, что данная трансформация, в результате которой соответствующее немецкое предложение становится неграмматичным, показательна только для языков со строго регламентированным порядком слов, каким является немецкий язык.

текста в их взаимной детерминации существуют связи – юнкции. Каждая юнкция состоит из определяемого главного элемента – базиса – и определяющего элемента – адьюнкта. Базис соединяется с адьюнктом при помощи юнктора. В случае с определениями роль юнктора выполняют падежные окончания или предлоги (рис. 3). Разницу между определением в родительном падеже и атрибутивной предложной конструкцией С. Лаутербах видит в том, что падежная юнкция синтетична, в то время как предлог выступает в предложении автономно и привносит свое лексическое значение в общую семантику атрибута.

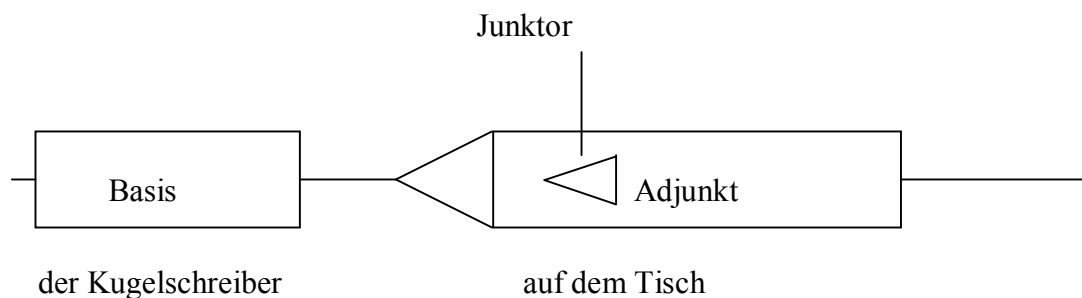

Рис. 3. Схема юнктивной модели предложной конструкции

Ф. Шанен предлагает комплексный, в его терминологии, молекулярный метод анализа предложных конструкций «справа от имени», т.е. атрибутивных. Такой анализ, по его мнению, может служить программой для дальнейших исследований конструкций данного типа. Основой для исследования, согласно Ф. Шанену, служат *два триединства*, исходя из которых следует рассматривать предложные конструкции в их синтаксической функции атрибута. Это триединство грамматической, функциональной и семантической связи внутри конструкции, а также триединство формально-логических типов реляций: подчинительная, сочинительная связь и примыкание [244, S. 102]. Первое триединство обуславливает комплексный подход к анализу атрибутивных предложных конструкций независимо от их происхождения – из дополнительных или обстоятельственных. Аtribuтивные предложные конструкции также должны рассматриваться не как сокращенные или компрессированные (сжатые) предложения (ср. [175]), а как не полностью развернутые высказывания, причем степень развернутости конструкции определяется коммуникативными целями. Второе триединство подразумевает уточнение понятия атрибутивного отношения.

Сравнивая постановку проблем и результаты исследования предложных конструкций в их синтаксических функциях, с точки зрения предлога, необходимо отметить, что независимо от синтаксического типа все предложные конструкции обладают общими свойствами:

1) они являются включенными предикатами, причем возможность сокращения или неполного развертывания обеспечивается за счет предлога;

2) в основе семантических отношений внутри конструкции лежит значение предлога, которое отличается большей или меньшей степенью абстрактности.

Следует учитывать, что одна и та же предложная конструкция может выполнять в высказывании разные синтаксические функции. Ее синтаксический статус определяется лексическим значением не только предлога, но и всех использованных элементов, а также коммуникативным намерением говорящего [109, с. 70].

1.5. Подходы к исследованию семантики предлогов

Активизация семантических исследований предлогов связывается со стремительным развитием когнитивной лингвистики, с одной стороны, и с практическими нуждами компьютерной лингвистики и методики преподавания, с другой.

Исследования, проводимые в рамках компьютерной лингвистики в конце 60-х и в 70-е годы прошлого века, имели главным образом статистический характер. Предлоги в корпусах текстов выделялись по их ближайшему окружению. Таким образом устанавливалась употребительность различных предлогов и предложных конструкций (см. [3; 44]). Статистические исследования позволили получить представление о реальном употреблении предлогов в текстах с различной тематикой, но они не решали многих теоретических и практических проблем: частотные списки предлогов и предложных конструкций не позволяли в удовлетворительной степени оптимизировать автоматический анализ и синтез текста [75]. При преподавании значительная часть случаев употребления предлогов обозначалась термином *управление* и подлежала механическому заучиванию [106, с. 16; 145, S. 173–174; 261, S. 6]. Практические нужды в немалой степени способствовали развитию семантических исследований, в которых ученые пытаются ответить на вопрос, что же представляет собой значение отдельно взятого предлога и какова его структура? Неоднократно лингвисты предпринимали попытки создать модель структуры предложного значения и представить ее в формальном виде. Работы, имеющие, с нашей точки зрения, теоретическое значение, рассмотрены ниже.

1.5.1. Композиционные модели семантики предлогов

Компонентный анализ является одним из наиболее распространенных методов в лингвистике, особенно прочно он утвердился в семантических исследованиях и даже считается основным методом раскрытия семантики слова [5; 119]. Результатом применения данного метода для исследования

предложного значения явились различные композиционные модели, в которых семантика предлогов представляется в виде комбинации ее элементарных составляющих – сем. Наиболее известны среди таких моделей композиционная модель Г. Бартельса и Б. Тарновой [137], композиционно-семантическая модель Й. Шредера [248; 249] и матрица семантических признаков Х.-В. Эромса [174].

Композиционная модель Г. Бартельса и Б. Тарновой представляет собой усовершенствованный вариант более ранней модели Г. Бартельса [136]. Она основывается на следующих теоретических положениях: *словарь (Wortschatz)* является частью естественных языков. Это «абстракция из множества индивидуальных реализаций знания словаря, существующих в языковом знании каждого индивидуального пользователя языка»¹⁰ [137, S. 17]. В словаре фиксируются словарные единицы, при этом единица считается зафиксированной в словаре, если она употребляется в одном и том же или сходном значении многими пользователями языка в разных ситуациях. Три вида значений образуют содержательное наполнение словарных единиц: *объектная семантика*, *семантика текстуализации (Vertextungssemantik)* и *коммуникативная семантика*¹¹. Под объектной семантикой подразумевается собственно лексическое значение словарных единиц; семантика текстуализации служит для интеграции отдельных словарных единиц в высказывание, а коммуникативная семантика задает условия (правила) использования словарных единиц в конкретных коммуникативных ситуациях. Структуру словаря образуют классы слов, которые обладают соответствующей семантикой, т. е. семантикой класса слов. Каждый вид семантики также представляет собой систему и состоит из элементов. Эти элементы подобны строительным камням; как следствие, семантическая структура каждой словарной единицы является результатом комбинирования этих элементов – строительных камней. На основании выполняемой функции предлоги вместе с союзами относятся к одному классу слов, который получает название *соотносящие слова (Beziehungswörter)*. Каждый вид семантики состоит из сем, специфичных для каждого класса слов; для относительных слов классообразующей семой является сема ‘отношение’: «между X и Y существует отношение, которое специфицируется другими семами» [137, S. 149]. Предлагается и список сем в соответствии с видом семантики – 67 *объектных сем*, 15 *текстуальных* и 3 *коммуникативных*. Объектные семы устанавливают содержательное наполнение слова; текстуальные семы объединяют такие признаки, как управляемый падеж, время, лицо и т. д.; коммуникативные семы определяют стиль (исторический, официальный, поэтический). Так как количество объектных сем для соотносящих слов слишком велико, чтобы поместить

---

¹⁰ „eine Abstraktion aus der Vielzahl der im Sprachwissen der individuellen Sprachbenutzer existierenden individuellen Ausprägungen des Wortschatzwissens“.

¹¹ Автор употребляет термины *значение* и *семантика* синонимично.

весь список в данной работе, мы приводим лишь некоторые из них в качестве примера [там же, S. 149–157]:

ADDIEREND

X и Y объединяются в одно целое

ADVERSATIV

X и Y находятся в отношении противопоставления, которое исключает действительность либо X, либо Y, так что оба соотносимых объекта являются вариантами для исключения

AGENSBEZEICHNEND

Y является агенсом некоторого события

Семантика соотносящих слов связывается непосредственно с внеязыковой понятийной пропозицией, которая представляется как логическая функция выражения $R(x, y)$. Значения предлогов возникают как результат всех возможных комбинаций сем, составляющих приведенные выше виды значений. В целом модель контекстуально-дескриптивная, поскольку семы-«строительные камни» обнаруживаются и описываются на основании контекста. Упрощенный подход к семантической структуре предлогов, при котором значение предлога равняется простой сумме некоторого количества сем, является, с нашей точки зрения, основным недостатком данной модели.

Модель Й. Шредера [248; 249] строится на основании контекстуального анализа употребления предлогов в адвербиальных предложных конструкциях. Эта синтаксическая обусловленность семантического анализа предлогов получает следующее обоснование: степень семантической конкретности (или прозрачности) предлога зависит от типа синтаксической конструкции, в которой он употребляется. Выделяются два типа синтаксических конструкций с предлогами – *вербальные* и *субстантивные*. В большинстве вербальных конструкций предлоги выражают очень абстрактное, семантически опустошенное отношение, которое можно рассматривать как отношение обязательного информационного заполнения, например, *arbeiten an* ‘работать над’, *denken von* ‘думать о’ и т. д. В таких конструкциях глагол управляет предлогом, который определяет падеж существительного в конструкции:

(7) *Er horcht auf das Geräusch* ‘Он прислушивается к шуму’.

Субстантивные предложные конструкции подразделяются на устойчивые и свободные. Для устойчивых конструкций характерны немотивированность и полная или частичная незаменимость составляющих. В свободных предложных конструкциях, напротив, предлоги соотносят элементы между собой таким образом, что это отношение превалирует над грамматическими рамками и предлог определяет семантику всей конструкции:

(8) *Sie saß vor (neben, hinter, mit) ihm* ‘Она сидела перед (возле, за, с) ним/него’.

По этой причине анализу подлежат предлоги только в свободных субстантивных конструкциях, которые в предложении выступают в роли обстоятельства (по этой проблеме см. также [144]). Согласно Й. Шредеру, значение предлога представляет собой комплекс сем, упорядоченных в иерархии. Классообразующей (так же, как и в [137]) выступает сема ‘отношение’. Предполагается, что семантика предлога включает семы, которые позволяют ему выступать в конструкциях с различными существительными. Это такие семы, или конституирующие семантические признаки, как ‘lokal, temporal, kausal, modal, konditional, konsekutiv, konzessiv, final, instrumental’ и др. В отношении «предлог – существительное» выбор предлога определяется семой, которая активируется в значении существительного в каждом конкретном случае. Так, для предлога *vor* в выражениях

(9) *Das Taxi fährt vor dem Standesamt* ‘Такси проезжает перед загсом’

и

(10) *Die Grenze läuft hier vor dem Wald* ‘Граница проходит здесь перед лесом’.

постулируется следующая семантическая структура: *vor* [+loc, +stat, +plan, +vertical, +front, +spezial] [248, S. 209–211]. Как следует из этой структуры, наряду с конституирующей семой +loc и семой +stat, которая обозначает стативное состояние (следует из дательного падежа), в структуру семантики предлога *vor* входят еще и такие семы, как +plan ‘поверхность’, +vertical ‘вертикальное расположение поверхности’, +front ‘фронтальная сторона объекта’ и +spezial ‘определенный порядок в пространстве, который возник в результате соотнесения объектов’. Сема +spezial входит в структуру многих предлогов с пространственным значением (например, *auf, in, an, entlang* и др.).

С выделением в семантической структуре таких сем, как +plan и +vertical, предлогу *vor*, точно так же, как и предлогам *an* и *auf*, приписывается способность дифференциации между вертикальной и горизонтальной поверхностью. Такой подход подвергается критике, поскольку *vor* способен употребляться как с вертикально расположенными объектами (*Wald* ‘лес’, *Standesamt* ‘загс’), так и с горизонтально расположенными (*Bühne* ‘сцена’, *Wiese* ‘луг’) [261, S. 29]. Сема +vertical обусловлена, следовательно, не значением предлога, а знанием о пространственной организации объектов и не входит в семантику соответствующего предлога. Получается, что дифференцирующей семой для *vor* выступает только сема +front. Й. Шредер обращает внимание на выражения типа

(11) *Der Straßenbahn hält vor dem Bahnhof* ‘Трамвай останавливается перед вокзалом’

и

(12) *Der Zug hält vor dem Bahnhof* ‘Поезд останавливается перед вокзалом’.

В этих примерах *vor*, употребляясь с наименованием одного и того же пространственного объекта – *Bahnhof* ‘вокзал’, указывает на разные пространства локализации. В (11) это – пространство перед фронтальной стороной вокзала, в (12) – пространство перед въездом на территорию вокзала. При помощи композиционной модели подобные случаи употребления предлогов объяснить не удастся, им приписывается конвенциональный характер.

Из сказанного вытекает и главный недостаток рассматриваемой модели: значению предлога приписываются значения наименований соотносимых с его помощью объектов или вообще знания о мире, о типичном расположении предметов по отношению друг к другу.

Х.-В. Эрмс предложил модель семантики немецких предлогов, которую он назвал «матрица семантических признаков» (*semantische Merkmalmatrix*). Эта матрица включает семантические признаки предлогов, которые репрезентируют значение последних, а не ингерентные свойства существительных [174, S. 149]. Немецкий лингвист анализирует 29 предлогов в свободных, нефиксированных конструкциях. Идиоматичные употребления и случаи управления не рассматриваются. Для анализируемых предлогов было выделено 17 семантических признаков (например, ‘KONTAKT, VECTOR, EINWIRKUNG, NUTZEN, DAUER, TRENNUNG’ и т. д.). По заданным признакам каждый из выбранных предлогов получил положительную (+) или отрицательную (–) характеристику¹². В результате Х.-В. Эрмс, по нашему мнению, весьма точно передал сущность того феномена, который Ф. де Соссюр назвал «значимостью», – отношение знака к другим знакам в системе: предлог обозначает специфическое отношение, возникающее из оппозиции к другим предлогам в предложной системе данного языка. В этой квалификации отражено основное свойство организации семантики предлогов – ее системность, поскольку значение каждого отдельного предлога выделяется только относительно других представителей данного класса слов.

В целом с помощью композиционных моделей продемонстрировано наличие у предлогов собственного лексического значения, показана сложность его организации. Однако с помощью композиционного подхода не удалось ответить на многие вопросы, например, каково количество релевантных семантических признаков предлогов и поддается ли их число объективному ограничению? Каковы механизмы образования новых значений предлога и изменения его падежного управления? Какие факторы обуславливают выбор предлога при вербализации пространственных отношений?

---

¹² Вся матрица слишком объемна, чтобы мы могли привести ее здесь в качестве примера, см. [174, S. 150].

Другой проблемой композиционного подхода оказывается разная степень абстрактности-конкретности сем, с помощью которых описываются значения. Возникает принципиальный вопрос об основаниях выделения сем, образующих значение предлога. Фактически отсутствует типология таких сем, а характер и набор сем, выделяемых разными авторами для одних и тех же предлогов, существенно отличается. В работах по композиционной семантике предлогов общее число семантических признаков колеблется от 17 до 203, (ср. [122, с. 16–18; 137; 174; 248]). На это в свое время обращал внимание Н. Райтер [237]. Кроме того очевидно, что выделяемые семы, каково бы количество их ни было, не могут свободно комбинироваться говорящим для получения нужного значения,

Создание типологии пространственных отношений, отраженных в семантике предлогов, оказывается весьма нетривиальной задачей. В рамках когнитивной лингвистики, где эта проблема разрабатывалась активнее всего, предлагаются два способа ее решения. Первый – это представление семантики предлога в наглядно-образном виде [83; 88; 102; 156; 159; 198 и др.]. Второй – обоснование признаков, выделяемых в композиционных исследованиях, с помощью когнитивных моделей пространства, имеющих те или иные рефлексии в системе языка. В обзорной статье к сборнику «Исследования по семантике предлогов» представлены различные наглядно-образные схемы [115], поэтому мы остановимся только на описаниях предлогов в прототипической семантике, менее известных отечественному читателю. Когнитивные модели пространства разбираются подробно, поскольку они служат методологической предпосылкой данной работы.

1.5.2. Прототипические модели семантики предлогов

Когнитивная семантика исследует способы представления знаний в языке и сознании, проблему соотношения семантики и концептуальных структур. Две главные гипотезы легли в основу семантических моделей, получивших название *одноступенчатой* и *двухступенчатой*. Первая из них служит теоретической базой для прототипических исследований семантики предлогов.

Согласно данной модели, семантика и концептуальные структуры являются идентичными сущностями, разницы между языковым знанием и знанием о мире не существует [1203]. Язык рассматривается как явление, сопутствующее познанию, а языковое знание ставится в один ряд с концептуальным знанием (знания о мире, опыт) [176, S. 155].

Одно из важнейших направлений исследований когнитивной семантики – это выявление принципов организации ментального лексикона и классификации по категориям его составляющих – концептов. Термин *категория* в когнитивной семантике понимается, вслед за Л. Витгенштейном [277], как совокупность единиц, связанных между собой по принципу фамильного родства. Пример такой связи со словом *игра*, который приводит

Л. Витгенштейн, стал классическим в литературе. Э. Рош и К. Мэрвис выдвинули гипотезу, получившую название теории *прототипов*, о том, что организация языковых категорий имеет ступенчатый характер, а ее представители не являются равноценными: выделяются «лучшие», центральные представители категории, которые именуются прототипами [241; 242]. Объединение в категорию «птицы» таких внешне несхожих между собой объектов, как малиновка, пингвин, страус, курица и киви, возможно потому, что они обладают некоторыми общими признаками, релевантными для данной категории. Всего авторы выделяют семь таких признаков для птиц – могут летать, имеют оперение, крылья, клюв, перевернутую S-образную форму, не одомашнены, кладут яйца. Из вышеперечисленных представителей рассматриваемой категории только малиновка обладает всеми семью признаками, поэтому она является прототипическим представителем категории (подробнее см. [261, S. 39]).

Принцип прототипичности переносится и на организацию семантики таких широкозначных языковых единиц, как предлоги. В теории прототипов предполагается, что за значением каждого предлога стоит типичное пространственное отношение между объектами, которые характеризуются рядом конститутивных признаков [156, p. 68]. При дальнейшем использовании предлогов происходит отклонение от прототипического употребления, когда при описании некоторой ситуации один или несколько признаков опускаются или замещаются как несущественные.

В число наиболее цитируемых работ по прототипической семантике предлогов входят исследования А. Герсковитс [198], П. Готтенрот [201], К. Ванделуаза [267], а также Х. Кюкенса [156] (по этому вопросу см. также [13, с. 65–67]). Что касается первых трех авторов, то они достаточно известны на постсоветском пространстве, и их исследования подробно описаны, например, в обзорной статье М. Ф. Филиппенко к сборнику «Исследования по семантике предлогов» [115]. Кроме того, в аналитических работах отмечается, что данные авторы несколько отклоняются от чисто прототипической модели и прибегают к функциональным и геометрическим понятиям [115, с. 19–21; 183, S. 61–65]. По этой причине мы остановимся только на исследовании Х. Кюкенса, разработавшего семантическую структуру по классической прототипической модели для голландского предлога *in* ‘в’ [156]. Анализу подвергнется также менее известная работа С. Вандемеерен, в которой предложена прототипическая модель семантики немецкого предлога *in* ‘в’ [268]. Рассмотрение именно этих двух трудов представляет интерес, с нашей точки зрения, по следующей причине: хотя в них строятся прототипические модели для коррелирующих голландского и немецкого предлогов, авторы принимают в качестве основы разные параметры. У Х. Кюкенса такой основой служит регион локализации, задаваемый объектом и активизируемый при помощи предлога, у С. Вандермеерен – конфигурация локализуемого объекта. Как следствие,

обе модели, с нашей точки зрения обладают разной объяснительной силой, что будет продемонстрировано ниже.

Х. Кюкенс определяет отношения, обозначаемые предлогом, как профилируемые отношения между двумя сущностями – *ландмарком* (*landmark* – LM) и *траектором* (*trajektor* – TR). Термины *ландмарк* и *траектор* восходят к когнитивной грамматике Р. В. Лангакера [215; 216] и обозначают локализуемый объект и объект, в отношении которого происходит локализация, т. е. *релятум* соответственно¹³.

Часть пространства, профилируемого предлогом, получает у исследователя название *активная зона*. Предлог *in* служит для обозначения отношения COINCIDENCE, в рамках которого TR занимает часть активной зоны LM, а она определяется предлогом. Х. Кюкенс демонстрирует невозможность единого определения активной зоны (региона локализации) предлога *in* при помощи следующих примеров:

(13) *De vaas staat in de kast* ‘The vase is in the cupboard’.

(14) *Hij werd levend begraven in de muur* ‘He was buried alive in the wall’.

(15) *Zij redden in de mist* ‘They were driving in the fog’.

(16) *Ze zaten met hun benen in het zand* ‘They were sitting with their legs in the sand’.

(17) *De kinderen stonden in de cirkel/het vierkant* ‘The children were standing in the circle/the square’.

(18) *We maakten een tocht in de woestijn* ‘We made a trip in the desert’.

Подобно признакам, релевантным для отнесения объекта к категории «птицы» у Э. Рош, Х. Кюкенс выделяет восемь релевантных характеристик активной зоны предлога *in*: 1) трехмерность (*three-dimensional*); 2) наличие четких границ (*bounded*); 3) неоднородность (*porous*); 4) однородность (*non-porous*); 5) отсутствие четких границ (*vaguely bounded*); 6) двухмерность (*two-dimensional*); 7) LM функционирует в качестве контейнера (*LM functions as a container*); 8) наличие отношения COINCIDENCE (TR, LM). Шесть из восьми перечисленных признаков являются взаимоисключающими и, соответственно, не могут реализоваться в одной и той же комбинации. Это означает, что максимально возможное количество одновременно реализуемых признаков активной зоны равняется пяти: функция контейнера представляется возможной, а отношение COINCIDENCE (TR, LM) – обязательным. Исследователь приводит примеры комбинаций вариативных признаков, характеризующих активные зоны предлога:

1а. Трехмерная, неоднородная, ограниченное пространство, функционирует в качестве контейнера:

(19) *De kinderen zitten in de auto* ‘The children are in the car’.

1б. Трехмерная, неоднородная, имеет четкие границы, не функционирует в качестве контейнера:

---

¹³ Понятия *ландмарка* и *траектора* сопоставимы с понятиями *фона* и *фигуры* у Г. Миллера и П. Н. Джонсон-Лэрда [226] и Л. Талми [258], *локализуемого* и *локализующего объектов* у В. Грисхабера [183].

(20) *De man lag te slapen in de goot* 'The man was sleeping in the gutter'.

2а. Трехмерная, однородная, имеет четкие границы, функционирует в качестве контейнера:

(21) *De nagels zitten in de plank* 'The nails are in the board'.

2б. Трехмерная, неоднородная, имеет четкие границы, не функционирует в качестве контейнера:

(22) *Hij voelde een scheut van pijn in zijn vinger* 'He felt a twinge of pain in his finger'.

3. Трехмерная, неоднородная, не имеет четких границ в пространстве:

(23) *de vogels in de lucht* 'the birds in the air'.

4. Трехмерная, однородная, не имеет четких границ в пространстве:

(24) *Alle vissen zwemmen in het water* 'Fish swim in water'.

5. Двухмерная, с четкими границами:

(25) *Hij woont in Duitsland* 'He lives in Germany'.

6. Двухмерная, не имеет четких границ.

(26) *Er is hier geen supermarkt in de buurt* 'There is no supermarket in the neighbourhood'.

Сеть, которую образуют рассмотренные комбинации признаков, представлена на рис. 4. Прототипичными употреблениями предлога *in* автор называет примеры типа (13) и (15), поскольку они объединяют максимальное количество возможных признаков. Таким образом, Х. Кюкенс наглядно демонстрирует сложность пространственной семантики предлога, однако на материале его исследования становится очевидным, что все способы употребления предлога несводимы к одному, прототипическому. Автор сам выделяет два прототипа для предлога голландского предлога *in*, для других предлогов может выделяться другое количество прототипических употреблений. Например, В. А. Плунгян и Е. В. Рахилина выделяют три таких типа для предлога *под* в русском языке [88].

С. Вандермеерен исходит из априорного прототипического значения предлога *in*, которое определяется следующим образом: значение *in+Dat.* предполагает, что два объекта находятся между собой в таких пространственных отношениях, когда один объект, обладающий внутренним пространством, вмещает в себе другой объект. Исследователь отмечает, что этот тип отношений является частью пространственного опыта, который приобретается еще в детстве. Значение *in+Akk.* является результатом опыта директивно-пространственных отношений, когда одни объекты перемещаются во внутреннее пространство других. Последние, соответственно, выступают по отношению к первым вместилищами. Остается выяснить, какие же объекты имеют внутреннее пространство и что оно собой представляет.

Автор исследовала дистрибуцию предлога *in* с наименованиями объектов, среди которых были выявлены «типичные» вместилища, такие как здания и их части, предметы мебели и одежды, полые части тела, средства передвижения. Использование данного предлога по отношению к

наименованиям объектов, имеющих другую конфигурацию – наименованиям стран, регионов, улиц, неполных частей тела и других – она трактуется как расширения (Ausdehnungen) концепта ВМЕСТИЛИЩЕ. Если эти расширения остаются в пространственной области, то они относятся к генерализации, если выходят за рамки пространственных отношений, то трактуются как метафоризация.

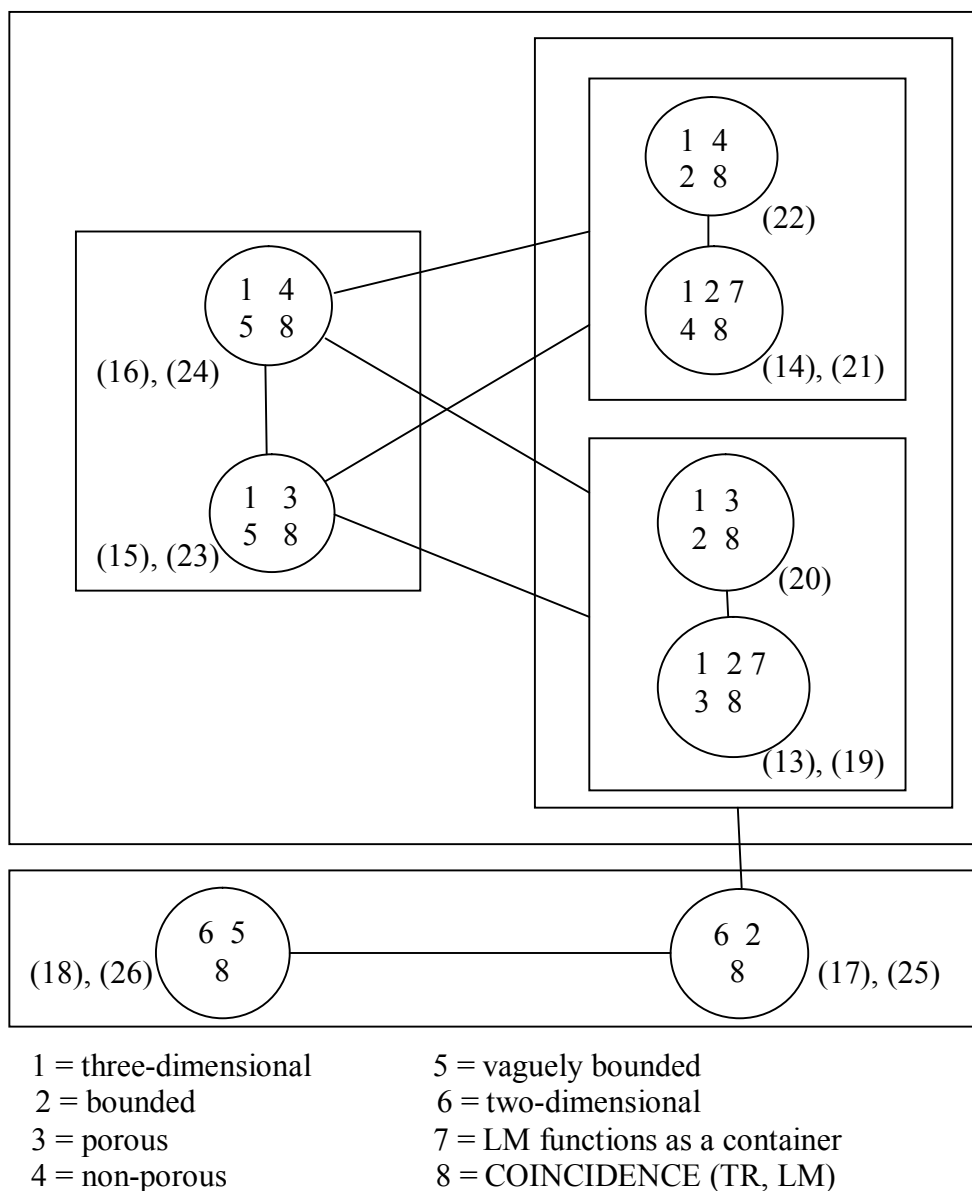

Рис. 4. Прототипическая модель значения предлога *in*

С. Вандермеерен приводит таксономию непространственных областей, формирующих концепт «вместилище» вследствие метафоризации и частоту употреблений наименований объектов, которые входят в данные области, с предлогом *in*¹⁴. К этим областям относятся (в порядке убывания по частоте):

- время (*in der Zeit* ‘в это время’);

¹⁴ Данные приводятся по корпусу примеров С. Вандермеерен.

- состояния (*in dem Zustand* ‘в этом состоянии’);
- ситуации (*in dieser Situation* ‘в этой ситуации’);
- лица и наименования частей тела как вместилища для чувств, мыслей (*die Empörung in mir wächst* ‘возмущение во мне растет’, *Liebe in den Augen* ‘любовь в глазах’);
- мысли (*in den Gedanken* ‘в мыслях’).

Таким образом, если исследование Х. Кюкенса показывает взаимосвязи различных способов употребления предлога в пространственном значении, то С. Вандермеерен прослеживает направления метафорического переноса пространственного значения на непространственные области.

Вскрытая семантическая многоаспектность пространственных предлогов наталкивает на вопросы, которые в рамках прототипических исследований не нашли ответа. В первую очередь, остается невыясненным, почему наименования объектов, обладающих сопоставимыми пространственными характеристиками и предоставляющих сходные регионы локализации, уже в рамках одного языка обнаруживают разную сочетаемость с пространственными предлогами. Например, в русском языке существительное *поле* при локализации может употребляться как с предлогом *в* (*в поле*), так и с предлогом *на* (*на поле*), а существительное *луг* – только с предлогом *на* (*на лугу* при недопустимости **в лугу*).

Новые проблемы выявляются при межъязыковом сопоставлении. Наше исследование показывает, что в немецком и русском языках коррелирующие предлоги обнаруживают разную сочетаемость с наименованиями одних и тех же объектов. Так, в русском языке предлог *в* не употребляется с наименованиями сторон света, существительным *территория* и др. – выражения типа **в севере*, **в территории* являются недопустимыми. В немецком языке коррелируют предлога *в* – предлог *in* – наоборот, допускает такую сочетаемость (ср., например, *im Norden* ‘на севере’ и *im Gelände* ‘на территории’). С нашей точки зрения, недостаточно констатировать факт различной концептуализации пространства разными языками. Необходимо выявить роль языковых факторов в этом процессе, его семантические основания.

1.5.3. Топологическая модель пространства как основа исследования семантики пространственных предлогов

Толчком для многочисленных топологических работ по исследованию пространственных значений предлогов в европейских языках послужила двухступенчатая, или модулярная семантическая модель [140]. Данная модель строится на принципах модулярности, автономности и интерактивности. Модулярность означает, что язык как одна из внутренних когнитивных систем имеет иерархическую модулярную организацию. Под автономностью подразумевается, что язык отличается

от других когнитивных систем и взаимодействует с ними, причем модули языка могут выступать автономно. Интерактивность предполагает, что между отдельными компонентами модулярной структуры языка существуют интерактивные отношения [199; 201; 204; 212; 223; 281]. Согласно двухступенчатой семантической модели, языковые единицы имеют два уровня репрезентации – концептуальный и семантический. Эти уровни, именуемые *концептуальной структурой* (КС) и *семантической формой* (СФ), взаимодействуют между собой, образуя при этом автономные модули [281, S. 43]. На уровне семантической формы представлено только языковое знание в форме лексического значения. Знание о мире кодируется на уровне концептуальных структур. Отдельные интерпретации многозначных языковых единиц возникают вследствие взаимодействия семантических репрезентаций с релевантными областями концептуального уровня. Таким образом, интерпретация языковых выражений относится к концептуальному уровню [201, S. 78; 276].

Двухступенчатая семантическая модель послужила основой для описания группы предлогов с пространственным значением, которые названы *топологическими*. Эти описания основываются на топологической структуре пространства, разработанной в других областях науки, в первую очередь, в физике. Топологическая структура пространства и топологические отношения между пространственными объектами основываются на таком физическом свойстве пространства, как плотность [251, S. 2; 280, S. 212–213]. Для описания топологической структуры пространства необходимо ввести такое понятие, как *место*: объект с прилегающим к нему (ближним) пространством – его *регионом*. В топологической структуре пространства выделяются четыре основных типа пространственных отношений: ВКЛЮЧЕНИЕ, КОНТАКТ, БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ и УДАЛЕННОСТЬ¹⁵ (ср. [169, S. 3]). ВКЛЮЧЕНИЕ означает, что места полностью или частично включают друг друга. При частичном включении включающее и включаемое места имеют, по меньшей мере, одну общую внутреннюю точку [181, S. 51; 183; 199; 207; 230]. Дефиниция отношения КОНТАКТА выводится из дефиниции отношения ВКЛЮЧЕНИЯ – места граничат друг с другом и имеют, по меньшей мере, одну общую точку соприкосновения. Пространственное отношение БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ имеет место тогда, когда регионы двух объектов частично накладываются друг на друга, но сами объекты не состоят в отношениях включения или контакта. УДАЛЕННОСТЬ означает, что объекты не состоят между собой ни в одном из трех вышеназванных отношений.

Топологическая структура пространства находит выражение в топологических предлогах, к которым в немецком языке относятся *in, an, auf, bei* и др. [181, S. 68; 199, S. 99]; в русском языке топологическими

---

¹⁵ В некоторых работах для обозначения топологических концептов употребляются такие термины, как *содержание* (*Enthaltensein*) и *соседство* (*Nachbarschaft*) [251, S. 5].

предлогами можно назвать *в, на, при, у* и т. д. [261, S. 34]. Для исследования семантики топологических предлогов вводится понятие *пространственной ситуации*, под которой понимается композиция пространственных объектов, в которой местонахождение (локализация) одного из объектов в регионе другого объекта описывается при помощи предлога. Под *топологической локализацией* подразумеваются пространственные отношения, которые не отражают трехмерность, дирекциональность (направленность движения), а также не зависят от перспективы восприятия [199, S. 99; 269, S. 65; 278; 280]. Формально семантика топологических предлогов в терминах логики предикатов формулируется следующим образом:

$$\Lambda y \lambda x (\text{Loc}(x, \text{PRÄP}^*(y))),$$

где x и y являются переменными, которые замещаются локализуемым объектом и релятумом соответственно. М. Хервег предполагает, что функцию PRÄP^* для некоторых предлогов можно специфицировать при помощи топологических концептов, базирующихся на фундаментальных дейктических категориях. Эти топологические концепты следует понимать не в строго математическом смысле, а интуитивно, исходя из наивных знаний [199]. Основополагающими для значения топологических предлогов, на его взгляд, являются следующие концепты:

- $\text{Place}(x)$ – пространство, занимаемое объектом x , место объекта x ;
- $\text{Prox}(x)$ – маркированный ближний регион объекта x ;
- $\text{Dist}(x)$ – регион объекта x , который разделен с $\text{Place}(x)$ и $\text{Prox}(x)$.

Place , Prox и Dist являются функциями, которые в пространственных ситуациях «приписывают» объектам регионы. Регион $\text{Place}(x)$ охватывает не только пространство, которое физически занимает x , но и внутреннее «пустое» пространство (если таковое имеется). Регион $\text{Prox}(x)$ является ограниченным пространством, которое включает место объекта x и простирается вокруг него. $\text{Dist}(x)$ – регион внутри сферы локализации, однако этот регион исключается из проксимального региона; он как сфера локализации не относится к области влияния объекта x . Дополнительно вводится понятие внешнего региона объекта x – $\text{Ext}(x)$, который образует комплемент пространства, занимаемого объектом x $\text{Place}(x)$ и его ближним (проксимальным) регионом $\text{Prox}(x)$. Таким образом, возникает топологическая модель пространства (рис. 5)¹⁶ [199, S. 110].

В этой модели функция пространственных предлогов – задавать регионы. Значение предлога определяется как отношение локализации между денотатом его внешнего аргумента (локализуемого объекта) и регионом этого денотата, который получается в результате применения функции предлога к денотату его внутреннего аргумента (релятума).

---

¹⁶ Более раннюю версию топологической модели пространства см. в [278].

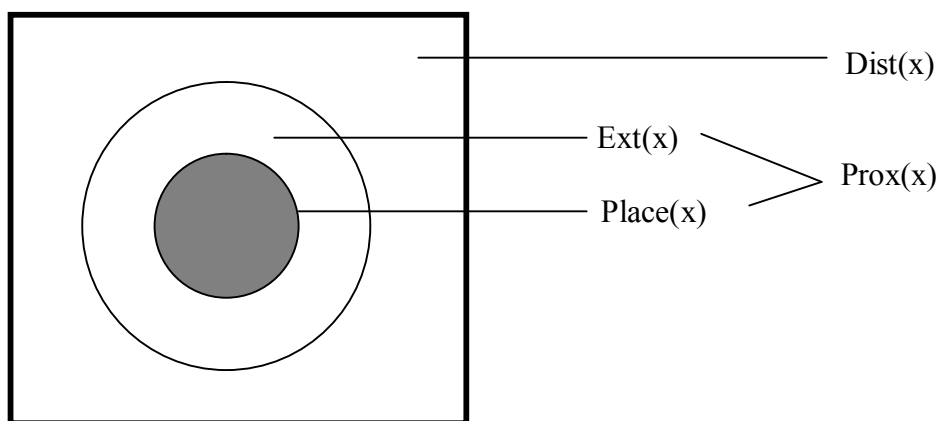

Рис. 5. Топологическая модель пространства

В большинстве топологических исследований семантики предлогов решается вопрос о том, какие факторы позволяют в предложениях с идентичной синтаксической структурой понимать различия в пространственных отношениях между локализуемым объектом и релятумом, если эти отношения обозначаются одним и тем же предлогом. В качестве примера мы приведем здесь высказывания из работы М. Хервега [199, S. 102]:

- (27) a. *Das Hemd ist im Schrank* 'Рубашка в шкафу'.
 b. *Im Schrank ist ein Holzwurm* 'В шкафу червь'.
 (28) a. *Die Glühbirne steckt in der Fassung* 'Лампочка в патроне'.
 b. *Die Blumen sind in der Vase* 'Цветы в вазе'.
 c. *Er hat eine Pfeife im Mund* 'У него трубка во рту'.

Так, в примере (27) предлог *in* указывает на разные пространства релятума *Schrank* 'шкаф': в (27a) это внутреннее пространство шкафа, а в (27b) это пространство внутри материала, из которого сделан шкаф.

В примере (28) предлог *in* указывает на отношение включения между локализуемыми объектами и релятумами, хотя внутри релятума находится лишь незначительная часть локализуемого объекта.

С другой стороны, один и тот же предлог может использоваться по отношению к объектам, которые имеют совершенно различную пространственную организацию, как в примере (29) [199, S. 103]:

- (29) a. *In der Schüssel liegt Obst*. Дословно: 'В блюде лежат фрукты'.
 b. *Die Bücher stehen im Regal*. Дословно: 'Книги стоят в полке'.
 c. *Im Baumwipfel sitzt ein Vogel* 'В кроне дерева сидит птица'.
 d. *Der Stuhl steht in der Zimmerecke* 'Стул стоит в углу комнаты'.
 e. *Er hält einen großen Ball in den Händen* 'Он держит в руках большой мяч'.

В приведенных примерах автор объясняет возможность применения предлога *in* к таким разным пространственным объектам, как *Regal* 'полка', *Baumwipfel* 'крона дерева', *Zimmerecke* 'угол комнаты', *Hände* 'руки' принципами пространственного восприятия, в соответствии с которыми наблюдатель пространственного объекта «дорисовывает» форму закрытого

вместилища. (27a) представляет собой стандартное употребление предлога. Отклонение от этого стандарта в (27b) объясняется знаниями об объектах. В (28) приведены случаи частичного включения, особенно интенсивно разрабатываемые в топологических исследованиях. Исследователи по-разному объясняют явление, когда такие релятумы, как *Vase* 'ваза' или *Mund* 'рот', только частично вмещают локализуемые объекты *Blumen* 'цветы' или *Pfeife* 'трубка'. Г. Миллер и П. Н. Джонсон-Лэрд [226], П. Р. Лутцайер [223], А. Герсковитс [198] придерживаются мнения, что семантика предлога *in* изначально не предполагает полного включения релятумом локализуемого объекта, достаточно, чтобы только часть последнего находилась во внутреннем регионе релятума. Д. Вундерлих [278] и М. Хервег [199] объясняют подобные случаи взаимодействием семантических и прагматических факторов: прагматические условия позволяют несколько «растянуть» семантику предлога. В случае с пространственными предлогами это означает, что в лексическую репрезентацию включается лишь общая характеристика типа региона, которая в зависимости от контекста позволяет идентифицировать релятум как место локализации. Другие идентификационные признаки, такие как степень заполненности внутреннего пространства релятумов типа X локализуемыми объектами типа Y в стандартных и нестандартных случаях, существуют не на уровне слов, а являются результатом конкретизации абстрактного значения слова сначала на собственном концептуальном уровне. На этом концептуальном уровне находится необходимая информация о стандартных и нестандартных пространствах объектов различного типа, о дальнейших релевантных свойствах объектов, их канонических отношениях друг к другу, которая необходима для дифференциации значения.

Работы, основанные на топологической модели, внесли существенный вклад в изучение семантики пространственных предлогов. Во-первых, несомненным достижением топологических исследований является то, что в них компоненты, составляющие семантику предлога, получают обоснование.

Во-вторых, такие аспекты значения предложных конструкций с пространственным значением, как функциональные и интенциональные, исключаются из значения предлога [199; 230]. В выражениях типа *Он работает за столом* информация о функциональной взаимосвязи между локализуемым объектом *он* и релятумом *стол*, относится к знаниям о типичных отношениях между объектами. Эти знания являются экстралингвистическими и находятся на концептуальном уровне.

В рамках топологических исследований выдвинут также важнейший тезис о взаимосвязи языковой категоризации объектов и употребления предлогов с их наименованиями: употребление определенного предлога вызывает «ожидание» определенной категории объектов, как, например, употребление предлога *в* вызывает ожидание объекта-вместилища, употребление предлога *на* характеризует объект как обладающий поверхностью и т. д. [278; 279].

Однако на основании топологических моделей не удастся решить проблему предложных рядов (наличия нескольких предлогов для обозначения одного и того же отношения). Например, предлоги *in*, *innerhalb* в немецком языке, *в*, *внутри* – в русском локализируют в отношении одного и того же региона, выделяемого в топологической модели пространства. Следовательно, для дифференциации семантики этих предлогов необходимо уточнить характеристики региона, на который происходит указание с их помощью, а также выявить другие возможные факторы, обуславливающие возникновение предложных рядов в данном языке.

Как уже отмечалось выше, в исследованиях, основанных на топологических моделях, в центре внимания находятся топологические предлоги. Авторы этих моделей эксплицитно указывают, что среди выделяемых ими семантических компонентов отсутствуют те, которые бы отражали трехмерность пространства. Таким образом, вне описания остается группа предлогов, в семантике которых представлены компоненты, связанные с трехмерностью. К таким предлогам относятся, например, *vor*, *hinter* в немецком языке, *перед*, *за* – в русском. Эти предлоги чаще всего становятся предметом психолингвистических и психологических исследований, о чем пойдет речь в следующем параграфе.

1.5.4. Проблема отражения трехмерности пространства в семантике предлогов

В современной лингвистике можно выделить целое направление междисциплинарных исследований, в центре внимания которых находятся предлоги, служащие для обозначения трехмерности (димензиональности) пространства (например, *перед*, *за*, *над*, *под* и др.). Данные языковые единицы привлекли к себе внимание в первую очередь из-за неоднозначности ориентации в пространстве с их помощью; особенно проблематичными в этом отношении оказались языковые единицы, указывающие на переднюю или заднюю сторону объекта. Изучение их семантики стало невозможным без обращения к исследованиям в других научных дисциплинах (в психологии, физике, физиологии), а в самой лингвистике – без комплексного рассмотрения объекта исследования (пространственных выражений) на трех языковых уровнях, т. е. с точки зрения синтактики, семантики и прагматики [143, S. 15; 256, S. 98]. Речь здесь идет, с одной стороны, о трехмерной (димензиональной) структуре пространства, как она отражается в языке, с другой – о классификации пространственных объектов согласно их пространственным свойствам. Знакомство с этими аспектами необходимо для понимания исследований семантики димензиональных предлогов.

Поскольку пространственные выражения в языке привлекли внимание не только лингвистов, но и исследователей смежных дисциплин, поднимаемые вопросы несколько выходят за рамки чисто лингвистических

(прежде всего семантических) изысканий. Особенно интенсивно в рамках междисциплинарных исследований разрабатывались проблемы ориентации в трехмерном пространстве при помощи языковых выражений. Среди основных вопросов, которые решались лингвистами, психолингвистами и психологами, можно выделить следующие:

- какие структурные свойства пространства находят отражение в языке;
- как пространственные свойства объектов влияют на их категоризацию;
- как кодируются и декодируются димензиональные пространственные выражения;
- какие факторы важны для ориентации в трехмерном пространстве и как это связано с языком;
- какие принципы определяют выбор релятума и локализуемого объекта и др.

Этой проблематике посвящено огромное количество работ, среди которых мы выбрали для анализа исследования, так или иначе связанные с выявлением лингвистических аспектов проблемы.

Для того чтобы дать ответы на вопросы, сформулированные выше, обратимся к структуре трехмерного пространства в той степени, в какой это необходимо для решения лингвистических задач.

Пространство доступно восприятию человека в трех измерениях. Общеизвестна структурная схема трехмерного пространства, восходящая к К. Бюлеру [151], который рассматривал строение человеческого тела и способность визуального восприятия (все вместе образует каноническую ориентацию) как основу ориентации в пространстве. Соответственно, он выделял три оси в структуре пространства, связанные со стандартным положением человеческого тела:

- вертикаль с полюсами «верх – низ», обусловленная силой притяжения и прямохождением;
- *первая* горизонталь с полюсами «перед – зад», находящаяся во взаимосвязи с органами зрительного восприятия;
- *вторая* горизонталь с полюсами «справа – слева», имеющая функциональный характер.

В психологии и психолингвистике бытует мнение, что человек организован асимметрично по отношению к выделенным измерениям – вертикали и двум горизонталям – из-за соответствующего расположения органов зрительного восприятия: при перцепции пространства предпочтение отдается первой горизонтали. Й. Грабовски указывает на то, что вторая горизонталь в языке выражается меньше, при этом разграничение ее полюсов оказывается факультативным, так как для обозначения этой горизонтали существует нейтральное по отношению к полюсам выражение *сбоку* [181, S. 70]. Однако данные утверждения нуждаются в верификации

путем исследований употребительности соответствующих языковых выражений в дискурсе.

Специфику отражения трехмерной структуры пространства в языке В. Эрих формулирует следующим образом: «Психобиологическая организация как детерминанта для языковых выражений, обозначающих трехмерность пространства, является универсальной. Соответственно, система соответствующих выражений в различных языках коррелирует, это означает, что для каждого из трех измерений существует пара полярных обозначений» [169, S. 3]. Т. Герман и К. Швайцер смягчают данный тезис, уточняя, что передача пространственных отношений с помощью языка связана с культурой, в чем можно убедиться на примере языка тцетал индейского племени майя. В этом языке отсутствуют слова *слева* и *справа*, так же, как и концепты, лежащие в их основе. Главенствующими концептуальными категориями для описания местонахождения объектов являются наименования дирекциональных отношений, которые можно передать как *на гору*, *с горы*, *поперек* [197, S. 14–15]. Различные модели структурирования пространства, в первую очередь, в неиндоевропейских языках обсуждает С. Свору [257].

На рис. 6 соотношение димензиональных пространственных осей и предложных средств их обозначения в немецком и русском языках изображено в виде схемы. Эти предлоги называются *димензиональными* [261]. Из рисунка следует, что количественный и качественный состав димензиональных предлогов в сравниваемых языках существенно отличается, особенно это касается средств обозначения первой и второй горизонталей.

Димензиональная структура пространства служит обоснованием еще одной группы признаков, выделяемой в семантике предлогов. Сравнение топологических признаков с димензиональными показывает, что они отличаются друг от друга рядом особенностей. Характеризуя эти отношения с точки зрения их системной организации, отметим, что топологические отношения укладываются в асимметричную оппозицию «внутри – снаружи» (ср. [174]): отношение ВКЛЮЧЕНИЕ противопоставлено отношениям КОНТАКТ, БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ, УДАЛЕННОСТЬ. В свою очередь, как показывает наше исследование, пространственные отношения во внешнем регионе релятума поддаются дифференциации на основании параметра ДИСТАНЦИЯ. В отличие от топологических признаков, димензиональные признаки не противопоставлены друг другу по параметру ДИСТАНЦИЯ. Они подразделяют внешний регион релятума на подрегионы, ограничивая тем самым возможное пространство локализации (search domain).

Трехмерность пространства находит выражение не только в значениях предлогов и наречий, но и в семантике наименований пространственных объектов. Как показывают исследования, наличие в значении существительного информации данного типа самым непосредственным образом связано с его употребительностью с димензиональными

предлогами. При разработке данной проблемы неоднократно предпринимались попытки создать единую классификацию пространственных объектов в соответствии с их онтологическим статусом. Речь идет о классификации, которая бы отражала знания о пространственной организации и пространственных свойствах объектов [149; 177; 181; 183; 184; 197; 207; 212; 226]¹⁷. Наиболее известной классификацией является классификация Г. Миллера и П. Н. Джонсон-Лэрда, которые выделяют всего три вида объектов: вместилища (например, здания, машины, города), пути (например, улицы, мосты, каналы, реки) и границы (стены, заборы, различные барьеры) [226, р. 377]. Однако данная классификация не всегда удовлетворяет потребностям исследователей, которые в зависимости от целей разрабатывают другие классификации.

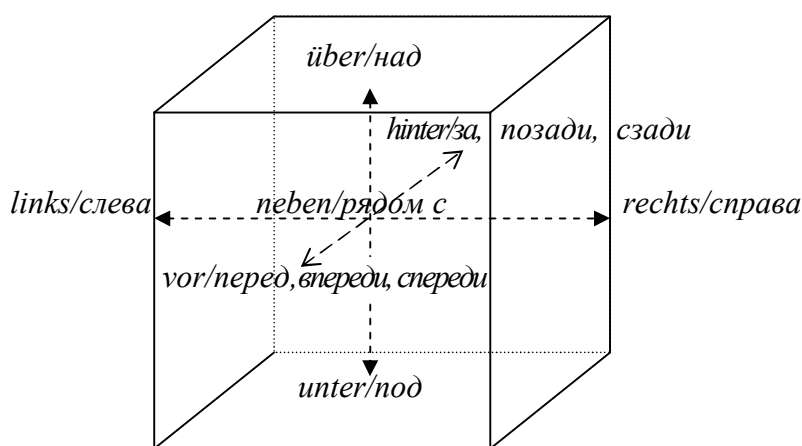

Рис. 6. Средства обозначения векторов пространственных осей в немецком и русском языках

В исследованиях способов отражения размерной структуры пространства в языковых единицах основным параметром классификаций выступает наличие у пространственных объектов ориентации по первой горизонтали. Отсюда вытекает подразделение всех пространственных объектов на две большие группы – *ингерентно* (интринзически, или канонически) *ориентированные* объекты и объекты *без такой ориентации*. Пространственные объекты первой группы отличаются выделенной передней стороной, обладающей имманентными признаками, например, здания, приборы, машины. Для передней vs. задней стороны некоторых объектов существуют языковые обозначения – *лицо, спина, фасад, тыл* и т. д. Как правило, ингерентно ориентированные объекты имеют в пространстве каноническое, основанное на конвенции расположение: здания

¹⁷ Существуют и другие классификации объектов, базирующиеся, например, на возможности визуального восприятия. Так, В. Грисхабер все объекты подразделяет на зрительно воспринимаемые, т.е. относящиеся к *перцептивному* пространству (*Wahrnehmungsraum*) и воображаемые объекты, относящиеся к *воображаемому* пространству (*Vorstellungsraum*) (подробно данную классификацию смотри в [183]).

размещаются фасадом к улице, у приборов, предметов мебели их передняя (она же функциональная) сторона должна быть доступной для манипулирования.

У объектов второй группы нет имманентных признаков, которые выделяли бы одну из сторон (например, природные объекты – деревья, холмы, моря, острова, тучи; артефакты – мячи, стены, ведра, тазы и пр.). Передняя или задняя сторона приписывается таким объектам в процессе употребления с их наименованиями димензиональных языковых средств, в частности предлогов.

Однако для исследования дистрибуции предлогов с наименованиями различных групп необходима более детальная классификация пространственных объектов. Ранее нами была разработана такая классификация для анализа предлогов *vor* и *перед*, которую мы разберем ниже [261, S. 81–84] (рис. 7, 8).

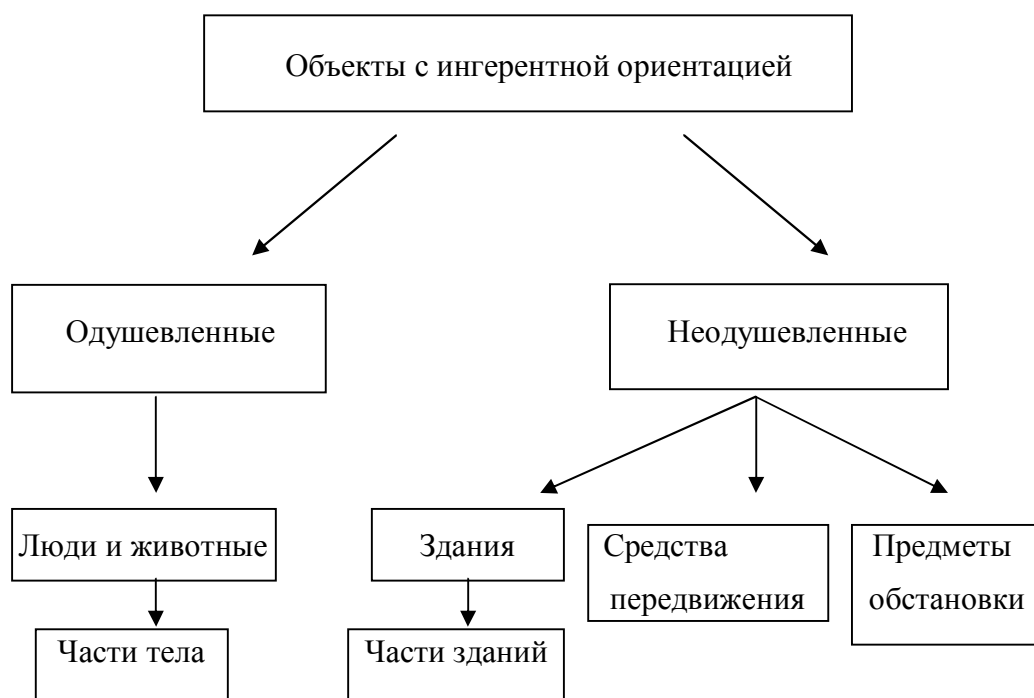

Рис. 7. Схема классификации пространственных объектов с ингерентной ориентацией по первой горизонтали

В основу разделения ингерентно ориентированных объектов на одушевленные и неодушевленные положен критерий зрительного восприятия. По мнению многих лингвистов, данная способность является основополагающей для концептов «*vor/перед*» и «*hinter/за*». В качестве критерия для подразделения неодушевленных объектов взят фактор подвижности: движение также самым непосредственным образом связано с приписыванием объектам пространственной ориентации.

Все объекты с ингерентной ориентацией по оси «перед – зад» являются артефактами. Среди них можно выделить:

- неподвижные объекты, т. е. такие, которые занимают в пространстве некоторое постоянное положение (здания);
- свободно подвижные, а точнее, созданные для движения объекты (транспортные средства);
- ограниченно подвижные, т. е. перемещаемые объекты: их положение в пространстве относительно постоянно, но может меняться в зависимости от воли действующего субъекта (например, предметы обстановки, приборы).

Что касается классификации объектов без ингерентной ориентации, то здесь дело обстоит несколько сложнее. В число таких объектов входят как естественные образования (горы, моря, небо и др.), так и созданные человеком предметы, имеющие весьма разнородную форму и функциональное предназначение (посуда, мячи, письменные принадлежности, строительные материалы и т. д.). Основой для их разграничения послужил критерий наличия границ, в соответствии с которым выделяются

- ограниченные пространства (например, острова, города, а также тарелки, чашки);
- границы (например, побережье, забор, стена¹⁸);
- пути как особый класс объектов (например, дороги, улицы, водные пути).

Основная проблема, связанная с употреблением димензиональных предлогов, – проблема идентификации их пространства локализации. С одной стороны, при употреблении димензионального предлога говорящий приписывает локализуемому объекту ориентацию в пространстве. С другой стороны, локализуемый объект может обладать ингерентной ориентацией по вертикали или горизонтали. В когнитивных и психолингвистических работах исследуется проблема согласования между собой семантики димензиональных предлогов и знаний об ингерентной ориентации локализуемых объектов: всегда ли такие предлоги, как *над*, *под*, *перед*, *за* указывают на ингерентные верх либо низ, переднюю либо заднюю стороны локализуемого объекта. Вопросы возникают также при выявлении принципов, на основании которых определяется актуальная сторона объекта, если она не выделена ингерентно. Например, как идентифицировать пространство, на которое указывает говорящий с помощью таких выражений, как *перед деревом* или *за забором*?

В работах Ю. Д. Апресяна, А. Н. Баранова, Г. Миллера, П. Джонсона-Лэрда, В. Эрих, Т. Германа, К. Швайцера, В. Левелта, Й. Грабовского, А. Фридеричи и других сделаны важные наблюдения относительно зависимости употребления димензиональных предлогов от типа, к которому

---

¹⁸ Границы выделяются независимо от наличия у объектов ингерентной ориентации. Например, эта группа включает окна и двери, которые являются границами зданий.

принадлежит локализуемый объект, а также от условий коммуникации (см. подробный анализ в § 4.1, 4.4).

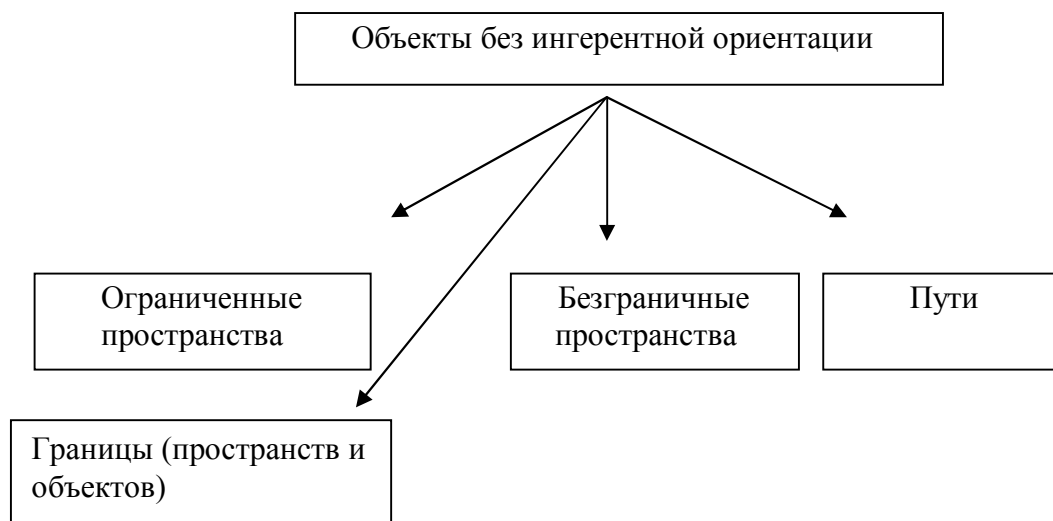

Рис. 8. Схема классификации пространственных объектов без ингерентной ориентации по первой горизонтали

Как правило, пространство локализации димензиональных предлогов ставится в зависимость от выбора говорящим исходной точки ориентации [168; 181; 197]. Однако в проведенном нами сопоставительном исследовании семантики немецкого предлога *vor* и его коррелята в русском языке – предлога *перед* – выявлено, что на идентификацию пространства локализации оказывают влияние семантические свойства предлога, в частности, наличие в их семантике топологических признаков, которые у данных коррелирующих предлогов существенно отличаются. Семантические свойства обуславливают также различия в сочетаемости предлогов *vor* и *перед* [261]. Предстоит выяснить, насколько данное наблюдение справедливо для других димензиональных коррелятов в немецком и русском языках. С нашей точки зрения, до сих пор не получили должного освещения такие вопросы, как соотношение топологических и димензиональных признаков в семантике коррелирующих предлогов, влияние топологических компонентов на их сочетаемость, очевидная асимметрия количества предложных средств для обозначения векторов димензиональных осей в сравниваемых языках.

1.5.5. Подходы к исследованию предлогов, обозначающих перемещение в пространстве

Языковые средства для обозначения перемещения в пространстве давно привлекают к себе внимание лингвистов [19; 29; 52; 54; 61; 104]. К

таким средствам, в первую очередь, относятся глаголы движения, а также наречия и предлоги.

Предлоги уточняют направленность перемещения, которая именуется дирекциональностью. Предлоги, выражающие дирекциональные отношения, а также другие классы слов, реализующие данный тип отношений, исследуются, например, в [68; 188; 205; 224; 245]. Дирекциональные предлоги в данной работе не подвергаются семантическому анализу. Тем не менее, дирекциональные отношения могут входить в семантику топологических и димензиональных предлогов, поэтому мы проанализируем исследования, в которых такие отношения, подобно топологическим и димензиональным, охарактеризованы наиболее детально. Это работы Р. С. Джакендоффа [203] и С. Свороу [257].

Если при топологических и димензиональных отношениях описываются регионы (области локализации объекта), то дирекциональные отношения связаны с такой категорией пространства, как пути. В исследовании Р. С. Джакендоффа среди путей выделяется несколько классов в зависимости от того, как специфицируется движение пространственного объекта: изменяется ли его положение относительно собственной ингерентной ориентации (*вперед, назад, в сторону*) или же относительно осевой структуры Земли (*вниз, вверх, на север, юг* и т. д.) (ср. [115, с. 26]). Очевидно, что такая спецификация осуществляется при помощи наречий. Предлоги же специфицируют движение только по отношению к релятуму. Среди дирекциональных отношений, выражаемых с помощью предлогов, для английского языка выделяется пять видов, которые возникают в результате применения к регионам релятумов следующих операторов: *via* ‘через’, *to* ‘по направлению к’, *toward* ‘по направлению к’, *from* ‘от’, *away from* ‘от’. При помощи оператора *via* указывается, что путь проходит через определенный регион релятума (внутренний или ближний), который дополнительно характеризуется такими предлогами, как *through* ‘через’ (*to go through the room* ‘пройти через комнату’), *by* ‘мимо’ (*to run by the house* ‘пробежать мимо дома’), *along* ‘вдоль’ (*going along Y* ‘идти вдоль Y-a’). Оператор *to* указывает на движение, которое заканчивается в определенном регионе. Так, движение *to Y* заканчивается в регионе *at*, движение *into Y* – в регионе *onto*, а *in Y* – в регионе *on*. Оператор *toward*, согласно автору, задает такой же путь, что и оператор *to* с тем отличием, что данный путь мыслится как незавершенный – *to go towards Y*. Операторы *from* и *away from* обратны операторам *to* и *toward* [203].

В представленной классификации вопрос вызывает выделение в отдельный класс операторов *toward* и *away from*, которые могут рассматриваться и как варианты отношений *to* и *from*. Именно такую трактовку, более правомерную на наш взгляд, находим у С. Свороу, которая обращает внимание на разные роли релятума, определяющиеся употребленным предлогом при описании дирекциональных отношений:

предлоги характеризуют релятум как источник движения (*out, off*), маршрут (*through, by*) или цель (*to, into*) [257, p. 19].

Выделенные типы дирекциональных отношений позволяют специфицировать сему ДИРЕКЦИОНАЛ и различать три ее подвида: ДИРЕКЦИОНАЛ_{ЦЕЛЬ}, ДИРЕКЦИОНАЛ_{МАРШРУТ}, ДИРЕКЦИОНАЛ_{ИСТОЧНИК}.

***

Завершая обзор работ, посвященных аспектам частеречной характеристики, синтаксиса и семантики предлогов, отметим, что результаты исследований предложной проблематики в рамках различных лингвистических направлений позволяют говорить о предлогах как классе слов с размытыми границами. Этот класс слов имеет прототипическую организацию: в нем выделяются центральные и периферийные представители. К центральным представителям класса предлогов относятся первообразные (несоставные) предлоги с пространственным значением¹⁹.

Выявлено, что каждое употребление предлога является семантически насыщенным, чисто грамматического, «десемантизированного» употребления этих языковых единиц не бывает [115].

Предлоги обладают собственным значением и в качестве полноценных семантических элементов участвуют в формировании значения предложной конструкции и значения высказывания, включающего предложную конструкцию. Значение предлогов очень абстрактно и каждый раз уточняется в зависимости от контекста. Собственное значение предлога при исследовании должно вычленяться из значения предложной конструкции. Большую роль при этом играет учет коммуникативных условий, которые побуждают пользователей языка употреблять определенный предлог по отношению к определенному объекту.

Изыскания в этой области показывают, что один и тот же предлог может употребляться по отношению к объектам пространства, имеющим совершенно разные характеристики. При этом предлоги обладают свойством профилирования пространственной характеристики объекта, актуальной для данной коммуникативной ситуации. Актуализируя то или иное пространственное свойство объекта, предлоги приписывают им определенную категоризацию [261; 278].

Пространственные категории, описываемые с помощью предлогов, можно подразделить на две группы – регионы и пути [115; 199]. Для локализации в отношении регионов служат топологические и димензиональные предлоги. Топологические предлоги реализуют отношения, отражающие двухмерную структуру пространства. Топологические предлоги обозначают такие основные типы отношений, как ВКЛЮЧЕНИЕ, ИСКЛЮЧЕНИЕ, КОНТАКТ, ДИСТАНЦИЯ. Димензиональные предлоги

---

¹⁹ Это положение является исходным в теории локализма. Подробнее о данной теории см. в [36].

служат для обозначения отношения регионов к трехмерности пространства, выделяемой на основе антропоморфизма. Дирекциональные предлоги используются для обозначения отношения перемещения и указывают на локализуемый объект как на источник, маршрут или цель движения.

К числу проблем, которые до сих пор не нашли решения в лингвистических работах следует отнести, в первую очередь, проблему соотношения разных типов признаков – топологических, димензиональных и дирекциональных – в семантике одного предлога. Дальнейшей разработки требует также вопрос о пространственных свойствах объектов, которые находят отражение в семантике предлога, их сущности и влиянии на сочетаемость предлогов. Не получила достаточного освещения в лингвистических трудах проблема наличия в языке двух и более предлогов, обозначающих одно и то же пространственное отношение. Далее предлоги, обозначающие одно и то же пространственное отношение, мы будем называть **предложными рядами**. В частности, необходимо ответить на вопросы, каковы особенности семантики и функционирования таких предлогов, в каких отношениях находятся между собой предлоги одного ряда, каковы причины количественной асимметрии предложных рядов в сравниваемых языках. Эти проблемы, а также ряд вытекающих из них частных вопросов рассмотрены в последующих главах книги.

Глава 2. Предлоги с пространственным значением в немецком и русском языках: методологические аспекты сопоставления

В современной семантике для описания структуры значения языковых единиц, особенностей репрезентации в этих значениях разных типов знаний широко используются методы компонентного анализа и метод традиционных словарных дефиниций [30; 43; 51; 82; 85 и др.]. Эти методы применяются для исследования структуры значений полнзначных языковых единиц – существительных, глаголов, прилагательных. С помощью компонентного анализа был продемонстрирован ряд закономерностей в организации лексического значения слов, выполняющих в языке номинативную функцию и аккумулирующих в своем значении декларативные знания.

Однако в силу специфики лексического значения предлогов применение этих методов не позволяет дать его адекватное описание. Предлоги выполняют в языке функцию организации языкового события, в их семантике представлено преимущественно процедурное знание [8; 166; 183; 232]. Оно проявляется в «амальгамированности» их значения в общую семантику результирующего выражения. Действительно, синсемантичность предлогов приводит к тому, что в результате компонентного анализа в семный состав предлога часто «вписываются» семы соотносимых существительных, а выделение «чистого» предложного значения оказывается практически невозможным. Как раз это и является основным недостатком композиционных моделей предложной семантики (см. § 1.5.1). Так, в конструкции *in den Wald gehen* ‘идти в лес’ предлогу *in* приписывается директивно-пространственное значение, а в конструкции *in die Pilze gehen* ‘идти в грибы’ – значение цели [249]. Очевидно, что целевое значение всей конструкции отнюдь не обусловлено значением самого предлога, а связано с замещением его правой валентности определенного рода объектами.

Применение метода дефиниционного анализа для исследования предложных значений сегодня вряд ли возможно, поскольку в существующих толковых словарях отсутствуют четкие дефиниции этих значений предлогов. Например, в Большом толковом словаре немецкого языка издательства Лангеншайдт значение предлога *an* описывается как пространственная близость к чему-либо или контакт с чем-либо («die räumliche Nähe zu etw. oder der Kontakt mit etw.»). Похожим образом описывается и значение предлога *bei* – обозначение пространственной близости к кому-либо/чему-либо («Bezeichnung der räumlichen Nähe zu j-m/etw.»), в словаре Duden-online указывается, что этот предлог может также передавать отношение контакта. Как видим, в толковых словарях значение предлогов *an* и *bei* описывается практически одинаково. Так же обстоит дело и со значениями предлогов других предложных рядов, которые определяются друг через друга, т. е. значение *in* ‘в’ описывается при помощи *innerhalb* ‘внутри’, а значение *innerhalb* – при помощи *in*.

В толковых словарях русского языка наблюдается сходная картина. Сравним, например, толкования пространственного значения таких предлогов, как *у* – *около* – *возле* – *вблизи* – *близ* – *при* в словаре С. И. Ожегова. Предлог *у*, согласно этому источнику, обозначает «возле, совсем около», предлог *около* – «рядом с кем-чем-н.», пространственное значение предлога *возле* толкуется как «около, рядом с кем-чем-н., недалеко от кого-чего-н.»; сходное толкование имеют предлоги *вблизи* («рядом с кем-чем-н., вблизи, около кого-чего-н.»), *близ* («около, подле кого-чего-н.») и *при* («около, возле кого-чего-н.»). Совершенно очевидно, что эти толкования не позволяют дифференцировать пространственные значения предлогов, входящих в один предложный ряд, и оставляют открытым вопрос об их семантических отличиях.

Мы убеждены, что для адекватного представления предложной семантики необходим целый комплекс методов, который включает в себя не только традиционные для семантических исследований компонентный и контекстуальный анализы, но и ряд других. На них мы остановимся ниже.

2.1. Методы исследования предложной семантики

Выявлению семантических характеристик предлогов способствует межъязыковое сопоставление, рассматриваемое нами как метод экспликации особенностей значения: отраженные «в зеркале» другого языка, предлоги проявляют семантические свойства, которые в рамках одного языка остаются незамеченными. Как правило, сопоставление проводится на материале неродственных языков [45; 49; 69; 125; 134; 148; 257 и др.], дающих благодатную почву для демонстрации того, как по-разному в языках структурируется пространство. Однако и сопоставление в рамках индоевропейских языков позволяет получить положительные результаты при выявлении семантических особенностей предлогов [138; 153; 176; 249; 261].

Одним из наиболее продуктивных методов исследования структуры лексического значения предлогов, а также их функциональных характеристик является сопоставительный анализ дистрибуции данных языковых единиц с различными классами имен. Здесь подразумевается как сопоставление дистрибутивных характеристик предлогов одного предложного ряда в отдельно взятом языке, так и коррелирующих предлогов в разных языках [41; 153; 183; 185; 261]. При помощи дистрибутивного анализа выявляются сочетаемостные характеристики предлогов, которые напрямую связаны с их семантическими характеристиками. Например, анализ дистрибуции предлога *перед* в пространственном значении и его дименционального коррелята в немецком языке – предлога *vor* – показал, что количество классов наименований пространственных объектов, с которыми употребляется *vor*, значительно шире, чем количество классов

наименований, с которыми употребляется *перед*. Отличия в сочетаемости оказались обусловленными разницей в лексическом значении и семантической организации данных предлогов: в пространственном значении *vor* содержится указание не только на переднюю, но и на внешнюю сторону объекта (например, *vor die Stadt fahren* ‘ехать за город’), при этом допускается контакт соотносимых объектов (например, *vor dem Tisch arbeiten* ‘работать за столом’). В отличие от *vor*, его коррелят в русском языке – предлог *перед* – указывает только на фронтальную сторону и исключает контакт между соотносимыми объектами (ср., например, выражение *работать перед столом*).

Способность предлога употребляться для описания тех или иных пространственных ситуаций часто оказывается обусловленной его мотивационными связями со знаменательным словом, от которого он произошел. Эта мотивационная связь может оказывать влияние на сочетаемость предлога с разными классами объектов, даже если, с точки зрения современного состояния языка, она не прослеживается [183, S. 93; 235; 236; 261, S. 167]. Поэтому для проведения семантического анализа необходим учет и этимологических данных.

Выявлению семантических особенностей предлогов способствуют психолингвистический и семантический эксперименты, которые зарекомендовали себя как продуктивные методы семантических исследований [103; 168; 177; 181; 261].

Значительную роль в исследовании лексического значения предлогов играет также квантитативный метод, при помощи которого исследуются частотные характеристики предлогов. Выявлена корреляция между частотностью предлога и количеством однозначно маркированных признаков, образующих его семантическую структуру [261; 263]. Под частотными характеристиками мы подразумеваем не только ранг предлога в частотном списке, но и количественные показатели его дистрибуции с наименованиями классов объектов.

Для успешного применения перечисленных методов необходимо разработать и обосновать процедуру отбора материала, который удовлетворял бы требованиям каждого из применяемых методов. В нашем исследовании этот отбор проходил в несколько этапов. Источниками практического материала исследования послужили корпус Института немецкого языка в Мангейме «*taz*²⁰ за двенадцать лет (1982–1994)», корпус русской публицистики, созданный в отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН (в него вошли материалы таких газет, как «Московский комсомолец», «Завтра», «Литературная газета», «Огонек», «Санкт-Петербургские ведомости» и др.), Национальный корпус русского языка, художественные произведения и интернет-сайты на немецком и русском языках. Для сопоставления количественных характеристик и особенностей функционирования немецких и русских

---

²⁰ «Дойче тагесцайтунг».

пространственных предлогов сформированы собственные сопоставимые исследовательские корпуса текстов. Поскольку проблема создания таких корпусов, на наш взгляд, имеет методологическое значение, мы подробнее остановимся на принципах их формирования в настоящем исследовании.

2.2. Материал исследования: проблемы формирования сопоставимых корпусов

С помощью описанных методов можно получить достоверные данные о семантике и особенностях употребления предлогов только в случае репрезентативности исследовательского материала. Этот очевидный и, на первый взгляд, не нуждающийся в обосновании тезис – любое исследование должно опираться на репрезентативный материал – оказывается весьма нетривиальным для выявления и сопоставления количественных параметров таких высокочастотных языковых единиц, как предлоги. А. Н. Баранов отмечает, что в лингвистике, в отличие от естественных (химия, биология) и смежных гуманитарных (психология, социология) наук, редко поднимается вопрос о методологии достижения репрезентативности, в то время как автору он представляется чрезвычайно важным [10].

Прежде чем перейти к методологии отбора исследовательского материала, уточним само понятие репрезентативности, которая представляет собой важную проблему и активно обсуждается в последнее время в основном в рамках корпусной лингвистики. Репрезентативность, которая должна стать результатом особой процедуры отбора текстов, считается необходимым конституирующим свойством корпуса [99]. В самом общем виде под репрезентативностью понимается соответствие корпуса той области, которую он будет представлять; в идеале он должен быть максимально объемным [132]. Однако, по мнению А. Н. Баранова, для оптимизации исследовательских процедур корпус текстов, с одной стороны, должен «отражать все свойства проблемной области, релевантные для данного типа лингвистического исследования, в определенной пропорции, определяемой частотой явления в проблемной области» [8, с. 118], а с другой – экономить усилия исследователя, не усложняя работу исследованием почти бесконечного множества языковых продукций. Другими словами, исследовательский корпус текстов в зависимости от единицы исследования может быть «пропорционально сужен» (там же).

Таким образом, под репрезентативностью понимается, в первую очередь, количество языкового материала, подлежащего анализу. При этом объем исследовательского корпуса должен удовлетворять, с одной стороны, требованию экономичности, с другой – требованию полноты [8, с. 118–119].

Соблюдение принципа экономичности позволяет уменьшать затраты времени на отбор практического материала и при этом получать достаточные исчерпывающие данные. Согласно этому принципу, исследовательский материал должен быть пропорционально ограничен, с

тем, чтобы исследовательский корпус представлял не просто строгое подмножество текстов проблемной области, но, по возможности, существенно отличался от нее по объему. В соответствии с принципом полноты, чтобы учесть все релевантные явления, наоборот, допускается перешагивание данных границ в случае, «когда лингвист-конструктор приблизительно знает, что ему искать» [там же], что как раз отражает наш случай.

Если исследование является сопоставительным, то возникает необходимость учета еще одного фактора, который обеспечивает чистоту сравнения: соответствующие корпуса должны быть сопоставимыми. Под сопоставимостью, помимо сравнимого объема, мы подразумеваем также качественные характеристики текстов, образующих исследовательские корпуса, – их временную и жанровую соотношенность. Другими словами, сравнительному анализу подлежат тексты, относящиеся к одному и тому же периоду времени, одному и тому же жанру и включающие приблизительно одинаковое количество словоупотреблений²¹.

Термин «сопоставимые корпуса» в прикладной лингвистике до сих пор не употреблялся. В целях языкового сравнения прибегают, в первую очередь, к параллельным корпусам, в которых представлены тексты на языке-оригинале и их перевод или переводы на другие языки. Параллельные корпуса текстов представляют собой плодотворную почву для исследований в области теории перевода, лексикологии, организации дискурса и др. [37]. Сопоставимые корпуса текстов могут использоваться для решения несколько иной задачи – сравнения особенностей функционирования коррелятивных языковых единиц в разных языках, что вряд ли возможно при помощи параллельных корпусов.

При формировании сопоставимых корпусов текстов необходимо решить вопрос об их содержательном наполнении и объеме. Поскольку в наши задачи входит выявление особенностей семантики и функционирования подсистем пространственных предлогов в немецком и русском языках, необходимо, чтобы тексты, представленные в этих корпусах, были максимально разнообразными и максимально объективно отражали речевой узус. В этом плане наиболее подходящим нам представляется текстовый материал газет, который содержится в корпусах публицистики: они включают в себя все газетные рубрики и отражают наиболее широкий спектр тематических сфер – от общественно-политических и экономических до бытовых, спортивных и научно-популярных. Таким образом, газетный материал является в жанровом плане наиболее разнообразным. Кроме того, не стоит пренебрегать тем фактом, что содержательное наполнение газеты формируется многими авторами, что минимизирует фактор субъективности анализируемого материала, который

---

²¹ Последнее требование факультативно, если установлен нижний порог репрезентативности и он так или иначе достигнут в сопоставляемых корпусах.

неизбежно возникает при анализе, например, текстов художественной литературы (ср. [28]).

Имеющиеся публицистические лингвистические ресурсы на немецком и русском языках существенно отличаются по объему, они включают в себя тексты, относящиеся к разным периодам времени. С точки зрения временной соотнесенности оптимальными для нашего исследования являются корпус Института немецкого языка в Мангейме «*taz* за двенадцать лет (1982–1994)» и корпус русской публицистики, созданный в отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН. Этот корпус включает в себя тексты наиболее известных газет России, издававшихся в период с 1989 по 2000 г. Оба корпуса создавались в научно-исследовательских учреждениях, поэтому их полнота и репрезентативность не ставятся под сомнение (подробно принципы формирования корпуса русской публицистики изложены в [8; 10]). Однако немецкий корпус насчитывает 150 млн словоупотреблений, а русский – всего лишь около 25 млн. Поэтому на первом этапе из названных корпусов мы вычленили приблизительно одинаковые по объему части – 3 153 772 словоупотребления для немецкого и 3 272 332 словоупотребления для русского языка²², в которые вошли тексты, относящиеся к началу 90-х годов XX ст.

Возникает вопрос, насколько репрезентативен объем сформированных корпусов? В исследованиях по предложной проблематике называются самые разные цифры относительно оптимального объема исследовательского корпуса – от 40 000 – 100 000 словоупотреблений [53] до 5 000 000 [161]. Объем корпуса зависит от задач каждой конкретной работы. В первом случае речь идет о составлении частотных списков первообразных предлогов, и предлагаемый объем корпуса позволяет получить представление о частотном ранге предлогов по сравнению с другими языковыми единицами. Во втором случае работа направлена на выявление особенностей функционирования переходных языковых форм, которые обнаруживают черты как предлогов, так и других частей речи. Естественно, речь идет о менее употребительных формах, что и обуславливает больший объем материала. Отметим, что во многих работах по семантике и синтаксису долгое время образцом репрезентативности считался Брауновский корпус американского варианта английского языка, объем – 1 млн словоупотреблений.

Объектом настоящего исследования являются как частотные, первообразные, так и менее употребительные, непервообразные предлоги в пространственном значении. Перечень немецких предлогов, подлежащих выборке, взят из фундаментального труда С. Клаус, в котором проводится сравнительный анализ представления предлогов в немецких академических грамматиках²³ [206]. В него вошло 40 предлогов с пространственным

---

²² Небольшое различие (приблизительно в 4%) в данном случае не является существенным, поскольку речь идет о высокочастотных языковых единицах.

²³ Сравни также список в [161].

значением: *ab, abseits, an, auf, aus, außer, außerhalb, bei, beiderseits, beidseits, bis, diesseits, durch, entlang, fernab, gegen, gegenüber, hinter, in, inmitten, innerhalb, jenseits, längs, linkerhands, links, nach, neben, oberhalb, rechts, rechterhand, über, um, unter, unterhalb, unweit, von, vor, weitab, zu, zwischen.*

Список русских предлогов с пространственным значением взят из Русской грамматики 1980, он насчитывает 47 единиц: *близ, в, вблизи, вглубь, вдоль, вне, внутри, возле, вокруг, впереди, вслед, до, за, из, из-за, из-под, к, меж, между, мимо, на, навстречу, над, напротив, о, около, от, перед, по, поверх, под, подле, позади, посередине, посреди, при, против, с, сбоку, сверху, свыше, сзади, сквозь, снаружи, спереди, у, через.*

Напомним, что пространственным предлогам свойственна многозначность, наряду с пространственным эти языковые единицы могут выражать временные, целевые и другие значения. Удельный вес употребления предлогов в том или ином значении до сих пор в лингвистике не выявлялся, данные об оптимальном объеме выборки для решения подобной задачи отсутствуют. Однако для составления частотного списка всех употреблений достаточно, чтобы в исследовательском корпусе было представлено большинство предлогов, вошедших в приведенные выше перечни. В нашем корпусе нашлись контексты для 44 русских и 39 немецких предлогов из перечней, приведенных выше, что свидетельствует о достаточности объема наших корпусов. Частотный список общего количества употреблений данных предлогов, составленный с применением метода сплошной выборки, представлен в табл. 1.

Таблица 1

Частотный список предлогов с пространственным значением
в немецком и русском языках (общее количество употреблений)

№	Русский предлог	Общее количество употреблений	№	Немецкий предлог	Общее количество употреблений
1	в ²⁴	117087	1	in	83790
2	на	49381	2	von	34023
3	по	22437	3	an	25644
4	к	16043	4	auf	24143
5	о	15465	5	zu	23830
6	из	15112	6	aus	13299
7	за	14062	7	nach	12343
8	от	12824	8	bei	10447
9	у	10130	9	vor	10054
10	до	7018	10	um	9505

²⁴ Здесь и далее частота дается с учетом вариантов *в – во, к – ко, о – об, an – am, ans, in – im, ins* и т.д.

11	с	6522	11	über	8884
12	при	4405	12	durch	5730
13	под	3465	13	bis	5306
14	между	2414	14	gegen	4345
15	через	2071	15	neben	4077
16	перед	1621	16	zwischen	3328
17	над	1479	17	hinter	1325
18	против	1406	18	unter	1106
19	около	1003	19	gegenüber	904
20	из-за	795	20	ab	796
21	вокруг	513	21	innerhalb	413
22	внутри	252	22	außer	354
23	вне	241	23	entlang	251
24	свыше	183	24	außerhalb	207
25	из-под	156	25	jenseits	204
26	мимо	146	26	inmitten	108
27	впереди	146	27	abseits	68
28	вслед	131	28	unweit	49
29	сквозь	114	29	unterhalb	38
30	возле	108	30	oberhalb	26
31	вдоль	75	31	links	20
32	навстречу	69	32	diesseits	19
33	меж	48	33	fernab	17
34	напротив	43	34	beiderseits	14
35	вблизи	38	35	rechts	13
36	посреди	35	36	längs	11
37	близ	31	37	rechterhand	5
38	поверх	27	38	weitab	2
39	позади	6	39	beidseits	1
40	подле	4	40	linkerhands	0
41	сбоку	2			
42	сзади	2			
43	посередине	2			
44	снаружи	1			

45	вглубь	1			
46	спереди	0			
47	сверху	0			
		307153			284699

На следующем этапе из конкорданса каждого предлога мы вычленили контексты, в которых предлог употреблен в пространственном значении и получили частотные списки пространственных употреблений исследуемых языковых единиц (табл. 2)²⁵.

Таблица 2

Частотный список предлогов с пространственным значением
в немецком и русском языках

№	1	2	3	4	№	1	2	3	4
1	в	34875	117087	29,8	1	in	46419	83790	55,4
2	на	11169	49381	22,6	2	auf	8356	24143	34,6
3	из	3460	15112	22,9	3	an	7800	25644	30,4
4	по	1996	22437	8,9	4	aus	6348	13299	47,7
5	за	1268	14062	9	5	nach	2936	12343	23,8
6	с	1189	6522	18,2	6	von	2737	34023	8
7	у	1122	10130	11,1	7	zu	2302	23830	9,7
8	к	906	16043	5,6	8	durch	1525	5730	26,6
9	под	569	3465	16,4	9	über	1323	8884	14,9
10	от	494	12824	3,9	10	vor	1044	10054	10,4
11	до	376	7018	5,4	11	bei	910	10447	8,7
12	через	355	2071	17,1	12	hinter	807	1325	60,9
13	над	247	1479	16,7	13	zwischen	764	3328	23
14	перед	165	1621	10,2	14	um	584	9505	6,1
15	внутри	112	252	44,4	15	bis	545	5306	10,3
16	возле	107	108	99,1	16	unter	492	1106	44,5
17	между	95	2414	3,9	17	neben	485	4077	11,9
18	мимо	79	146	54,1	18	entlang	243	251	96,8
19	вдоль	75	75	100	19	gegen	144	4345	3,3
20	вокруг	72	513	14	20	gegenüber	114	904	12,6
21	при	57	4405	1,3	21	jenseits	112	204	54,9
22	сквозь	56	114	49,1	22	außerhalb	110	207	53,1
23	из-под	47	156	30,1	23	innerhalb	103	413	24,9
24	вне	42	241	17,4	24	inmitten	78	108	72,2
25	напротив	41	43	95,3	25	unweit	48	49	98
26	около	37	1003	3,7	26	außer	23	354	6,5
27	вблизи	35	38	92,1	27	oberhalb	23	26	88,5

²⁵ Для немецких предлогов *beidseits*, *linkerhand* и *weitab*, а также русских *спереди*, *сверху*, *свыше* контексты употреблений в пространственном значении в сопоставимых корпусах не выявлены, поэтому мы не включаем их в частотный список.

28	о	34	15465	0,2	28	unterhalb	22	38	57,9
29	из-за	33	795	4,2	29	links	20	20	100
30	близ	31	31	100	30	abseits	18	68	26,5
31	навстречу	28	69	40,6	31	ab	17	796	2,1
32	поверх	19	27	70,4	32	diesseits	15	19	78,9
33	посреди	18	35	51,4	33	beiderseits	13	14	92,9
34	впереди	15	146	10,3	34	rechts	13	13	100
35	меж	14	48	29,2	35	längs	8	11	72,7
36	вслед	12	131	9,2	36	fernab	2	17	11,8
37	против	7	1406	0,5	37	rechterhand	1	5	20
38	подле	4	4	100					
39	сзади	2	2	100					
40	позади	2	6	33,3					
41	сбоку	2	2	100					
42	посередине	2	2	100					
43	снаружи	1	1	100					
44	вглубь	1	1	100					
		59271	307153				86504	284699	

Легенда: 1 – предлог, 2 – количество употреблений в пространственном значении, 3 – общее количество употреблений, 4 – процент употреблений в пространственном значении

В целом объем отобранных контекстов в немецком корпусе составил 86 504, а в русском – 59 271 контекстов, что представляет собой весьма внушительное количество материала для выполнения сопоставительного семантического и дистрибутивного анализа коррелирующих пространственных предлогов в немецком и русском языках. Наиболее объемными оказались конкордансы таких коррелирующих пар предлогов, как *in* и *в* (46 419 и 34 875 контекстов соответственно), *an*, *auf* и *на* (7800, 8356 и 11 169 контекстов соответственно), *aus* и *из* (6348 и 3460 соответственно) и др.

Столь значительный объем корпусных данных, скорее всего, типичен для языковых явлений, граничащих с грамматическими феноменами, – для союзов, местоимений, падежных окончаний и т. д. С одной стороны, нужно определить разумные границы в работе с частотным материалом (в соответствии с принципом экономичности): известно, что при сплошной выборке контекстов для исследуемой языковой единицы после достижения определенного количества языковой материал не сообщает ничего нового о качественных аспектах ее употребления [8]. Следовательно, возникает необходимость ограничить количество контекстов, подлежащих исследованию, разумными пределами. С другой стороны, следует определить минимальное достаточное количество контекстов для исследования семантики менее употребительных предлогов. Напомним, что в немецкой части нашего исследовательского корпуса из 37 предлогов

только десять представлены в их пространственных употреблениях в количестве более 1000 контекстов, конкордансы тринадцати насчитывают от 100 до 1000 контекстов, а для четырнадцати предлогов количество примеров в выборке составляет менее 100 контекстов. Сходная картина наблюдается и для предлогов русского языка. Здесь к высокочастотным, т. е. таким, для которых количество выявленных контекстов составляет выше 1000, можно отнести семь предлогов, к среднечастотным (от 100 до 1000 контекстов) – девять, и к низкочастотным – 27 (табл. 2).

2.3. Ограничение количества исследовательского материала с применением точных методов

К сожалению, в лингвистике при определении количества языкового материала, подлежащего анализу, чаще руководствуются субъективной оценкой по принципу «много – мало», не прибегая к точным методам для его обоснования. С нашей точки зрения, для этих целей оптимально подходит методика, разработанная А. Н. Барановым в рамках проекта сопоставительного исследования русской и немецкой политической метафорики периода перестройки в СССР и воссоединения Восточной и Западной Германии [10; 135]. Поскольку данная методика требует определенной модификации в зависимости от единицы исследования, мы излагаем опыт ее применения в настоящем исследовании, что может иметь, с нашей точки зрения, методологическое значение.

Методика А. Н. Баранова основана на идее «**накопления и коррекции** относительной частоты» в процессе сплошного отбора контекстов употреблений. Суть методики заключается в том, что некоторый объект исследования (у автора это метафорическая модель) в проблемной области, т. е. во множестве речевых употреблений, имеет некоторую частоту, которая нам неизвестна. В отобранном корпусе частота исследуемого явления может приближаться к этой реальной частоте или существенно отличаться от нее. Проверить это можно в следующем эксперименте.

Если разбить имеющуюся выборку употреблений на отдельные сегменты (строгие подмножества), то в некоторой произвольно взятой выборке примеров A_1 эта единица получает, например, частоту F_1 , которая, скорее всего, будет отличаться от частоты данного явления в проблемной области. При дальнейшем накоплении материала в выборке $A_1+A_2+\dots+A_n$ при условии достижения репрезентативности корпуса относительная частота исследуемого явления будет все больше приближаться к некоторому значению F_m – реальному значению частоты явления в проблемной области, причем эта тенденция должна сохраняться в каждом последующем замере. Также и разница между относительными частотами смежных сегментов, именуемая **параметром отклонения**, с определенного замера должна уменьшаться. Согласно автору, именно этот параметр позволяет судить о

репрезентативности корпуса. Графически это выражается в тенденции движения кривой замеров к пределу – горизонтали, и свидетельствует о достижении, по меньшей мере относительной репрезентативности корпуса, – репрезентативности, достигнутой относительно данного явления.

Мы повторили эксперимент А. Н. Баранова на нашем материале в соответствии с объектом и задачами нашего исследования. Поскольку нам необходимо проанализировать и сопоставить употребительность предлогов с наименованиями классов объектов, мы проследили динамику относительной частоты употреблений предлогов с наименованиями отдельных классов объектов в замерных множествах.

Оценка репрезентативности корпуса проводилась на примере немецких предлогов *auf* и *aus*, а также русских предлогов *на* и *по*. Из конкордансов употреблений выбранных для эксперимента предлогов мы взяли по 1500 примеров, которые, в свою очередь, были разбиты на 15 замерных множеств по сто контекстов в каждом. Контексты для *auf*, *aus* и *на* были разбиты на 15 равных частей, из каждой части брались первые сто примеров; конкорданс предлога *по* практически весь вошел в эксперимент, поскольку количество контекстов, его образующих, составляет чуть более 1900.

Контексты каждого сегмента мы рассортировывали в соответствии с разработанной нами единой классификацией наименований объектов²⁶. Таким образом, для каждого предлога по каждому из классов объектов был получен ряд из 15 значений, представляющих собой абсолютную частоту употреблений предлога с наименованиями объектов данного класса в соответствующем сегменте.

После вычисления относительных частот в каждом сегменте, а также определения параметров отклонения мы смогли построить график динамики изменения этих параметров. В качестве примера мы приводим таблицу расчетов (табл. 3) и график динамики изменения параметров отклонения для употреблений коррелирующих предлогов *auf* и *на* с наименованиями класса «Вещепризнаки» (рис. 9).

Результаты эксперимента показывают, что стабилизация кривой в подавляющем большинстве случаев происходит до десятого замера, т. е. в пределах от 200 до 1000 контекстов (табл. 4); средний показатель репрезентативного количества контекстов, рассчитываемый нами как среднее арифметическое от суммы замеров, с которых началась стабилизация, составляет для *auf* 440, для *aus* – 570, для *на* – 420 и для *по* – 370 контекстов соответственно. Такое количество можно считать условной верхней границей при анализе материала. Согласно выборке из русской части нашего корпуса, 400 и более контекстов насчитывают конкордансы таких пространственных предлогов, как *в*, *на*, *под*, *с/со*, *из*, *к*, *от*, *по*, *у* (10 из 43). В выборке из немецкой части корпуса свыше 400 контекстов пространственных употреблений составляют конкордансы предлогов *in*, *an*, *auf*, *bei*, *durch*, *bis*, *nach*, *neben*, *über*, *aus*, *um*, *von*, *zu*, *zwischen*, *vor*, *hinter* (17 из 37).

---

²⁶ Основания классификации изложены в п. 2.4.

Таблица 3

Расчет изменения параметров отклонения употреблений *auf* и *na*
с наименованиями класса «Вещепризнаки»

Сегменты	M1		M1+M2			M1+M2+M3			M1+...M4		
	AF	F1	AF	F2	Q1 (F2-F1)	AF	F3	Q2 (F3-F2)	AF	F4	Q3 (F4-F3)
<i>auf</i> + веще- признаки	25	0,25	41	0,205	-0,045	63	0,21	0,005	81	0,203	-0,008
<i>na</i> + веще- признаки	11	0,11	44	0,22	0,11	55	0,183	-0,037	59	0,148	-0,036

Сегменты	M1+...M5			M1+...M6			M1+...M7			M1+...M8		
	AF	F5	Q4 (F5-F4)	AF	F6	Q5 (F6-F5)	AF	F7	Q6 (F7-F6)	AF	F8	Q7 (F8-F7)
<i>auf</i> + веще- признаки	96	0,192	-0,0105	111	0,185	-0,007	128	0,183	-0,0021	142	0,176	-0,005
<i>na</i> + веще- признаки	72	0,144	-0,004	96	0,16	0,016	125	0,179	0,019	155	0,194	0,015

Сегменты	M1+...M9			M1+...M10			M1+...M11			M1+...M12		
	AF	F9	Q8 (F9-F8)	AF	F10	Q9 (F10-F9)	AF	F11	Q10 (F11-F10)	AF	F12	Q11 (F12-F11)
<i>auf</i> + веще- признаки	164	0,182	0,005	187	0,187	0,005	218	0,198	0,011	238	0,198	0,0002
<i>na</i> + веще- признаки	194	0,216	0,022	224	0,224	0,008	247	0,225	0,001	266	0,222	-0,003

Сегменты	M1+...M13			M1+...M14			M1+...M15		
	AF	F13	Q12 (F13-F12)	AF	F14	Q13 (F14-F13)	AF	F15	Q14 (F15-F14)
<i>auf</i> + веще- признаки	250	0,192	-0,006	257	0,184	-0,009	270	0,18	-0,004
<i>na</i> + веще- признаки	286	0,22	-0,002	305	0,218	-0,002	313	0,209	-0,009

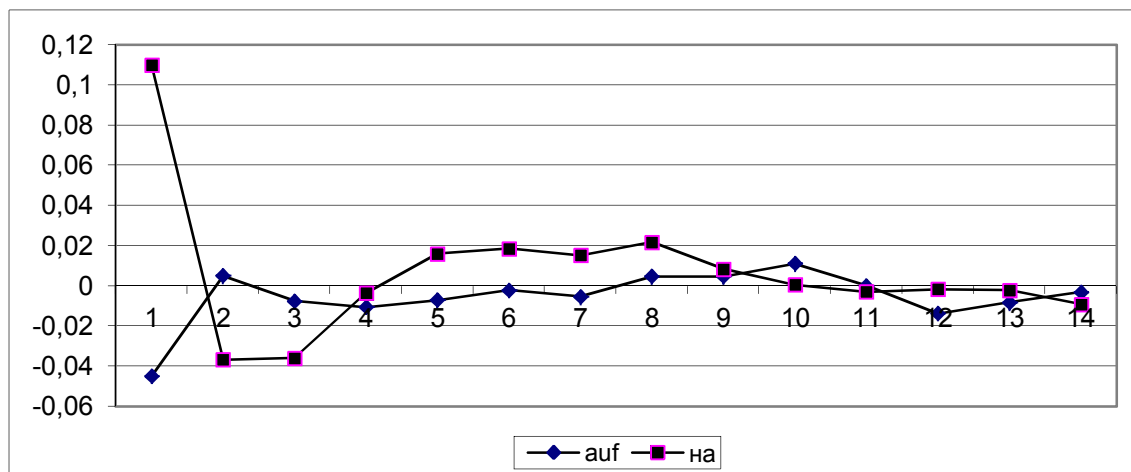

Рис. 9. Динамика изменения параметра отклонения для предлогов *auf* и *на* с наименованиями класса объектов «Вещепризнаки»

Таблица 4

Начальная граница стабилизации кривой для употребления предлогов с наименованиями классов объектов²⁷

№	Класс объектов	Порядковый номер сегмента			
		auf	aus	на	по
1	Человек	6	5	4	4
2	Части тела	4	5	3	6
3	Геополитические объекты	9	2	3	3
4	Здания	2	6	4	3
5	Части зданий	5	6	8	4
6	Транспортные средства	6	4	5	-
7	Ограниченно подвижные артефакты	4	6	3	7
8	Геофизические объекты	3	9	3	3
9	Пути	3	8	3	5
10	Вещепризнаки	2	8	6	2

Таким образом, можно говорить о достижении репрезентативности, по меньшей мере, для этих выше названных предлогов. Что касается менее употребительных предлогов, то граница репрезентативности для них существенно отличается: мотивированность внутренней формы предлога, а также наличие в семантической структуре большего количества однозначно маркированных признаков накладывают ограничения на способность предлогов употребляться с наименованиями отдельных классов объектов. Соответственно, объем репрезентативной выборки для таких предлогов существенно ниже.

²⁷ Обоснование репрезентативности исследуемых корпусов изложено также в [264]. В настоящей работе представлены уточненные данные, рассчитанные из уточненной классификации объектов.

2.4. Дистрибуция пространственных предлогов: классификация наименований объектов

Как известно, при помощи предлога соотносятся имена двух объектов; исключение составляют конструкции с такими предлогами, как *zwischen/между* и *unter/cреди* – они именуют ситуации, когда один объект соотносится с двумя или несколькими объектами. Соотносимые в пространстве объекты в предложной конструкции получают роли релятума и локализуемого объекта. После отбора контекстов, в которых немецкие и русские предлоги употребляются в пространственном значении, получено некоторое множество наименований объектов, функционирующих в предложных конструкциях в качестве релятумов. Для проведения сопоставления дистрибуции предлогов в предложных рядах одного языка, а также коррелирующих предлогов сравниваемых языков необходима единая классификация наименований этих пространственных объектов. Речь идет о создании таксономий объектов, с наименованиями которых употребляются предлоги.

В лингвистике существует множество семантических классификаций имен (см., например, обзор классификаций по принципу партонимии в [97], о тематических классификациях в [48; 118]). Как справедливо отмечает М. В. Никитин, «одна и та же вещь может быть объектом многочисленных классификаций на разных основаниях, по разным признакам» [79]. В нашем случае упорядоченному представлению подлежат ограниченный рамками исследования круг существительных – релятумов, при этом требуемая классификация должна основываться на знаниях о пространственной организации и пространственных свойствах объектов, нашедших отражение в языке.

В исследованиях по пространственной лингвистике представлены, главным образом, классификации объектов, наименования которых употребляются с дименциональными предлогами [149; 177; 181; 197; 207; 212; 226; 257; 261]. В них объекты подразделяются по своей организации относительно антропоморфной трехмерности пространства²⁸. В нашем же случае исследуется дистрибуция как дименциональных, так и топологических предлогов, что обуславливает необходимость создания собственной классификации, в которой учитывались бы не только дименциональные характеристики объектов.

Для разработки этой классификации сначала нужно определить релевантные характеристики объектов, которые послужат ее основой. Для этого обратимся к понятию самого пространственного объекта.

Объект является философской категорией. Как сказано в Философском словаре 1987, данным термином обозначается то, «на что направлена познавательная и иная деятельность» субъекта. Субъект и объект противопоставляются и рассматриваются во взаимодействии. В

---

²⁸ Обсуждение этих классификаций смотри в § 1.5.4.

пространственной лингвистике объект как термин получает иное толкование, здесь речь идет о пространственных объектах, которые в философии обозначаются, скорее, как тело (Körper) или вещь (Ding), предмет (Gegenstand) [180]. Среди философов, занимавшихся определением пространственных тел, или объектов, следует, в первую очередь, назвать Аристотеля (определение тела в противопоставлении месту), Декарта (определение тела по отношению к движению: телом является часть материи, которая может перемещаться одновременно) [180, S. 90–91, 249].

Объекты пространства занимают также важное место в психологических теориях, связанных с исследованием чувственного восприятия, например, в гештальт-психологии; при решении практических задач, таких как лингвистическое обеспечение компьютерных систем навигации транспортных средств. Здесь выделяются такие свойства объекта, как целостность, выделенность из фона, неотъемлемость частей и др. [21; 32; 118; 179; 180, S. 1776–1783].

При определении объекта пространства в лингвистике используются достижения философов и психологов. Например, Е. С. Кубрякова дает следующую дефиницию рассматриваемому понятию: согласно автору, объект – «это простейший результат дискретизации универсума, выделения в пространстве его отдельных фрагментов, признания за выделенным фрагментом определенной обособленности и самостоятельности, осознания разных форм материи, заполняющих пространство и в нем отделимых друг от друга» [62, с. 242]. Объект представляет собой нечто целостное, выделяемое из окружающей среды. В качестве основных свойств объекта Е. С. Кубрякова называет зрительную отдельность физических тел, их выделяемость и стабильность во времени (там же, с. 242–244). М. В. Никитин определяет пространственные объекты – в терминологии автора это физические тела – через наличие границ в пространстве: «Пространственная граница очерчивает физическое тело. Оставаясь в рамках этих границ, которые со временем тоже могут меняться, тело принимается за тождественное себе, за одно и то же, какие бы с ним ни происходили изменения» [79, с. 413].

Таким образом, к числу важнейших свойств, конституирующих пространственные объекты, можно отнести целостность, дискретность, выделенность, ограниченность в пространстве. Все эти свойства даются в чувственном, в первую очередь, зрительном восприятии.

Рассмотрим онтологические свойства объектов, наименования которых функционируют в предложных конструкциях с пространственным значением.

Выявлено, что распределение этих ролей не случайно. Локализуемый объект определяется контекстом: это актуальный для данной коммуникативной ситуации объект, положение в пространстве которого значимо для адресата. Релятум же не обязательно задается контекстом. Предполагается, что его пространственная локализация либо должна быть

известна адресату, либо он настолько выделяется среди окружающих объектов, что может использоваться для ориентации [181; 196]. В общем, выделяются следующие основные тенденции при выборе говорящим локализуемого объекта:

1) чаще всего роль локализуемого объекта выполняют объекты из окружения или те объекты, которые могут заполнить фон объекта, положение которого в пространстве подлежит описанию, т. е. локализуемому; этот случай представляет собой отношение «figure – ground» [32; 115; ср. 62, с. 83; 258; 259];

2) бóльший из двух объектов выступает в качестве локализуемого, а меньший – в качестве локализуемого [181, S. 36];

3) подвижные объекты имеют тенденцию выступать в качестве локализуемых, а неподвижные, стационарные – в качестве локализующих (ср. [62, с. 142; 115, с. 23]).

Таким образом, важнейшими свойствами объектов-релятумов являются величина и стационарность либо перемещаемость в пространстве. Уточним критерии подразделения наименований объектов по данным параметрам.

Что касается величины, отметим, что речь идет не о разделении объектов по принципу «большой – маленький»: в силу бесконечной вариативности и оценочного характера данного показателя это является задачей практически неосуществимой. Решающей для такого подразделения выступает возможность целостного визуального восприятия объекта, на основании чего все объекты можно подразделить на два типа: чувственно (зрительно) воспринимаемые и воображаемые, т. е. такие, одномоментное зрительное восприятие и отграничение которых в их целостности невозможно. Собственно говоря, объекты второго типа выделяются как таковые благодаря языку, который сам является средством дискретизации внеязыковой действительности (об этом свойстве языка см. в [8]).

Первый тип объектов относят к *перцептивному* пространству (*Wahrnehmungsraum*), второй – к *воображаемому* (*Vorstellungsraum*) [180; 183]). В. Грисхабер отмечает, что в языке предлоги употребляются по отношению к наименованиям как объектов перцептивного пространства, так и объектов воображаемого пространства [183, S. 96]. Мы говорим, что *живем в стране, едем за океан, устремляемся в бесконечность*, хотя использованные релятумы как дискретные пространственные объекты имеют достаточно условный характер, а зрительное восприятие таких объектов в их целостности в обычных условиях невозможно.

Мы предполагаем, что принадлежность объектов к одному из пространств – перцептивному или воображаемому – оказывает влияние на употребление предлогов с их наименованиями. Подтвердить или опровергнуть это предположение может анализ дистрибуции данных языковых единиц.

На основании критерия стационарности vs. перемещаемости пространственные объекты можно подразделить на:

- неподвижные объекты; эти объекты занимают в пространстве некоторое постоянное положение (здания и сооружения, деревья);
- свободно подвижные объекты, т. е. такие, которые могут передвигаться самостоятельно (люди, животные), либо созданные для движения (транспортные средства); их положение в пространстве нестабильно;
- ограниченно подвижные или перемещаемые объекты: их положение в пространстве относительно постоянно, но может меняться в зависимости от воли действующего субъекта (например, предметы обстановки, приборы).

Следующим свойством пространственных объектов, релевантным для употребления по отношению к их наименованиям предлогов, является их ингерентная ориентация по горизонтали «спереди – сзади» и вертикали «верх – низ». В зависимости от представленности данного свойства все пространственные объекты можно разделить на *ингерентно* (интринзически, или канонически) *ориентированные* объекты и объекты *без такой ориентации*.

Пространственные объекты первой группы обладают канонической ориентацией по вертикали, часть из них имеет выделенную переднюю сторону, маркированную имманентными признаками, например, здания, приборы, машины. Нельзя утверждать обратное, что все пространственные объекты, имеющие выделенную фасадную сторону, ориентированы по вертикали. Насколько известно, исследования по выявлению этой взаимозависимости не проводились.

Характерно, что ингерентную ориентацию по вертикали обнаруживает гораздо большее количество объектов; такая ориентация присуща многим объектам природы (растения, люди, животные, горы, водоемы и т. д.), в то время как маркированной фронтальной стороной обладают люди и большинство представителей животного мира, а также часть артефактов (машины, приборы, здания и др.). Для верхней, нижней части, передней, задней стороны некоторых объектов существуют языковые обозначения. Например, такие существительные, как *голова, макушка, крыша*, служат для обозначения верхней части объектов, а *ноги, подвал, дно* – для обозначения нижней части; существительные *лицо, фасад* именуют переднюю сторону, а *спина, тыл* – заднюю.

У объектов второй группы нет имманентных признаков, которые выделяли бы одну из сторон (например, природные объекты – камни, различные природные материалы, тучи; артефакты – мячи, стены). В речи верхняя, нижняя, передняя, задняя сторона приписываются таким объектам путем употребления с их наименованиями димензиональных языковых средств, в частности предлогов. Как показывают исследования, наличие в значении существительного информации об ингерентной ориентации

обозначаемого им объекта самым непосредственным образом влияет на его употребительность с димENSIONАЛЬНЫМИ предложениями [1; 12; 168; 181 и др.].

На основании изложенных критериев мы выделяем следующие классы наименований объектов, с которыми употребляются пространственные предлоги:

1. Наименования людей и животных: релятумы данного класса представляют собой свободно подвижные, ингерентно ориентированные по вертикали и по горизонтали объекты. Поскольку наименования животных чрезвычайно редко употребляются в предложных конструкциях с пространственным значением в качестве релятумов (общее количество контекстов с этими релятумами составило для немецкого корпуса шесть, а для русского восемь контекстов), в дальнейшем мы будем говорить только о наименованиях человека.

2. Наименования геополитических объектов – стран, административных единиц, городов, поселений. Объекты данного класса можно охарактеризовать как стационарные, не имеющие ингерентной ориентации, относящиеся к воображаемому пространству.

3. Наименования зданий и сооружений; они представляют собой стационарные, ингерентно ориентированные по вертикали и часто по первой горизонтали объекты, доступные непосредственному восприятию.

4. Наименования транспортных средств; релятумы данного класса являются свободно подвижными, ингерентно ориентированными объектами.

5. Ограниченно подвижные артефакты: данный класс наиболее разнообразен по составу, в него вошли все артефакты – наименования мебели, бытовых приборов, посуды, одежды, технических средств и инструментов и др. Несмотря на разнородность функций, форм и размеров, объекты данного класса обнаруживают ряд общих пространственных характеристик – они являются ограниченно подвижными и в большинстве своем ингерентно ориентированными.

6. Наименования геофизических объектов: в данный класс объединены все релятумы, представляющие географические объекты и объекты неживой природы. Общими пространственными характеристиками объектов этого класса являются стационарность и отсутствие ингерентной ориентации по первой горизонтали. С точки зрения отношения к визуальному восприятию, данный класс является смешанным. В него вошли как наименования объектов воображаемого пространства (*вселенная, океан*), так и объекты воспринимаемого пространства (*камень, трава*).

7. Наименования путей: сюда относятся наименования улиц, дорог, площадей и т. д., т. е. таких пространств, которые специально созданы человеком для передвижения.

Язык как средство дискретизации континуума среды, окружающей человека, именуется не только целостные пространственные объекты, воспринимаемые «как топологически единое объединение поверхностей, сохраняющее свою связность при движении» [62, с. 83], но и их части

(отделимые и неотделимые). Их наименования также могут выступать в предложных конструкциях в качестве релятивов, при этом употребление с ними предлогов характеризуется рядом особенностей. Как будет продемонстрировано ниже, при локализации в отношении «целых» объектов частично употребляются другие предлоги, чем при локализации в отношении их частей, а при употреблении некоторых предлогов части объектов могут быть классифицированы как отделимые или неотделимые. В силу этого мы выделяем классы релятивов, именующих части объектов:

8. Наименования частей тела человека.

9. Наименования частей зданий и сооружений.

Денотатами всех перечисленных классов наименований являются физические тела и их комбинации. Однако среди анализируемых нами релятивов широко представлен класс имен, которые служат для обозначения денотатов особого рода. На этот класс особое внимание обращал М. В. Никитин, который отмечал, что при подразделении имен на конкретные субстантивы – имена физических тел и абстрактные существительные – имена признаков физических тел – «выделяется достаточно обширный класс вещных слов с нечеткими границами» [79, с. 413]. У автора эти слова получают название «вещепризнаки», данный термин мы используем и в нашей классификации. В качестве примеров вещепризнаков М. В. Никитин приводит существительные *отверстие, нора, пещера, зияние, ров, канава, шурф, колея, царапина*. Особенностью денотатов данных слов является то, что «их граница образуется границей других субстанциональных тел, сами они невещественные части организованного пространства, сформированные определенным образом пространственные пустоты». Лингвист отмечает важную характеристику этих денотатов: «Пространственно они дополнительные к типичным физическим телам. И те и другие имеют пространственную границу, но у одних она заполнена определенной субстанцией, а у других – нет, и границы последних – обратная сторона первых» [там же, с. 414].

Класс вещепризнаков весьма разнороден по составу. Помимо имен типа *щель, дыра, край*, которые вполне согласуются с определением, данным М. В. Никитиным, т. е. обозначают пространственные свойства физических тел, мы отнесли сюда наименования частей света (например, *север, юг*), наименования различных характеристик пространства с точки зрения дистанции (например, *даль*), трехмерности (*глубина, высота* и т. п.), заполненности (например, *пустота*), других свойств (*тишина, никуда*). В обобщенном виде разработанная нами классификация представлена в табл. 5.

Наша классификация не претендует на абсолютную полноту и точность, поскольку отдельные классы объектов не имеют четких границ, один и тот же объект можно отнести к разным классам. Например, реки часто классифицируются как пути, а мосты могут рассматриваться как сооружения. При неоднозначности подобного рода мы исходили из онтологического статуса объекта. Так, реки в нашей классификации относятся к геофизическим объектам, а мосты – к путям.

Таблица 5

Классификация наименований объектов в соответствии с онтологическими пространственными свойствами

№	Класс объектов	Примеры
1	Человек	Личные местоимения, а также возвратное местоимение себя/sich, существительные, указывающие на пол, возраст, профессию, имена собственные и др.
2	Части тела	Существительные типа <i>голова/Kopf</i> , <i>нога/Fuß</i> , <i>живот/Bauch</i> , <i>глаз/Auge</i> , <i>нос/Nase</i> .
3	Геополитические объекты	Наименования частей света, стран, городов, поселений, существительные типа <i>деревня/Dorf</i> , <i>лагерь/Lager</i> , <i>кладбище/Friedhof</i> .
4	Здания и сооружения	<i>Дом/Haus</i> , <i>вилла/Villa</i> , <i>школа/Schule</i> , <i>дворец/Palast</i> , <i>киоск/Kiosk</i> , <i>министерство/Ministerium</i> , <i>светофор/Ampel</i> .
5	Части зданий	<i>Окно/Fenster</i> , <i>дверь/Tür</i> , <i>стена/Wand</i> , <i>лестница/Treppe</i> , <i>балкон/Balkon</i> , <i>крыша/Dach</i> .
6	Транспортные средства	Наименования средств передвижения, например <i>грузовик/Lkw</i> , <i>велосипед/Fahrrad</i> , <i>корабль/Schiff</i> , <i>самолет/Flugzeug</i> , <i>поезд/Zug</i> .
7	Ограниченно подвижные артефакты	<i>Шкаф/Schrank</i> , <i>ковер/Teppich</i> , <i>картина/Bild</i> , <i>компьютер/Computer</i> , <i>прибор/Gerät</i> , <i>стакан/Glas</i> , <i>обувь/Schuhe</i> .
8	Геофизические объекты	Наименования водоемов, континентов, гор, лесов, растений, материалов, встречающихся в природе.
9	Пути	<i>Дорога/Bahn</i> , <i>путь/Weg</i> , <i>улица/Straße</i> , <i>площадь/Platz</i> , <i>двор/Hof</i> , <i>мост/Brücke</i> .
10	Вещепризнаки	<i>Сторона/Seite</i> , <i>конец/Ende</i> , <i>часть/Teil</i> , <i>линия/Linie</i> , <i>граница/Grenze</i> , <i>поверхность/Oberfläche</i> , <i>высота/Höhe</i> , <i>глубина/Tiefe</i> , <i>место/Platz</i> , <i>Stelle</i> , <i>точка/Punkt</i> , <i>угол/Ecke</i> , <i>край/Rand</i> , <i>север/Norden</i> , <i>юг/Süden</i> .

С другой стороны, одно и то же имя может обозначать объекты с разными пространственными характеристиками, такое имя может, соответственно, входить в несколько классов в зависимости от реализуемого значения. Например, немецкое существительное *Raum* может выступать в значениях ‘помещение’ (согласно Duden-online «zum Wohnen, als Nutzraum o. Ä. verwendeter, von Wänden, Boden und Decke umschlossener Teil eines Gebäudes» ‘используемое для жилья и т. п. полезное пространство, часть здания, ограниченная стенами, полом и потолком’) и ‘пространство’ («in Länge, Breite und Höhe nicht fest eingegrenzte Ausdehnung» ‘не имеющая четких границ протяженность в длину, ширину и высоту’). В первом значении это существительное будет отнесено к классу «Здания и сооружения», во втором – к классу «Вещепризнаки».

2.5. Влияние тематического наполнения корпуса на дистрибутивные показатели пространственных предлогов

Рассматривая проблему репрезентативности в контексте дистрибуции предлогов, необходимо решить еще одну задачу: выяснить, насколько тематическая направленность анализируемого материала влияет на дистрибутивные показатели предлогов. Можно предположить, что в зависимости от тематики текстов, которая, несомненно, отличается от сегмента к сегменту и от газеты к газете (напомним, что содержательное наполнение русской части нашего корпуса составляют статьи двенадцати газет), показатели употребительности предлогов с отдельными классами объектов по сегментам будут колебаться от нуля до максимальных показателей, что также может повлиять на достоверность получаемых результатов. С целью верификации этого предположения мы проверили представленность отдельных классов объектов в замерных сегментах выборки. В табл. 6 в качестве примера приведены абсолютные количественные показатели употреблений предлога *aus*, а в табл. 7 – предлога *no* с наименованиями классов объектов по замерным сегментам.

Таблица 6

Количественные показатели употребления предлога *aus* с наименованиями классов объектов по сегментам

Класс объектов	Номер сегмента														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Человек	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Части тела	3	2	0	0	1	4	2	1	2	2	0	1	2	5	2
Геополитические объекты	34	49	49	49	34	36	49	46	56	55	65	54	58	48	68
Здания	22	26	30	23	14	13	12	7	12	12	3	11	7	5	6
Части зданий	18	5	5	17	21	23	13	14	3	3	4	6	7	10	3
Транспортные средства	4	2	0	0	5	0	1	3	6	0	1	2	4	2	2
Ограниченно подвижные артефакты	9	1	2	2	7	9	6	2	7	4	1	5	3	8	6
Геофизические объекты	3	3	5	2	5	7	4	1	2	6	6	7	3	4	5
Пути	2	1	1	2	3	1	2	5	0	0	0	0	1	2	0
Вещепризнаки	4	11	8	5	10	6	11	21	12	18	20	14	15	16	8

Таблица 7

Количественные показатели употребления предлога *по* с наименованиями классов объектов по сегментам

Класс объектов	Номер сегмента														
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Человек	0	0	0	0	4	0	0	0	2	2	0	0	0	1	0
Части тела	5	5	8	9	5	4	8	5	11	6	1	8	5	4	4
Геополитические объекты	19	24	32	24	15	18	31	39	23	45	35	28	23	19	37
Здания	6	3	1	7	5	13	5	8	6	2	6	8	8	5	6
Части зданий	8	6	5	9	7	4	8	3	10	5	2	7	8	0	9
Транспортные средства	0	1	2	0	1	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0
Ограниченно подвижные артефакты	1	3	3	5	7	5	0	7	6	4	5	4	5	6	2
Геофизические объекты	15	13	6	13	10	10	8	15	13	7	9	15	23	23	9
Пути	20	30	24	11	22	14	14	14	12	10	24	8	18	13	22
Вещепризнаки	26	15	19	22	24	32	26	9	17	19	18	21	9	29	11

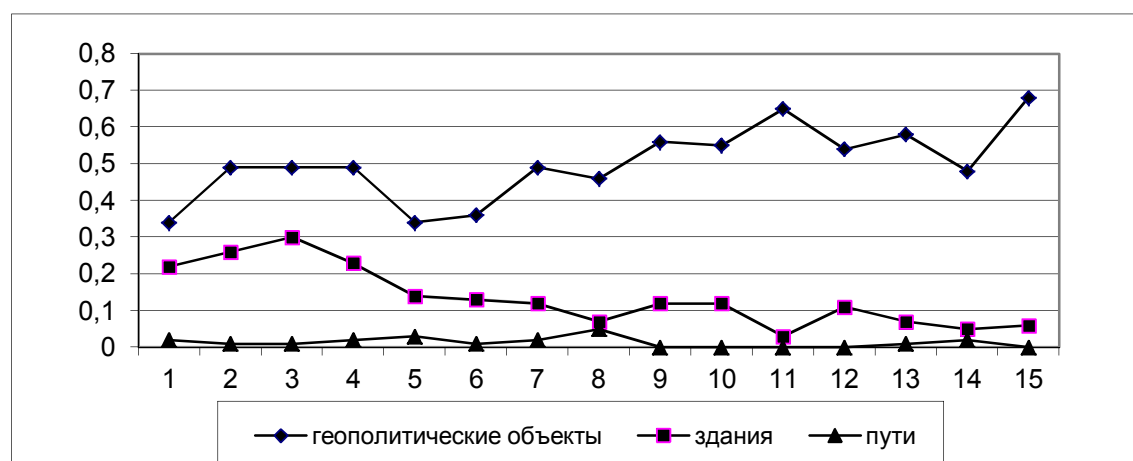

Рис. 10. Распределение относительных частот употребления предлога *aus* с наименованиями классов объектов «Геополитические объекты», «Здания и сооружения», «Пути»

Оценивая представленность наименований классов объектов в замерных множествах, мы отметили наличие высокочастотных, среднечастотных и низкочастотных классов. Так, высокой частотой

характеризуется употребительность предлога *aus* с наименованиями геополитических объектов: относительная частота для наименований данного класса по замерным множествам колеблется от 0,34 до 0,68 ($0,34 < F < 0,68$); менее частотны употребления данного предлога с именами, образующими класс «Здания и сооружения» ($0,03 < F < 0,3$); к низкочастотным можно отнести употребления *aus* с наименованиями объектов класса «Пути» ($0 < F < 0,05$) (рис. 10).

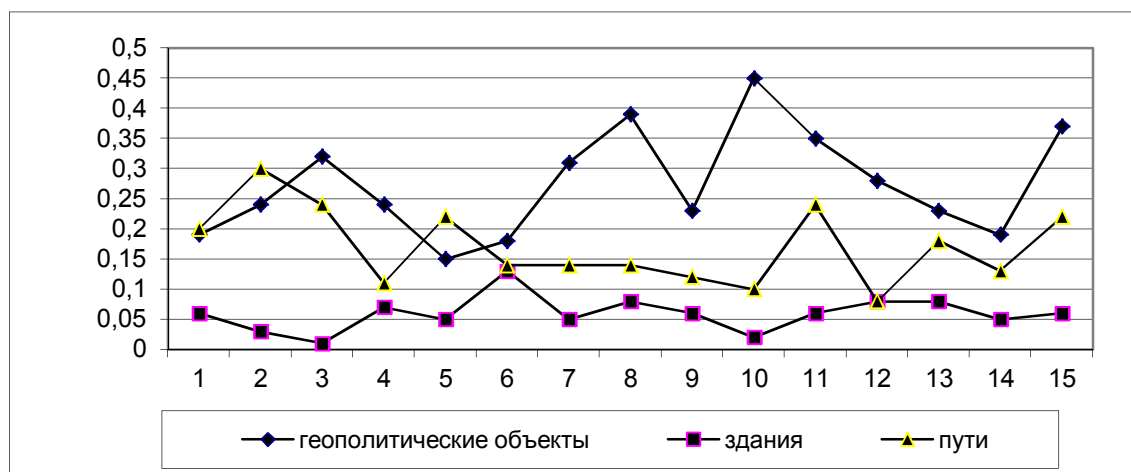

Рис. 11. Распределение относительных частот употребления предлога *no* с наименованиями классов объектов «Геополитические объекты», «Здания и сооружения», «Пути»

Для предлога *no* геополитические объекты также являются высокочастотным классом ($0,15 < F < 0,45$), средней частотностью употреблений с данным предлогом характеризуются объекты класса «Пути» ($0,08 < F < 0,3$) и низкой – объекты класса «Здания и сооружения» ($0,01 < F < 0,08$) (рис. 11).

Как видно из представленных графиков, показатели относительной частоты по отдельным сегментам колеблются в рамках определенного диапазона и характеризуются относительной стабильностью. Отсюда следует важный теоретический вывод: **употребительность пространственных предлогов с наименованиями классов объектов в рамках одного стиля не зависит (или зависит в незначительной степени) от тематической направленности текстов и является величиной относительно стабильной.** С точки зрения репрезентативности важно отметить, что высоко- и среднечастотные наименования обнаруживаются уже с первых замеров.

2.6. Проблема определения предложных коррелятов

В круг задач нашей работы входят определение семантических оснований корреляции предлогов с пространственным значением в сравниваемых языках, а также выявление семантических характеристик коррелирующих предлогов. Поясним, что имеется в виду под корреляциями этих предлогов.

Известно, что в целом отношения, выражаемые первообразными предлогами в европейских языках, коррелируют: существуют предлоги, выражающие отношение нахождения внутри некоторого объекта (рус. *в*, нем. *in*, англ. *in*, итал. *in*), отношение нахождения на поверхности (рус. *на*, нем. *auf*, англ. *on*, итал. *su*) и т. д. Однако употребление данных языковых единиц носителями языка, несмотря на кажущееся сходство семантики, сопряжено со значительными трудностями [145; 176]. Это свидетельствует о неоднозначности коррелятивных отношений между локативными предлогами разных языков. В табл. 8 приведены переводы на русский язык наиболее употребительных предлогов немецкого языка в пространственном значении, данные в Большом немецко-русском словаре 1980.

Из таблицы следует, что в качестве переводных эквивалентов для *in* указываются по основному значению и предлог *в*, и предлог *на*. Однако предлог *на* соотносит локализуемый объект с поверхностью. В этом смысле он фактически оказывается антонимом предлогу *в* и соответственно *in*. Между тем, оба русских предлога – *в* и *на* – могут выступать переводными эквивалентами и для таких немецких предлогов, как *an*, *zu*, *nach*. Другими переводными эквивалентами для предлога *an* выступают предлоги *у*, *близ*, *около*, *возле*, *при*; при этом ту же функцию данные предлоги выполняют и по отношению к *bei* и *neben*. Для немецкого предлога *vor* дается только один вариант перевода – *перед*, однако сопоставление параллельных литературных текстов на немецком и русском языках показывает, что данный немецкий предлог используется при переводе таких русских предлогов, как *за*, *из-за*, *под*, *в*, *возле*, *к*, *на*, *около*, *по*, *у*, а также беспредложных конструкций с глаголом *прикрывать* [261, S. 11–12].

Таблица 8

Перевод немецких пространственных предлогов на русский язык
в Большом немецко-русском словаре

<i>in</i>	в, на
<i>auf</i>	на, в, по
<i>zu</i>	к, на, в
<i>nach</i>	в, на, к, за
<i>an</i>	у, близ, около, возле, при, на, в
<i>bei</i>	у, при, под, возле, подле
<i>neben</i>	около, рядом с, возле, у, при, подле
<i>vor</i>	перед

Корреляции предлогов, о которых идет речь, схематично представлены на рис. 12. Схема корреляций весьма запутана и неоднозначна вплоть до «переводной» энантиосемии отдельных предлогов, например, предлог *in* коррелирует как с *в*, так и с *на*, предлог *vor* – с *перед* и *за*. Для систематизации сопоставления необходимо выделить общее основание, которое бы позволило структурировать собственно подсистему пространственных предлогов.

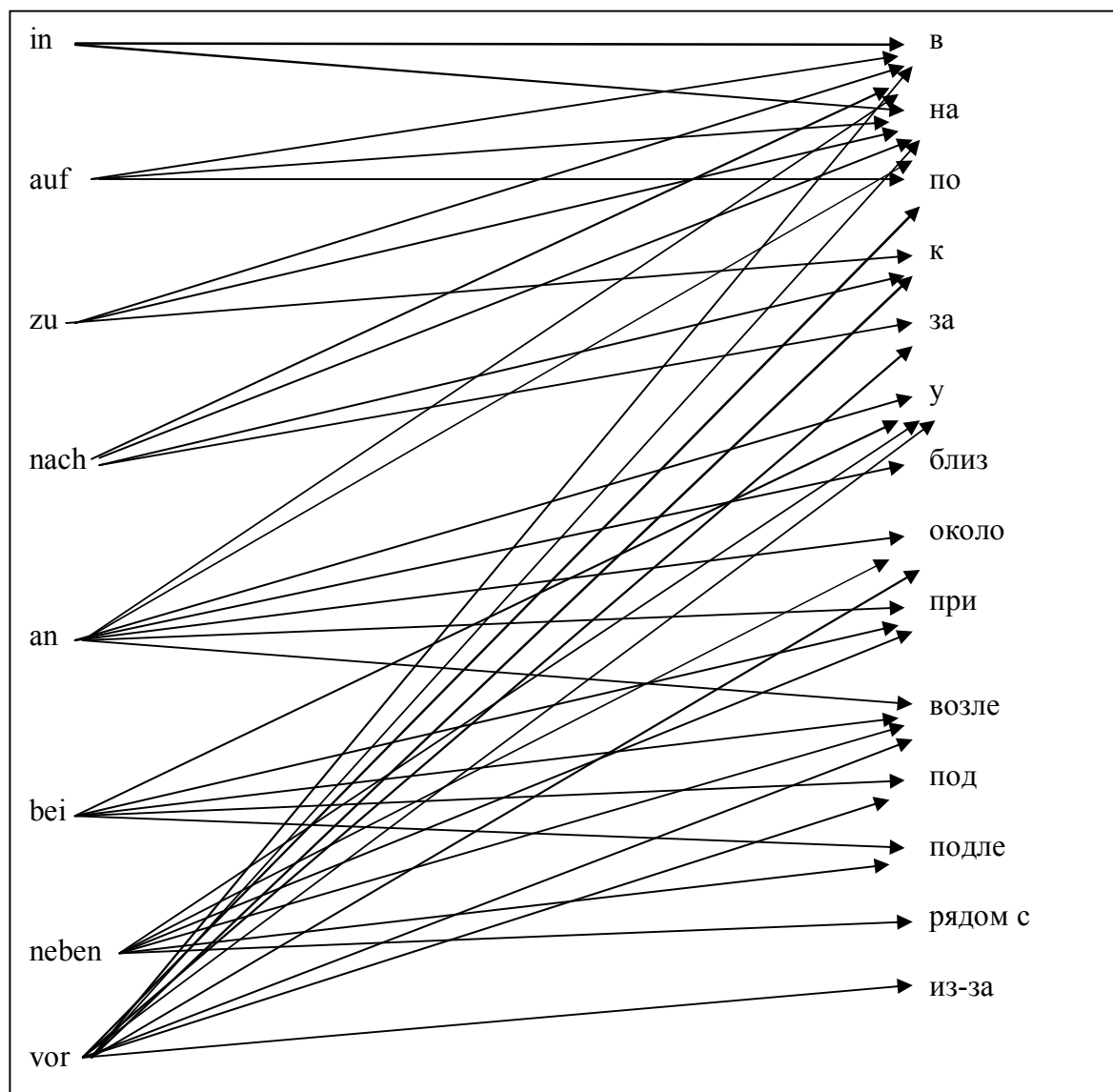

Рис. 12. Схема корреляций немецких и русских пространственных предлогов

В качестве такого основания мы принимаем типы пространственных отношений, которые реализуются в семантике предлогов. Напомним, что таких типов выделено три – топологические, димензиональные и дирекциональные (см. § 1.5.3–1.5.5). В соответствии с этими типами мы подразделяем пространственные предлоги на три соответствующих подгруппы.

Предпринятое разделение является условным. Пространственное значение предлога негомогенно, и в нем представлены разные типы отношений. Например, коррелирующие топологические предлоги *in* и *в* могут обозначать дирекциональные отношения (направительное движение в соответствующий регион релятума); в семантике коррелирующих дирекциональных предлогов *aus* и *из* реализуется топологическое отношение включения, а в семантике дирекциональных предлогов *von* и *с* – контакта соотносимых объектов. Димензиональный предлог *vor* ‘перед’ реализует не только отношение локализации в области передней стороны, он указывает на внешнюю сторону релятума, а также на близкое расположение друг к другу соотносимых объектов и допускает возможность контакта между ними (топологическое отношение). При этом *vor* может обозначать направительное движение локализуемого объекта в соответствующую область релятума (дирекциональное отношение). Рассмотрим, как соотносятся разные типы пространственных отношений в семантике одного предлога.

2.7. Соотношение типов пространственных отношений в семантике предлогов

По причине негомогенности пространственного значения предлога часть предложных употреблений «выпадает» из ряда, казалось бы, естественных противопоставлений. Имеются в виду противопоставления типа «внутри – снаружи», «верх – низ», «перед – зад» и др. Предлоги, обозначающие противоположные векторы, должны связываться отношениями антонимии, однако оказывается, что предлог *под* не всегда антонимичен предлогу *над* [88, с. 127–129]; предлог *перед* не всегда антонимичен предлогу *за*, точно так же, как не всегда антонимична коррелирующая им предложная пара в немецком языке – предлоги *vor* и *hinter* [110]. Причина такого положения вещей видится в многозначности пространственной семантики предлогов. К этому выводу приходит С. Линднер при исследовании особенностей обозначения дирекциональных отношений при помощи предлогов *in* и *out* [71]. Автор отмечает, что «когда между некоторыми значениями частиц *in* и *out* (или *up* и *down*) устанавливается антонимичное отношение, то это отношение не наблюдается между всеми значениями данных пар. Более того, некоторые значения *out* оказываются противоположными некоторым значениям частицы *up*, а также имеются варианты *out*, противоположные друг другу» [с. 57].

Отсюда следует вопрос: как организованы признаки, отражающие разные типы отношений, в семантике одного предлога? Наше исследование выявило, что эти признаки имеют иерархическую организацию. Как правило, тип отношений, в соответствии с которым выделяется

соответствующая группа предлогов, оказывается для данной группы доминантным и реализуется в обязательном порядке, в то время как недоминантные отношения выражаются не всегда, либо нейтрализуются в зависимости от контекста. Так, необязательным для реализации является дирекциональный признак в семантике топологических и димензиональных предлогов, поскольку они способны обозначать пространственные отношения в статике. При этом дирекциональные отношения в их семантике выражаются только в комбинации с топологическими: направительное движение локализуемого объекта к релятуму осуществляется в регион, задаваемый топологическими характеристиками предлога. Для немецкого предлога *in* и его коррелята в русском языке – предлога *в* – это будет движение во внутренний регион релятума (отношение ВКЛЮЧЕНИЕ), Например, *im Schrank/в шкафу – in den Schrank/в шкаф*; для соответствующей коррелятивной пары *auf/на* – движение к его поверхности (отношение КОНТАКТ), например, *auf dem Tisch/на столе – auf den Tisch/на стол* и т. д.

Недоминантным оказывается топологический признак БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ/КОНТАКТ в значении предлога *vor* ‘перед’, который, указывая на близкое расположение пространственных объектов друг к другу, приписывает локализуемому объекту фронтальную сторону. В примере (30) такая сторона приписывается дереву²⁹:

(30) *Der 70-Jährige Astra-Fahrer schaffte es nicht mehr, den Wagen zu stoppen, rutschte nach rechts in den Graben und krachte vor einen Baum* ‘Семидесятилетний водитель Астры не смог остановить машину, съехал направо в кювет и врезался в дерево (дословно: перед дерево)’ [<http://www.wlz-fz.de/Lokales/Waldeck/Korbacher-Zeitung/Spiegelglatte-Strassen-Vor-den-Baum-gerutscht>].

Наконец, дирекциональные предлоги, в семантику которых входят топологические признаки, реализуют последние с определенными ограничениями: они выражают не актуальные топологические отношения, а указывают на то, что данные отношения имели место в прошлом, либо могут возникнуть в будущем. Например, конструкции *aus der Tasche, vom Regal holen/достать из сумки, с полки* передают информацию о том, что локализуемый и локализуемый объекты состояли в отношении включения vs. контакта, выражения *Ich komme zu dir/Я иду к тебе* – что соотносимые объекты будут находиться в отношении близкого расположения.

---

²⁹ Напомним, что в настоящей работе источниками примеров служат данные собственного исследовательского корпуса, Национального корпуса русского языка, Интернет-ресурсы на русском и немецком языках, а также литературные произведения (см. источники исследуемого материала в конце списка литературы). В зависимости от источника отличаются ссылки после приводимых примеров. Для примеров, приводимых из собственного исследовательского корпуса, указывается только название газеты (это обусловлено техническими причинами); ссылки на Национальный корпус русского языка даются в соответствии с рекомендациями, приведенными на сайте этого корпуса; для примеров, взятых из Интернета, приводится, адрес сайта-источника; для примеров, взятых из художественных текстов, указываются страницы.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что в семантике исследуемых предлогов нашло отражение относительно небольшое количество пространственных отношений. Одни и те же семантические признаки, отражающие эти отношения, могут входить в семантику разных предлогов, образуя различные комбинации; один и тот же признак может входить в семантику разных предлогов, имея в нем разный статус. Например, контакт соотносимых объектов может выражаться при помощи таких предлогов, как *auf*, *vor*, *über* в немецком языке и *на* и *за* в русском. При этом для *auf* и *на* данный признак является доминантным, а для *vor* и *за* – нет. В немецком языке на положение локализуемого объекта выше локализирующего указывается с помощью предлогов *auf* и *über*, однако в семантике предлога *über* данный признак является доминантным, а в семантике предлога *auf* – нет.

В языке наблюдается и обратное явление, когда одно и то же отношение имеет доминантный статус в семантике разных предлогов. Так, отношение включения обозначают в немецком языке предлоги *in* и *innerhalb*, в русском – *в* и *внутри*; на отношение близкого расположения в немецком языке указывают предлоги *an*, *bei*, *neben*, в русском, соответственно – *у*, *возле*, *при*, *около*, *рядом с* и др. В этом случае можно говорить о синонимичных отношениях между предлогами, причем в разных языках обнаруживается асимметрия в развитии предложных рядов для обозначения того или иного отношения. Например, в русском языке для указания на переднюю или тыльную сторону релятума служат несколько предлогов (*перед*, *спереди*, *впереди* и *за*, *позади*, *сзади* соответственно), в то время как в немецком языке на соответствующую сторону указывает только один предлог (*vor* vs. *hinten*).

Естественно предположить, что один и тот же признак в разных предлогах определенным образом специфицируется. Выявление того, каким образом специфицируются семантические признаки топологических и димензиональных предлогов, осуществляется в последующих главах.

***

Как показывает исследование, сопоставление семантики подсистем пространственных предлогов сопряжено с решением целого ряда методологических задач уже на этапе отбора практического материала. К числу этих задач относится, в первую очередь, обеспечение сопоставимости и репрезентативности используемых источников. Сформировав исследовательский корпус в соответствии с этими требованиями, мы впервые смогли получить сопоставимые частотные списки немецких и русских пространственных предлогов. На этом подготовительном для семантического анализа этапе определен удельный вес пространственных употреблений предлогов среди общего количества их употреблений, сформированы частотные списки употреблений немецких и русских

предлогов только в пространственном значении, что является абсолютно новым результатом.

Разработана единая классификация пространственных объектов, с наименованиями которых употребляются предлоги. Выявлено, что в употребительности пространственных предлогов с этими классами в рамках одного стиля обнаруживается определенная закономерность: среди наименований классов объектов, с которыми употребляется предлог, выделяются классы с высокой, средней и низкой частотностью; эти классы остаются неизменными практически вне зависимости от тематической направленности текстов.

Определен репрезентативный объем контекстов для одного предлога: как показывает анализ, объем конкорданса зависит от частотности предлога, и для самых частотных предлогов он не превышает 1000 контекстов. С методологической точки зрения здесь важно то, что с помощью математических методов можно с достаточно высокой степенью точности определить количество материала, подлежащего анализу. Это представляется особенно важным для исследования высокочастотных языковых единиц.

Новизна настоящего исследования состоит в том, что впервые подсистемы пространственных предлогов структурированы на основании типов пространственных отношений, которые они выражают. Исследование показывает, что среди разных типов пространственных отношений, входящих в семантику одного предлога, как правило, выделяется один доминантный. Таким образом, можно утверждать, что подразделение пространственных предлогов на типы имеет под собой семантические основания.

Глава 3. Семантика и функционирование топологических предлогов в немецком и русском языках

К топологическим предлогам относятся языковые единицы, обозначающие отношение включения, исключения и разные варианты отношения дистанции – контакт или близкое расположение (см. § 1.5.3). Авторы топологических моделей предложной семантики называют эти отношения основными, признавая тем самым, что существуют и другие пространственные отношения, обозначаемые предлогами, которые можно отнести к топологическим. Топологические предлоги не передают дименсиональных отношений, но некоторые из них способны передавать дирекциональные отношения. При этом они указывают на соответствующий регион релятума как на цель перемещения. Среди немецких пространственных предлогов описанным критериям отвечают 18 единиц (в порядке следования в списке общей частотности): *in, an, auf, bei, um, zwischen, innerhalb, auer, auerhalb, jenseits, inmitten, abseits, unweit, diesseits, fernab, beiderseits, weita, beidseits* (см. табл. 1). В русском языке мы выделяем также 18 таких предлогов: *в, на, у, при, между, около, вокруг, внутри (внутри³⁰), вне, возле, меж, вблизи, посреди, близ, подле, посередине, снаружи, вглубь*. В настоящей работе семантическому анализу подвергаются не все предлоги. Нашей целью является сопоставительный семантический анализ предлогов, которые обозначают только перечисленные выше основные топологические отношения. В немецком языке это *in, an, auf, bei, innerhalb, auer, auerhalb*, в русском – *в, на, у, при, около, внутри (внутри), вне, возле, вблизи, близ, снаружи*. Мы также исключаем из анализа предлог *подле*, который, хотя и обозначает отношение близкого расположения, является устаревшим.

Исследование нацелено на решение двух задач: во-первых, это сопоставительный анализ семантической структуры и дистрибутивных характеристик названных предлогов, во-вторых – выявление отношений между предлогами, обозначающими одно и то же пространственное отношение в одном языке. Решение второй задачи нам представляется особенно актуальным, поскольку до сих пор в лингвистике не уделялось достаточного внимания этой проблеме. Выше мы упоминали о том, что одно и то же отношение может обозначаться несколькими предлогами, например, отношение включения обозначается в русском языке при помощи предлогов *в, внутри, внутри*, отношение исключения – *вне, снаружи*. Остается невыясненным, являются ли эти предлоги синонимами или состоят в каких-либо других отношениях.

---

³⁰ В табл. 2 количественные данные по этим предлогам объединены.

3.1. Отношение включения: идентификация пространства локализации предлогов *in* и *в*

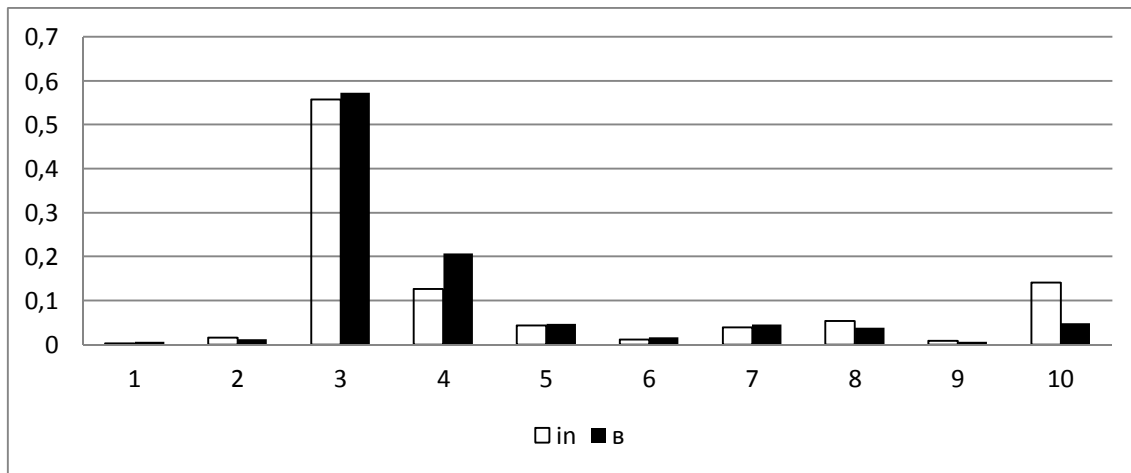
Предлоги, выражающие отношение включения в немецком и русском языках, характеризуются определенной симметрией. На нахождение локализуемого объекта во внутреннем регионе релятума, в первую очередь, указывают первообразные предлоги *in/в*. Согласно этимологическим словарям М. Фасмера, А. К. Шапошникова, Я. Гримма и В. Гримма, данные предлоги относятся к числу наиболее древних, они имеют общее индоевропейское происхождение.

Анализ употребительности предлогов *in/в* подтверждает данные других количественных исследований, согласно которым эти предлоги являются самыми частотным. Наше исследование показывает, что и в пространственном значении *in* и *в* употребляются значительно чаще других языковых единиц данного класса: среди общего количества контекстов с предлогами в пространственном значении количество контекстов с *in* составляет 53,7%, для предлога *в* – 58,8%, т. е. более половины.

При том, что предлоги *in* и *в* характеризуются многозначностью, у них наибольший удельный вес употреблений в пространственном значении по отношению к общему количеству употреблений среди первообразных предлогов (55,4% и 29,8% соответственно). Это свидетельствует об особой роли, которую играет включение в вербализации пространственных отношений.

Вместе с тем пространственное значение анализируемых предлогов достаточно гомогенно. Согласно словарю Duden-online, *in* обозначает «den Ort eines Geschehens, eines Zustands, eines Vorkommens usw. als im Innern, innerhalb von etwas Bestimmtem gelegen» ‘место события, состояния, действия и т. д. как расположенного внутри, в границах чего-либо определенного’, «das Ziel einer Bewegung, eines Gerichtetseins usw. als im Innern, innerhalb von etwas Bestimmtem gelegen» ‘цель движения, направленности и т. д., находящиеся внутри, в границах чего-либо определенного’. В словаре С. И. Ожегова предлог *в* определяется следующим образом: «Употр. при обозначении места, направления куда-н. или нахождения где-н. *Положить бумаги в стол. Бумаги лежат в столе. Уехать в Сибирь. Жить в Сибири.*».

Таким образом, семантическая структура рассматриваемых пространственных предлогов кажется достаточно простой и не обнаруживает каких-либо отличий: оба предлога, помимо отношения включения, способны выражать дирекциональные отношения. Сходной представляется и дистрибуция данных предлогов в соответствующих языках с наименованиями классов объектов (рис. 13). Оба предлога употребляются со всеми классами наименований объектов, наиболее часто в конструкциях с этими предлогами встречаются наименования геополитических объектов, зданий и вещепризнаков.

Легенда: 1 – «Человек», 2 – «Части тела», 3 – «Геополитические объекты», 4 – «Здания», 5 – «Части зданий», 6 – «Транспорт», 7 – «Ограниченно подвижные артефакты», 8 – «Геофизические объекты», 9 – «Пути», 10 – «Вещепризнаки».

Рис. 13. Относительная частота употребления предлогов *in* и *в* с наименованиями классов объектов

Однако решение вопроса, какие именно пространственные ситуации обозначаются с помощью данных предлогов, на основании каких критериев и как идентифицируется отношение включения, связано с определенными проблемами. Не случайно первообразные предлоги, выражающие данное отношение в индоевропейских языках, неоднократно становились предметом лингвистических исследований [156; 199; 267 и др.]. Некоторые из этих исследований мы рассматривали в § 1.5.3. Еще раз кратко изложим суть разрабатываемых проблем и предложим собственное решение.

Первая проблема, связанная с употреблением предлогов типа *in* и *в*, на которую указывают исследователи, заключается в том, что один и тот же пространственный объект может задавать разные регионы локализации. Мы повторяем пример (27) из § 1.5.3, иллюстрирующий эту проблему; ср. также *деньги в сейфе* и *отверстие в сейфе*, *свет в двери* и *щель в двери* и т. п.

(27) a. *Das Hemd ist im Schrank* ‘Рубашка в шкафу’.

b. *Im Schrank ist ein Holzwurm* ‘В шкафу червь’.

Считается, что идентификация актуального региона локализации происходит на основании знаний о типичном расположении объектов друг к другу [199, S. 102]. На наш взгляд, это противоречие снимается, если не упускать из виду тот факт, что при помощи предлогов соотносятся не сами пространственные объекты, а их наименования. В примерах типа (27a) и (27b) речь идет не о разных пространствах локализации, задаваемых одним и тем же объектом, а о разных сторонах одного объекта, имеющих одинаковые наименования. Если рассматривать этот пример с точки зрения механизмов языковой номинации, то (27b) представляет собой случай метонимии, когда на часть объекта, его стенку, указывается при помощи имени всего объекта. Как показывает наше исследование, метонимия по принципу «часть – целое»

и «целое – часть» широко представлена в предложных конструкциях как в немецком, так и в русском языках (примеры (31), (32)):

(31) *He только ради того, чтобы познакомиться с богатейшими коллекциями этого музея, но прежде всего в надежде найти в прохладных стенах Лувра убежище от духоты и палящего солнца* [Завтра].

(32) *In den eigenen vier Wänden, aber trotzdem nicht allein leben, das ist der Wunsch vieler älterer Bürger* ‘Жить в собственных четырех стенах, и несмотря на это не в одиночестве, – это желание многих пожилых людей’ [www.pflegedienst-engelhardt.de/nossen.html].

В данных примерах при помощи существительных *стены/Wände* именуется здания. В примере (33), напротив, существительное *Wände* используется в прямом своем значении:

(33) *Umgerechnet hat es ihn bisher nicht einmal 10.000 Dollar gekostet – aber dafür besitzt er bislang auch nur eine Ruine mit Löchern in Wänden und Fußböden* ‘В пересчете это ему до сих пор не обошлось даже в 10.000 долларов – но зато он до сих пор владеет только развалюхой с дырами в стенах и полах’ [taz].

Отметим, что в нашей классификации случаи метонимии учитываются, и одно и то же существительное может быть отнесено к разным классам в зависимости от того, какой объект оно именуется в том или ином примере. Как правило, за счет контекста можно однозначно определить, какой именно объект называется, а следовательно, снимается и противоречие относительно неоднозначности региона локализации, на который могут указывать предлоги *in* и *в*.

Вторая проблема, связанная с употреблением рассматриваемых предлогов, состоит в том, что в предложных конструкциях с данными единицами в качестве релятумов фигурируют объекты, имеющие совершенно разную пространственную организацию, что демонстрировалось в примере (29) (1.5.3.).

(29) a. *In der Schüssel liegt Obst.* Дословно: ‘В блюде лежат фрукты’.

b. *Die Bücher stehen im Regal.* Дословно: ‘Книги стоят в полке’.

c. *Im Baumwipfel sitzt ein Vogel* ‘В кроне дерева сидит птица’.

d. *Der Stuhl steht in der Zimmerecke* ‘Стул стоит в углу комнаты’.

e. *Er hält einen großen Ball in den Händen* ‘Он держит в руках большой мяч’.

Анализ дистрибуции *in* и *в* показывает, что эти предлоги могут употребляться со всеми классами релятумов. Напомним, что такая возможность связывается с особенностями пространственного восприятия, в соответствии с которыми наблюдатель пространственного объекта «дорисовывает» форму закрытого вместилища [115]. С нашей точки зрения, подобные примеры демонстрируют способность предлога *in* категоризовать самые разные релятумы как вместилища, создавая таким образом нетаксономическую категорию (термин М. В. Никитина, см. подробнее в [120]), которая формируется не на основании формы – закрытое вместилище,

а на основании функции. Фактически, описывая некоторое положение вещей, как «X находится *in/v* Y», говорящий сообщает не о результате процесса зрительного восприятия пространственной ситуации, участники которой соответствуют определенным геометрическим критериям, а о функции, которую релятум выполняет в отношении локализуемого объекта.

Именно с функциональной позиции трактует проблему употребления французского предлога *dans* ‘в’, связанную с употреблением этих предлогов в ситуациях, когда внутри релятума находится только часть локализуемого объекта, К. Ванделуаз [267]. Она определяет роль релятума как содержащего, а роль локализуемого объекта – как содержимого, данные роли задаются предлогом. Функцией содержащего является детерминация, контроль позиции содержимого. В случаях жесткой детерминации содержимого невозможной оказывается количественная оценка степени включения. Так, сомнительным представляется выражение *Букет на треть в стакане* (приводится по [115, с. 20]) при допустимости выражения *Груша наполовину в стакане*.

Из этого следует, что функция релятума у К. Ванделуаз ограничивается пространственными характеристиками. Однако только за счет детерминации позиции содержимого в пространстве нельзя объяснить ситуации частичного включения в предложных конструкциях, в которых в качестве релятума фигурируют наименования одежды, украшений, предметов, ограничивающих свободу движений, а в качестве локализуемого объекта – наименования лица. Подобные конструкции широко представлены как в немецком, так и в русском языке (примеры (34)–(38)). Во всех этих случаях функция детерминации позиции принадлежит не релятуму, а локализуемому объекту. Обращает на себя внимание и тот факт, что роль релятумов могут выполнять как большие по размеру объекты, которые вмещают значительную часть локализуемого объекта (существительные типа *Kleider/одежды, Uniform/униформа, Mantel/нальто*), так и небольшие предметы, как *Schuhe/ботинки, обувь* и *Handschellen/наручники*.

(34) *Ein Herr im Frack <...> ist allein auf der Bühne und begrüßt die unsichtbaren Gespenster auf den leeren Stühlen* ‘Господин во фраке <...> один на сцене и приветствует незримых привидений на пустых стульях’ [taz].

(35) *Zwischen die Wismarer BürgerInnen, die wissen wollen, wie es auf „ihrer“ Werft steht, mischen sich Arbeiter in derben Schuhen und Anzügen* ‘Среди граждан и гражданок Висмара, которые хотят знать, как обстоят дела в «их» мире, замешались рабочие в грубой обуви и одежде’ [taz].

(36) *Die wenigen Polizisten scheuchen gelegentlich mal ein paar Plünderer durch die Straßen, hie und da führen sie einen in Handschellen ab* ‘Редкие полицейские погонятся иногда по улице за парой мародеров, то тут, то там уведут они кого-то в наручниках’ [taz].

(37) *В Англии спикер сидит в тоге с барашиковым блином на голове и регулирует выступления депутатов* [Независимая газета].

(38) *Его привели на суд – руки в наручниках за спиной, милицейский*

майор в конвое – и ощущение безнадежности стало почти осязаемым [Известия].

Очевидно, что подобные конструкции занимают особое место в числе пространственных выражений: с их помощью отношение объектов друг к другу описывается как пространственное, но они не служат ориентации в пространстве, т. е. являются квазипространственными. Вероятно, здесь происходит переинтерпретация пространственного значения предложной конструкции, и она приобретает идиоматичный характер (о категории идиоматичности и ее составляющих см. [11, с. 30 и сл.]. Значения предлогов в этом случае выступают как внутренняя форма, кодирующая определенное актуальное значение предложной конструкции. Помещение говорящим наименований предметов одежды, украшений, аксессуаров в позицию релятума позволяет сместить коммуникативный фокус на соответствующие объекты. Сравнение дистрибуции предлогов *in* и *в* с представителями рассматриваемого класса объектов показывает, что языки проявляют разную степень толерантности к кодировке такого рода. В русском языке практически не наблюдается ограничений на употребление предлога *в* с наименованиями предметов одежды (ср.: *в носках, в шапке, в галстуке*) и допускаются в качестве релятумов такие имена, как *очки, погоны, сережки* и др. (примеры (39)–(41)).

(39) *Неформальным центром церемонии был Олег Табаков, явившийся в Георгиевский зал прямо со съёмки, в парике и гриме* [Известия].

(40) *На портретах, распространенных полицией в процессе розыска, – 50-летний мужчина с небольшой бородой, в очках* [Известия].

(41) *На трех этажах комплекса пыль стоит столбом, и рабочим приходится ходить в респираторах* [Известия].

Характерно, что наименования украшений употребляются в качестве релятумов с предлогом *в* во множественном числе (примеры (42), (43)), в то время как конструкции с теми же именами в единственном числе кажутся недопустимыми (ср. **она в кольце, в браслете*).

(42) *А перед смертью, уже старухой, говорила: не смей хоронить в кольцах, все снимите, украдут – продайте лучше* [М. Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005]!

(43) *Им оказывается юноша, весь в цепях, в браслетах с шипами, парик из конских волос перехвачен ошейником* [Митьки. Папуас из Гондураса (1987)].

В немецком языке существует гораздо больше ограничений на употребление предлога *in* с наименованиями предметов одежды, аксессуаров, украшений. Об этом свидетельствуют данные дистрибутивного анализа: если в русской части нашего исследовательского корпуса в конструкциях с предлогом *в* зафиксировано 55 таких имен, то в немецком в конструкциях с предлогом *in* – только 22. Какие пространственные и функциональные свойства объектов данного класса влияют на возможность построения высказываний рассматриваемого типа, устанавливалось в ходе

семантического эксперимента с носителями немецкого языка. Для этого участники эксперимента должны были оценить допустимость предложных конструкций с релятумами рассматриваемого типа. Подчеркнем, что мы не ставили своей целью выяснить социальные факторы, влияющие на оценку выражения как допустимого или недопустимого (возможно возраст, социальное положение, регион проживания).

В эксперименте приняло участие 18 информантов – преимущественно студентов в возрасте от 23 до 32 лет. Информантам предъявлялась анкета (образец см. в приложении 1) с 34 наименованиями предметов одежды, украшений и т. д., отобранными из числа релятумов, зафиксированных в русском и немецком корпусах. В качестве задания было предложено отметить знаком «+» наименования, которые можно употребить в конструкциях типа *Er/sie ist in (im, in der) + (mögl. Adjektiv) Name von einem Bekleidungsgegenstand* ‘Он/она в (возможно прилагательное) + наименование предмета одежды/аксессуара’; предложен пример такой конструкции – выражение из немецкого корпуса *Der junge Mann in kurzen Hosen* ‘Молодой человек в коротких штанах’. Наименования, с которыми подобные конструкции невозможны, отмечались знаком «-».

Все опрашиваемые отметили абсолютную допустимость конструкций с такими наименованиями, как *Anzug* ‘костюм’, *Frack* ‘фрак’, *Gewand* ‘одеяние’, *Handschellen* ‘наручники’, *Hemd* ‘рубашка’, *Jeans* ‘джинсы’, *Kampfdress* ‘боевая экипировка’, *Kittel* ‘китель’, *Kleider* ‘платья’, *Lumpen* ‘лохмотья’, *Mantel* ‘пальто’, *Pelz* ‘меха’, *Samt* ‘бархат’, *Slip* ‘трусы’, *Strumpfhose* ‘колготки’, *Uniform* ‘униформа’, *Zivil* ‘цивильное’. Как невозможные отмечены конструкции со следующими именами: *Brille* ‘очки’, *Halstuch* ‘галстук’, *Kragen* ‘воротник’, *Medaillen* ‘медали’, *Mütze* ‘шапка’, *Perücke* ‘парик’, *Schulterklappe* ‘погоны’. Мнения по поводу возможности употребления существительных *Adidas* ‘адидас’, *Fessel* ‘кандалы’, *Hose* ‘брюки’, *Jacke* ‘пиджак, куртка’, *Kleidung* ‘одежда’, *Outfit* ‘одежда’, *Schuhe* ‘ботинки, туфли’, *Socken* ‘носки’, *Trenchcoats* ‘макинтош’, *Umhänge* ‘накидки’ в конструкциях рассматриваемого типа разошлись (см. табл. 9).

Данные эксперимента подтверждают вывод, сделанный нами ранее о нерелевантности размера объекта как предпосылки для возможности употребления его наименования в конструкциях «имя лица + *in* + наименование предмета одежды»: среди допустимых всеми или большинством информантов названы выражения с существительными *Slip* ‘трусы’, *Strumpfhose* ‘колготки’, *Socken* ‘носки’, которые обозначают небольшие по размеру объекты. Однако здесь возникает вопрос, почему в таком случае недопустимы выражения с такими именами, как *Mütze* ‘шапка’, или *Perücke* ‘парик’. В интервью с участниками эксперимента выяснилось, что допустимость или недопустимость конструкции связывается с размещением предмета одежды относительно шкалы «верх – низ»: ограничения накладываются в отношении предложных конструкций с наименованиями предметов, которые надеваются на верхние части тела (головные уборы).

Результаты опроса носителей немецкого языка о допустимости употребления предлога *in* с наименованиями предметов одежды

Предмет одежды	Количество информантов, допускающих возможность конструкции		Количество информантов, не допускающих возможность конструкции		Количество информантов, сомневающихся в возможности конструкции	
	абсолютное количество	количество в %	абсолютное количество	количество в %	абсолютное количество	количество в %
Adidas	12	67	4	22	2	11
Fessel	16	89	2	11	0	0
Hose	13	72	4	22	1	6
Jacke	12	67	5	27	1	6
Kleidung	12	67	6	33	0	0
Outfit	16	89	2	11	0	0
Schuhe	10	56	8	44	0	0
Socken	13	72	4	22	1	6
Trenchcoats	16	89	2	11	0	0
Umhänge	11	61	6	33	1	6

Допустимость рассматриваемого типа конструкций связана также и с функциональными свойствами объектов: по этому признаку в немецком языке ограничения накладываются на употребление с предлогом *in* наименований украшений и аксессуаров.

Отсутствие единого мнения по поводу допустимости ряда конструкций с предлогом *in* (например, *er ist in Adidas* ‘он в адидасе’, *er ist in Socken* ‘он в носках’) свидетельствует о конвенциональном характере подобных выражений – очевидно, конвенция ограничивается общностью говорящих, объединенных по какому-либо признаку.

Таким образом, в результате эксперимента выявлено, что конструкции рассматриваемого типа можно считать результатом переинтерпретации левой и правой валентности предлога, вследствие чего конструкция приобретает идиоматичный характер. Естественно, что интенсивность и направления идиоматизации в разных языках отличаются.

Подведем итоги дискуссии о проблеме определения региона локализации предлогов *in* и *в*. Как показывает исследование, разная интерпретация пространств локализации одного и того же релятума в конструкциях с данными предлогами обусловлена не семантическими свойствами самих предлогов, а многозначностью имени, выступающего в качестве релятума (например, сейф как хранилище для денег и ценностей и сейф как конструкция определенной формы со стенками, дверцей и т. д.).

В зависимости от характера локализуемого объекта актуализируется то или иное значение релятума, в соответствии с которым и задается регион локализации (*деньги в сейфе* и *дыра в сейфе*).

В семантике предлогов *in* и *в* не происходит дифференциации между двумя видами включения – полным и частичным. Вывод о том, что в выражении *карандаш в стакане* речь идет о частичном включении, а в выражении *карандаш в сумке* – о полном, как уже было отмечено выше, делается на основании знаний о канонических отношениях между соотносимыми объектами. За счет недифференцированности семантического признака включения предлоги *in* и *в* способны употребляться для описания множества пространственных ситуаций с релятумами, разнообразие форм которых далеко не исчерпывается случаями, представленными в примере (28). Эта недифференцированность создает также и предпосылку для идиоматизации конструкций с рассматриваемыми предлогами.

3.2. Спецификация отношения включения в семантике предлогов *innerhalb* и *внутри* (*внутри*)

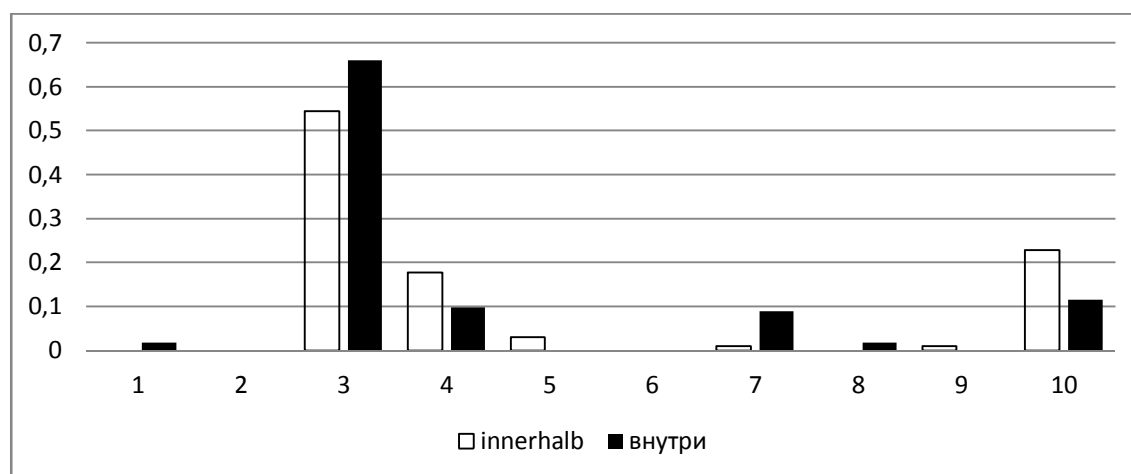
Пространственное отношение включения специфицируется как полное в семантике немецкого предлога *innerhalb* и русских предлогов *внутри*, *внутри*. Предлог *innerhalb* может выражать пространственные отношения только в статике, в русском языке предлог *внутри* служит для выражения статичных, а предлог *внутри* – для выражения дирекциональных отношений. Любопытно, что, по меньшей мере, в сравниваемых языках отсутствуют специальные предложные средства, которые бы обозначали отношение частичного включения.

Отношение полного включения, выражаемое предлогами *innerhalb/внутри* (*внутри*), предполагает некоторые дополнительные характеристики региона локализации по сравнению с регионом, который задается предлогами *in* и *в*. Во-первых, предлоги *innerhalb/внутри*, *внутри* указывают на ограниченность пространства локализации, которое задается локализуемым объектом. Локализуемый объект или локализуемое действие находятся в пределах внутреннего региона релятума и не переходят его границ. В качестве релятумов в конструкциях с данными предлогами чаще всего выступают наименования геополитических объектов (страны, города), т. е. таких объектов, выделение которых происходит путем установления границ (см. дистрибуцию предлогов *innerhalb/внутри* в сопоставлении на рис. 14). Для *innerhalb* релятумы данного класса в нашем исследовательском корпусе составляют почти 55%, для *внутри* – 67%, примеры (44), (45):

(44) *Интересно, когда такие противопоставления срабатывают внутри самой культуры – так перепад климатических поясов **внутри** одной страны говорит о ее размерах* [Литературная газета].

(45) *Herumfahren kann man damit allerdings nur **innerhalb** der*

Hauptstadt, denn fast sämtliche Straßen des Landes sind vom Krieg zerstört und mit Landminen durchsetzt ‘Ездить на этом в любом случае можно только *внутри* столицы, потому что почти все дороги страны разрушены войной и усеяны минами’ [taz].

Легенда: 1– «Человек», 2 – «Части тела», 3 – «Геополитические объекты», 4 – «Здания», 5 – «Части зданий», 6 – «Транспорт», 7 – «Ограниченно подвижные артефакты», 8 – «Геофизические объекты», 9 – «Пути», 10 – «Вещепризнаки».

Рис. 14. Относительная частота употребления предлогов *innerhalb/внутри* (*внутри*) с наименованиями классов объектов

Во многих случаях участки пространства, вычлняемые с помощью разного рода границ (например, заборы, стены, ограды, линии и т. д.), не имеют специального наименования в языке; предлоги *innerhalb/внутри*, *внутри* употребляются с наименованиями таких границ для указания на локализацию в пределах выделяемого пространства (примеры (46), (47)).

(46) *Außerdem dürfen innerhalb der Parkgrenzen ab sofort keine Hotels oder Straßen mehr gebaut werden* ‘Кроме того, с настоящего момента *внутри* границ парка больше нельзя строить никаких гостиниц или улиц’ [taz].

(47) *Что касается обнаружившихся проблем, связанных с чистотой и питанием, то они были кардинально решены посредством постройки **внутри** училищной ограды здания – того самого, о котором мы говорили в начале* [Санкт-Петербургские ведомости].

Следует отметить, что значение немецкого предлога *innerhalb* уже по сравнению со значением русских предлогов *внутри*, *внутри*. В отличие от предлога *innerhalb*, *внутри* (*внутри*) не обязательно профилируют границы локализуемого объекта. Русские предлоги могут употребляться в контекстах типа (48) и (49), в которых *внутри* означает нахождение на удалении от внешних границ:

(48) *Китайцев, между прочим, этот процесс практически не затрагивает, ибо их вооруженные силы никогда не дислоцировались на самой границе, а располагались **внутри** территории – где-то за 300 км от границы* [Сегодня].

(49) ... с бессмысленным недоумением завопросил я, пытаюсь проглотить, протолкнуть **внутри** себя комок позорной вязкой тошноты, вставшей в точности поперек пережатой глотки [Завтра].

В немецком языке соответствующее значение передается при помощи предложной конструкции *im Inneren* ‘внутри’ для передачи значения местонахождения во внутреннем пространстве и *ins Innere* ‘внутри’ для передачи значения движения в данное пространство:

(50) *Die kosmische Kraft im Inneren des Menschen* ‘Космическая сила внутри человека’ [www.proyoga.de/Kundalini.pdf].

(51) *Während die heißen Plasmen bei niedrigem Druck gut erforscht sind, geben die Plasmen bei hohem Druck und niedriger Temperatur – wie sie im Inneren der großen Planeten vermutet werden – immer noch große Rätsel auf* ‘В то время как горячая плазма при низком давлении хорошо исследована, плазма при высоком давлении и низких температурах – как предполагается ее состояние внутри планеты – все еще представляет собой большую загадку’ [http://www.weltderphysik.de/gebiet/teilchen/experimente/teilchenbeschleuniger/fair/plasmaforschung/].

(52) *Ins Innere der Cheops-Pyramide geschaut* ‘Заглянув внутрь пирамиды Хеопса’ [http://www.welt.de/wissenschaft/article791676/Ins-Innere-der-Cheops-Pyramide-geschaut.html].

При сравнении дистрибуции предлогов *in/в* и *innerhalb/внутри* (*внутри*), выясняется, что в целом частотность классов объектов, с наименованиями которых употребляются данные предлоги, коррелирует (табл. 10).

Выясним, насколько возможна взаимозамена этих предлогов и какие факторы обуславливают ее возможность либо невозможность.

Первое различие при употреблении *innerhalb/внутри* (*внутри*) или *in/в* заключается в том, что при локализации с помощью *innerhalb/внутри* внутреннее пространство объекта противопоставляется наружному пространству.

Положение локализуемого объекта в пространстве в подобных случаях можно описать при помощи двух схем: 1) X находится во внутреннем, а не во внешнем пространстве Y; 2) X находится и во внутреннем, и во внешнем пространстве Y. Так, в примерах (46) и (47) реализуется первая схема – речь идет о запрете на строительство, в частности, строительство внутри, но не снаружи локализуемого объекта. В примерах (53) и (54) – реализуется вторая схема, на что эксплицитно указывают соответствующие элементы контекста: в примере (53) речь идет об утеплительных материалах, которые используются как снаружи, так и внутри здания, в примере (54) – об автоматчиках, которые находятся внутри и вокруг здания.

(53) ... *die alternativen Dämmstoffe, etwa aus Altpapier oder Wolle, [gewinnen] zunehmend an Bedeutung. Diese Dämmstoffe können nicht nur an Außenwänden und Dächern, sondern auch innerhalb des Hauses sinnvoll sein...* ‘... альтернативные утеплительные материалы, как, например, бумага или

шерсть, приобретают все большее значение. Эти материалы целесообразно использовать не только на наружных стенах и крышах, но и внутри дома...’ [taz].

(54) *Репортажи из зала суда передаются часто, но никогда еще зрители не видели такой мощной охраны – вместо обычных полицейских автоматчики **вокруг** и **внутри** дома, снайперы на соседних крышах и вертолет в воздухе...* [Известия].

Таблица 10

Частотный ранг наименований объектов, употребляемых с предлогами *in*, *innerhalb*, *в*, *внутри* (внутри), %

in		innerhalb		в		внутри (внутри)		
1	Геополитические объекты	55,8	Геополитические объекты	54,5	Геополитические объекты	57,3	Геополитические объекты	66,1
2	Вещепризнаки	14,1	Вещепризнаки	22,8	Здания и сооружения	20,7	Вещепризнаки	11,6
3	Здания и сооружения	12,6	Здания и сооружения	17,8	Вещепризнаки	4,9	Здания и сооружения	9,8
4	Геофизические объекты	5,3	Части зданий	3	Части зданий	4,7	Ограниченно подвижные артефакты	8,9
5	Части зданий	4,4	Ограниченно подвижные артефакты	1	Ограниченно подвижные артефакты	4,6	Геофизические объекты	1,8
6	Ограниченно подвижные артефакты	3,9	Пути	1	Геофизические объекты	3,8	Человек	1,8
7	Части тела	1,6	-		Транспортные средства	1,6	-	
8	Транспортные средства	1,2	-		Части тела	1,2	-	
9	Пути	0,8	-		Человек	0,7	-	
10	Человек	0,3	-		Пути	0,6	-	

В контекстах с предлогами *in/в*, в отличие от контекстов с предлогами *innerhalb/внутри*, такого противопоставления пространств «внутри – снаружи» не обнаруживается. Схемы, описывающие пространственную ситуацию в контекстах с предлогами *innerhalb/внутри*, оказываются неприменимыми для конструкций с *in/в*. Продемонстрируем это на примерах. Так, контекст (55) описывает ситуацию, в которой локализуемый объект *wir* ‘мы’ в результате действия *umziehen* ‘переезжать’ оказывается во

внутреннем пространстве объекта *Haus* ‘дом’; в контексте (56) действие *затопить* локализуется во внутреннем пространстве объекта *дом*. Для обоих контекстов это пространство оказывается безальтернативным, о чем свидетельствует недопустимость трансформаций типа **переехать в, а не за дом, *затопить в доме, а не снаружи дома*, а также невозможность употребления в подобных конструкциях предлогов *внутри, внутрь* (**переехать внутрь дома, *затопить внутри дома*).

(55) *Wir hatten ein sehr schönes Haus, das meine Eltern unter Wert verkauften. Wir zogen in ein viel schlechteres Haus...* ‘У нас был очень красивый дом, который мои родители продали ниже его стоимости. Мы переехали в дом намного хуже...’ [taz].

(56) *За все последние годы в моем доме ни разу не затопили вовремя, каждый год до середины ноября, спасаемся электрообогревателем, как и теперь, в холодном мае* [Известия].

Можно сказать, что предложные пары *in/в*, с одной стороны, и *innerhalb/внутри* – с другой, находятся в привативной оппозиции: все члены оппозиции локализуют в отношении внутреннего пространства, однако у *innerhalb/внутри* маркированным оказывается противопоставление «внутри – снаружи». Естественно, что в контекстах подобного рода *innerhalb/внутри* и *in/в* не являются взаимозаменяемыми.

Маркированным в семантике *innerhalb/внутри* оказывается также недоступность визуального восприятия локализуемого объекта, которая вытекает из отношения полного включения (примеры (57), (58)). Здесь также обнаруживается привативная оппозиция между *in/в* и *innerhalb/внутри*.

(57) *Die Elektroinstallation kann innerhalb der Wand untergebracht werden* ‘Электропроводка может быть размещена внутри стены’ [www.natura-haus.de/download/Natura-Haus%20-%20Bautechnik.pdf].

(58) *Всякая покупка хлеба в этом очаге торговли превращается в потрясение: с виду хлеб как хлеб, но внутри буханки то вонючая вода, то щепки...* [Литературная газета].

Предложные конструкции с *in/в* при локализации в отношении различного рода учреждений, заведений и т. п. передают информацию не только о местонахождении локализуемого объекта, но и активизируют сценарий, связанный с соответствующим именем (например, *в ресторане, в больнице, в тюрьме*). В результате конструкции с этими предлогами обладают некоторой неоднозначностью, например, выражение *im Gefängnis/в тюрьме* может обозначать как местонахождение внутри соответствующего здания, так и передавать информацию о социальных обстоятельствах, в данном случае *в тюрьме* синонимично *в заключении*, не на свободе.

Релятум в конструкциях с *innerhalb/внутри* (*внутри*) именуется конкретный пространственный объект, соответствующие конструкции описывают только ситуацию в пространстве. Они способствуют разрешению неоднозначности, которая может возникать при локализации с

помощью предлогов *in/v*. Так, в примерах (59) и (60) при замене конструкций *innerhalb des Gefängnisses* ‘внутри тюрьмы’, *внутри мавзолея* на *im Gefängnis* ‘в тюрьме’, *в мавзолее* теряется конкретность указания на определенный пространственный объект и возникает неоднозначность. Конструкция *im Gefängnis* может истолковываться не только в пространственном значении, но и в темпоральном (заключенные имеют власть, когда находятся в тюрьме). Конструкция *захоронить в мавзолее* может означать определенный способ захоронения, связанный с особыми почестями, в то время как исходный контекст этого не предполагает.

(59) *Die Polizei bleibt draußen, vor der Mauer. Die Wache achtet nur darauf, dass du nicht über die Mauer springst. Innerhalb des Gefängnisses haben die Häftlinge das Sagen* ‘Полиция остается снаружи, за стенами. Охрана следит только за тем, чтобы не перепрыгивали через стены. Внутри тюрьмы власть принадлежит заключенным’ [taz].

(60) *Захоронить внутри мавзолея в земле тела Ленина, Сталина и других деятелей компартии и советского государства, могилы которых находятся за мавзолеем (может быть, перенести туда с Новодевичьего кладбища и тело Хрущева)* [Известия].

Подведем итоги семантического анализа немецких и русских предлогов, обозначающих пространственное отношение включения. В ходе анализа выявляются три типа информации, которая образует семантику предлогов.

Во-первых, это информация о типе пространства (воспринимаемое или воображаемое), в котором локализует предлог; во-вторых – это информация об особенностях пространственной организации региона; в-третьих – это информация об особенностях самого отношения. В семантике предлогов *in/v* все три типа признаков не получают однозначной маркировки, т. е. эти предлоги могут обозначать отношение включения как в воспринимаемом пространстве, так и в воображаемом; само отношение может быть как полным, так и частичным, актуальным (статика), либо предполагаемым (дирекциональное отношение). Эти предлоги также не передают какой-либо дополнительной информации о пространственных характеристиках локализуемого объекта помимо того, что в описываемой пространственной ситуации он выступает в качестве вместилища. Семантика предлогов *innerhalb/внутри* (*внутри*) представляется более специфицированной, так как у них маркированным оказывается большее количество признаков (см. табл. 11).

На данном этапе исследования можно сделать вывод о наличии привативных оппозиций между предлогами, обозначающими одно и то же пространственное отношение, когда в семантике одного из предлогов оказывается маркированным большее количество признаков. Можно говорить также о наличии гипо-гиперонимических отношений: поскольку отношение полного включения является видом отношения включения, то *in/v* выступают гипонимами по отношению к *innerhalb/внутри* (*внутри*).

Семантические признаки предлогов *in*, *innerhalb*, *в*, *внутри*, *внутри*

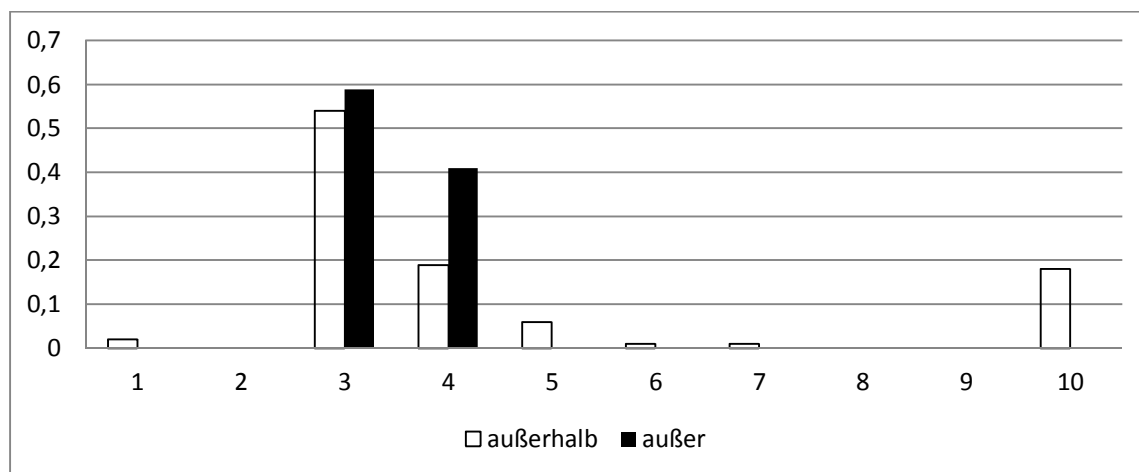
Семантические признаки	<i>in</i>	<i>innerhalb</i>	<i>в</i>	<i>внутри</i>	<i>внутри</i>
Локализация в воспринимаемом пространстве	+	+	+	+	+
Локализация в воображаемом пространстве	+	-	+	-	-
Спецификация региона: профилирование границ релятума	-	+	-	+	+
Спецификация региона: профилирование внутреннего пространства	+	-	+	+	+
Спецификация отношения: полное включение	+/-	+	+/-	+	+
Стативные отношения	+	+	+	+	-
Дирекциональные отношения	+	-	+	-	+

3.3. Семантика и дистрибутивные характеристики предлогов, обозначающих отношение исключения

Главной оппозицией, которая лежит в основе значений пространственных предлогов, является противопоставление «внутри – снаружи». В соответствии с этой оппозицией предлоги *in*, *innerhalb* в немецком языке, а в русском предлоги *в*, *внутри* (*внутри*) могут быть противопоставлены всем остальным предлогам. Означает ли это, что признак ИСКЛЮЧЕНИЕ входит в структуру семантики всех предлогов, указывающих на внешние регионы релятумов? Необходимо также выяснить, какое место занимает этот признак в семантике топологических предлогов и при каких условиях он реализуется. Обратимся к семантике предлогов, которые обнаруживают данный признак.

Как в немецком, так и в русском языке существуют предлоги, основной семантический признак которых – ИСКЛЮЧЕНИЕ. Это предлоги *aufserhalb*, *aufser*, *вне*, *снаружи*. Данные предлоги являются непервообразными, они имеют сопоставимую частотность в нашем исследовательском корпусе (22, 26 и 24, 43 позиции соответственно). *Aufserhalb*, *aufser* в немецком и *вне*, *снаружи* в русском языках толкуются как синонимы, о чем свидетельствуют определения в словарях.

Согласно словарю Duden-online, предлог *außerhalb* обозначает местонахождение «*nicht in einem bestimmten, umgrenzten Raum*» ‘не в определенном ограниченном пространстве’. Предлог *außer* выражает, что «*etwas außerhalb einer räumlichen <...> Gegebenheit geschieht, sich abspielt, befindet*» ‘что-то происходит, разворачивается, находится за пределами определенного пространства’. Таким образом, предлог *außerhalb* определяется как антоним предлога *in*, а предлог *außer* – как синонимичный предлогу *außerhalb*. Однако анализ дистрибуции показывает, что локализация при помощи данных предлогов производится в отношении разных классов релятумов. Предлог *außerhalb* имеет более широкую дистрибуцию, в то время как предлог *außer* употребляется только с двумя существительными – *Haus* ‘дом’ и *Land* ‘страна’ (см. рис. 15). Употребляясь с существительным *Haus*, предлог *außer* управляет дательным падежом, а с существительным *Land* – родительным.

Легенда: 1– «Человек», 2 – «Части тела», 3 – «Геополитические объекты», 4 – «Здания», 5 – «Части зданий», 6 – «Транспорт», 7 – «Ограниченно подвижные артефакты», 8 – «Геофизические объекты», 9 – «Пути», 10 – «Вещепризнаки».

Рис. 15. Относительная частота употребления предлогов *außerhalb* и *außer* с наименованиями классов объектов

В конструкциях с релятумом *Haus* предлог *außer* указывает на принадлежность данного релятума к воображаемому пространству, предлог *außerhalb* в конструкциях с этим релятумом служит для локализации в воспринимаемом пространстве. Например, в контексте (61) событие *Feier* ‘праздник’ локализуется вне пространства релятума *Haus*, который соотносится не с конкретным физическим объектом с заданными границами, а с обобщенным понятием жилища. В контексте (62), напротив, референтом релятума в выражении *außerhalb des Hauses* ‘за пределами дома’ выступает физический объект – здание. Предлог *außerhalb* категоризирует релятуом как объект с выделенными границами, которые в описываемой ситуации выполняют защитную функцию. Вне пределов пространства, задаваемого

границами, эта функция обеспечивается другим объектом (*kugelsichere Weste* ‘бронезилет’). То есть локализуя в отношении какого-либо релятума, *außerhalb* профилирует такое свойство пространственного объекта, как наличие границ.

(61) *Sie können selbstverständlich alle unsere Speisen auch zu Hause genießen. Entweder als einzelnes Gericht zum mitnehmen oder wir liefern Ihnen Ihr Menü oder Buffet zu Ihrer Feier **außer** Haus* [http://www.gasthof-rockensuess.de/Ausser_Haus/ausser_haus.html]. ‘Само собой разумеется, Вы можете отведать всю нашу кухню [у себя] дома. Либо как отдельное блюдо, которое Вы можете взять с собой, либо мы доставим Вам [выбранное] меню или [накроем] шведский стол для праздника вне дома’.

(62) *Die Polizei hat ihr schon mehrfach nahegelegt, **außerhalb** des Hauses eine kugelsichere Weste zu tragen* [taz]. ‘Полиция неоднократно ей рекомендовала, находясь за пределами дома, носить бронезилет’.

По всей видимости, в конструкциях с существительным *Land* ‘страна’ предлоги *außer* и *außerhalb* находятся в отношениях взаимодополнительности. *Außer* чаще указывает на перемещение локализуемого объекта из внутреннего региона релятума в его внешний регион, что выражается при помощи таких глаголов, как *treiben* ‘гнать’, *schmuggeln* ‘перевозить контрабанду’, *fliehen* ‘бежать’, *fliegen* ‘лететь’ и др. (пример (63)); *außerhalb* указывает на местонахождение локализуемого объекта (пример (64)).

(63) *Nach all dem beschloß seine Familie, daß er **außer** Landes gehen müsse, um sich selbst und seine Familie vor weiterer Verfolgung in Sicherheit zu bringen* [taz]. ‘После всего этого семья решила, что он должен покинуть пределы страны (дословно: *идти вне страны), чтобы спасти себя и свою семью от дальнейшего преследования’.

(64) *Erst kürzlich tauchten ein paar tausend niedersächsische Schweine in Schlachthöfen **außerhalb** des Landes auf. Sofort verhängte die Europäische Kommission eine vollständige Handelssperre für das ganze Land* [taz]. ‘Совсем недавно несколько тысяч нижнесаксонских свиней появилось на бойнях за пределами [федеральной] земли. Европейская Комиссия сразу же наложила полный запрет на торговлю для всей земли’.

Сравнение пространств локализации, задаваемых предложениями *außerhalb* и *außer*, показывает, что в целом эти пространства совпадают: оба предлога передают информацию о том, что локализуемый объект или действие может находиться в любой точке за исключением пространства, занимаемого релятумом. Однако пространство локализации предлога *außerhalb* более специфицировано: данный предлог профилирует границы объекта и находится в оппозиции к предлогу *innerhalb* (пример (67)):

(65) *Derartige Gerüchte machen derzeit **inner-** und **außerhalb** Albaniens die Runde* [taz]. ‘Подобные слухи распространяются сейчас внутри Албании и за ее пределами (дословно *внутри и снаружи Албании)’.

Пространство, на которое указывает предлог *außerhalb*, не специфицируется по параметру ДИСТАНЦИЯ: в конструкциях с *außerhalb* регион локализации может располагаться в непосредственной близости от релятума, как в примере (66), на определенном (измеряемом) или неопределенном расстоянии (примеры (67), (68)):

(66) *Diejenigen, die im Kirchenhaus von Westminster saßen, waren angehalten, ihre Freudenschreie hinter vorgehaltener Hand zu ersticken. Außerhalb des Palastes jedoch brachen Tausende in Jubel aus, als der Erzbischof von Canterbury <...> das historische Ereignis <...> verkündet [taz].* ‘Те, кто сидел в церкви Вестминстерского дворца, вынуждены были сдерживать крики радости. Однако за стенами дворца тысячи разразились ликованием, когда епископ Кентерберийский объявил об историческом событии’.

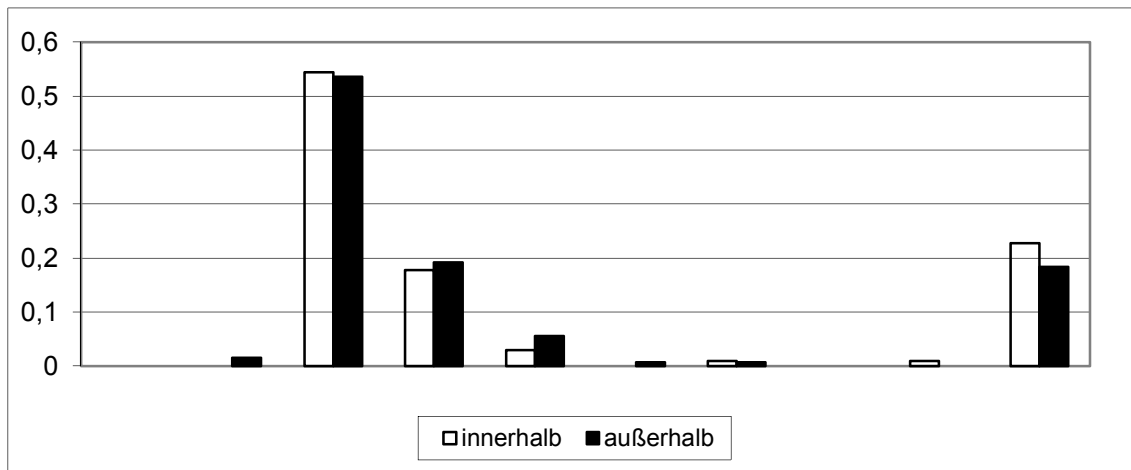
(67) *Es gibt einige Dutzend Kilometer außerhalb der Stadt, auf bosnisch kontrolliertem Terrain, eine Munitionsfabrik [taz].* ‘В нескольких десятках километров от города, на территории, контролируемой боснийцами, есть завод боеприпасов’.

(68) *Die japanische Verfassung aus der Zeit nach dem Zweiten Weltkrieg verbietet die Stationierung von Soldaten außerhalb Japans [taz].* ‘Японская конституция со времен Второй мировой войны запрещает размещение солдат за пределами (дословно: *вне) страны’.

Предлог *außerhalb* употребляется с наименованиями тех же классов релятумов, что и предлог *innerhalb* (рис. 16), – оба предлога профилируют границы релятумов. Они взаимоконвертируемы во всех найденных нами контекстах: локализация *außerhalb* противопоставляется локализации *innerhalb* и наоборот, что делает их абсолютными антонимами. Так же как и *innerhalb*, *außerhalb* употребляется с наименованиями ограниченных пространств (страны, населенные пункты, здания, существительные *Gebiet* ‘область, территория’, *Reichweite* ‘досягаемость’, *Sichtweite* ‘поле зрения’, *Territorium* ‘территория’, *Zone* ‘зона’, *Region* ‘регион’) и их границ (например, *Grenzen* ‘границы’, *Mauern* ‘стены’):

(69) *Die BASF-Werksfeuerwehr, <...> habe aber den <...> Brand sofort unter Kontrolle gehabt. Luftmessungen hätten außerhalb der Werksgrenzen keine erhöhten Werte ergeben [taz].* ‘Однако пожарная охрана [компании] БАСФ сразу же взяла пожар под контроль. В пробах воздуха за пределами предприятия не обнаружено повышения [допустимых] показателей’.

(70) *Gab es unter den Opfern auch Menschen, die von Folterungen im Westen der Türkei, also außerhalb der Kurdengebiete, berichtet haben? [taz]* ‘Были ли среди жертв также и люди, сообщавшие о пытках на западе Турции, т. е. вне курдской территории?’

Легенда: 1– «Человек», 2 – «Части тела», 3 – «Геополитические объекты», 4 – «Здания», 5 – «Части зданий», 6 – «Транспорт», 7 – «Ограниченно подвижные артефакты», 8 – «Геофизические объекты», 9 – «Пути», 10 – «Вещепризнаки».

Рис. 16. Относительная частота употребления предлогов *innerhalb* и *außerhalb* с наименованиями классов объектов

Таким образом, исследование показывает, что немецкие предлоги *außerhalb* и *außer* не находятся между собой в отношениях синонимии, употребление одного из этих предлогов по отношению к одному и тому же имени связывается с определенной категоризацией релятума.

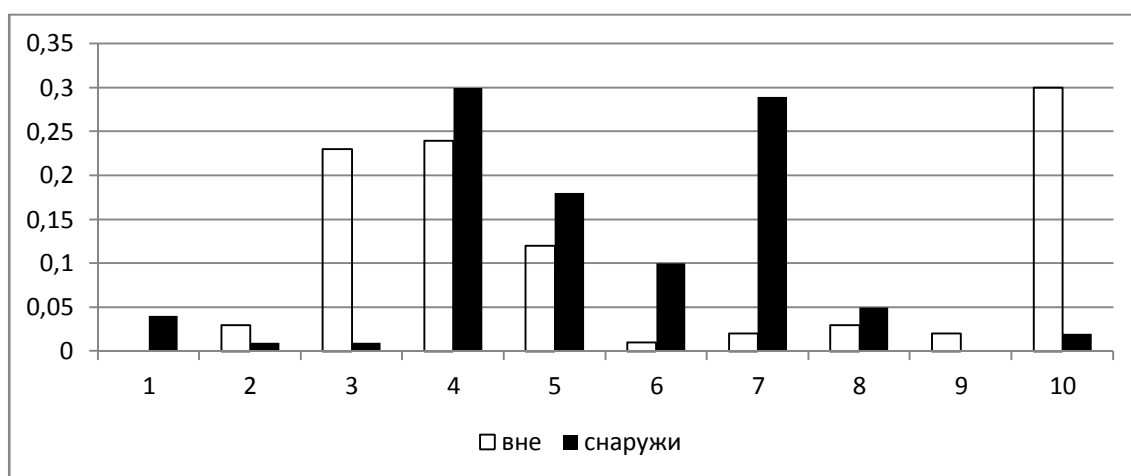
Обратимся к семантике русских предлогов *снаружи* и *вне*, которые являются переводными эквивалентами немецких предлогов *außerhalb* и *außer*. Определения, которые даются этим предлогам в толковом словаре Д.Н. Ушакова и в толковом словаре С. И. Ожегова, несколько отличаются друг от друга. Так, в словаре Д. Н. Ушакова указывается только наречное значение языковой единицы *снаружи*, которая обозначает пространство «с внешней, наружной стороны, извне». Значение предлога *вне* определяется как «снаружи, за пределами». В словаре С. И. Ожегова значение предлога *снаружи* описывается как местонахождение «на внешней стороне чего-н.», а значение предлога *вне* – как расположение «за пределами чего-н., не в чем-н.». Таким образом, в первом определении значение предлога *вне* истолковывается через значение наречия *снаружи*, во втором значения *вне* и *снаружи* представлены более дифференцировано, однако не исчерпывающе. Для выявления сходств и различий в семантике предлогов *вне* и *снаружи* обратимся к семантическому и дистрибутивному анализу.

Поскольку в нашем исследовательском корпусе для предлога *вне* обнаружен только 41 пример, а для предлога *снаружи* всего лишь один, для проведения семантического анализа и выявления дистрибуции данных предлогов мы обратились к Национальному корпусу русского языка.

Для предлога *вне* из газетного подкорпуса методом сплошной выборки было отобрано 500 контекстов, в которых данный предлог употребляется в пространственном значении, что является репрезентативным количеством

для анализа дистрибуции. Общее количество вхождений составило 6060, количество проанализированных контекстов – 3340, т. е. количество употреблений в пространственном значении составляет приблизительно 15%, что в целом соответствует процентному соотношению употреблений в пространственном и непространственных значениях в нашем исследовательском корпусе.

Так как предлог *снаружи* употребляется значительно реже, для получения объективной картины его функционирования отбор контекстов производился из основного, а не газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Языковая единица *снаружи* имеет всего 3799 вхождений в основном подкорпусе, из них в качестве предлога – 83 вхождения, во всех случаях данный предлог имеет пространственное значение. На рис. 17 представлена дистрибуция анализируемых предлогов.

Легенда: 1 – «Человек», 2 – «Части тела», 3 – «Геополитические объекты», 4 – «Здания», 5 – «Части зданий», 6 – «Транспорт», 7 – «Ограниченно подвижные артефакты», 8 – «Геофизические объекты», 9 – «Пути», 10 – «Вещепризнаки».

Рис. 17. Относительная частота употреблений предлогов *вне* и *снаружи* с наименованиями классов объектов

Как следует из рисунка, оба предлога употребляются с относительно одинаковой частотой с именами классов объектов «Здания и сооружения», «Части зданий» и «Геофизические объекты»; в остальных случаях их дистрибуция обнаруживает существенные различия. Эти различия обусловлены особенностями семантики данных предлогов, которая проявляется, прежде всего, в пространстве локализации. Подобно немецкому предлогу *außen*, предлог *вне* указывает на то, что локализуемый объект или действие может находиться в любой точке за исключением пространства, занимаемого релятумом (примеры (71)–(72)), при этом расстояние между локализуемым объектом и релятумом не специфицируется, данный предлог нейтрален в отношении семантического признака ДИСТАНЦИЯ.

(71) *А сознание человека, уверяет Плыкин, находится вне нашего мозга и вне нашего тела* [Российская газета].

(72) В своей работе он также высказал идею бортовой системы ориентации по Солнцу или другим небесным светилам и проанализировал поведение ракеты *вне атмосферы*, в среде, свободной от тяготения [А. Песляк. Исполнилось 150 лет со дня рождения Константина Циолковского // РИА Новости, 2007.09.17].

Регион локализации предлога *вне* может быть определен, как это делается в словаре С. И. Ожегова, через отрицание местоположения в регионе, задаваемом релятумом: *вне мозга – не внутри мозга, вне атмосферы – не в атмосфере*. Это может быть как внутренний регион релятума, так и его поверхность, что эксплицируется при трансформации конструкций с *вне* в предложные конструкции с отрицанием. Так, конструкция *вне Бельгии* в примере (73) трансформируется в конструкцию *не в Бельгии*, а конструкции *вне дорог* и *вне берега* (примеры (74), (75)) – в конструкции *не на дорогах*, *не на берегу*.

(73) *Каждый контракт, каждая уплата, каждый день, проведенный в Бельгии и вне Бельгии (известно, что Хиддинк, имея дом в соседней стране, именно там, а не в родной Голландии, какое-то время платил налоги), – похоже, каждая мелочь оказалась под прокурорской лупой* [А. Левит. Лучшая защита – нападение! // Советский спорт, 2007.02.07].

(74) *Это нововведение открыло широкие возможности для использования велосипеда вне хороших дорог* [31 мая // РИА Новости, 2007.05.31].

(75) *«Взрослые и дети работают на рыбацких лодках годами вне берега, не имея возможности сбежать, уязвимые для болезней, голода и физического насилия», – отмечается в докладе* [Рабы не мы // РБК Daily, 2007.06.14].

Таким образом, семантика предлога *вне* предполагает исключение некоторого ограниченного участка из пространственного континуума, в котором возможна локализация. В этом отношении русский предлог *вне* проявляет общие свойства с немецким предлогом *außerhalb*. Обе языковые единицы имеют также и сходную дистрибуцию: наиболее часто в конструкциях с *вне* в качестве релятумов выступают наименования ограниченных пространств и их границ, например, *зона*, *территория*, *плоскость*, *воздушное пространство*, *поле видимости*, *границы*, *пределы*, *стены*, названия стран и городов, наименования зданий – существительные типа *здание*, *помещение*, *кабина*, *салон*. Соответствующие классы релятумов («Вещепризнаки», «Здания и сооружения», «Геополитические объекты», «Части зданий») занимают первые четыре позиции по частотности употребления с анализируемым предлогом, что в общей сложности составляет почти 90% всех примеров (см. табл. 12).

Кроме того, предлог *вне* употребляется с такими существительными, как *поле*, *сцена*, *корт*, *дом*, *лед*, для локализации в воображаемом пространстве (примеры (76)–(78)). Как уже отмечалось выше, в подобных примерах денотат предложной конструкции не является конкретным пространственным объектом.

(76) *Первое – дать приют подросткам, которые по каким-то причинам оказались **вне** дома, на улице* [Российская газета].

(77) *На поле и **вне** его мы одна семья и должны поддерживать друг друга* [П. Астафьев. Нападающий «Локомотива» Уинстон Паркс: Мы победим со счетом 2:0 // Советский спорт, 2006.02.15].

(78) *Главным адресатом всех звонков и комплиментов стал Николай Цискаридзе, который позже признался, что крайне не любит, когда на него обращают внимание **вне** сцены* [Е. Чинкова. Николай Цискаридзе: Ненавижу, когда на меня обращают внимание! // Комсомольская правда, 2007.09.27].

Таблица 12

Частотный ранг наименований классов объектов, употребляемых с предлогами *außenhalb, außen, вне, снаружи*, %

außerhalb			außer		вне		снаружи	
1	Геополитические объекты	54	Геополитические объекты	59	Вещепризнаки	30	Здания и сооружения	30
2	Здания и сооружения	19	Здания и сооружения	41	Здания и сооружения	24	Ограниченно подвижные артефакты	29
3	Вещепризнаки	18	-		Геополитические объекты	23	Части зданий	18
4	Части зданий	6	-		Части зданий	12	Геофизические объекты	5
5	Человек	2	-		Части тела	3	Человек	4
6	Ограниченно подвижные артефакты	1	-		Геофизические объекты	3	Вещепризнаки	2
7	Транспортные средства	1	-		Ограниченно подвижные артефакты	2	Геополитические объекты	1
8		-	-		Пути	2	Части тела	1
9		-	-		Транспортные средства	1	Транспортные средства	1

Следует отметить, что основной чертой семантики предлога *вне* при указании на внешнюю сторону релятума является неспецифицированность топологических характеристик. В этом состоит его отличие от предлога *снаружи*. Семантика предлога *снаружи* специфицирована по признаку ДИСТАНЦИЯ: данный предлог указывает на близкое расположение локализуемого объекта к релятуму, в терминологии Д. Вундерлиха – на его проксимальный регион. Проксимальный регион объекта характеризуется тем, что в нем возможно взаимодействие потенциального агенса с этим

объектом [283, S. 778]. Так, в примере (79) об указании на проксимальный регион свидетельствует информация о взаимодействии между деятелями, которые находятся внутри и снаружи объекта.

(79) *Снаружи резервуара должны находиться не менее двух человек, которые должны держать в руках концы веревок, наблюдать за работающим в резервуаре, быть готовыми оказать ему необходимую помощь и не допускать к месту проведения работ посторонних лиц* [Правила безопасности при эксплуатации автомобильных заправочных станций сжиженного газа (2003) // 2003.03.04].

Снаружи допускает также контакт между объектами, соотносимыми в пространстве. В примере (80) вывод о контакте между локализуемым объектом *оборудование* и релятумом *магазин* следует из возможного действия (*срывать*), которое может быть осуществлено лишь в случае наличия контакта.

(80) *Если будет установлено оборудование **снаружи** магазина, то оно будет сорвано и уничтожено...* [Г. Артеменко. Магазин в жилом доме: «за» и «против» (2003) // Петербургский Час пик, 2003.09.03].

Большая специфицированность семантики предлога *снаружи*, по сравнению с семантикой *вне*, проявляется в асимметрии при взаимозамене данных предлогов: замена в высказываниях предлога *снаружи* предлогом *вне* является допустимой, в то время как допустимость замены предлога *вне* предлогом *снаружи* представляется сомнительной (ср.: *вне резервуара, магазина*, однако **снаружи атмосферы, мозга, тела*).

Семантические различия между предлогами *вне* и *снаружи* особенно ярко проявляются при реконструкции пространственных оппозиций: пространству, на которое указывает предлог *снаружи*, противопоставляется внутреннее пространство релятума-вместилища; пространству локализации предлога *вне* противостоит пространство как релятумов-вместилищ, так и релятумов-поверхностей. В речевом употреблении данные различия проявляются в том, что предлог *снаружи* эксплицитно или имплицитно находится в оппозиции к предлогу *внутри* (примеры (81), (82)), в то время как предлог *вне* образует оппозицию предлогам *в* и *на* (примеры (73), (74)):

(81) ***Внутри** и **снаружи** инструментов в областях пайки расплывались зеленые пятна коррозии, прорывы закрыты заплатами, прикрепленными к инструменту с помощью пайки и заклепок* [С. Смирнов. Долгая жизнь трофея // Наука и жизнь, 2009].

(82) *Директор ярославской школы-интерната для слабослышащих детей В. В. Бабурин сообщает, что для проведения капремонта прачечной, тепловых сетей **внутри** и **снаружи** здания, ремонта столовой, по минимальным оценкам, требуется 500 миллионов рублей* [Дети всегда бедные, если власть сытая (1997) // Северный край (Ярославль), 1997.05.02].

Мы рассмотрели немецкие и русские предлоги, у которых указание на внешнюю сторону объекта является доминирующей семантической характеристикой. Семантические характеристики немецких и русских

предлогов, локализующих в отношении внешней стороны, приводятся в табл. 13. Как следует из таблицы, дирекциональный признак обнаруживается лишь в семантике немецкого предлога *außen*; только в семантике русского предлога *снаружи* по параметру дистанции специфицирован внешний регион – этот предлог локализует в проксимальном регионе, допускает возможность контакта.

При сравнении дистрибуции предлогов *außenhalb* и *außen*, с одной стороны, и *вне* и *снаружи* – с другой, выявляется, что частотный ранг наименований классов объектов у предлогов *außenhalb*, *außen* и *вне* коррелирует (см. табл. 12). Так, первые три позиции для этих предлогов занимают наименования геополитических объектов, зданий и сооружений, а также вещепризнаков. Объекты, наименования которых выступают в качестве релятумов с рассматриваемыми предлогами, принадлежат преимущественно к воображаемому пространству. Существенно отличается дистрибуция предлога *снаружи*, который чаще употребляется с наименованиями объектов воспринимаемого пространства.

Таблица 13

Семантические признаки предлогов *außenhalb*, *außen*, *вне*, *снаружи*

Семантические признаки	<i>außenhalb</i>	<i>außen</i>	<i>вне</i>	<i>снаружи</i>
Локализация в воображаемом пространстве	+/-	+	+	-
Локализация в воспринимаемом пространстве	+	-	+	+
Спецификация региона: профилирование границ релятума	+	-	+	-
Спецификация региона: профилирование проксимального региона	-	-	-	+
Спецификация отношения: неопределенная дистанция	+	+	+	-
Спецификация отношения: расположение вблизи, возможность контакта	-	-	-	+
Стативные отношения	+	+	+	+
Дирекциональные отношения	-	+	-	-

Очевидно, дистрибуция предлогов коррелирует с их семантической структурой: употребление с наименованиями объектов воспринимаемого пространства обуславливается возможностью локализации в проксимальном регионе объекта, т. е. в его непосредственной близости, или в контакте с ним.

Если немецкие предлоги *außenhalb* и *außen* находятся в отношении взаимодополнительности, то русские предлоги *вне* и *снаружи* – в гипо-гиперонимических. Тип отношений между предлогами, обозначающими одно и то же пространственное отношение, мы также связываем с особенностями семантической структуры. На данном этапе исследования можно предположить, что гипо-гиперонимические отношения у предлогов, обозначающих одно и то же пространственное отношение, наблюдаются в случаях, когда семантика одного из них включает специфицирующие признаки.

В следующих параграфах рассмотрены особенности спецификации внешнего региона в семантике немецких и русских предлогов, обозначающих отношение дистанции – контакта и близкого расположения.

3.3. Особенности номинации отношения контакта при помощи предлогов в немецком и русском языках

Отношение контакта можно рассматривать как вид отношения ДИСТАНЦИЯ. Дистанция является градуальным параметром: ее значения можно расположить на шкале, начинающейся с нулевой отметки. Если дистанция равняется нулю, то между локализуемым объектом и релятумом возникает отношение контакта.

На отношение контакта между локализуемым объектом и релятумом в русском языке указывает предлог *на*. В семантических описаниях, объектом которых неоднократно становился этот предлог, а также в словарных определениях в первую очередь обращается внимание на то, что данный предлог указывает на поверхность релятума. Так, согласно словарю С. И. Ожегова, *на* употребляется «при обозначении поверхности, на к-рой сверху располагается или куда направляется что-н.». Семантика данного предлога подробно исследуется в работах М. В. Всеволодовой и Е. Ю. Владимирского, О. Н. Селиверстовой [29; 102; 103].

О. Н. Селиверстова в качестве основной семантической характеристики предлога *на* называет его свойство представлять внешние очертания релятума, по этим признакам предлог *на* противопоставлен словам *в*, *внутри* [102, с. 191]. Как и в словаре С. И. Ожегова, отмечается такая семантическая особенность предлога *на*, как способность позиционировать релятум в качестве «опоры». Однако здесь автор отмечает, что в одних случаях функция опоры релятумом реализуется, а в других – нет. Эта функция не реализуется, если локализуемый объект является частью поверхности релятума (*вышивка на скатерти, рисунок на дереве, надпись на этикетке*) [с. 194]. Со своей стороны отметим, что эта функция не реализуется и в ряде других случаев, когда локализуемый объект не является частью релятума, например, *картина на стене* или *табличка на двери*.

В немецком языке коррелятами русского предлога *na* выступают сразу два предлога – *auf* и *an*. В словаре Duden-online семантика предлога *auf* описывается как «Angabe der Berührung von oben, der Lage, des Aufenthalts in einem Raum, einem Gebäude <...>; bezieht sich auf eine Stelle, Oberfläche, auf einen Erstreckungsbereich» ‘указание на касание сверху, положение, пребывание в помещении, здании; указывает на место, поверхность, область распространения’. Предлог *an* служит «zur Angabe der Lage, der Nähe, der Berührung o. Ä.» ‘для обозначения положения, близкого расположения, касания и т. п.’.

Мы не останавливаемся на подробном анализе определений, данных в словарях, очевидно несовершенных и нуждающихся в уточнении. Неудовлетворительность толкований значений предлогов неоднократно отмечалась в литературе (например, [58]). Вычленим из имеющихся определений общую семантическую часть, которая позволяет говорить о корреляции данных предлогов. Очевидно, что такой общей характеристикой является отношение контакта, которое представляется центральным семантическим признаком предлогов *na*, *auf* и *an*. Если в определении немецких предлогов на это указывается эксплицитно, то в толковании предлога *na* информация о контакте отсутствует, однако она легко выводится из словарной статьи – *располагаться na* можно только при условии контакта поверхностей соотносимых объектов.

Еще одной особенностью семантики русского предлога *na* и немецкого предлога *auf*, которая отмечена в словарях, является наличие дименционального признака. Этот дименциональный признак связан с информацией о порядке расположения локализуемого объекта и релятума по вертикали, согласно которому релятум находится снизу, а локализуемый объект или действие – сверху. В этом значении предлог *auf* противопоставляется предлогу *an*, который употребляется при локализации «не-сверху».

Таким образом, в немецком языке наблюдается распределение функций между предлогами *auf* и *an*, которые в русском языке выполняет один предлог *na*. Вопрос, в чем именно заключаются эти функции, особо пристально рассматривается в сопоставительных исследованиях немецкого и славянских языков (например, [138]), поскольку употребление анализируемых немецких предлогов не-носителями немецкого языка представляет определенные трудности. Как правило, для дифференциации значений *auf* и *an* привлекается критерий горизонтального vs. вертикального расположения поверхности релятума. Такое разграничение кажется, на первый взгляд, правомерным: локализация на горизонтальных поверхностях типа *Tisch* ‘стол’ или *Fußboden* ‘пол’ осуществляется при помощи предлога *auf* (*auf dem Tisch* ‘на столе’, *auf dem Fußboden* ‘на полу’), а в отношении вертикальных поверхностей типа *Wand* ‘стена’, *Tafel* ‘доска’ – при помощи предлога *an* (*an der Wand* ‘на стене’, *an der Tafel* ‘на доске’).

Противопоставление горизонтальной и вертикальной поверхностей может следовать из толкования значения предлогов *auf* и *na*, согласно которому локализуемый объект располагается сверху релятума³¹. Однако мы считаем целесообразным разграничить эти два признака, поскольку они отражают информацию разного порядка. Если сема СВЕРХУ передает информацию о пространственных отношениях, то семы ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ и ВЕРТИКАЛЬНЫЙ – о специфическом положении релятума. Обычно такая информация передается в языках при помощи позиционных глаголов *stehen* vs. *liegen*. В этой связи возникают по меньшей мере два теоретических вопроса: 1) может ли семантика предлогов включать в себя информацию о положении релятума в пространстве; 2) что обуславливает возможность или невозможность присутствия такой информации в семантике предлогов?

3.3.1. Димензиональные признаки в семантике предлогов *an* и *auf*

Рассмотрим семантические характеристики предлогов *auf* и *an*. Анализ дистрибуции данных предлогов показывает, что, с одной стороны, *an* может употребляться для локализации по отношению к горизонтально ориентированным поверхностям, например, потолок (пример (83)), а *auf* – по отношению к вертикально ориентированным, например, стена (пример (84)), с другой – *auf* и *an* регулярно встречаются в конструкциях с одним и тем же релятумом. Так, в примерах (85) и (86) эти предлоги употребляются по отношению к релятуму *Tür* ‘дверь’.

(83) *Er blickte durch den Rauch, der von einem Ventilator, der an der Decke befestigt war, wellenartig durch den Raum getrieben wurde* [taz]. ‘Он посмотрел на дым, который волнами прогонялся по всему помещению вентилятором, прикрепленным к потолку’.

(84) *Diese nachträglich zu den fertigen Bildern erstellten Strukturskizzen sind ein völlig neues Mittel einer vom Künstler selbst gestalteten Didaktik zur Bildausage. <...> [Sie] besetzten direkt auf die Wand gemalt die Galerie...* [taz]. ‘Эти структурные эскизы, сделанные впоследствии к уже готовым картинам, являются абсолютно новым средством дидактики изобразительного выражения, которую изобрел художник. Нанесенные прямо на стену, они господствуют над всей галереей’.

(85) *Nicht hinter jeder Gardine am Fenster und jedem Namensschild an der Wohnungstür verbirgt sich ein Mieter* [taz]. ‘Не за каждой занавеской на окне и не за каждой табличкой с именем на двери квартиры стоит реальный квартиросъемщик’.

---

³¹ Так, В. Гримм и Я. Гримм в своем словаре немецкого языка в частности отмечают, что «auf und an verhalten sich wie gipfel und seite» ‘auf и an соотносятся как вершина и сторона’ (S. 603).

(86) *Auf den Türen des Mercedes Kombi, mit dem wir aus Zagreb heraus nach Nordosten fahren, steht «Preživjeti Zimu», «Den Winter überleben»* ‘На дверях мерседеса комби, на котором мы направляемся из Загреба на северо-восток, написано «Preživjeti Zimu», «Пережить зиму»’ [taz].

Для выявления семантических факторов, которые обуславливают возможность подобных употреблений, проведен психолингвистический эксперимент. Испытуемым – носителям немецкого языка (всего 26, большинство из них студенты в возрасте от 22 до 28 лет) и носителям русского языка (всего 23, студенты-германисты пятого курса, а также аспиранты, уровень владения языком по Общеввропейскому стандарту – B2 – C1 и выше) – было предложено заполнить пропуски в контекстах, вставив подходящий по смыслу предлог (или предлоги, если подходит несколько) и дополнить падежные маркеры, которые были предварительно опущены. Контексты имеют разную длину – от словосочетаний до нескольких выражений; в их числе как случаи стандартного употребления предлогов, например, при мотивированном глагольном управлении типа *halten an* ‘держат за’, так и обстоятельства места, в которых предлог задает пространственную ситуацию. Всего в анкету вошло 62 контекста, в которых необходимо было заполнить 70 пропусков. Часть анкеты приведена на рис. 18.

1. _____ Tür klopfen
2. _____ Seitenwände montieren
3. Man kann _____ Boden oder _____ Decke sehen.
4. Der Raum hat keine Wand, _____ ich horchen könnte, und keine Fenster, _____ ich sehen könnte.
5. mehrmals den Kopf _____ Dachschräge gestoßen haben
6. Markus rollt _____ Couchtisch des Wohnzimmers.
7. alle Konkurrenten _____ Wand drücken können

Рис. 18. Часть анкеты для выявления семантических характеристик предлогов *an* и *auf*

С точки зрения носителей русского языка, большинство контекстов представляют собой особо проблемные случаи употребления *an* и *auf*, однако испытуемым не говорилось, о каких предлогах идет речь. Фактически испытуемые должны были на основании прочитанного реконструировать пространственную ситуацию, определить отношения в ней между объектами и выбрать соответствующий пространственный предлог.

Результаты исследования показывают, что носители русского и немецкого языков использовали при выборе предлога разные стратегии. Русскоязычные испытуемые пользовались стратегией, усвоенной при изучении языка, и пытались определить, вертикально или горизонтально расположена поверхность релятума. Для носителей немецкого языка релевантным оказался характер контакта. Рассмотрим некоторые примеры из опроса.

(87) *«Ihr Leiden ist uns Mahnung», ist _____ Tafel zu lesen* ‘«Ее страдания служат нам предостережением», написано на доске’.

В примере (87) речь идет о надписи как локализуемом объекте и релятуме *Tafel* ‘доска’, которая канонически располагается вертикально (школьная доска, мемориальная доска). Восемнадцать из двадцати трех опрошенных русскоязычных испытуемых в качестве правильного варианта для этого высказывания указали предлог *an*, четыре – *auf* и один – *von*. То есть большинство русскоязычных испытуемых при выборе предлога ориентировались на каноническую ориентацию релятума.

Что касается носителей немецкого языка, то при реконструкции данного предложения пятнадцать информантов употребили предлог *auf*, три – предлог *an*, и восемь отметили возможность употребления обоих предлогов. Для того чтобы определить, как меняется значение высказывания в зависимости от употребленного предлога, проводились интервью. В ходе беседы на вопрос о том, существует ли разница между конфигурациями объектов, которые обозначены конструкциями *auf der Tafel* и *an der Tafel*, немецкоязычные испытуемые указывали, что при употреблении предлога *auf* локализуемый объект характеризуется как неотъемлемая часть релятума, в данном случае, надпись выгравирована на доске. Если употребляется предлог *an*, локализуемый объект и релятум мыслятся как дискретные объекты, контакт между которыми может быть легко прерван, например, надпись нарисована на доске мелом, и ее можно стереть.

Способность категоризовать локализуемый объект как часть поверхности локализующего, вытекающая из семантики предлога *auf*, особенно четко проявляется в конструкциях типа *die Blume auf dem Kleid* ‘цветок на платье’ и *die Blume am Kleid* ‘цветок на платье’. В первом случае речь идет о цветке, который составляет часть объекта «платье» (например, нарисован на ткани), во втором случае цветок – дискретный объект (например, приколот к платью).

Разберем еще один пример подобного рода. В контексте (88) речь идет о локализации таких объектов, как *Narben* ‘шрамы’ и татуировки («*Rolling Stone*», «*BRD*»), в отношении одних и тех же релятумов – *Hals* ‘шея’, *Hände* ‘кисти’, *Arme* ‘предплечья’. (В данном примере мы приводим контекст с теми предлогами, которые были употреблены в оригинале.)

(88) *Sie knöpft ihre Bluse auf, krepmpelt die Ärmel hoch, sie zeigt ihre Brust. Narben am Hals, an den Händen, an den Armen. «Rolling Stone» stand auf ihrer Hand. «BRD» stand auf ihrem Arm* ‘Она расстегивает блузку, закатывает рукава, она показывает свою грудь. Шрамы на шее, на руках (дословно: на кистях, на предплечьях). «Роллинг Стоунз» написано на ее кисти. «ФРГ» написано на ее руке’ [taz].

Несмотря на то, что и шрамы, и надписи здесь являются атрибутами соответствующих частей тела, их неотъемлемой частью для локализации шрамов употребляется предлог *an*, для локализации татуировок – предлог *auf*. Все опрошенные немецкоязычные информанты при заполнении пропусков употребили те же предлоги, что и в оригинальном тексте, кроме того, трое из них указали в качестве второго возможного варианта для

локализации релятума *Narben* предлог *auf*. На первый взгляд, такое употребление противоречит условию дискретности либо недискретности соотносимых объектов, о котором говорилось выше. Однако в интервью выяснилось, что релевантной оказывается дискретность не в физическом пространстве, а в языковом сознании, в котором шрамы могут интерпретироваться как «самостоятельные» объекты.

Результаты эксперимента показывают, что причина, по которой в отношении одного и того же релятума в одной и той же пространственной ситуации употребляются разные предлоги, заключается в языковой категоризации локализуемого объекта. Если последний концептуализируется как дискретный, отделимый объект (что может и не соответствовать фактическому положению вещей, как в случае со шрамами), то используется *an*; при помощи *auf* подчеркивается единство физического объекта, наименования частей которого соотносятся в языковом выражении как локализуемый объект и релятум. Из этого следует, что на выбор предлога влияют пространственные характеристики не только релятума, как полагают многие лингвисты, но и локализуемого объекта.

Руководствуясь стратегией ориентации на горизонтальное или вертикальное расположение релятума в пространстве, носители русского языка испытывали с этим примером особенные трудности. Это проявилось в разнообразии ответов, среди которых мы обнаружили 17 различных вариантов (первый вариант – правильный – указали только три информанта):

1. <i>an/an/an – auf/auf</i>	10. <i>an/an/an – auf/an</i>
2. <i>auf/auf/auf – auf/auf</i>	11. <i>an/an/an – hinter/an</i>
3. <i>um/um/um – auf/auf</i>	12. <i>auf/an/auf – auf/auf</i>
4. <i>nach/nach/nach – für/für</i>	13. <i>auf/auf/auf – an/ auf</i>
5. <i>an/auf/an – auf/auf</i>	14. <i>an/an/an – neben/bei</i>
6. <i>an/auf /an – auf/an</i>	15. <i>an/нет ответа – auf/auf</i>
7. <i>an/auf/auf – an/an</i>	16. <i>нет ответа – neben/bei</i>
8. <i>an/auf/auf – auf/auf</i>	17. <i>нет ответа – auf/bei</i>
9. <i>an/auf/auf – in/in</i>	

Анализ анкет показывает, что большинство испытуемых выбор предлога ставит в зависимость от релятума. Так, в отношении релятума *Hals* ‘шея’ в более чем половине случаев (14 из 23) использовался предлог *an*. С релятумами *Hände* ‘кисти рук’ и *Arm/Arme* ‘предплечья’ использовались как *an*, так и *auf*, что связывалось с трудностью определения вертикального vs. горизонтального положения данных объектов в пространстве. У части информантов наблюдается тенденция классифицировать кисти рук как горизонтально расположенные объекты, а предплечья – как вертикально расположенные объекты (варианты ответов 5, 6, 7, 10, 12).

Разобранный пример еще раз убедительно продемонстрировал, что ни вертикальное, ни горизонтальное положение релятума в пространстве не

находит отражения в семантике немецких предлогов, хотя является весьма важным компонентом знаний о пространстве, представленных в других языковых единицах.

Рассмотрим еще два примера, в которых локализация происходит также в отношении одного и того же релятума *Stirn* ‘лоб’, локализуемые объекты – *Hand* ‘кисть’ и *Streifen* ‘лента, полоса’ – являются в физическом смысле дискретными сущностями.

(89) *Aber an den Fenstern des Außenministeriums stehen viele nachdenkliche Beamte, eine Hand _____ Stirn gelegt, das Kinn aufgestützt, die Arme defensiv verschränkt* ‘Но у окон Министерства иностранных дел стоит много задумчивых служащих, положив одну руку (кисть) _____ (лоб), воинственно скрестив руки’.

(90) *Der dicke schwarze Streifen _____ Stirn soll sie schützen und Kraft geben im Kampf* ‘Широкая (дословно: толстая) черная лента _____ (лоб) должна их защищать и давать силы в бою’.

Как и в предыдущих примерах, мнения информантов при выборе предлога разделились. Для примера (89) девятнадцать человек указали предлог *an*, что соответствует оригиналу, семь человек – предлог *auf*, для примера (90) – двадцать четыре опрошенных назвало предлог *auf* (этот же предлог употреблен и в оригинале) и два – предлог *an*. В интервью с информантами выяснилось, что употребление предлога связано с реконструкцией пространственной ситуации: при употреблении предлога *auf* предполагается, что сторона локализуемого объекта, находящаяся в одной плоскости с поверхностью релятума, находится в контакте с последней по всей своей площади, при употреблении предлога *an* подчеркивается ограниченность площади контакта. В Интернете по запросу на конструкции *die Hand auf der Stirn* и *die Hand an der Stirn* были найдены изображения следующего типа (рис. 19 и 20):

Рис. 19. Пространственная ситуация, описываемая выражением *die Hand auf der Stirn*

Рис. 20. Пространственная ситуация, описываемая выражением *die Hand an der Stirn*

Приведенные примеры показывают, что дифференциация значений предлогов *auf* и *an*, в первую очередь, связана с их топологическими

характеристиками, а именно профилированием разных регионов локализации (для *auf* это поверхность, для *an* – проксимальный регион) и спецификацией отношения КОНТАКТ. Что касается наличия димENSIONАЛЬНЫХ признаков в семантике рассматриваемых предлогов, то, как показывает исследование, информация о горизонтальном или вертикальном положении релятума не входит в их семантику. Предлог *auf* в ряде случаев может обозначать расположение локализуемого и локализуемого объектов в соответствующем порядке по вертикали (локализующий объект снизу, локализуемый – сверху), что и отмечено в словарных статьях. Исследование показывает, что наличие этого признака обусловлено процессом исторического развития языка. Хотя подробный диахронический анализ предлогов не входит в задачи нашей работы, обращение к этимологическим словарям помогает объяснить многие современные употребления предлогов.

Так, согласно данным словаря В. Гримма и Я. Гримма, предлог *an*, как и предлог *in*, принадлежит к числу наиболее древних, имеющих общеиндоевропейское происхождение предлогов с трудно восстанавливаемой этимологией (S. 285). Предлог *auf* является предлогом более позднего происхождения, возникшим из наречия со значением «сверху» (S. 602–603). В словаре Г. Пауля приводятся данные о постепенном замещении некоторых функций предлога *an* в пространственном значении предлогом *auf*: «Ursprünglich bezeichnet *an* räumliche Berührung. Eingeschränkt ist der Gebrauch von *an* durch *auf* da, wo die Berührung von oben stattfindet.» 'Изначальным значением *an* является пространственный контакт. Употребление *an* ограничивается предлогом *auf* там, где контакт осуществляется сверху' (S. 21). При этом автор отмечает, что еще в средневерхненемецком периоде в истории немецкого языка и в ранневерхненемецком можно было сказать *an dem Grase sitzen, sich an das Gras setzen* 'сидеть на траве, садиться на траву', в современном немецком языке такое употребление считается некорректным. Г. Пауль рассматривает выражения *an dem (das) Ufer* 'на берегу (берег)', *an der (die) Küste* 'на побережье', *an der (die) Stelle* 'на месте (место)', *an dem (den) Platz(e)* 'на месте (место)', *an dem (den) Ort(e)* 'на месте (место)' как остаточные явления более ранних способов употребления этого предлога.

Предлог *auf* сохранил прозрачность внутренней формы, которая, как отмечают лингвисты, во многих случаях влияет на актуальное значение и употребление языковых единиц [11, с. 49]. Очевидно, наречное значение «сверху» обуславливает ряд употреблений предлога, однако постепенно отходит на второй план, уступая место значению контакта с соответствующей поверхностью по всей площади. Так, выражения типа *auf dem Zimmer* 'в комнате' уже в словаре Я. Гримма и В. Гримма признаются устаревшими. Авторы следующим образом объясняют употребление в подобных конструкциях предлога *auf*: «das mädchen sitzt auf der stube, auf der kammer und spinnt, weil frauenstuben und kammer hoch, d.i. oben im haus

gelegen waren, heute ist üblicher zu sagen in der stube, in der kammer» ‘девушка сидит в (auf) комнате, каморке и прядет, потому что женские комнаты и каморки раньше располагались в доме наверху, сегодня чаще принято говорить в (in) комнате, в (in) каморке’. В то же время в нашем корпусе широко представлены контексты типа (84) и (86), в которых семантический признак СВЕРХУ нейтрализуется.

3.3.2. Аспекты корреляции немецких предлогов *an* и *auf* и русского предлога *na*

Обратимся еще раз к семантике русского предлога *na* с целью выявить, входит ли дименсиональный признак в его семантику. Исследуя семантику этого русского предлога, О. Н. Селиверстова связывает многие случаи его употребления с образной схемой, которую она описывает как «наложение одного объекта на другой, создающее как бы послойную структуру», и наглядно представляет эту схему в виде следующего рисунка [102, с. 205]³²:

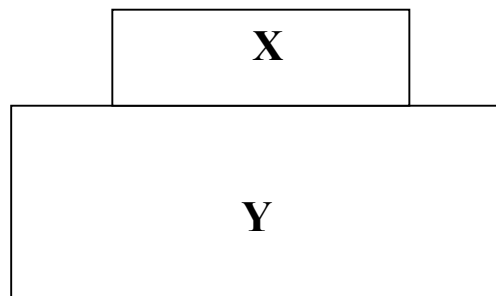

Рис. 21. Образная схема употреблений предлога *na*

Существует много случаев, когда данная пространственная схема не работает. На некоторые из них указывает сама автор (локализуемый объект является частью релятума), перечень можно расширить за счет употреблений типа *картина на стене, табличка на двери, муха на потолке* и др., если определять верх как направление, обусловленное гравитацией. Ограничений на употребление предлога *na*, которые бы накладывал признак СВЕРХУ, как это происходит для предлога *auf*, не выявлено. Следовательно, информация о том, что локализуемый объект в таких конструкциях, как *книга на столе, ковер на полу*, находится сверху релятума, является частью знаний и мире и не входит в семантику русского предлога.

Семантические характеристики предлогов *auf*, *an* и *na* представлены в табл. 14. Как следует из таблицы, предлог *na* обнаруживает гораздо больше общих признаков с предлогом *auf*, чем с предлогом *an*.

³² X у О. Н. Селиверстовой соответствует локализуемому объекту, Y – локализирующему.

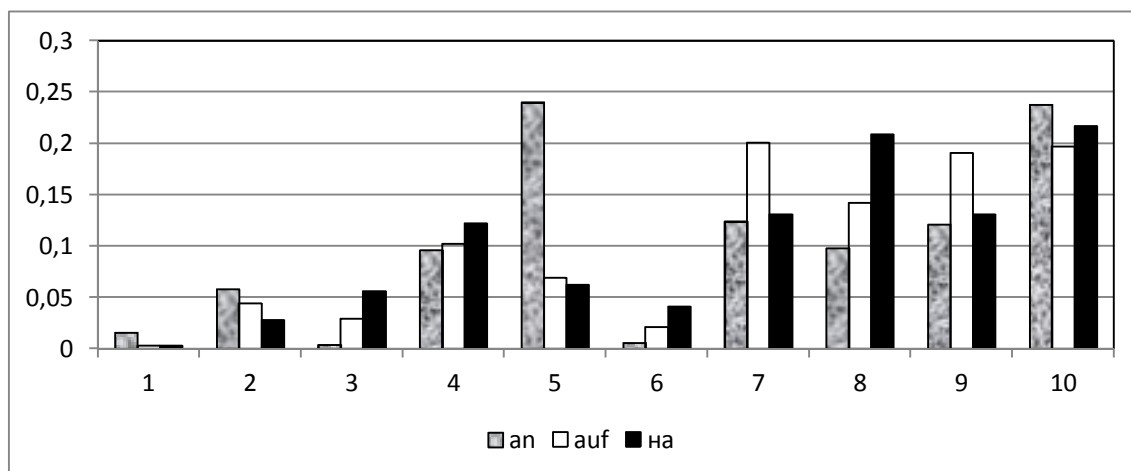
Семантические признаки предлогов *auf*, *an* и *na*

Семантические признаки	<i>auf</i>	<i>an</i>	<i>na</i>
Локализация в визуально воспринимаемом пространстве	+	+	+
Локализация в воображаемом пространстве	+	- (+)	+
Спецификация региона: профилирование поверхности релятума	+	-	+
Спецификация региона: профилирование проксимального региона	-	+	-
Спецификация отношения: контакт всей поверхности ЛО	+	-	+
Спецификация отношения: контакт, ограниченный по площади	-	+	-
Спецификация отношения: обязательный контакт	+	-	+
Спецификация отношения: возможный контакт	-	+	-
Стативные отношения	+	+	+
Дирекциональные отношения	+	+	+
Профилирование стороны релятума, обращенной кверху	+	-	-

Анализ дистрибуции данных предлогов показывает, что они употребляются в отношении одних и тех же классов релятумов со сравнимой частотой (рис. 22), выполняя при этом функции, которые обусловлены их семантическими характеристиками. Все три предлога достаточно свободно сочетаются с наименованиями большинства классов объектов, ограниченную сочетаемость обнаруживают только объекты классов «Человек», «Геополитические объекты» и «Транспортные средства». Сочетаемостные ограничения в отношении этих трех классов обусловлены когнитивными правилами выбора релятума, а также языковой категоризацией пространственных объектов. Приведем только некоторые примеры, чтобы продемонстрировать, как семантические свойства предлога взаимодействуют с языковой концептуализацией релятумов.

Так, предлоги *auf* и *na* очень редко употребляются с наименованиями человека и животных. При описании пространственных отношений с помощью рассматриваемых предлогов чаще в качестве релятума выступают наименования частей тела, что объясняется правилами выбора фона для фигуры [12] (ср.: *у него на лице шрам* при сомнительности **на нем шрам*). Для *na* найдено всего пять контекстов с соответствующими релятумами, для *auf* – четыре. В первом случае речь идет о конструкциях типа «наименование предмета одежды + *na* + личное местоимение», во втором – о специфических контекстах, как, например, *die Pest wird von Flöhen übertragen, die auf Ratten hausen* ‘чума переносится блохами, которые живут на крысах’. Несколько чаще с релятумами данного класса употребляется предлог *an* (тридцать два

контекста) в конструкциях типа *an sich ziehen* ‘притянуть к себе’, *an sich nehmen* ‘взять себе’, *an jemanden pressen* ‘прижать к кому-либо’, *Mord an* ‘убийство кого-либо’.

Легенда: 1– «Человек», 2 – «Части тела», 3 – «Геополитические объекты», 4 – «Здания», 5 – «Части зданий», 6 – «Транспорт», 7 – «Ограниченно подвижные артефакты», 8 – «Геофизические объекты», 9 – «Пути», 10 – «Вещепризнаки».

Рис. 22. Относительная частота употреблений предлогов *an*, *auf* и *na* с наименованиями классов объектов

Такое положение вещей можно объяснить тем, что предлоги *auf* и *na* профилируют определенную пространственную характеристику релятума (поверхность), а предлог *an* – не пространственную характеристику релятума, а его проксимальный регион. Очевидно, что профилирование пространственной характеристики связано с большими ограничениями в сочетаемости предлога: знания о пространственной категоризации объектов как «вместилищ», «поверхностей», «фонов» и т. п. репрезентированы на концептуальном уровне; употребление предлога вызывает ожидание определенной категории релятумов, как правило, профилируемое предлогом свойство и языковая категоризация объекта согласуются [261, S. 85]. Человек как пространственный объект не является «типичной» поверхностью, что и объясняет ограниченное употребление с его наименованиями предлогов *auf* и *na*.

Употребление предлога *an* не связывается с требованиями к пространственным свойствам релятумов, его сочетаемость ограничивается факторами другого порядка. По всей видимости, выделение проксимального региона связано с возможностью визуального восприятия объектов. Об этом свидетельствует анализ дистрибуции данного предлога, который крайне редко употребляется с наименованиями геополитических объектов, всегда выступая в таких случаях частью глагольного или адъективного управления (*anschießen an* ‘присоединять к’, *nahe an* ‘близко к’).

Сравнение дистрибуции предлогов *an*, *auf* и *na* показывает, что они способны употребляться с наименованиями большинства классов объектов. При этом их дистрибуцию можно охарактеризовать как относительно равномерную – максимальная разница между частотностью наименований классов, занимающих в списке смежные позиции, составляет для *an* 11,4%, для *auf* – 4,9, для *na* – 7,8 (табл. 15).

Таблица 15

Частотный ранг наименований объектов, употребляемых
с предлогами *an* и *auf* *na*, %

№	<i>an</i>		<i>auf</i>		<i>na</i>	
	Объект	Частота	Объект	Частота	Объект	Частота
1	Части зданий	24	Ограниченно подвижные артефакты	20,1	Вещепризнаки	21,7
2	Вещепризнаки	23,8	Вещепризнаки	19,7	Геофизические объекты	20,9
3	Ограниченно подвижные артефакты	12,4	Пути	19,1	Ограниченно подвижные артефакты	13,1
4	Пути	12,1	Геофизические объекты	14,2	Пути	13,1
5	Геофизические объекты	9,8	Здания и сооружения	10,2	Здания и сооружения	12,2
6	Здания и сооружения	9,6	Части зданий	6,9	Части зданий	6,2
7	Части тела	5,8	«Части тела»	4,4	Геополитические объекты	5,6
8	Человек	1,6	Геополитические объекты	2,9	Транспортные средства	4,1
9	Транспортные средства	0,6	Транспортные средства	2,1	Части тела	2,8
10	Геополитические объекты	0,4	Человек	0,3	Человек	0,3

Подведем итог рассмотрению семантических характеристик предлогов, которые служат для номинации пространственного отношения КОНТАКТ. Как показывает исследование, данное отношение может специфицироваться по трем параметрам: площади, времени и облигаторности (контакт обязательный либо возможный). В немецком языке по этим признакам противопоставлены предлоги *auf* и *an*. В русском языке для предлога *na* не находится такой единицы среди топологических предлогов.

Чем же обусловлена способность предлога *an* обозначать как близкое расстояние, так и возможный контакт, является ли это частным случаем уникального комбинирования признаков в семантике одного предлога в

отдельном языке, или связано с какими-либо закономерностями? Мы будем искать ответ на эти вопросы в следующем параграфе, где подробно анализируется семантика предлогов, обозначающих отношение близкого расположения.

3.4. Проблема дифференциации дистанции в семантике предлогов, обозначающих отношение близкого расположения

Отношения дистанции, отраженные в семантике несоставных предлогов, по мере отклонения от нулевой отметки квалифицируются как отношение БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ либо отношение УДАЛЕННОСТЬ (см. параграф 1.5.3). Отношение УДАЛЕННОСТЬ как в немецком, так и в русском языке выражается с помощью предложных конструкций или составных предлогов (например, *weit von/далеко от*), которые не входят в число языковых единиц, рассматриваемых в данной работе.

БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ является топологическим отношением, при котором локализуемый объект находится во внешнем регионе объекта, именуемого релятумом, при этом расстояние между обоими объектами, имеет значение больше нуля. Если отношения ВКЛЮЧЕНИЕ и КОНТАКТ определяются объективно, т. е. эти отношения можно выразить физическими величинами, то отношение БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ имеет оценочный характер и основывается на понятии дистанции, определяемой субъективно. Некоторые ограничения в определении дистанции задаются размерами объекта, именуемого релятумом: чем он больше, тем больше и его регион локализации; регионы локализации объектов воображаемого пространства значительно больше регионов локализации объектов воспринимаемого пространства, соответственно, выражение *остров возле Японии* подразумевает гораздо большее расстояние между объектами, соотносимыми в пространстве, чем выражение *стул возле стола*. Однако точно определить расстояние между объектами в каждом конкретном случае не представляется возможным, поскольку сам проксимальный регион устанавливается на основании функционального критерия.

В русском языке ряд предлогов, обозначающих отношение БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ, является наиболее широким, в нем представлено семь несоставных топологических предлогов: *у, при, возле, около, вблизи, близ, подле*.

В немецком языке данное отношение выражают всего два топологических предлога – *an* и *bei*, однако, наряду с топологическими предлогами, отношение расположения вблизи выражают также дименциональные предлоги *neben* и *vor*, о чем свидетельствует использование их в качестве переводных эквивалентов для русских предлогов *у* и *возле*. Так, в Большом немецко-русском словаре 1980 предлог *an* при обозначении близкого расположения переводится как ‘у, при, около, возле, близ’, *bei* – как ‘у, при, под, возле, подле’, *neben* – как ‘около, рядом с,

возле, у, при, подле'. Хотя в словарных толкованиях предлога *vor* значение указания на близость не отмечено, анализ параллельных текстов показывает, что данный предлог часто используется для перевода русских предлогов *у, возле, около, рядом с*. В силу этого предлоги *neben* и *vor* для обозначения отношения БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ также анализируются в этом разделе.

Естественно предположить, что в значении разных предлогов отношение БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ получает спецификацию. Далее рассматриваются особенности этой спецификации в семантике предлогов немецкого и русского языков и проведено разграничение их семантики.

3.4.1. Особенности обозначения отношения близкого расположения в немецком языке

В первую очередь необходимо отметить, что *an, neben* и *vor* имеют в своей семантике дирекциональный признак, т. е. могут указывать на целенаправленное движение локализуемого объекта к релятуму, *bei* способен выражать лишь стативные отношения. Согласно словарю Duden-online, предлог *an* в искомом значении служит для указания на близкое расстояние, соприкосновение («*Angabe der Lage, der Nähe, der Berührung*»). Немецкие лингвисты едины во мнении, дифференцируя значение *an* от значения *bei* на основании семы КОНТАКТ: если *an* выдвигает в коммуникативный фокус высказывания информацию о возможном контакте между объектами, то *bei* исключает контакт объектов в пространстве, подчеркивая только близкое расположение [174; 221]. В этой связи Я. Гримм и В. Гримм отмечают, что «*einer, der den ring bei sich trägt, trägt ihn darum nicht an sich*» 'некто, который носит кольцо при себе (*bei sich*), не носит его поэтому на себе (*an sich*)', «*ich stecke den ring an den finger, bei wäre daneben*» (S. 85) 'я надеваю кольцо *an* (на) палец, *bei* было бы мимо' (S. 16).

Однако в словарной дефиниции в Duden-online в значение предлога *bei* включается возможность указания на контакт: этот предлог, согласно источнику, служит «*zur Angabe der Nähe, der losen Berührung; zur Angabe der direkten Berührung*» 'для указания на близкое расположение, свободное прикосновение; для указания на непосредственное прикосновение' (ср. также определения в Большом толковом словаре немецкого языка для иностранцев (Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache)). В качестве примеров такого употребления предлога приводятся выражения *jemanden bei der Schulter packen* 'схватить кого-либо за плечо', *das Kind bei der Hand nehmen* 'взять ребенка за руку'. Подобные употребления объясняются с точки зрения диахронии: согласно Я. Гримму, В. Гримму и Г. Паулю, на определенном этапе развития немецкого языка предлог *bei* использовался как для указания на направление движения (*setze dich bei das Feuer* 'сядь к огню', *begrabet mich bei meine Väter* 'похороните меня возле моих предков', *er kam nahe bei sie* 'он подошел к ней близко'), так и для указания на контакт в выражениях типа *einen bei der Hand fassen* 'схватить

кого-либо за руку’, *bei den Ohren, bei Beinen halten* ‘держать за уши, за ноги’. С течением времени семантика предлога *bei* претерпела изменения, и данный предлог утратил способность выражать направительные отношения и отношение контакта, уступив место в соответствующих конструкциях предлогам *an, neben* и *zu*. Такие конструкции, как *jemanden bei der Schulter racken*, являются «реликтовыми» употреблениями и не представляют собой активных моделей описания пространства. Современными носителями языка они воспринимаются как устаревшие.

Данный факт в развитии значения предлога *bei* позволяет выдвинуть предположение о том, что сема КОНТАКТ в значении предлога связана с семьей ДИРЕКЦИОНАЛ. Это предположение будет проверяться в ходе анализа других предлогов, в семантике которых признак КОНТАКТ получает однозначную (положительную или отрицательную) маркировку.

Помимо возможности или невозможности контакта, близкое расположение, на которое указывают оба предлога, различается Я. Гриммом и В. Гриммом следующим образом: «*Nur ist, wer genauer zusieht, die nähe von an ... stärker und gerader, als die von bei, in bei liegt ein neben, zur seite, im umkreis, cirka*» ‘Если внимательнее посмотреть, то близкое расположение, выражаемое при помощи *an...*, сильнее и непосредственнее, чем выражаемое при помощи *bei*, [значение] *bei* подразумевает возле, сбоку, около’ (S. 85). Это означает, что на уровне топологии различия между *an* и *bei* заключаются в обозначаемой ими дистанции.

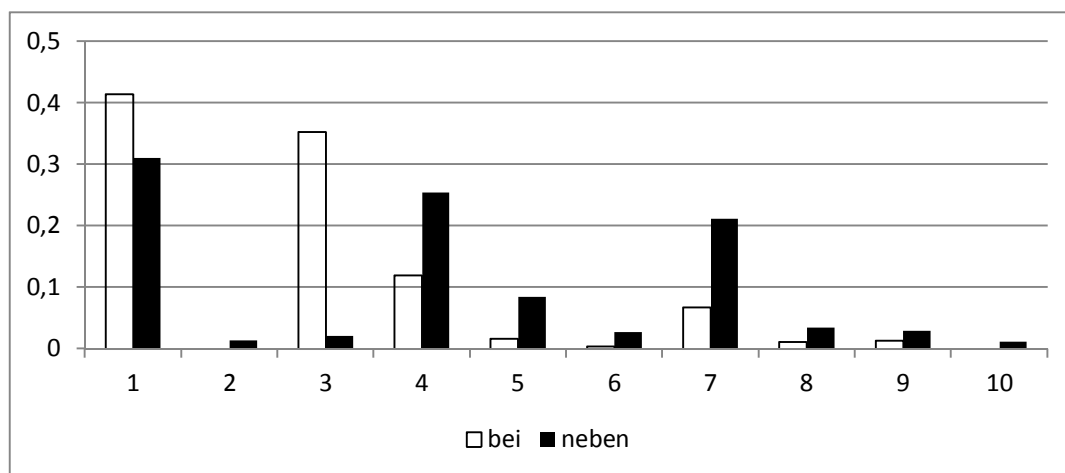
В этом отношении сложнее провести разграничение по параметру дистанции между предлогами *bei* и *neben*. Предлог *neben*, так же как и предлог *bei*, не служит для обозначения отношения контакта, хотя, в отличие от последнего, и не исключает наличие его: можно предположить, что в выражении *x sitzt neben y* ‘х сидит рядом с у’ контакт между *x* и *y* возможен, однако эта информация передается не через семантику предлога, а является частью знаний о мире. Оба предлога могут употребляться с наименованиями одних и тех же объектов при описании сходных пространственных ситуаций:

(91) *Die Polizei fand neben dem Haus die Überreste eines Brandsatzes* ‘Полиция нашла возле дома (рядом с домом) остатки зажигательной смеси’ [taz];

(92) *Wie die Polizei heute mitteilte, ist die 37jährige Malgorzata Seifert am vergangenen Dienstag mit schweren Kopfverletzungen bei ihrem Haus in Hamburg-Hausbruch gefunden worden* ‘Как сообщила сегодня полиция, в прошедший вторник тридцатисемилетняя Малгожата Зайферт была найдена возле своего дома в Гамбурге-Хаусбрухе с тяжелыми травмами головы’ [taz].

Денотативное различие между *neben* и *bei* состоит в регионе локализации, который задается этими предлогами. *Neben* принадлежит к группе димензиональных предлогов, т. е. таких, которые характеризуют локализуемый объект – релятум – как трехмерный. Этот предлог соотносит локализуемый объект только с одной конкретной (боковой) стороной

релятума. В отличие от *neben*, *bei* не указывает на какую-либо конкретную сторону, регион локализации, задаваемый этим предлогом, шире, чем регион локализации, задаваемый предлогом *neben*. Можно сказать, что регион локализации предлога *bei* включает в себя регион локализации предлога *neben*. Эти различия в семантике обоих предлогов находят отражение в их дистрибуции (рис. 23).

Легенда: 1– «Человек», 2 – «Части тела», 3 – «Геополитические объекты», 4 – «Здания», 5 – «Части зданий», 6 – «Транспорт», 7 – «Ограниченно подвижные артефакты», 8 – «Геофизические объекты», 9 – «Пути», 10 – «Вещепризнаки».

Рис. 23. Относительная частота употреблений предлогов *bei* и *neben* с наименованиями классов объектов

Из рисунка следует, что тенденции в сочетаемости анализируемых предлогов с наименованиями классов объектов согласуются с их регионами локализации. Предлог *bei*, в первую очередь, употребляется с наименованиями «целых» объектов, у которых доступны все стороны, и ограниченно способен употребляться с наименованиями таких объектов, как «Части тела» (в корпусе не найдено ни одного примера) или «Части зданий» (в корпусе найдены контексты только с релятумами *Fenster* ‘окно’ и *Tür* ‘дверь’).

По-видимому, предпосылкой для употребления предлога *neben* является доступность латеральных сторон локализирующего объекта, о чем свидетельствует их большая употребительность с наименованиями класса объектов «Ограниченно подвижные артефакты» и «Части зданий». Исследование показало, что *neben*, указывая на близкое расположение в отношении боковой стороны релятума, употребляется преимущественно с наименованиями ингерентно ориентированных объектов (объектов, имеющих маркированную переднюю сторону, относительно которой определяются и боковые). Это еще раз подтверждает влияние пространственных свойств объектов на использование предлога для локализации. Данный фактор является важным, однако не единственным при выборе предлога.

Анализ дистрибуции *bei* и *neben* показывает, что оба предлога с разной частотой употребляются с наименованиями объектов, пространственные свойства которых соответствуют требованиям обоих предлогов. Наибольшие отличия наблюдаются в употребительности обоих предлогов с наименованиями класса «Геополитические объекты». Для *bei* этот класс составляет второй по частоте употреблений, для *neben* – седьмой. Как видно из контекстов, подобные различия связаны с принадлежностью локализуемых объектов к зрительно воспринимаемому либо воображаемому пространству: предлог *neben* указывает на определенный регион локализации, известный говорящему на основании чувственного опыта; предлог *bei* локализует в воображаемом пространстве, при помощи этого предлога подчеркивается близость локализуемого объекта к локализуемому, при этом точное местонахождение первого является коммуникативно нерелевантным. Рассмотрим примеры.

(93) *Die Klinik war einst zur Versorgung von Flüchtlingen aus Somalia eingerichtet worden. 40.000 Hilfsuchende haben hier unmittelbar neben der kenianischen Kleinstadt Liboi, zwölf Kilometer von der Grenze zu Somalia entfernt, bis vor wenigen Wochen gelebt* ‘Когда-то клиника была создана для обеспечения нужд беженцев из Сомали. Сорок тысяч ищущих помощи жили здесь, совсем рядом с небольшим кенийским городом Либой, в двенадцати километрах от границы с Сомали, еще несколько недель назад’ [taz].

(94) *Nahezu alle Siedlungen in der Westbank sind reine Schlafstädte geblieben, von denen aus man zur Arbeit täglich bis Jerusalem oder Tel Aviv fahren muß. Für die Siedler ist der bisweilen lange Weg zur Arbeit allerdings kein Argument. „Andere Leute wohnen in Haifa und arbeiten in Tel Aviv. Es macht nicht zu viele Umstände, täglich nach Jerusalem zu fahren“, meint ein Bewohner. Viele Siedlungen liegen zudem relativ dicht bei Jerusalem* ‘Почти все поселения на западном берегу реки Иордан остались чистыми городами-«спальниками», из которых необходимо ежедневно ездить на работу в Иерусалим или Тель-Авив. Однако для поселенцев долгий иногда путь к работе не является аргументом. «Другие люди живут в Хайфе и работают в Тель-Авиве. Это не слишком обременительно, ежедневно ездить в Иерусалим», считает один из жителей. Многие поселения к тому же находятся относительно близко к Иерусалиму’ [taz].

В обоих примерах в качестве релятивов выступают наименования городов – Либой и Иерусалим. В примере (93) предлог *neben* служит для описания пространственного положения локализуемого объекта *Klinik* ‘клиника’. Речь идет о визуально воспринимаемой пространственной ситуации, об однозначно идентифицируемом регионе локализации, в котором находится и сам говорящий – на это указывает употребление дейктика *hier* ‘здесь’. В примере (94) тематизируется возможность частых поездок в Иерусалим. Одним из аргументов в пользу этой возможности служит близкое в представлении говорящего расположение города. Эта близость выражается с помощью предлога *bei*.

Следует предположить, что принадлежность локализуемого объекта к воспринимаемому или воображаемому пространству создает предпосылку для употребления определенных предлогов с наименованиями этих объектов. При помощи предлогов *neben* и *bei* выражается определенность vs. неопределенность локализации. Под определенностью локализации подразумевается возможность точно идентифицировать местоположение локализуемого объекта, под неопределенностью – выдвижение в фокус коммуникации пространственного отношения (ср. локализацию при помощи предлогов *außerhalb*, *вне*). Так, в примере (95) предлог *neben* (вместе с другими предлогами) употребляется для описания расположения мебели в комнате, положение каждого предмета мебели однозначно идентифицируется на основании описания: письменный стол находится *an der Wand neben der Tür* ‘у стены возле двери’. В примере (96) локализация при помощи предлога *bei* в отношении того же класса релятивов (*Tür* ‘дверь’, *Fenster* ‘окно’) служит не для описания точного расположения локализуемого объекта, а для создания представления о перспективе описания, о понятиях «справа» и «слева» в представляемой пространственной ситуации.

(95) *Am Ende der schmalen Treppe gehen von dem kleinen Flur zwei Türen ab. Geradezu liegt das Wohnzimmer, das mit allen möglichen Utensilien vollgestopft ist: ein roter Diwan rechts an der Wand, daneben ein gedeckter Eßtisch; in der Ecke ein kleiner, runder Tisch, auf dem verschiedene Chemikalien in Glasfläschchen abgestellt sind. Auf dem Schreibtisch an der Wand neben der Tür liegen Bücher, eine Mütze, eine Pfeife und ein geöffneter Arztkoffer* ‘В конце узкой лестницы из маленького коридора ведут две двери. Прямо расположена жилая комната, забитая разными предметами: красный диван справа у стены, возле него накрытый обеденный стол; в углу маленький, круглый стол, заставленный различными химическими веществами в стеклянных бутылочках. На письменном столе у стены возле двери лежат книги, шапка, трубка и открытый медицинский чемоданчик’ [taz].

(96) *Ich jedenfalls bekam von meinem Vater ein Heftchen im Quartformat an die Hand, welches ich mit hochrotem Kopf (wie man so sagt) studierte. Daraufhin machte ich mir folgendes Bild von der Sache: Ein Mann und eine Frau liegen im Ehebett. Er links (**beim** Fenster), sie rechts (**bei** der Tür). Sie lieben sich, das heißt, sie denken nett aneinander* ‘В любом случае я получил на руки от отца квадратную тетрадочку, которую, краснея до ушей (как говорится), изучил. После этого я составил себе следующее представление об этом деле: мужчина и женщина лежат в супружеской кровати. Он слева (со стороны окна), она справа (со стороны двери). Они любят друг друга, это означает, что они хорошо думают друг о друге’ [taz].

Следующей особенностью семантики предлогов *bei* и *neben* является то, что первый может использоваться для локализации в концептуальном, а второй – в физическом пространстве. Так, при употреблении с релятивами

класса «Человек» предлог *neben* указывает на конкретный регион локализации, задаваемый соответствующим пространственным объектом. В примере (97) этим регионом является пространство сбоку от релятума *ich* ‘я’. При употреблении предлога *bei* в отношении того же релятума осуществляется указание на участок пространства, выделяемый через его отношение к человеку. Это может быть его дом, работа, место учебы, город или страна, а может быть и он сам как вместителище других объектов. Какой именно участок физического пространства имеется в виду, уточняется, как правило, в контексте (примеры (98)–(100)).

(97) *Du sitzt neben mir auf der Couch...* ‘Ты сидишь рядом со мной на диване...’ [taz].

(98) *Tatsache ist, daß mir als Kind keiner das Schwimmen beigebracht hat, denn bei uns in der Gegend gibt's keine Seen oder so zum Schwimmen* ‘Дело в том, что никто в детстве не научил меня плавать, потому что в нашей местности (дословно: у нас в местности) нет ни озера, ни чего-либо подобного, где можно было бы плавать’ [taz].

(99) „...*Bei uns im Lande wird nichts produziert, und da liegt der Hase im Pfeffer*“, *gestikuliert die Jüngere lebhaft...* ‘«...У нас в стране ничего не производится, здесь и зарыта собака», – оживленно жестикулирует младший... [taz].

(100) *Ich weiß nicht, ob das allen so geht, aber bei mir kam das ganz automatisch: sobald ich den Kopf unter Wasser hatte, gingen bei mir in der Kehle alle Ventile zu, ich merkte, wie mir Wasser in die Ohren kam und hatte das Gefühl, es läuft mir durch die beiden kleinen Kanäle hier bis in die Nase und dann durch den Hals in die Lunge, und ich würde ertrinken* ‘Не знаю, происходит ли так со всеми, но у меня это случилось автоматически: как только моя голова оказалась под водой, у меня в глотке закрылись все вентили, я заметил, как вода попала мне в уши, и у меня возникло чувство, что она течет у меня по обоим маленьким каналам к носу, а затем через горло в легкие, и что я утону’ [taz].

Стоит отметить, что в физическом пространстве регион локализации задается присутствующим объектом. В концептуальном пространстве, конституируемом человеком, его физическое присутствие, за исключением случаев типа (100), нерелевантно для идентификации местонахождения локализуемого объекта. Например, в контексте (101) это место остается неизменным независимо от того, присутствует ли там физически объект, имя которого служит релятумом.

(101) *Die Schreibmaschine fehlte zwar, doch die würde dein Kumpel am nächsten Vormittag bei mir holen* ‘Не хватало пишущей машинки, но ее завтра до обеда может взять у меня твой товарищ’ [taz].

Предлог *bei* может локализовать объекты в воображаемом пространстве, употребляясь с родовыми наименованиями учреждений. Характерной чертой такой локализации является множественность

пространственной референции. Например, в контексте (102) предложная конструкция *bei Aldi* ‘в Альди’ локализует не в отношении конкретного продовольственного магазина, а в отношении любого из соответствующей сети. Предлог указывает в таких случаях не на внешний, а на внутренний регион.

(102) *Eine Weile drehen sich die Gespräche um die preiswerten Sahneheringe bei Aldi...* ‘Некоторое время разговоры крутятся вокруг недорогой селедки в сливках, которую можно купить в Альди...’ [taz].

Проведенный анализ показывает, что при употреблении *neben* и *bei* фокусируют внимание на разных аспектах пространственного отношения нахождения вблизи. Различия в семантике данных языковых единиц связаны с разными регионами локализации и с профилированием разных следствий, вытекающих из обозначаемого ими пространственного положения объектов.

Перейдем к разграничению семантики предлогов *an* и *vor* при выражении отношения БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ. На первый взгляд, в таком разграничении нет нужды, поскольку семантические отличия данных предлогов кажутся слишком очевидными и ни один из академических источников не характеризует их как синонимы. Однако в ходе проведения семантического эксперимента, описанного в § 3.3, выяснилось, что в ряде контекстов данные предлоги могут употребляться синонимично: при реконструкции выражений из анкеты в качестве возможных вариантов для выражения (103) названы предлоги *an* и *vor*. В ходе опроса информантов выяснилось, что оба предлога выражают отношение близкого расстояния, однако дистанция, обозначаемая предлогом *vor*, больше дистанции, обозначаемой предлогом *an*. При помощи *vor* обращается внимание на близкое расположение, при помощи *an* – на возможный контакт. Различия в дистанции эксплицируются при переводе на русский язык: конструкция *ein Messer an die Kehle halten* означает ‘приставить нож к горлу’, а конструкция *ein Messer vor die Kehle halten* – ‘держат нож у горла’.

(103) *Letzterer gab auf, als er sah, daß seiner Frau ein Messer an die Kehle gehalten wurde* ‘Последний сдался, когда увидел, что его жене приставили нож к горлу’ [taz].

Наличие выделенной фронтальной стороны у объектов, наименования которых выступают релятумами в предложных конструкциях с пространственным значением, обуславливает выбор предлога в немецком языке. Это становится особенно очевидным при сравнении оригинальных текстов на русском языке и их переводов на немецкий язык, выполненных носителями языка. В примерах (104)–(106) (взяты из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита») для локализации в отношении релятумов *Metropole* и *дом*, обладающих выделенной фронтальной стороной, употреблены предлоги *у*, *около*, *возле*. Очевидно, что локализуемые объекты находятся в регионе фасада, однако эта информация передается не через значение русских предлогов, а является частью знаний о мире, о типичном расположении объектов: здания чаще всего расположены фасадной стороной

к улице, где и останавливается такси, тротуары также обычно находятся с фасадной стороны зданий. В немецком языке эта информация подлежит экспликации через значение предлога, что проявляется при переводе (перевод Т. Решке).

Оригинальный текст	Перевод
(104) <i>Припомнилось даже, как нанимали этот таксомотор у „Метрополя“... (с. 352).</i>	(104a) <i>Er wusste sogar, dass sie das Taxi vor dem Metropol bestiegen hatten ... (S. 101).</i>
(105) <i>оба <...> высадились около дома ... 302 ... (с. 513).</i>	(105a) <i>beide landeten <...> vor dem Haus ... 302 ... (S. 318).</i>
(106) <i>Возле дома была кутерьма. По асфальтированному тротуару, усеянному битым стеклом, бегали и что-то выкрикивали люди (с. 506).</i>	(106a) <i>Vor dem Haus herrschte ein wildes Durcheinander. Über den mit Glassplittern besäten asphaltierten Gehsteig liefen Menschen und schrien etwas (S. 309).</i>

Область локализации русских предлогов *у, около, возле* распространяется на все точки по периметру локализуемых объектов и включает в себя регионы *vor/перед* и *neben/рядом с*. В русском языке место локализации объекта уточняется за счет контекста. В примере (107) конструкция *у двери* соотносит с боковой стороной объекта, а в примере (108) та же конструкция указывает на переднюю сторону. К такому выводу подводит характер локализуемых объектов *дверь* и *очередь* соответственно. При переводе на немецкий язык употреблены предлоги *neben* и *vor*, которые при обозначении отношения близкого расположения находятся в отношениях взаимодополнительности: *vor* локализует в отношении фронтальной стороны ингерентно ориентированных объектов, а *neben* – в отношении латеральных.

(107) <i>Он ... увидел у самой выходной двери дверь, ведущую в какую-то каморку (с. 470).</i>	(107a) <i>Unten erblickte er neben dem Ausgang eine Tür, die in ein Kämmerchen führte (S. 258).</i>
(108) <i>У этой двери также была очередь, но не чрезмерная, человек в полтора года (с. 330).</i>	(108a) <i>Vor dieser Tür stand auch eine Schlange, aber nicht so lang, höchstens hundertfünfzig Personen (S. 72).</i>

Обобщим итоги семантического анализа немецких предлогов, которые служат для обозначения отношения расположения вблизи (табл. 16). Исследование дает возможность выстроить градуальную шкалу дистанции, которую обозначают предлоги. Так, *an* предполагает меньшую дистанцию, чем *bei, neben* и *vor*; *neben* и *vor*, в свою очередь, – меньшую дистанцию, чем *bei*. Следует отметить, что у предлога *bei* оказывается отрицательно маркированным большее, по сравнению с *an, neben* и *vor*, число признаков. Прежде всего это признаки, специфицирующие регион локализации, что и служит, вероятно, предпосылкой неопределенности локализации при

помощи данного предлога. Из рассмотренных предлогов только *bei* употребляется для локализации в воображаемом пространстве³³, причем в этой функции *bei* не обязательно указывает на внешний регион (пример (104)).

Таблица 16

Семантические признаки предлогов *an*, *bei*, *neben* и *vor*
(функция указания на отношение близкого расположения)

Семантические признаки	<i>an</i>	<i>bei</i>	<i>neben</i>	<i>vor</i>
Локализация в воображаемом пространстве	-	+	-	-
Локализация в физическом пространстве	+	+	+	+
Общая характеристика региона: внешний регион	+	+(-)	+	+
Спецификация региона: профилирование проксимального региона	+	-	+	+
Спецификация региона: профилирование латеральной стороны	-	-	+	-
Спецификация региона: профилирование фронтальной стороны	-	-	-	+
Спецификация отношения: контакт	+(-)	-	n	-(+)
Спецификация отношения: близость	+	+	+	+
Стативные отношения	+	+	+	+
Дирекциональные отношения	+	-	+	+

3.4.2. Проблема дифференциации семантики русских предлогов, обозначающих отношение близкого расположения

Разграничение семантики русских предлогов, обозначающих отношение близкого расположения, представляет собой нетривиальную задачу, поскольку семантика ни одного из них не включает в себя дифференциальные признаки, относящиеся к разряду дирекциональных или дименсиональных. Тем не менее, анализ контекстов показывает, что эти предлоги в большинстве случаев не могут свободно заменять друг друга (ср.: *Неопознанный летательный объект разбился около Японии* и *Неопознанный летательный объект разбился ??у, ??возле, *при Японии*). Это свидетельствует о различиях в их семантике, которые обнаруживаются, в первую очередь, на уровне спецификации региона. Пространственное

³³ Здесь мы исключаем из рассмотрения функцию локализации в воображаемом пространстве предлога *vor*, поскольку это связано с дименсиональным признаком в его семантике.

значение этих предлогов может также реализовываться в сочетании с другими смыслами, о которых речь пойдет ниже.

Так, при помощи предлога *при* указывается не только на близкое расположение объектов друг к другу, непосредственную близость от какого-либо места (ср. определения в словарях Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, Т. Ф. Ефремовой), но и на иерархически более высокое положение релятума, его особую роль в коммуникативной ситуации, с одной стороны, и подчиненность, зависимость локализуемого объекта – с другой. Такое сочетание информации обуславливает достаточно редкое использование предлога *при* для описания пространственных ситуаций: количество употреблений данного предлога в пространственном значении составляет всего 1,3% от общего количества его употреблений, найденных в нашем исследовательском корпусе. Если в нашем частотном списке употреблений всех предлогов предлог *при* занимает двенадцатую позицию, то в списке пространственных употреблений – всего лишь двадцать первую.

Предлог *при* в пространственном значении обнаруживает также достаточно ограниченную дистрибуцию. В нашем корпусе представлены только четыре класса объектов, с наименованиями которых употребляется данный предлог. Это «Здания и сооружения» (54% пространственных употреблений), «Человек» (соответственно 26,3%), «Ограниченно подвижные артефакты» (в большинстве случаев наименования предметов одежды (12,3%)) и названия городов (7%). Специфика локализации при помощи этого предлога состоит в том, что релятум в предложных конструкциях с *при* играет особую роль в коммуникативной ситуации. Предлог *при* не просто указывает на близкое расположение локализуемого объекта к релятуму, но также и сообщает, что первый каким-либо образом подчинен последнему, зависим от него, занимает в (возможной) иерархии нижестоящую позицию. При помощи *при* передается институциональная принадлежность, так что пространственное и социальное (институциональное) значения в предложных конструкциях с *при* чаще всего синкретичны, как в примере (109). В конструкции *дом при храме* предлог *при* обозначает и пространственную близость, и подчиненность (принадлежность) локализуемого объекта локализирующему.

(109) *Дело в том, что дом при храме, где мы с вами находимся, подарил нам правительство Москвы* [Московский комсомолец].

Предложные конструкции с *при*, в которых в качестве релятумов выступают наименования лица, могут иметь несколько значений в зависимости от того, что представляет собой локализуемый объект в конструкции. Если таковым является какое-либо действие или процесс, то конструкции с предлогом *при* обнаруживают синкретичное пространственно-временное значение, они обозначают присутствие лица в соответствующем регионе во время события (примеры (110), (111)). В примере (112) реализуется уже только темпоральное значение.

(110) *И когда **при** мне начинают рассуждать с многозначительным видом: «Так судьба распорядилась», – то отношусь к этому как к полному бреду* [И. Рассказова. Татьяна день Алексея Ягудина // Советский спорт, 2011.01.25].

(111) *Так у него манера еще была – когда меня ругал, непременно **при** свидетелях* [Э. Азаева. «КП-Канада» // Комсомольская правда, 2011.03.01].

(112) *А чем вы можете объяснить, что за годы вашего руководства министерством число школ уменьшилось на 9,8 тысяч, садики – на тысячу? – со всей пролетарской прямоотой прогрохотал депутат от КПРФ Николай Коломейцев. – Спасибо, что про часовни не спросили. Я бы ответил, что они не **при** мне, а еще в XIII веке были разрушены, – усмехнулся Фурсенко* [А. Рябцев. На Фурсенко наехали // Комсомольская правда, 2011.02.09].

Рассматриваемый тип конструкций передает также информацию о функциональной взаимосвязи между локализуемым и локализирующим объектом. В примере (113) речь идет о зависимости локализуемых объектов *родственники, домочадцы, приживалы, гости* от релятума *Горький*, в примерах (114), (115) – о необходимости наличия локализуемых объектов *документ, деньги* для достижения определенных целей лица, выступающего в роли локализирующего объекта.

(113) *За рубежом иссякали и слава, и материальный достаток (а **при** Горьком всегда, начиная с последних нижегородских лет, обитало множество родственников, домочадцев, приживалов, гостей)* [Известия].

(114) ***При** себе нужно обязательно иметь документ, удостоверяющий личность* [А. Артемкин. Около шести тысяч ветеранов войны и тружеников тыла в Омской области смогут бесплатно сделать зубные протезы // Комсомольская правда, 2011.05.04].

(115) *Также на заседании кабмина было принято решение, по которому иностранцы, планирующие посетить Молдову, обязаны будут иметь **при** себе минимум 300 евро* [Л. Ткач. Въезд в Молдову будет стоить 300 евро // Комсомольская правда, 2011.05.04].

Конструкции с предлогом *при* проявляют тенденцию к идеоматизации подобно конструкциям с предлогом *в* и наименованиями одежды. При необходимости сфокусировать внимание на определенных обстоятельствах коммуникативной ситуации атрибут этой ситуации помещается в позицию релятума при предлоге *при*. Так, в конструкции *быть при медалях* внимание обращается на заслуги, в конструкциях *быть при костюме, при галстуке* – на официальный стиль одежды. В примере (116) при помощи конструкции *при бородах* подчеркивается несоответствие внешнего вида обстоятельствам.

(116) *Эх, нам бы в смокингах, а мы являлись в столовую в шортах и **при** бородах* [Литературная газета].

Помещение в позицию релятума предмета, который значительно уступает по размерам локализуемому объекту, идет, казалось бы, в нарушение когнитивного правила описания пространства с помощью

предложных конструкций, согласно которому локализуемый объект должен иметь больший размер, чем локализуемый (ср.: *велосипед возле дома* и *дом возле велосипеда*). Однако напомним, что речь здесь идет о квазипространственных предложных конструкциях: они не служат для описания пространства, а являются результатом переинтерпретации внутренней формы предложной конструкции с пространственным значением.

Употребление предлога *при* с наименованиями городов, например, *битва при Ватерлоо*, можно рассматривать как устаревшее, поскольку подобные конструкции употребляются только в устойчивых сочетаниях, обозначающих исторические события, и не употребляются для описания актуального местонахождения локализуемого объекта (ср.: **я живу при Минске*).

Трудными для разграничения оказываются значения предлогов *у*, *возле* и *около*, которые, на первый взгляд, кажутся очень близкими синонимами, поскольку задают сходные регионы локализации – это все точки по периметру локализуемого объекта. Вначале охарактеризуем общую употребительность и соотношение пространственных и непространственных значений у анализируемых предлогов.

Наименьшей употребительностью характеризуется предлог *около*. В частотном списке всех употреблений русских предлогов он занимает 19-е место, а в списке пространственных употреблений тех же предлогов в пространственном значении – 26-е. Употребления предлога *около* в пространственном значении составляют 3,7% от общего количества его употреблений.

У предлога *у* частотный ранг в списке употреблений предлогов в пространственном значении несколько выше частотного ранга в списке всех употреблений (седьмое и девятое места соответственно). Процент употреблений предлога *у* в пространственном значении составляет 11,1 от общего количества найденных контекстов с данным предлогом.

Предлог *возле* занимает 16-е место в частотном списке пространственных употреблений и только 30-е – в списке всех употреблений, поскольку обнаруживает только одно, пространственное, значение.

Все три предлога могут употребляться для описания одинаковых пространственных ситуаций и кажутся абсолютно взаимозаменяемыми (примеры (117)–(119)).

(117) *Она пошла и остановилась около стола строгая, чинная, невозмутимая в своей несгибаемой правоте* [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 1 (1964)].

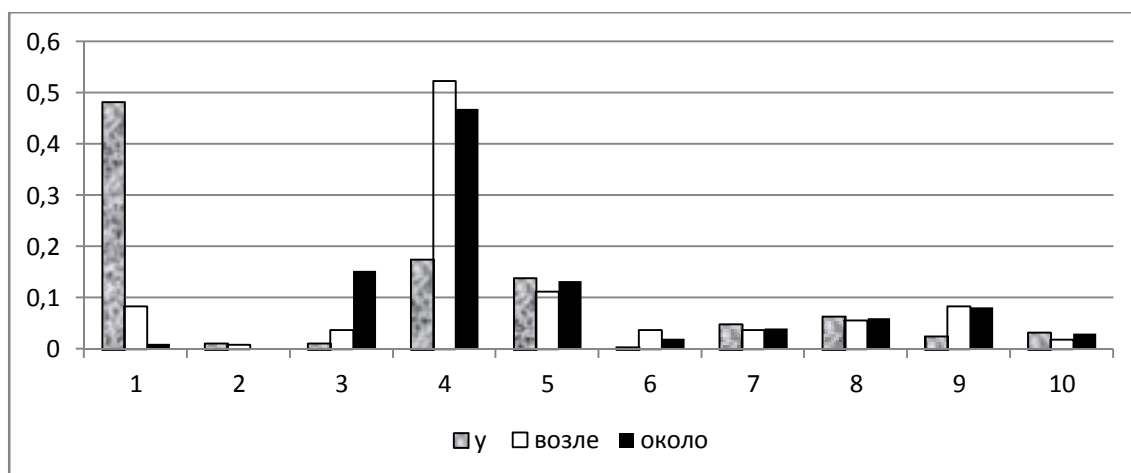
(118) *Не вынимая изо рта кулака, тот подошел бочком, несмело остановился возле стола* [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга вторая (1928–1940)].

(119) *Артист вошел на освещенную прожекторами площадку и остановился у стола* [В. Левашов. Заговор патриота (2000)].

Однако количество подобных контекстов невелико, в большинстве случаев функции данных предлогов все же различаются. Эти различия проявляются не в форме запретов на употребление, а либо в изменении значения предложной конструкции в зависимости от употребленного предлога, либо в виде тенденций к большей или меньшей частоте употребления с наименованиями отдельных классов объектов, т. е. на уровне слабой семантики (подробнее об этом понятии см. в [12]). Например, конструкция *у стола* имеет в Национальном корпусе 1465 вхождений, конструкция *около стола* – 233, а *возле стола* – 157.

Поскольку различия в слабой семантике проявляются в сочетаемости языковых единиц, обратимся к дистрибутивному анализу рассматриваемых предлогов. Как и в случае с другими низкочастотными предлогами, для выявления дистрибуции предлога *около* мы использовали газетный подкорпус Национального корпуса русского языка. Предлог *около* имеет там 96 472 вхождения, процент пространственных употреблений данного предлога в замерном множестве (первые две тысячи контекстов) составил 5%, что приблизительно соответствует процентному соотношению пространственных и непространственных употреблений в нашем исследовательском корпусе.

На рис. 24 отражена употребительность исследуемых предлогов *у*, *возле* и *около* с наименованиями классов объектов в относительных величинах.

Легенда: 1 – «Человек», 2 – «Части тела», 3 – «Геополитические объекты», 4 – «Здания», 5 – «Части зданий», 6 – «Транспорт», 7 – «Ограниченно подвижные артефакты», 8 – «Геофизические объекты», 9 – «Пути», 10 – «Вещепризнаки».

Рис. 24. Относительная частота употреблений предлогов *у*, *возле* и *около* с наименованиями классов объектов

В табл. 17 представлен ранжированный список классов объектов для каждого из предлогов. Как следует из таблицы, предлоги *у*, *возле* и *около* употребляются почти со всеми классами объектов, однако распределение их дистрибуции нельзя охарактеризовать как равномерное. Для каждого из предлогов выделяется класс объектов, контексты с наименованиями которых образуют половину или почти половину всего конкорданса того или иного предлога. Для предлога *у* таким классом является «Человек», для предлогов *возле* и *около* – «Здания и сооружения». Разница между этими и следующими по частотности классами составляет соответственно 30,7%, 41,1 и 41,6% (ср. распределение дистрибуции у предлогов *ан*, *auf* и *на*).

Таблица 17

Частотный ранг наименований классов объектов,
употребляемых с предлогами *у*, *возле* и *около*, %

№	<i>у</i>		<i>возле</i>		<i>около</i>	
	Класс	Частота	Класс	Частота	Класс	Частота
1	Человек	48,3	Здания и сооружения	52,3	Здания и сооружения	46,9
2	Здания и сооружения	17,6	Части зданий	11,2	Геополитические объекты	15,3
3	Части зданий	13,9	Человек	8,4	Части зданий	13,3
4	Геофизические объекты	6,5	Пути	8,4	Пути	8,2
5	Ограниченно подвижные артефакты	4,9	Геофизические объекты	5,6	Геофизические объекты	6,1
6	Вещепризнаки	3,3	Геополитические объекты	3,7	Ограниченно подвижные артефакты	4,1
7	Пути	2,6	Транспортные средства	3,7	Вещепризнаки	3,1
8	Части тела	1,2	Ограниченно подвижные артефакты	3,7	Транспортные средства	2
9	Геополитические объекты	1,2	Вещепризнаки	1,9	Человек	1
10	Транспортные средства	0,5	Части тела	0,9	Части тела	0

Семантический анализ показывает, что возможность употребления этих предлогов с наименованиями разных классов объектов обусловлена несколькими факторами. Один из них – сохранившаяся мотивационная связь предлога *около* с существительным, от которого он произошел (существительное *коло* в русском языке является устаревшим, обозначает то же, что и *круг*). Это позволяет провести первичную дифференциацию семантики данного предлога. Внутренняя форма предлога эксплицитно задает форму его региона локализации: это любая точка пространства

вокруг локализирующего объекта (ср. определения в словарях Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, Т. Ф. Ефремовой). Отсюда вытекает такой семантический компонент в значении предлога, как неточность, неопределенность локализации. Этот компонент объективируется при метафорическом переносе в темпоральную сферу: в темпоральном значении *около* выражает приблизительность (*около часа, около полудня*). Здесь предлог *около* проявляет сходство с немецким предлогом *bei*, который также не задает точного места локализации.

Можно предположить, что неопределенность локализации отличает конструкции предлогов *у, возле* и *около* с наименованиями зданий и сооружений, а этот класс объектов является самым частотным для *возле* и *около* и вторым по частотности для *у*. Так, предлог *около* профилирует отношение близкого расположения, при этом точное местонахождение локализуемого объекта нерелевантно для целей коммуникации. В отличие от предлога *около*, предлог *возле* профилирует проксимальный регион локализирующего объекта. Продемонстрируем это на примерах (120) и (121). В этих примерах речь идет о локализации события *взрыв* относительно объектов *Националь* (гостиница) и *ресторан*. В примере (120) рассказывается о пожаре, который произошел в день выборов. Автор видит некоторую связь между этим чрезвычайным событием и выборами, в подтверждение своей позиции он упоминает другое чрезвычайное событие, которое тоже по времени привязывается к выборам, – это взрыв. Предложная конструкция *около «Националя»* служит для идентификации события *взрыв*.

В примере (121) событие *взрыв* находится в центре повествования, в котором место происшедшего играет особо важную роль. Предложная конструкция *возле ресторана «Макдоналдс»* служит для идентификации места происшедшего. Предлог в конструкции локализует объект в проксимальном регионе объекта, обозначаемого релятивом. Такая локализация имеет определенные следствия: как известно, расположение в проксимальном регионе объекта связывается с взаимодействием между локализуемым и локализирующим объектами. Именно на это обращается внимание в рассматриваемом примере: предполагается, что целью террористов было как можно большее количество жертв среди посетителей ресторана.

(120) *«Манеж» загорелся в воскресенье примерно в 21.10, когда вся страна прильнула к телеэкранам, чтобы узнать первые результаты выборов. Даже государственные телеканалы вынуждены были перемежать победные репортажи о высокой избирательной активности и проценте голосов, отданных за действующего президента, картинками с языками пламени, взметающимися к темному столичному небу. Версия о теракте тем более логична, что и взрыв *около «Националя»*, расположенного, кстати, в каких-то двухстах метрах от Манежа, случился в декабре также непосредственно после выборов (через день). Поспешность, с которой московский мэр «расследовал» воскресную трагедию, напомнила*

многие столь же оперативные заявления, которые делают в таких случаях власти [А. Виноградов. Манеж могли сжечь ради дорогого участка земли // РБК Daily, 2004.03.15].

(121) *Взрыв в субботу на Юго-Западе столицы спецслужбы называют «криминальной разборкой». Однако все данные говорят о том, что бомба предназначалась детям, обедающим в близлежащем «Макдоналдсе». Взрыв **возле** ресторана «Макдоналдс» по адресу: улица Покрышкина, дом 2, прогремел очень «вовремя». В 13 часов 07 минут. То есть когда москвичи уже выспались, и свободных мест за столиками популярной «забегаловки» почти не осталось. Выходные давно считаются здесь детскими днями [В Москве совершен очередной теракт? // Комсомольская правда, 2002.10.21].*

Впрочем, семантику предлогов *около* и *возле* нельзя строго дифференцировать, опираясь только на описанные выше особенности семантического профилирования. В примерах (122)–(124) предлоги *около*, *у* и *возле* вполне взаимозаменяемы, объективировать различия между этими предлогами в контекстах подобного рода с помощью семантического анализа не представляется возможным. Здесь отношения между *около*, *у* и *возле* можно охарактеризовать как синонимичные.

(122) *Уважаемые читатели, а **около** вашего дома еще работает лотерейный клуб?* [В. Алексеев. «Однорукие бандиты» работают вполне легально... // Комсомольская правда, 2011.04.17].

(123) *Оказывается, Достоевского, чей памятник стоит на одноименной улице у дома, где он жил, скульптор Меркулов лепил с... еще совсем неизвестного актера Александра Вертинского [Московский комсомолец].*

(124) *На что темпераментные ребята мафиози, однако не стали требовать переименования Ленинского проспекта в проспект Виноградова и Шаверского, сражавшихся и погибших за мафию, а скромно установили **возле** дома 92, на месте гибели своих друзей, черный камень с их именами [Литературная газета].*

Неопределенность локализации как отличительная черта семантики предлога *около* служит предпосылкой способности данного предлога употребляться с наименованиями объектов, относящихся к воображаемому пространству. Наименования геополитических объектов, которые относятся к этому виду пространства, занимают вторую позицию в частотном списке конструкций с данным предлогом. Следует отметить, что среди соответствующих наименований встречаются чаще всего названия населенных пунктов, реже – островных государств (пример (125)). (Ни один из рассматриваемых предлогов не употребляется с наименованиями стран, расположенных на континентах (ср.: *у, *возле*, *около* России).)

(125) *А с «Джурмой» в другой раз, в 1939-м такой был случай: блатные из тюрьмы добрались до кантерки, разграбили ее, а потом подожгли. И как раз это было **около** Японии [А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАг (1958–1973)].*

Сравнение семантики предлога *у* с семантикой предлогов *около* и *возле* показывает, что больше общих семантических характеристик обнаруживается у предлогов *у* и *возле*. Так же, как и посредством предлога *возле*, при помощи предлога *у* происходит локализация в проксимальном регионе; конструкции с *у* служат для идентификации места расположения локализуемого объекта. Сравнение дистрибуции предлогов *у* и *возле* позволяет сделать вывод о том, что в ряде случаев они находятся между собой в отношениях взаимодополнительности. Рассмотрим эти случаи.

Предлог *у* относится к числу наиболее древних первообразных предлогов с высокой степенью многозначности. За конструкциями, в которых данный предлог употребляется с наименованиями определенных классов объектов, в ходе исторического развития языка закрепились некоторые смыслы, связанные с особым статусом релятума. Так, при употреблении с именем лица (этот класс наименований объектов является наиболее частотным для *у*) предлог *у*, подобно немецкому предлогу *bei*, локализует не в воспринимаемом, а в воображаемом пространстве, в данном случае в пространстве, которое организуется вокруг лица или группы лиц (примеры (126)–(128)).

(126) *Оформив документы и получив деньги, каждому счастливчику он говорил примерно следующее: тут, мол, пока у меня остаются кое-какие вещи, через день-два я их заберу и отдам вам ключи* [Известия].

(127) *Был даже такой комедийный случай, когда Элем Климов привел в наш дом какого-то чеха, который засиделся у нас допоздна и скромно уснул на полу* [Независимая газета].

(128) *Но у нас во Франции был точно такой же* [театр] [Независимая газета].

При указании же на человека как на физический объект, задающий регион локализации, используется предлог *возле* (ср.: *он сидит у меня* – *он сидит возле меня*):

(129) *У кривичей, населявших дохристианскую Русь, существовал обычай: возле умершего клали морковь, затем его помещали в лодку и сжигали* [Санкт-Петербургские ведомости].

(130) *Тем временем возле нас начал собираться народ* [Московский комсомолец].

В контекстах типа (129), (130) взаимозамена предлогов *у* и *возле* недопустима – это влечет либо изменение смысла всего высказывания, либо вызывает ощущение неграмматичности конструкции (ср.: *у нас начал собираться народ*, **у умершего клали морковь*).

Сходная взаимодополнительность наблюдается и в отношении конструкций с релятумом *ноги* (реже – *нога*). Конструкция *у ног* указывает на близкое расположение не к соответствующей части тела, а к человеку как целому, который в терминах распределения ролей между локализуемым и локализуемыми объектами представляет собой фон. При помощи релятума *ноги* осуществляется дополнительная ориентация по вертикали, сообщается,

что локализуемый объект находится снизу от локализующего объекта – человека. Размер локализуемого объекта может значительно превышать размер локализующего, что вполне допустимо по отношению к такому классу объектов, как «Человек» (примеры (131), (132)). Конструкция *у ног* может также имплицитировать информацию о подчиненном, зависимом положении локализуемого объекта к локализующему (пример (133)).

(131) *Старинная англиканская церковь, тишина, строгий алтарь, а перед ним вровень с полом прямо у ног лежит большая каменная плита, почти разрушенная, на которой выбито имя: Вильям Шекспир* [З. Налбандян. Хранитель великого проклятия // Труд-7, 2008.07.10].

(132) *Смешивая ингредиенты, Алексей читает стихотворение Бродского: ... Река бежит у ног моих, зараза. Я говорю ей мысленно: бежи...* [О. Ведерникова. Пасха под Бродского // Комсомольская правда, 2009.04.18].

(133) *Овчарки смиренно сидели у ног своих хозяев, лабрадоры играли друг с другом, свирепые доги время от времени набрасывались друг на друга, пытаясь укусить хвост соперника* [А. Мишарина. В Сыктывкаре выбрали лучших собак // Комсомольская правда, 2008.09.09].

Конструкция *возле ног* не имеет имплицитных смыслов и передает информацию только о пространственном расположении вблизи релятума, как в примере (134):

(134) *Возле ног Сергея Викторовича – солидная спортивная сумка, чем-то забитая под завязку* [П. Лысенков, Н. Мысин. «Я плакал в 1972 году...» // Советский спорт, 2010.09.09].

В подобных контекстах *у* и *возле* также не могут заменять друг друга, что особенно очевидно на примере (135), где замена предлога *возле* на *у* привела бы к изменению смысла всего высказывания:

(135) *Им, чтобы скрыться от глаз зрителей, приходилось сидеть на низеньких скамеечках, а иногда и ползать возле ног ведущего под столом* [О. Фомина. Хрюшу снимали с эфира за то, что не умел моргать! // Комсомольская правда, 2004.08.31].

Предложные конструкции с пространственным значением типа «наименование лица + *у* + наименование технического приспособления, прибора» используются для обозначения рода деятельности лица. В примере (136) конструкция *труд у станка* обозначает занятие рабочей профессией, в примере (137) конструкция *работа у мартена* – профессию сталевара. Это один из видов имплицитной информации о функциональном взаимодействии соотносимых в пространстве объектов, которую могут передавать конструкции с пространственным значением.

(136) *Патриотизм – это не только подвиги во имя страны, это ежедневный негромкий труд на благо своей малой родины: у станка, за прилавком, в больнице и, конечно, в школе – за партией или за учительским столом* [А. Никитин. 1 сентября по-владимирски в цифрах // Комсомольская правда, 2010.09.01].

(137) *А работа в шахте или у мартена?* [Все мы – под излучением // Труд-7, 2002.08.10].

Имплицитная информация о функциональном взаимодействии объектов, соотносимых в пространстве, свойственна некоторым предложным конструкциям как в немецком, так и в русском языке. Как правило, в таких случаях локализуемый объект (чаще это прибор, инструмент, предмет мебели) выполняет также и роль объекта действия (*am Tisch sitzen/сидеть за столом, am Computer arbeiten/работать за компьютером*). В русском языке распространено также явление, когда при помощи предложной конструкции с пространственным значением обозначается какая-либо деятельность, а соответствующие конструкции синонимичны глаголам (*сидеть за рулем – вести машину, сидеть за партой – учиться, сидеть за книгой – читать* и т. д.). Исследование показывает, что такую имплицитную информацию передают конструкции с предлогами, в значении которых есть сема КОНТАКТ. В немецком языке это предлог *an*, в русском – *за*. Поскольку релятумы в конструкциях *у станка, у мартена* также представляют собой объекты, в контакте с которыми осуществляется действие, можно предположить, что соответствующая сема свойственна и семантике предлога *у*. Подтверждение этому находим в контекстах типа (138) и (139), в которых в качестве релятума выступают наименования частей тела:

(138) *Корреспондент «КП» два дня просидела с трубкой у уха, чтобы проверить, насколько оперативно и вежливо работают операторы бесплатных справочных служб города* [Е. Софьина. За номером телефона ЖКХ нас отправили к соседям, а в милиции так и не взяли трубку // Комсомольская правда, 2010.08.24].

(139) – *Ха-ха, да у вас не футболисты, а гении! Очень изобретательные ребята! Но у нас нет черных ходов, и игроки обязаны общаться с прессой после матча. И если кто-то не хочет этого делать, то при желании и наличии фантазии придумать может все что угодно: одни футболисты улыбаются и говорят, что не знают итальянского, другие, так же как и ваши игроки, прикладывают к ушам мобильные телефоны... Но самый забавный случай на моей практике был, когда Тотти стал уверять всех журналистов, что у него разболелись зубы – он прошел через микст-зону с непонятным мычанием и пакетиком льда у щеки. Позже этот самый пакетик нашли у выхода со стадиона – Франческо в очередной раз одурачил журналистов* [А. Ванденко. «В Италии не убегают от прессы через черный ход...» // Советский спорт, 2009.09.22].

Положение объектов *трубка у уха* и *пакетик льда у щеки* является следствием целенаправленного движения, результатом которого должен стать контакт. На это есть косвенное указание в примере (139), в котором конструкция *прикладывают к ушам мобильные телефоны* должна иметь логическое следствие, что в результате телефон оказался у уха (ср. пример (138)). В примере (140) причинно-следственная связь конструкций *приложить к – держать у* эксплицируется:

(140) *Врач дал мне лед в руку и сказал **держать у глаза**, но я так ни разу его и не **приложил*** [К. Мигулина. Гедиминас Таранда: «Главное – ввязаться в драку, в там посмотрим» // Труд-7, 2008.05.29].

Здесь можно говорить о корреляции между немецким предлогом *an*, который передает отношение контакта, как в динамике (т. е. когда контакт возникает в результате целенаправленного движения локализуемого объекта к локализирующему), так и в статике, и русскими предлогами *у* и *к* – первый обозначает соответствующее отношение в статике, второй – в динамике.

В отличие от предлога *у*, предлог *возле* исключает контакт (ср.: *телефонная трубка возле уха, пакетик льда возле щеки*), он употребляется в случаях, когда между объектами есть некоторое расстояние:

(141) *Нелепо лечить зубную боль **взмахами крысиного хвостика возле щеки**, а уж лечение раковых опухолей и СПИДа отварами да примочками – просто преступно*, – считает первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия» Татьяна Яковлева [О. Ветрова. Госдума запретит рекламу колдунов, шаманов и ясновидящих // Новый регион 2, 2010.10.05].

Замена предлога *возле* предлогом *у* в данном контексте, в свою очередь, представляется вполне допустимой, поскольку отношение контакта в семантике предлога *у* является возможным, но не обязательным.

Таким образом, мы находим подтверждение тому, что предлоги *у*, *возле* и *около* образуют градацию по параметру ДИСТАНЦИЯ. Эта дистанция не имеет числового выражения, однако может быть детерминирована возможностью зрительного восприятия. При локализации в проксимальном регионе оба объекта – и локализуемый, и локализирующий – должны находиться в поле зрения наблюдателя и восприниматься одновременно, размер дистанции между ними, соответственно, ограничивается. При этом дистанция, которая обозначается предлогом *у*, может быть меньше дистанции, обозначаемой предлогом *возле*, поскольку первый способен передавать отношение контакта. Предлог *около* передает значение неопределенности локализации; дистанция, которую он обозначает, также является неопределенной и не может быть детерминирована восприятием: в примере (142) она может измеряться метрами и сантиметрами, а в примере (143) – километрами.

(142) *Беседовать мы расположились за журнальным столиком, **около** которого установлен бюст государя-реформатора Александра Первого* [С. Волкова. Заместитель мэра Москвы Андрей Шаронов: «От льгот на оплату ЖКХ выигрывают богатые» // Комсомольская правда, 2011.05.12].

(143) *Однако на сайте Гринпис выложено фото и информация как минимум о трех торфяных пожарах в Гусь-Хрустальном районе, два из которых уже вторую неделю тлеют **около** деревень Нармуч и Мильцево (рядом с поселком Мезиновский)* [А. Сухов. Под Гусь-Хрустальным снова горят торфяники // Комсомольская правда, 2011.05.12].

Обобщим итоги семантического анализа предлогов *у*, *возле*, *около*, *при*. Исследование показывает, что предлоги *у*, *возле*, с одной стороны, и *около*, *при*, с другой, противопоставлены на уровне типов пространств, в которых

происходит локализация (воображаемое, или воспринимаемое), и на уровне регионов локализации (проксимальный или неопределенная локализация). Локализация в проксимальном регионе тоже дифференцируется в зависимости от возможности контакта. Таким образом, можно говорить об определенном градуировании дистанции при помощи предлогов (см. табл. 18).

Таблица 18

Семантические признаки предлогов *у*, *возле*, *около* и *при*

Семантические признаки	<i>у</i>	<i>возле</i>	<i>около</i>	<i>при</i>
Локализация в воображаемом пространстве	+	–	+	+
Локализация в воспринимаемом пространстве	+	+	+	(+)
Спецификация региона: профилирование проксимального региона	+	+	–	–
Спецификация региона: профилирование неопределенности локализации	-	-	+	+
Спецификация отношения: контакт	–(+)	–	–	n
Стативные отношения	+	+	+	+
Дирекциональные отношения	–	–	–	–

Необходимо отметить, что строгое разграничение семантики русских предлогов, обозначающих отношение близкого расположения, возможно не во всех случаях. В случаях типа (122)–(124) выбор того или иного предлога обусловлен, очевидно, индивидуальными предпочтениями говорящего. Различия в семантике анализируемых предлогов отражаются на их дистрибуции, когда предлоги обнаруживают тенденцию к преимущественному употреблению с наименованиями того или иного класса объектов, а в зависимости от употребленного предлога меняется интерпретация пространственной ситуации.

Напомним, что в немецком языке отношение близкого расположения обозначается с помощью не только топологических (*an*, *bei*), но и дименсиональных (*neben*, *vor*) предлогов, которые обозначают близкое расположение по отношению к соответствующей дименсиональной стороне релятума, если последний обладает ингерентной пространственной ориентацией. В русском языке отношение близкого расположения обозначает один дименсиональный предлог – *под*, однако в этой функции он не локализует в отношении нижней стороны релятума, т. е. дименсиональный признак в семантике этого предлога нейтрализуется. Дистрибуция этого предлога при обозначении отношения близкого

расположения весьма ограничена: соответствующее значение передают устойчивые конструкции типа *под носом*, *под боком* (примеры (144), (145)), а также конструкции с наименованиями городов (пример (146)).

(144) *У деликатно рассаживающихся зрителей действие начинается буквально под носом: на столе лежит и мелкой дрожью бьется одетый в исподнее персонаж Игоря Волкова [А. Ким. Валерий Фокин воссоздал последние часы жизни Гоголя // РБК Daily, 2011.04.19].*

(145) – *Я, когда начал ездить в Сочи, всегда удивлялся местным: «Как же вы на пляж не ходите? У вас Черное море под боком!» У меня выходной в воскресенье [П. Лысенков. Экс-капитан олимпийской сборной России Павел Буре: Это я рассекал по лужам на «школьнике»... // Советский спорт, 2011.03.31].*

(146) *Упорные бои завязались под городом Веспрем, где один из батальонов попал в окружение [К. Воронежцева. Ветеран ВОВ Александр Дмитриевич Минеев: «На врага – с тремя патронами» // Комсомольская правда, 2010.03.03].*

Объективировать семантические отличия между предлогами *у*, *возле* и *под* в конструкциях с наименованиями городов не представляется возможным, отличия проявляются в употребительности этих предлогов. Так, соответствующие конструкции составляют 1,2% всех зафиксированных нами контекстов с предлогом *у* (13 из 1071 контекста), 3,7% от зафиксированных контекстов с предлогом *возле* (4 из 107 контекстов) и 22,5% зафиксированных контекстов с предлогом *под* (128 из 569 контекстов).

3.4.3. Оценочность и отношение БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ: семантика предлогов *вблизи* и *близ*

Отношение БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ основывается на субъективной оценке говорящим пространственной ситуации. К такому выводу подводит анализ дефиниций топологических отношений, которые мы приводили в § 1.5.3. Напомним, что при включении место, которое занимает локализуемый объект, полностью или частично включает место, занимаемое локализуемым объектом. Такое отношение квалифицируется как контакт, когда места, занимаемые локализующим и локализуемым объектами, граничат друг с другом и имеют общую точку соприкосновения. Соответственно, о близком расположении речь идет тогда, когда объекты не состоят в отношениях включения или контакта, но их регионы – пространство, прилегающее к ним, – частично накладываются друг на друга. Объективных показателей размера регионов не существует, отсюда вытекает и оценочность в определении рассматриваемого отношения. В семантике предлогов *у* и *возле* присутствуют как объективные топологические признаки (возможность либо исключение контакта), так и оценочность. В русском языке имеются также предлоги, которые обозначают отношение близкого расположения «в чистом виде», поскольку они не обладают

какими-либо другими топологическими или нетопологическими признаками. Это предлоги *вблизи* и *близ*, которые будут рассмотрены ниже.

Оценочность, с которой связано пространственное отношение БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ, в полной мере реализуется в семантике русских предлогов *вблизи* и *близ*. Их можно назвать оценочными предлогами, поскольку наличие выражаемого ими отношения определяется говорящим исключительно на основании собственного восприятия.

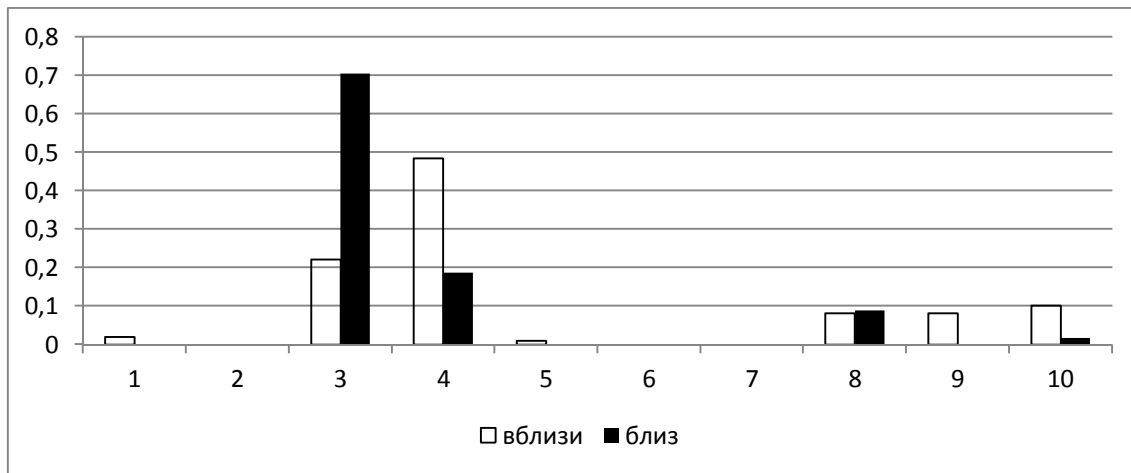
Предлоги *вблизи* и *близ* трактуются в толковых словарях через значение друг друга, а также через значение предлогов *возле* и *около* – они указывают на нахождение на небольшом расстоянии, недалеко (ср. определения в словарях Т. Ф. Ефремовой и С. И. Ожегова). Однако диапазон дистанции, которую обозначают эти предлоги, трудно поддается определению, она может составлять от нескольких метров (пример (147)) до миллионов километров (пример (148)).

(147) *Асфальт обрушился, по предварительным данным, в подмытую водой пустоту **вблизи** проезжей части* [Д. Неклюдова. На северо-западе Москвы асфальт провалился на 15 метров // Новый регион 2, 2011.04.11].

(148) *Облако диаметром 17 миллионов километров состоит из частиц, вылетевших из черной дыры **вблизи** центра Галактики* [А. Моисеенко. Что творится с Солнцем? // Комсомольская правда, 2005.09.19].

Оба предлога имеют низкий ранг в частотном списке употреблений предлогов в пространственном значении (*вблизи* – 27-е и *близ* – 30-е место). В частотном списке употреблений предлогов во всей совокупности значений предлоги *вблизи* и *близ* занимают 36-е и 38-е места соответственно. Для выявления дистрибуции данных предлогов мы также обратились к Национальному корпусу русского языка. Примечательно, что еще в словаре Д. Н. Ушакова языковая единица *вблизи* квалифицируется только как наречие, а предлог *близ* – как устаревший. Проведенный качественно-количественный анализ показывает, что в современном русском языке в публицистическом стиле языковые единицы *вблизи* и *близ* функционируют как предлоги с приблизительно одинаковой частотой. *Вблизи* имеет в газетном подкорпусе Национального корпуса 2859 вхождений, из них в качестве предлога – 2558, т. е. наречные употребления данной языковой единицы составляют менее 1%. Из общего количества предложных употреблений 98% составляют употребления в пространственном значении. Предлог *близ* имеет 2235 вхождений, все в пространственном значении.

Несмотря на сходство внутренней формы предлогов *вблизи* и *близ*, сравнение их дистрибуции позволяет говорить о некоторых тенденциях в сочетаемости, отличающих семантику данных предлогов друг от друга (рис. 25). Для выявления их дистрибуции взяты первые сто примеров из конкорданса каждого предлога (напомним, что данное количество является репрезентативным для предлогов с низкой частотностью, см. § 2.5).

Легенда: 1 – «Человек», 2 – «Части тела», 3 – «Геополитические объекты», 4 – «Здания», 5 – «Части зданий», 6 – «Транспорт», 7 – «Ограниченно подвижные артефакты», 8 – «Геофизические объекты», 9 – «Пути», 10 – «Вещепризнаки».

Рис. 25. Относительная частота употреблений предлогов *вблизи* и *близ* с наименованиями классов объектов

Как следует из диаграммы, предлог *вблизи* имеет более широкую сочетаемость с наименованиями классов объектов, чем предлог *близ*. Для последнего в замерном множестве обнаружены контексты с наименованиями лишь четырех классов объектов – «Геополитические объекты», «Здания и сооружения», «Геофизические объекты», «Вещепризнаки». Предлог *близ* может сочетаться и с другими классами объектов, однако такие конструкции встречаются чрезвычайно редко. Выборочные запросы в Национальном корпусе конструкций данного предлога с релятумами из класса объектов «Пути», которые встречаются в конструкциях с предлогом *вблизи* в нашем исследовательском материале, показали, что, например, конструкция *близ набережной* имеет всего три вхождения в газетном корпусе, а конструкция *близ моста* – два; конструкций *близ (железной) дороги*, *близ улицы* не обнаружено.

Анализ контекстов показывает, что конструкции с обоими предлогами служат чаще для вторичной локализации, т. е. для описания местоположения объекта, который сам выступает в качестве локализующего. Речь идет о таких случаях, когда при первичной локализации релятум предложной конструкции не дает адресату достаточной информации о местонахождении локализуемого объекта. В примере (149) локализуемый объект *корабль* соотносится с релятумом *деревня Малая Сосновка*, местонахождение последней уточняется с помощью конструкции *близ Ижевска*. В примере (150) конструкция *вблизи населенных пунктов* уточняет местонахождение объектов *полигоны*, относительно которых локализуется процесс *уничтожение боеприпасов*.

(149) *Совершив один оборот вокруг Земли, корабль успешно приземлился у деревни Малая Сосновка **близ** Ижевска, успев до этого катапультировать манекен* [О. Панфилова. Копия корабля Юрия Гагарина вернется в Россию // Новый регион 2, 2011.04.13].

(150) *В Свердловской области уничтожение боеприпасов на полигонах **вблизи** населенных пунктов вызывает беспокойство жителей Верхней Пышмы и Березовского – граждане жалуются на вибрацию несущих конструкций жилых помещений, толчки и колебания и даже постепенное разрушение домов* [А. Клубов. Жители уральских городов обвиняют военных в разрушении их домов при уничтожении боеприпасов // Новый регион 2, 2011.03.24].

Хотя в подобных случаях оба предлога кажутся взаимозаменяемыми, в их употреблении все же обнаруживаются различия. В найденных нами контекстах предлог *вблизи* чаще локализует в проксимальном регионе объекта. Об этом свидетельствует актуальная или потенциальная связь между проксимальным регионом и пространством, обозначаемым релятумом. Так, в примере (150) уничтожение боеприпасов негативно воздействует на здания, расположенные в населенных пунктах, в примере (151) речь идет о потенциальной опасности, создаваемой для релятума село локализуемым объектом лавина.

(151) *В Дагестане спасен четвертый человек, попавший накануне под снежную лавину. Как передает Би-би-си, он был обнаружен около 01.20 мск в пятницу. Напомним, лавина сошла в четверг вечером **вблизи** села Анцух в высокогорном Цункинском районе Дагестана. Трех человек удалось спасти сразу. В поисках четвертого принимали участие сотрудники местной пожарной части и около 400 местных жителей* [О. Радько. В Дагестане спасен четвертый, попавший под лавину // Новый регион 2, 2011.03.11].

В конструкциях с предлогом *близ* функциональной взаимосвязи между локализуемым объектом и релятумом не обнаруживается, этот предлог не локализует в проксимальном регионе (пример (152)).

(152) *В 1992 году на международном авиакосмическом салоне Фарнборо **близ** Лондона состоялась пресс-конференция российской официальной делегации с участием двух генеральных конструкторов Беякова («МиГ») и Симонова («ОКБ Сухого»)* [В. Баранец. Ему было уже за 80, а он мечтал создать новую машину // Комсомольская правда, 2011.03.04].

Далее мы подведем итоги анализа семантики предлогов, обозначающих отношение близкого расположения в сравниваемых языках.

3.4.4. Спецификация отношения близкого расположения в немецком и русском языках

Исследование показало, что отношение близкого расположения дифференцируется в семантике как немецких, так и русских предлогов, однако членение ближнего региона в сравниваемых языках происходит по-разному.

Так, в немецком языке для обозначения близкого отношения объектов друг к другу используются как топологические, так и димензиональные предлоги. В семантике топологических предлогов дистанция градуируется: предлог *an* обозначает более близкое расположение объектов друг к другу и допускает возможность контакта; предлог *bei* исключает возможность контакта, дистанция между объектами, которые соотносятся при помощи *bei*, больше дистанции, задаваемой предлогом *an*. Если локализация происходит в отношении ингерентно ориентированных объектов, то при обозначении отношения близкого расположения проксимальный регион локализирующего объекта может дополнительно члениться при помощи предлогов *neben* и *vor*. Эти предлоги ограничивают регион локализации только одной стороной релятума, в то время как предлоги *an* и *bei* такого ограничения не задают. Кроме этого предлоги *neben* и *vor* противопоставлены предлогу *an* по параметру дистанции: дистанция между объектами, которая задается этими димензиональными предлогами, больше дистанции, задаваемой предлогом *an*. Таким образом, каждый из немецких предлогов, обозначающих отношение близкого расположения, задает специфические характеристики региону локализации. Как следствие, эти предлоги образуют четкие оппозиции и не вступают между собой в синонимичные отношения.

В семантике русских предлогов, обозначающих отношение близкого расположения, регион локализации не получает таких строгих пространственных характеристик, какие задаются семантикой немецких предлогов. Прежде всего, этот регион не имеет ограничений в плане трехмерности, т. е. потенциально локализуемый объект может располагаться в любой точке по периметру локализуемого объекта. Различия между русскими предлогами проявляются, прежде всего, на уровне тенденций в сочетаемости с наименованиями классов объектов. Если предлоги *около*, *вблизи* и *близ* употребляются преимущественно с наименованиями объектов воображаемого пространства, то предлоги *у*, *возле* – с объектами воспринимаемого пространства. Однако нельзя утверждать, что это разграничение является строгим. Запрета на употребление предлогов *у* и *возле* с объектами воображаемого пространства, а предлогов *около*, *вблизи* и *близ* – с объектами воспринимаемого пространства не существует. В силу этого данные русские предлоги в ряде случаев могут выступать синонимами.

Как в немецком, так и в русском языке рассматриваемое отношение градуируется при помощи предлогов по признаку дистанции. В немецком языке эта градация имеет более строгий характер, немецкие предлоги располагаются в порядке возрастания дистанции, которую они обозначают, следующим образом: *an* – *neben*, *vor* – *bei*. В русском языке градация дистанции тоже наблюдается: можно сказать, что дистанция, задаваемая предлогами *у* и *возле* меньше дистанции, задаваемой предлогами *около*, *вблизи* и *близ*. Однако эта градация нейтрализуется в тех случаях, когда предлоги находятся в синонимичных отношениях.

Следует отметить и тот факт, что в немецком языке предлог *bei*, а в русском языке предлог *у* в конструкциях с наименованиями лиц указывают на особый регион локализации. Этот регион определяется не столько физическими параметрами рельефа, сколько социальной связью с ним (работа, место жительства и т. д.). В таких конструкциях *bei* и *у* обозначают не отношение БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ, а отношение ВКЛЮЧЕНИЕ: локализуемый объект находится в границах соответствующего региона. При локализации в отношении человека как пространственного объекта используются другие предлоги – *neben* и *возле, около* соответственно. Из этого следует, что языковое членение пространства обусловлено не только физическими свойствами внеязыковой действительности и субъекта, воспринимающего пространство, но и отношением этого субъекта к области локализации.

***

Анализ семантики немецких и русских топологических предлогов, выражающих основные топологические отношения – ВКЛЮЧЕНИЕ, ИСКЛЮЧЕНИЕ, КОНТАКТ, БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ, – показал, что эти признаки в значении предлогов специфицируются. Отношение ВКЛЮЧЕНИЕ специфицируется как полное в семантике предлогов *innerhalb/внутри*, в то время как отношение частичного включения в семантике предлогов не находит отражения.

Отношение КОНТАКТ специфицируется по нескольким параметрам: обязательный (*auf/на*), возможный (*an, у, снаружи*), невозможный (*bei, около*). Семантика предлога может быть нейтральна по отношению к этому признаку (*neben, возле*). Признак КОНТАКТ в семантике немецких предлогов *auf* и *an* специфицируется по площади.

Отношение БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ градуируется следующим образом: *an* ближе, чем *bei* и *vor*, *у* ближе чем *около* и т. д. Градуирование данного признака проявляется не всегда, семантический анализ не объективирует условия его нейтрализации.

Подтвердилось высказанное нами ранее предположение о том, что принадлежность объекта к воспринимаемому либо воображаемому пространству влияет на выбор предлога для локализации. Как правило, предлоги, используемые для описания местоположения в воспринимаемом пространстве, отличаются специфицированностью топологических признаков, образующих их структуру (ср., например, семантическую структуру предлогов *an* и *bei*).

Реализуя то или иное топологическое отношение, предлоги профилируют разные свойства региона локализации (например, границы). В семантике предлогов противопоставляются два типа регионов локализации – проксимальный и непроксимальный. С первым связана, идентифицируемость места расположения локализуемого объекта, со

вторым – неопределенность локализации, когда точное расположение объекта неизвестно. По этому параметру противопоставлены такие предлоги, как, например, *снаружи – вне, bei – neben* и др.

Исследование показывает, что разница в структуре семантики немецких и русских предлогов обнаруживается на уровне комбинаций признаков, которые у коррелирующих предлогов не совпадают. Сами признаки для сравниваемых языков не отличаются. Бытующее мнение, что в семантике немецких предлогов *auf* и *an* находит отражение информация о горизонтальном vs. вертикальном положении локализуемых объектов, что можно было бы квалифицировать как уникальный признак, не находит подтверждения.

Семантический и дистрибутивный анализ дали возможность выявить, в каких отношениях находятся между собой предлоги, образующие предложные ряды, т.е. обозначающие одно и то же пространственное отношение. Так, топологические предлоги в предложных рядах обнаруживают гипо-гиперонимические отношения, отношения взаимодополнительности и синонимии. Вид отношения зависит от категории объекта, имя которого выступает в предложной конструкции в качестве релятума.

В количественном отношении предложные ряды в разных языках асимметричны. Среди немецких и русских топологических предлогов наибольшую асимметрию обнаруживают предлоги, обозначающие отношение близкого расположения. Наблюдается также явление, когда в одном языке для обозначения какого-либо отношения существует несколько предлогов, а в другом – только один. Это явление характерно для димензиональных предлогов. Напомним, что в немецком языке, например, вектор «верх» обозначает только один предлог – *über*, а в русском языке три – *над, поверх, сверху*. В следующей главе рассматриваются семантические и дистрибутивные характеристики димензиональных предлогов, в частности факторы, которые влияют на развитие предложных рядов.

Глава 4. Семантика и функционирование димензиональных предлогов в немецком и русском языках

Как показывает исследование, в семантике топологических предлогов важную роль играет параметр ДИСТАНЦИЯ – наличие или отсутствие контакта, локализация в проксимальном или непроксимальном регионе. Эти предлоги не передают информации о том, какая именно сторона релятума задает регион локализации: например, выражения *am Haus* ‘у дома’, *beim Theater* ‘около театра’ сообщают о том, что некоторый объект находится на некотором, задаваемом семантикой предлога, расстоянии. Языковая ориентация с помощью димензиональных предлогов, в отличие от ориентации с помощью топологических, более специфицирована. Если говорящий сообщает слушающему, что X находится *над*, *под*, *перед*, *за* Y, он указывает лишь на одну сторону объекта Y, которая соотносится с определенным полюсом вертикали «верх – низ» или горизонтали «спереди – сзади».

Основная проблема, которая решается в исследованиях димензиональных предлогов, – это проблема определения региона локализации, на который указывается при помощи предлогов этой группы. С одной стороны, при употреблении димензионального предлога с релятумом соответствующему локализирующему объекту приписывается ориентация в пространстве, с другой – релятумы могут обладать семантическими свойствами, отражающими информацию о пространственных свойствах обозначаемых ими объектов. К этим свойствам относятся наличие маркированных верха и низа, передней и задней стороны. Проблема определения региона локализации связывается с выбором точки отсчета: при каких условиях этот регион соответствует ингерентной ориентации локализирующего объекта, а при каких – нет, как выбирается регион локализации для объектов, не имеющих ингерентной пространственной ориентации.

Для предлогов, обозначающих векторы вертикали, и для предлогов, обозначающих векторы горизонтали, эта проблема решается по-разному. Мы остановимся на подходах к решению обозначенной проблемы с позиций психолингвистики и представим объяснения, которые вытекают из нашего семантического анализа.

4.1. Проблема идентификации денотативного пространства предлогов, обозначающих векторы вертикали «верх – низ»

В немецком языке локализация в отношении полюсов вертикали «верх – низ» осуществляется при помощи двух первообразных предлогов: *über* служит для указания на полюс «верх», *unter* – на полюс «низ». В русском языке полюс «верх» обозначается при помощи первообразного

предлога *над* и непервообразных предлогов *поверх*, *сверх*, полюс «низ» обозначается первообразным предлогом *под* (рис. 26).

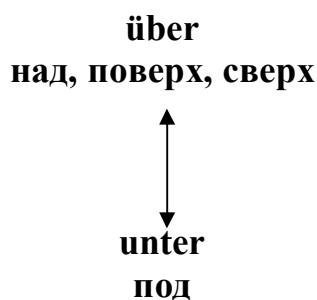

Рис. 26. Предложные средства обозначения полюсов вертикали «верх – низ» в немецком и русском языках

Как уже отмечалось выше, вертикаль «верх – низ» можно назвать абсолютной осью, которая определяется силой тяжести Земли. В многочисленных исследованиях по психологии было доказано, что сила тяжести оказывает влияние на поведение человека, в том числе на языковую интерпретацию визуально воспринимаемых сцен [155; 239]. Сила тяжести предопределяет абсолютность точки отсчета (независимость от его пространственного положения и пространственных характеристик) при выборе пространства локализации для предлогов, поэтому предложные языковые единицы, обозначающие вертикаль, становились предметом исследований не столь часто, как димензиональные предлоги, обозначающие первую горизонталь. Так, В. Левелт показал, что при локализации в отношении объектов, имеющих маркированный верх, пространство локализации предлога определяется независимо от положения этих объектов [219]. Оно совпадает с регионом, который задает верх локализуемого объекта, если последний находится в каноническом положении (объект стоит), и не совпадает, если положение объекта меняется, т. е. если он лежит. Рассмотрим пространственную ситуацию, изображенную на рис. 27. Случай 27а можно описать как *мяч находится справа от стула*, а случай 27б – *мяч находится над стулом*. Хотя в обоих случаях речь идет о регионе локализации, задаваемом одним и тем же объектом, применение выражения *мяч находится перед стулом* для случая 27б будет некорректным.

Рис. 27. Конфигурации объектов *стул* и *мяч*, по В. Левелту

А. Фридеричи продолжила разработку проблемы влияния положения локализующего объекта на использование языковых средств с учетом позиции наблюдателя [177]. Она предположила, что на выбор пространства локализации может влиять не только сила тяжести, но и телесные координаты наблюдателя, а также координаты, задаваемые его сетчаткой. Автор путем психолингвистических экспериментов исследовала, как «экстремальные перцептуальные условия», в которые помещался наблюдатель, влияют на выбор языковых средств для описания положения пространственных объектов, предъявляемых на рисунке, по отношению друг к другу. В ходе эксперимента наблюдатель описывал рисунок, находясь при этом в одной из трех позиций:

1) в каноническом положении: координаты его тела совпадали с координатами, задаваемыми силой тяжести;

2) лежа, когда координаты тела не совпадали с координатами силы тяжести;

3) в условиях невесомости³⁴.

Во всех случаях описание производилось с изменением положения головы – постепенным наклоном до 35° для выявления роли координат, задаваемых сетчаткой.

Полученные результаты подтверждают вывод В. Левелта о том, что при выборе пространства локализации точка отсчета находится вне локализующего объекта. Мы не будем останавливаться на предпочтительности силы тяжести, телесных координат наблюдателя или координат, задаваемых сетчаткой (каждый из этих факторов играет роль в зависимости от условий, в которые помещались участники эксперимента), поскольку это нерелевантно для лингвистического описания. Важно то, что в любом случае языковые средства использовались, по выражению автора, «корректно», т. е. при определении региона локализации не возникало конфликтов.

Однако утверждение, что локализация по вертикали «верх – низ» всегда предопределена гравитацией, было бы неверным. Д. Пайар и В. А. Плунгян, исследуя семантику русского предлога *над*, отмечают, что, когда локализуемый и локализующий объекты являются частями некоторого третьего объекта (например, части тела человека, узоры на бумаге), координаты локализации будут задаваться объектом, частью которого они являются. Например, выражения *шрам над бровью* и *точка над буквой* применяются для обозначения ситуации независимо от того, находится ли человек vs. лист бумаги в вертикальном или горизонтальном положении [83, с. 86], подобное положение дел иллюстрирует также пример (153).

(153) *Приметы похитительницы: 50-55 лет, рост 170 см, среднего телосложения, волосы длинные темные, глаза карие, родинка над верхней губой справа* [П. Зварзин. Челябинские мошенники изменили легенду // Новый регион 2, 2009.12.15].

---

³⁴ Этот эксперимент проводился с двумя астронавтами на орбитальной станции.

Наши наблюдения говорят о том, что локализуемый объект не обязательно должен быть частью третьего объекта, достаточно, чтобы он находился с ним в тесном контакте (пример (154)).³⁵

(154) *Darauf überfielen sie noch einen Mosambikaner auf der Straße, sie schütteten ihm Bier ins Gesicht und schossen aus nächster Nähe auf seinen Kopf. Ein Projektil blieb über dem Auge des Opfers stecken* ‘После этого они напали на улице на еще одного гражданина Мозамбика, они выплеснули ему пиво в лицо и выстрелили [из газового пистолета] с близкого расстояния в голову. Осколок остался торчать над глазом жертвы’ [taz].

Важной пространственной характеристикой констелляций, обозначаемых предлогами *über/nad*, *unter/nod*, является то, что локализуемый и локализующий объекты не всегда располагаются по отношению друг к другу в позиции «строгой вертикальности». В примерах (155) и (156) локализуемые объекты *Hügel* и *холм* находятся в положении «смещенной вертикальности», т. е. несколько в стороне от региона локализации, задаваемого верхней стороной локализующих объектов *Ort* и *Москва-река*.

(155) *Der dunkelrote Kirchturm auf dem Hügel über dem Ort ist <...> Ziel in- und ausländischen Fotografen* ‘Темно-красная башня церкви, расположенная на холме над городом, является целью отечественных и зарубежных фотографов’ [taz].

(156) *Дело в том, что 860 лет назад, закладывая Москву, люди отняли у них исконную территорию – Боровицкий холм над Москва-рекой, где была возведена крепость, Кремль* [Москва – рай для «крылатых» и «хвостатых» // РИА Новости, 2007.12.19].

Д. Пайар и В. А. Плунгян связывают колебания в отношениях по вертикали – строгая вертикаль (*par nad водой*) или смещенная вертикаль (*дом над озером*) – с конфигурацией и типом взаимодействия локализуемого и локализующего объектов [83, с. 85]. Смещение вертикали происходит, когда локализующий объект не является плоским объектом, «не имеет удобной верхней поверхности» и когда локализуемый объект не может иметь опоры в пространстве, находящемся строго над локализующим объектом. По нашему мнению, такая пространственная характеристика

---

³⁵ Любопытно отметить, что и в немецком, и в русском языке существуют предложные средства (*oberhalb* и *unterhalb*, *выше* и *ниже* соответственно), локализующие относительно ингерентного верха релятума независимо от условий гравитации. Фактически при помощи этих языковых единиц локализуемому объекту приписывается условный верх, который не имеет отношения к вертикали в нашей размерной модели пространства. Примером такого употребления могут служить конструкции *oberhalb des Dorfes beginnt der Wald* (дословно: ‘выше деревни лежит лес’, *пристань выше/ниже Казани*). Подобные примеры подталкивают к выводу, что приписывание ориентации объекту в этих случаях происходит в зависимости от направления движения. Факторы, характеризующие это движение и оказывающие влияние на приписывание условного верха объекту (возможно, субъект движения, особенности пути), еще предстоит выяснить.

локализирующего объекта, как плоскость, вряд ли предрасполагает к локализации строго по вертикали. Об этом, в частности, свидетельствуют такие употребления, как *картина над столом* и *крест над могилой*. По-видимому, существенным оказывается второй фактор – местоположение опоры относительно локализирующего объекта. Именно этот фактор позволяет сделать вывод, что в ситуации, обозначаемой немецким выражением *die Lampe hängt über dem Tisch* и русским выражением *лампа висит над столом*, соотносимые в пространстве объекта расположены строго по вертикали (опора – потолок, находится в пространстве над локализирующим объектом). В то же время в ситуации, обозначаемой, соответственно, выражениями *das Bild hängt über dem Tisch* и *картина висит над столом*, локализуемый и локализирующий объекты расположены со смещением вертикали (опора – стена, находится сбоку локализирующего объекта).

Поскольку в значительном количестве примеров нельзя однозначно определить, является ли локализация смещенной или строгой (например, *ива над ручьем*, *солнце над головой*), релевантным для русского предлога *над* считается положение локализирующего объекта выше локализуемого [83, с. 86].

Вертикальность (строгая или смещенная) расположения объектов, соотносимых друг с другом в пространстве, как семантическое условие играет разную роль для разных предлогов, обозначающих векторы «верх – низ». В рассматриваемой работе для русского предлога *над* вертикальность постулируется в качестве семантического признака, который, однако, отсутствует у его дименционального антонима – предлога *под* (см. [83, с. 87]). Локализация при помощи *под*, так же как и при помощи его немецкого коррелята – предлога *unter*, – не связана с обязательным расположением объектов по вертикали (например, *das Gesicht unter der Maske/лицо под маской*, *Pistole unter der Jacke/пистолет под пиджаком*). Очевидно, что рассматриваемая здесь вертикальность³⁶ нерелевантна также и для семантики коррелята предлога *над* в немецком языке – предлога *über*. Об этом свидетельствуют контексты, в которых предлог локализует «по горизонтали» (пример (157)).

(157) *Warum hatten die Henker damals eine schwarze Maske über dem Kopf?* ‘Почему у палачей тогда была черная маска на голове (дословно: над головой)?’ [<http://www.gutefrage.net/>].

Напомним, что русский язык располагает еще двумя предлогами для обозначения вектора «верх» – *поверх* и *сверху*. По всей очевидности, признак вертикальности и для этих предлогов является нерелевантным, причем

---

³⁶ Признак вертикальности в семантике предлогов *über*, *над* отличается от признака вертикальности, который приписывается предлогу *an* (см. § 3.4). В первом случае речь идет о расположении объектов друг к другу по вертикали, во втором – о вертикальном положении локализирующего объекта.

предлог *поверх* может даже употребляться для локализации снизу (примеры (158), (159)).

(158) *Оказалось, Жарков забыл снять тапочки, обутые поверх сапог* [А. Сурикова. Любовь со второго взгляда (2001)].

(159) - *А вам и не надо, потому что у вас сверху кальсон есть брюки* [А. Лисицына. Боевые 100 грамм для Владимира Этуша // Комсомольская правда, 2005.04.29].

В связи с вышесказанным возникает целый ряд вопросов, например: почему вертикальность является обязательным признаком в семантике предлога *над* и может нейтрализоваться в семантике остальных немецких и русских димензиональных предлогов, обозначающих полюса вертикали? Почему в русском языке вектор «верх» обозначается тремя предлогами, а «низ» – только одним? Какие специфические отношения обозначают русские предлоги *над*, *сверху* и *поверх* по сравнению со своим немецким коррелятом? Мы попытаемся дать ответ на эти вопросы в ходе анализа семантики и дистрибуции названных предлогов.

4.2. Особенности семантики предлогов, обозначающих вектор «верх»

4.2.1. Димензиональные и дирекциональные свойства предлога *über*

Предлог *über* отличается большим количеством пространственных значений. В словаре Duden-online их насчитывается десять. Для того, чтобы составить представление о многообразии денотативных ситуаций, которые означаются при помощи этого предлога, мы приведем значения, перечисленные в словаре вместе с примерами:

1) «kennzeichnet die Lage in der Höhe und in bestimmtem Abstand von der oberen Seite von jemandem, etwas» ‘обозначает положение наверху и на определенном расстоянии от кого-либо, чего-либо’, например, *die Lampe hängt über dem Tisch* ‘лампа висит над столом’; *sie wohnt über uns (ein Stockwerk höher)* ‘она живет над нами (этажом выше)’;

2) «kennzeichnet die Bewegung in Richtung einer höher als jemand, etwas gelegenen Stelle» ‘обозначает движение в место, расположенное выше кого-либо, чего-либо’, например, *das Bild über das Sofa hängen* дословно: ‘вешать картину над диван’;

3) «drückt aus, dass sich etwas unmittelbar auf etwas anderem befindet, etwas umgibt, es ganz oder teilweise bedeckt, einhüllt» ‘выражает, что нечто находится непосредственно на чем-то другом, что-то окружает, полностью или частично покрывает, обволакивает’, например, *den Mantel über dem Kleid tragen* ‘носить пальто поверх платья’, *Nebel liegt über der Wiese* ‘туман лежит над лугом’;

4) «drückt aus, dass etwas unmittelbar auf etwas anderem zu liegen kommt und bedeckend, verdeckend wirkt» ‘выражает, что нечто лежит непосредственно на чем-то другом и действует как покрытие’, например,

eine Decke über den Tisch breiten ‘расстелить скатерть на столе’, *einen Pulli über die Bluse ziehen* ‘натянуть пуловер поверх блузки’, *er legte die Jacke über den Stuhl*, дословно: ‘он положил куртку поверх стула’;

5) «kennzeichnet einen Ort oder eine Stelle, die von jemandem oder etwas überquert wird» ‘обозначает местность или место, которое кем-либо или чем-либо пересекается’, например, *über den Platz gehen* ‘идти через площадь’, *sie fuhr über die Brücke* ‘она переехала через мост’, *er schwamm über den See, sprang über den Zaun* ‘он плыл через озеро, прыгнул через забор’, *ein Flug über die Alpen* ‘полет через Альпы’;

6) «kennzeichnet einen Ort oder eine Stelle, über die sich etwas in unmittelbarer Berührung bewegt» ‘обозначает местность или место, по которой/которому нечто передвигается в непосредственном контакте’, например, *die Hand strich über ihr Haar* дословно: ‘рука гладила ее по волосам’, *der Wind strich über die Felder* ‘ветер веял по полям’, *Tränen liefen ihr über das Gesicht* ‘слезы бежали по ее лицу’, *ein Schauer lief mir über den Rücken* ‘у меня по спине побежали мурашки’;

7) «(seltener) kennzeichnet eine Lage auf der andern Seite von etwas» ‘(реже) обозначает расположение на другой стороне чего-либо’, например, *sie wohnen über der Straße* ‘они живут через дорогу’, *über den Bergen leben* ‘жить за горами’;

8) «kennzeichnet eine Erstreckung, Ausdehnung von unten nach oben oder von oben nach unten, zu einem bestimmten höher bzw. tiefer gelegenen Punkt, der dabei überschritten wird» ‘обозначает распространение, протяженность снизу вверх и сверху вниз до определенной выше или ниже расположенной точки, которая при этом пересекается’, например, *bis über die Knöchel im Schlamm versinken* дословно: ‘застрять в грязи до выше косточек’, *der Rock reicht über das Knie (er bedeckt das Knie)* дословно: ‘юбка доходит через колено (она покрывает колено)’, *der Fluss tritt über die Ufer* ‘река вышла из берегов’, *der Sekt läuft über den Rand des Glases* ‘шампанское перелилось через край бокала’;

9) «bezeichnet eine Fortbewegung in horizontaler Richtung, wobei ein bestimmter Punkt, eine bestimmte Stelle überschritten wird, über sie hinausgegangen, -gefahren wird» ‘обозначает направленное перемещение в горизонтальном направлении, при этом пересекается определенная точка, определенное место, за пределы которого выходят, выезжают’, например, *unser Weg führte uns über die Altstadt hinaus* ‘наш путь вывел нас за пределы старого города’ (дословно: через старый город вовне);

10) «drückt aus, dass ein bestimmter Ort, Bereich passiert wird, um irgendwohin zu gelangen» ‘выражает, что пересекается определенное место, область, чтобы куда-нибудь попасть’, например, *wir sind über die Dörfer gefahren* ‘мы ехали через деревни’, *über Karlsruhe nach Stuttgart fahren* ‘ехать в Штуттгарт через Карлсруе’, *dieser Zug fährt nicht über Rostock* ‘этот поезд не едет через Росток’.

Мы намеренно привели все словарные толкования, несмотря на их обширность. Из перевода примеров следует, что, помимо димензиональных предлогов *над*, *поверх* для передачи того или иного значения предлога *über* использовались также предлоги *по*, *через* и *за*. Такое разнообразие возможных переводов наталкивает на вопрос: связаны ли между собой отдельные пространственные значения немецкого предлога? Для ответа на этот вопрос представляется целесообразным обратиться к результатам исследования семантики английских предлогов *above* и *over*, которые также могут обозначать вектор «верх». Оба английских предлога оказываются довольно близкими по значению к немецкому предлогу *über*. Предлог *über* коррелирует с *above* в той части, которая в общем виде покрывается и семантикой предлога *над* (расположение одного объекта выше другого по вертикали). В контекстах, связанных с перемещением, *über* коррелирует с предлогом *over*. В русском языке нет такой предложной единицы, которая означивала бы тот же комплекс пространственных отношений, что и предлоги *über* и *over*.

К. Бругман и Д. Лакофф постулируют для предлога *over* наличие абстрактного шаблона, который каждый раз уточняется за счет элементов контекста [150]. Р. Девелл изображает этот шаблон в виде образной схемы (рис. 28) [159].

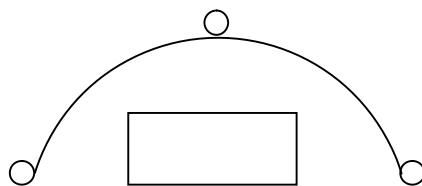

Рис. 28. Образная схема предлога *over*, по Р. Девеллу

Квадрат на рисунке символизирует собой локализирующий объект, а изогнутая линия в форме арки – отношение перемещения, обозначаемое предлогом. Это отношение реализуется в контекстах типа *The dog jumped over the fence* ‘Собака перепрыгнула через забор’ [150]. Контексты подобного рода характерны и для предлога *über*:

(160) *Er steigt über ein niedriges Mäuerchen und marschiert an einem nicht enden wollenden Lattenzaun entlang...* ‘Он перебирается через невысокую стенку и направляется вдоль штакетного забора, который никак не хочет кончаться’ [taz]...

Согласно К. Бругману и Д. Лакоффу, в разных случаях могут профилироваться разные части арки, ее образ может представлять в усеченном виде. Наиболее часто профилируется вершина арки (выражения типа *flying over* ‘лететь над/через’, в немецком языке *fliegen über*). В случаях типа *Sam lives over the bridge* ‘Сэм живет за мостом’ профилируется конечный пункт арки. Подобное профилирование характерно и для немецкого языка, например, в выражении *sie wohnen über der Straße* ‘они живут через дорогу’.

Образ арки усматривается также в выражениях типа *a tablecloth over a table* ‘скатерть на столе’ (ср. немецкое *eine Decke über den Tisch breiten* ‘расстелить скатерть на столе’). Данное пространственное выражение обозначает ситуацию, когда локализуемый объект покрывает поверхность локализуемого, т. е. в данном случае профилируется протяженность последнего в пространстве. Наличие семантического признака ПРОТЯЖЕННОСТЬ становится очевидным при противопоставлении выражения *a tablecloth over a table* выражению *a tablecloth on a table*. Если первое выражение обозначает ситуацию, когда скатерть разостлана на столе, то второй случай может представлять также и ситуации, когда скатерть находится на столе в сложенном или скомканном виде [159].

Образ арки, предлагаемый для объяснения употреблений предлога *over*, представляется нам несколько сомнительным для предлога *über*: этот предлог сочетается с глаголами движения независимо от того, имеет ли путь перемещения форму арки (*laufen* ‘бежать’, *gehen* ‘идти’, *fahren* ‘ехать’, *schwimmen* ‘плыть’). Вряд ли этот образ лежит в основе таких употреблений, как *Tränen liefen ihr über das Gesicht* ‘слезы бежали по ее лицу’ и *der Rock reicht über das Knie* ‘юбка доходит ниже колена’. Продуктивной нам представляется идея того, что английский предлог *и*, как показывает наш анализ, его немецкий коррелят служат для обозначения пути. Об этом свидетельствует наличие в их семантике признака ПРОТЯЖЕННОСТЬ. Данный признак не является топологическим, он свойствен дирекциональным предлогам, которые указывают на локализуемый объект как на маршрут движения. К таким предлогам относятся, например, немецкие предлоги *durch*, *entlang*, русские предлоги *по*, *через*, *вдоль*. Следовательно, предлог *über* обнаруживает двойственный статус: с одной стороны, он является дименциональным предлогом, который локализует в трехмерном пространстве, с другой – дирекциональным, указывающим на маршрут движения. Пользуясь терминологией О. Н. Селиверстовой [102, с. 189], можно говорить о дименциональной и дирекциональной семантических осях данного предлога, вокруг которых формируются его пространственные значения.

На первый взгляд, эти оси кажутся автономными: между такими употреблениями предлога, как *die Lampe hängt über dem Tisch* ‘лампа висит над столом’ и *sie wohnen über der Straße* ‘они живут через дорогу’, не усматривается связи. Рассмотрим оба семантических стержня на предмет компонентов, которые входят в их структуру. Для дименционального стержня, помимо доминантного дименционального признака ВЕРХ, характерны также признаки ДИРЕКЦИОНАЛ_{ЦЕЛЬ} и КОНТАКТ, для дирекционального – доминантный признак ДИРЕКЦИОНАЛ_{ПУТЬ} (ПРОТЯЖЕННОСТЬ), а также ВЕРХ и КОНТАКТ. Признак ПРОТЯЖЕННОСТЬ вытекает из признака ДИРЕКЦИОНАЛ_{ПУТЬ}, поэтому в дальнейшем мы будем говорить только о последнем³⁷. Признаки ДИРЕКЦИОНАЛ_{ЦЕЛЬ} и

³⁷ В данной работе мы рассматриваем дирекциональные признаки лишь в той степени, в которой это необходимо для семантического анализа топологических и дименциональных предлогов. Дирекциональные признаки в структуре семантики соответствующей группы предлогов должны стать темой отдельного исследования.

ДИРЕКЦИОНАЛ_{ПУТЬ} являются дистинктивными для обеих стержней, они не могут реализовываться одновременно. Признак ДИРЕКЦИОНАЛ_{ЦЕЛЬ} проявляется в контекстах типа (161), в которых предлог *über* обозначает перемещение локализуемого объекта в регион, задаваемый верхней стороной локализуемого объекта. В этом регионе находится конечная точка, по достижении которой перемещение прекратится. В примере (162) регион, задаваемый локализуемым объектом, представляет собой отрезок пути, по которому осуществляется перемещение локализуемого объекта. Конечная точка перемещения в таких случаях находится за пределами локализуемого объекта.

(161) *Wer will sich schon den Vietnam-Horror **über** das Sofa hängen* ‘Кто же захочет повесить ужасы Вьетнама у себя над диваном (дословно: себе над диван)’ [taz].

(162) *Sie [Nazi-Verbrecher] gelangten dorthin dank der Hilfe des Vatikans, der Tausenden von Nazis **über** Genua die Flucht nach Buenos Aires ermöglichte* ‘Они [нацистские преступники] попали туда благодаря помощи Ватикана, который помог тысячам нацистов бежать через Геную в Буэнос-Айрес’ [taz].

Признак ВЕРХ является общим для обеих стержней, но имеет при этом разный статус. В контекстах типа (163) он является доминантным, т. е. определяющим регион поиска (searchdomain) локализуемого объекта, а в контекстах типа (164) – нет. Статус признака конкретизируется в каждом конкретном случае за счет контекста и, в первую очередь, за счет глагола, открывающего соответствующие валентности. В примере (163) глагол *wachsen* ‘расти’ обозначает движение снизу вверх; предлог *über* передает информацию о том, что в результате этого движения локализуемый объект *Gras* ‘трава’ оказывается в регионе, задаваемом верхней стороной локализуемого объекта *die Gleise* ‘пути’, следовательно признак ВЕРХ выступает в качестве доминантного. В примере (164) доминантным является дирекциональный признак: глагол *schwappen* ‘переливаться’ обозначает способ перемещения локализуемого объекта *Wasser* ‘вода’, а предлог сообщает, что один из отрезков пути образует локализующий объект *Eimerrand* ‘край ведра’. В момент нахождения на этом отрезке локализуемый объект располагается над локализующим.

(163) *1952 wurde die Bahnhofsrüine gesprengt, seitdem wächst Gras **über die Gleise*** ‘В 1952 году развалины вокзала взорвали, с тех пор на путях растет трава (дословно: над пути растет трава)’ [taz].

(164) *Auf der einen Seite läuft durch einen Hahn Wasser aus einem Eimer, fließt auf ein Aluminiumblech und durch einen Schlauch auf der anderen Seite wieder hoch in einen Eimer, wo die gleiche Wassermenge einfach **über den Eimerrand** schwappt* ‘С одной стороны вода через кран бежит в ведро, стекает на алюминиевый лист и через шланг на другой стороне опять в ведро, где то же количество воды просто переливается через край ведра’ [taz].

В ряде случаев наблюдается синкретизм обоих выделяемых стержней, как в примере (165), в котором локализующие объекты *Täler* ‘долины’ и *Gewässer* ‘водоемы’ являются путями и одновременно задают регион локализации, в котором находится искомый объект.

(165) *Immer wieder mußten Tunnel in die Berge gesprengt und Viadukte über Täler und Gewässer gebaut werden* ‘Снова и снова должны были пробиваться туннели в горах и строиться виадуки над долинами и водоемами/через долины и водоемы’ [taz].

Это свидетельствует о том, что оба стержня связаны между собой по принципу «сиамских близнецов»: они имеют как общую часть, так и независимые. Общим компонентом обоих семантических стержней предлога *über*, который имеет одинаковый – подчиненный – статус, является признак КОНТАКТ. Далее мы подробно остановимся на особенностях реализации этого признака рассматриваемым предлогом.

4.2.2. Спецификация отношения контакта в семантике предлога *über*

Семантика предлога *über* имеет сходные черты с семантикой предлога *auf*: обе языковые единицы обозначают расположение локализуемого объекта сверху по отношению к локализуемому объекту, в их семантике присутствует сема КОНТАКТ. Если в семантике предлога *auf* отношение контакта является обязательным, т. е. реализуется в каждом употреблении, то в семантике *über* – возможным [173, S. 150].

Из многообразия типов употреблений предлога *über* в пространственном значении, отмеченных в словаре Duden-online, отношение возможного контакта можно вывести из следующих трех, которые мы еще раз приведем ниже:

1) «*sich etwas unmittelbar auf etwas anderem befindet, etwas umgibt, es ganz oder teilweise bedeckt, einhüllt*» ‘нечто находится непосредственно на чем-то другом, что-то окружает, полностью или частично покрывает, обволакивает’: *den Mantel über dem Kleid tragen* ‘носить пальто **поверх** платья’;

2) «*etwas unmittelbar auf etwas anderem zu liegen kommt und bedeckend, verdeckend wirkt*» ‘нечто лежит непосредственно на чем-то, закрывая [соответствующую поверхность]’: *eine Decke über den Tisch breiten* ‘расстелить скатерть **на** столе’;

3) «*kennzeichnet einen Ort oder eine Stelle, über die sich etwas in unmittelbarer Berührung bewegt*» ‘обозначает место, по которому / через которое нечто движется, находясь в непосредственном соприкосновении’: *Tränen liefen ihr über das Gesicht* ‘слезы бежали **по** ее лицу’.

Первый и второй типы употреблений предлога *über* описываются с помощью предлога *auf* ‘на’ и глаголов *sich befinden* ‘находиться’, *liegen* ‘лежать’. Названные глаголы, а также глаголы типа *sitzen* ‘сидеть’, *tragen*

‘носить’, *stehen* ‘стоять’ имеют валентность, которая заполняется обстоятельством места – предложной конструкцией с релятивом, именуемым несущий объект. Очевидно, что названные действия предполагают контакт локализуемого объекта с поверхностью несущего объекта; значение контакта передается через семантику предлога. То, что после глаголов типа *liegen* обстоятельство места вводит предлог, в семантику которого должна входить сема КОНТАКТ, становится очевидным при переводе. В примере (166) описывается силуэт женщины с шеей, по-видимому, очень короткой, из-за чего создается впечатление, что ее голова *sitzt über dem Oberkörper* ‘посажена на туловище’. Пространственное отношение между объектами *Kopf* и *Oberkörper* передается при помощи предлога *über*. Дословный перевод данной конструкции на русский язык ‘голова сидит над туловищем’ при всей сомнительности такого сочетания означает, прежде всего, что между соотносимыми объектами отсутствует контакт, и голова отделена от туловища. Изложенное понимание пространственной ситуации обусловлено значением предлога *над*, семантика которого исключает контакт [83].

(166) ...eine ins Quadrat gezwängte verwachsene Frauengestalt. **Über dem gedrungenen leuchtendroten Oberkörper sitzt halslos und schwer der melancholische Kopf** <...>. Trotz des zurückgenommenen Gesichtsausdrucks ist die kleine bucklige Gestalt Ausdruck geballter Kraft und geladener Vitalität ‘Втиснутый в квадрат скрюченный силуэт женщины. На коренастом ярко-красном туловище сидит без шеи и тяжело меланхоличная голова <...>. Несмотря на отсутствующее выражение лица, маленькая сутулая фигура выражает сдерживаемую силу и жизнестойкость’ [taz].

В рассматриваемом примере предлог *über* синонимичен предлогу *auf*. Очевидно, что контакт, на который указывает предлог *über*, так же, как и в случае с *auf*, не ограничен по площади и по времени, о чем свидетельствует возможность употребления данного предлога с глаголами типа *liegen* ‘лежать’, *tragen* ‘нести’. Как отмечается в словаре Г. Пауля, разница между обоими предлогами в подобных случаях состоит в следующем: с помощью *über* обращается внимание на то, что локализуемый объект располагается выше релятива, с помощью *auf* – что релятив служит опорой локализуемому объекту. Таким образом, *über* и *auf* профилируют разные признаки (димензиональный и топологический соответственно), это находится в полном соответствии с их статусом димензионального или топологического предлога.

Однако особенностями профилируемого региона специфика семантики предлога *über*, по сравнению с предлогом *auf*, не исчерпывается. Исследование выявило, что в ряде случаев релевантными для употребления данного предлога являются пространственные характеристики локализуемого объекта, а также особенности его размещения. Как правило, локализуемый объект в рассматриваемых контекстах с *über* имеет продолговатую форму, его концы свешиваются с обеих сторон

локализирующего объекта. Именно так интерпретируются пространственные ситуации в примерах (167) и (168) носителями немецкого языка:

(167) *Zwei Frauen stiegen aus. Die eine <...> trug Tasche, Badetücher und Decke **über** dem Arm...* ‘Две женщины вышли [из транспортного средства]. Одна <...> несла **на** руке (дословно: *над рукой) сумку, купальные простыни и одеяло...’ [taz].

(168) «...*Wahrscheinlich wäre das nutzlos, veröffentlichten werden sie ihn doch nicht*», sagte die Mutter und legte sich das Handtuch quer **über** den Bauch ‘«Наверное, это бесполезно, они его все равно не опубликуют» – сказала мать и положила себе полотенце наискосок **на** живот (дословно: *над живот)’ [taz].

Такие локализуемые объекты, как *Tuch* или *Decke*, отвечают описанным пространственным характеристикам, однако в этой роли могут выступать и другие, менее типичные объекты. В примере (169) очень детально представлена пространственная ситуация, в которой локализуемым объектом является человек. Особенность расположения локализуемого объекта в данном примере эксплицирована самим говорящим. Это описание, казалось бы, соответствует схеме арки, представленной на рис. 26. Однако здесь мы имеем дело не с траекторией движения локализуемого объекта, а с тем положением, которое он принял в пространстве, с его видимой формой. Отсюда можно сделать предварительный вывод о том, что язык более подробно отражает знания о пространственных характеристиках объектов, чем это предполагалось ранее.

(169) *Wie kann man Leute **über** der Schulter tragen. Z.B. Verletzte bei der Bundeswehr. Man sieht es ab und zu in Filmen, dass jmd. einen an den Beinen greift und ihn dann **über** der Schulter hängend trägt* ‘Как можно носить людей на плечах/через плечо (дословно: *над плечом). Например, раненных в бундесвере. Иногда можно увидеть в кино, что кто-н. берет [человека] за ноги и несет его, перевешенного через плечо’ [<http://www.gutefrage.net/frage/>].

Перейдем к рассмотрению примеров, которые отражают третий тип употребления предлога *über*, в котором реализуется отношение контакта, – пространственные ситуации с перемещением локализуемого объекта. Повторим, что в таких ситуациях речь идет не о дирекциональных отношениях, когда один из регионов локализирующего объекта выступает как цель перемещения, а о маршруте перемещения, один из отрезков которого именуется релятум. Он обозначает объект, обеспечивающий опору при перемещении. В лексико-семантических группах глаголов, обозначающих разные способы перемещения в пространстве, можно выделить подгруппы с валентностями, которые могут быть заполнены актантом с семантической ролью опоры, например, *gehen/идти*, *laufen/бежать*, *kriechen/ползти*, *rollen/катиться*. Выполнение функции опоры возможно только при наличии контакта соотносимых объектов, информация о котором в некоторых случаях эксплицируется. Например, характер контакта движущегося объекта

с опорой используется в некоторых дефинициях для разграничения ходьбы и бега: «При ходьбе контакт с опорой не теряется, в отличие от бега, при котором двуопорные периоды заменяются отрывом от опоры обеих ног – периодом полета» [Ходьба человека <http://ru.wikipedia.org>]. Таким образом, семантика глагола предопределяет характер отношения с объектом, само отношение реализуется через семантику предлога.

Предлог приписывает релятуму также и семантическую роль, при этом пространственные характеристики объекта, который обозначается релятумом, являются нерелевантными. Необходимо отметить, что при введении семантической роли опоры после глаголов движения предлог *über* управляет винительным падежом. В примерах (170)–(173) предлог *über* вводит релятум-опору после глаголов *schlurfen* ‘шаркать’, *gehen* ‘идти’, *galoppieren* ‘мчаться галопом’, *streichen* ‘гладить’, *rollen* ‘катиться’. Роль опоры при этом выполняют такие разные по своим пространственным характеристикам объекты, как *Boden* ‘пол’, *Rasen* ‘газон’, *Stock und Stein* ‘палки и камни’³⁸, *Wiesen* ‘луг’, *Kopf* ‘голова’, *Wangen* ‘щеки’.

(170) *Ihre Füße stecken in pelzigen, pfotenartigen Hausschuhen, mit denen sie über den Boden schlurfen* ‘Ее ноги обуты в меховые, похожие на лапы домашние тапочки, в которых она шаркает по полу’ [taz].

(171) *Und wenn man hinterm Zelt über den Rasen geht, bemerkt man erstaunt, daß sich hier in der Innenstadt die Sterne gegen das Licht der Schaufenster und der Straßenlampen behaupten können* ‘И если пройти по газону за палаткой, можно с удивлением заметить, что здесь, в центре города, звезды смогли отвоевать себе место среди света витрин и уличных фонарей’ [taz].

(172) *Wäre das schön, mit dem kleinen Pferd dahin zu galoppieren über Stock und Stein, über blühende Wiesen...* ‘Было бы замечательно проскакать туда на маленькой лошади по камням и кочкам, по цветущим лугам’... [taz].

(173) *Wie ein freundlicher Vater strich er mir mit der Hand über den Kopf, Tränen rollen ihm über die Wangen* ‘Он, как заботливый отец, гладил меня рукой по голове, слезы катились у него по щекам’ [taz].

Экспликация опоры при глаголах движения не является обязательной и обусловлена коммуникативными целями, когда, например, подчеркивается особый характер или особая роль опоры.

Во всех приведенных примерах эквивалентом немецкого предлога *über* выступает предлог *по*, который вводит обозначенную семантическую роль релятума в русском языке. Очевидно, что немецкий и русский предлоги коррелируют по признаку КОНТАКТ. Однако данный признак свойствен семантике и целого ряда других предлогов, в первую очередь, предлогов *auf* и *na*, следовательно, семантика *über* и *по* имеет в этом случае

---

³⁸ Выражение *über Stock und Stein* является устойчивым и используется в немецком языке для обозначения движения с препятствиями. Поскольку нас интересуют пространственные характеристики объектов-релятумов, здесь мы даем дословный перевод.

дополнительную спецификацию. Чтобы выявить эту спецификацию, сравним особенности употребления с глаголами движения предлогов *über* и *no*, с одной стороны, и *auf* и *na* – с другой.

С глаголами движения предлоги *auf* и *na* в сочетании с винительным падежом выражают дирекциональные отношения и указывают на релятум как на конечную цель движения, после достижения которой движение прекращается. В сочетании с дательным падежом данные предлоги с глаголами движения практически не употребляются; в ходе исследования обнаружены отдельные контексты с субстантивированными глаголами движения, а также конструкции с глаголами, обозначающими ненаправленное движение (например, *spazieren/гулять*). Предлоги *auf* и *na* в подобных контекстах профилируют топологический признак контакта с поверхностью, категоризуя релятум как место локализации действия (примеры (174)–(177)).

В отличие от *auf* и *na*, предлоги *über* и *no* сообщают о перемещении локализуемого объекта относительно поверхности объекта, обозначаемого релятумом, другими словами, эти предлоги профилируют дирекциональный признак ПЕРЕМЕЩЕНИЕ, тем самым относя релятум к категории путей. В силу этого замена в примерах (174), (176) предлогов *auf* и *na* на, соответственно, *über* и *no* является недопустимой (ср.: **Laufen über die Stelle/ *бег по месту, *движение по трассе перекрыто*), поскольку в изложенных ситуациях перемещение локализуемого объекта исключается. В примерах (175) и (177) такая замена допустима, однако при этом профилируются разные категории релятумов, обусловленные семантикой соответствующих предлогов.

(174) *Diese Grundtechnik ist ein Joggen auf dem Trampolin; hier läuft man in aufrechter Haltung auf der Stelle* ‘Эта основополагающая техника представляет собой бег **на** трамплине; здесь необходимо бежать **на** месте, сохраняя вертикальное положение тела’ [www.mini-trampolin.de/laufen.html].

(175) *Ist Laufen auf Asphalt gefährlich?* ‘Опасен ли бег на асфальте?’ [www.herbertsteffny.de/ratgeber/asphalt.htm].

(176) *Движение на дорогах, в том числе на единственной трассе, ведущей в аэропорт «Сукарно-Хатта», было перекрыто или резко ограничено* [Новый джакартский потоп. Репортаж из тонущего города // РИА Новости, 2008.02.05].

(177) *Их овцы на лугу гуляют, а стоит нашим пастухам там показаться, как азербайджанские пограничники начинают грозить, что заберут в комендатуру* [О. Золотов. Спорная территория // Труд-7, 2002.05.21].

Вернемся к спецификации отношения контакта в семантике предлога *über*. Контакт, обозначаемый данным предлогом, не ограничен по площади: в рассмотренных нами примерах *über* может употребляться синонимично предлогу *auf*, выражающему тот же вид контакта, но не употребляется синонимично предлогу *an*, обозначающему контакт, ограниченный по площади. В контекстах, в которых *über* коррелирует с предлогом *no*,

контакт, очевидно, специфицирован по параметру времени – это кратковременный контакт. Такая спецификация вытекает из семантики глаголов перемещения, а также глаголов типа *стукнуть*, *споткнуться*, которые предполагают контакт объектов, ограниченный по времени. Очевидно, что предлог *über* может обозначать как долговременный (*tragen über* ‘нести на’), так и кратковременный контакт (*laufen über* ‘бежать по’), в то время как предлог *no* обозначает только контакт, ограниченный по времени (ср. невозможность употребления *лежать no*). По данному признаку *über* коррелирует в русском языке не только с предлогом *no*, но и с предлогом *o* в выражениях *stolpern über* ‘споткнуться о’, *brechen über* ‘ломать о’:

(178) *Kaum zurückgekehrt, stolpert sie über die Schwelle, und die Schüssel fliegt ihr aus den Händen* ‘Едва вернувшись, она спотыкается о порог и миска вылетает у нее из рук’ [taz].

(179) ... *dünneres Holz, das rasch zerkleinert werden soll, zerbricht man über dem gebeugten Knie* ‘... тонкие дрова, которые необходимо быстро измельчить, ломают о согнутое колено’ [Duden-online].

Интересно, что в таких контекстах дирекциональное и димензиональное значения предлога отступают на задний план. Можно сказать, что в примере (178) предлог реализует значение пути, а в примере (179) – контакт с локализирующим объектом происходит сверху. Однако в обоих случаях центральным становится топологическое отношение контакта, который обуславливается семантикой глаголов *stolpern* ‘спотыкаться’ и *zerbrechen* ‘разламывать’.

Завершая анализ семантики предлога *über*, отметим, что данный предлог локализует объекты в воспринимаемом пространстве и в проксимальном регионе локализирующего объекта, если реализуется отношение контакта.

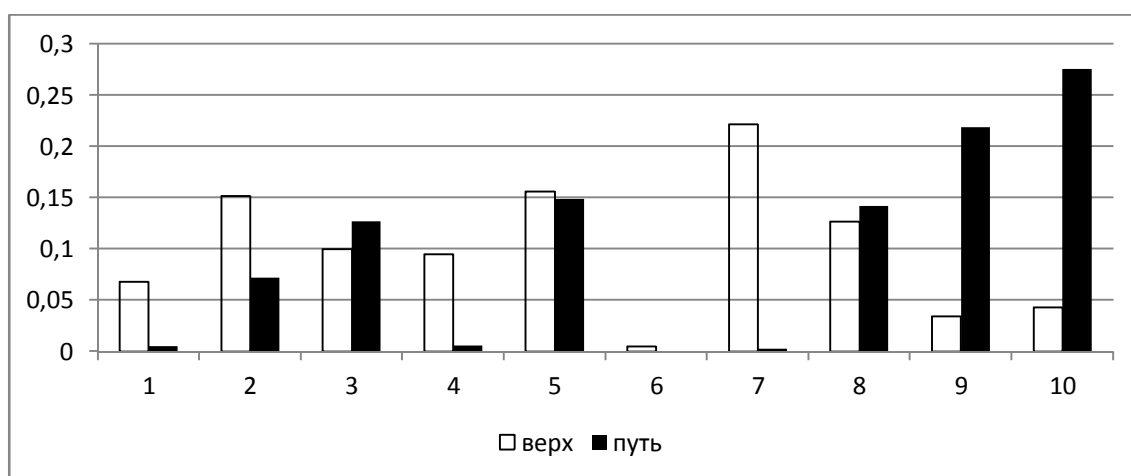
4.2.3. Дистрибутивные характеристики предлога *über*

Представляемый здесь анализ дистрибуции предлога *über* преследует цель разграничить, насколько это возможно, димензиональные и дирекциональные употребления предлога. Это необходимо для чистоты последующего сопоставления дистрибуции русских предлогов, обозначающих вектор «верх». Для разграничения димензиональных и дирекциональных (обозначение путей) употреблений предлога использовались как формальные критерии, так и содержательные. Главным формальным критерием предпринятого разграничения является падежное управление: при указании на верхний регион объекта предлог *über* употребляется и с дательным, и с винительным падежами, в то время как при обозначении направительного движения он может употребляться только с винительным падежом. Критерием для разграничения димензионального и дирекционального статуса *über* в случаях управления винительным падежом

служила категоризация релятума – цель или промежуточный маршрут перемещения.

Общее количество пространственных употреблений предлога *über* в нашем исследовательском корпусе составляет 1323. Из них в 442 контекстах этот предлог использовался для указания на вектор «верх» (димензиональное значение), в 871 – для описания маршрута перемещения (дирекциональное значение). На рис. 29 показана относительная частота употреблений данного предлога с наименованиями классов объектов в димензиональном и дирекциональном значениях.

Как показывает гистограмма, при указании на верхнюю сторону объекта (димензиональное значение) в качестве релятумов с предлогом *über* употребляются наименования всех классов объектов. Такую дистрибуцию можно охарактеризовать как равномерную, максимальная разница между значениями смежных по частотности классов составляет 6,5% (см. табл. 19). Наименования пяти из десяти выделяемых классов имеют частотность 10% и больше, контексты с этими наименованиями составляют 75,7% от всех найденных контекстов с *über* в димензиональном значении. Низкой частотностью – менее одного процента – характеризуется только класс «Транспортные средства». Наименования этого класса объектов достаточно редко употребляются в качестве релятумов при локализации практически со всеми предлогами.

Легенда: 1 – «Человек», 2 – «Части тела», 3 – «Геополитические объекты», 4 – «Здания», 5 – «Части зданий», 6 – «Транспорт», 7 – «Ограниченно подвижные артефакты», 8 – «Геофизические объекты», 9 – «Пути», 10 – «Вещепризнаки».

Рис. 29. Относительная частота употреблений предлога *über* с наименованиями классов объектов в димензиональном («верх») и дирекциональном («путь») значениях

Как известно, способность наименований объектов употребляться в качестве релятумов в конструкциях с пространственными предлогами во многом обусловлена знаниями о пространственных свойствах объектов, которые отражены в значении языковой единицы [4; 12; 168; 195; 226].

Очевидно, что верх является одной из базовых пространственных характеристик, которые выделяются практически у всех объектов, подвергающихся гравитации.

Дистрибуция *über* в дирекциональном значении отличается от его дистрибуции как димензионального предлога. Можно выделить два частотных класса – «Вещепризнаки» и «Пути», контексты с которыми составляют почти половину (49,5%) всех найденных контекстов для данного значения предлога. Здесь также наблюдается согласование знаний о пространственных свойствах объектов и категоризации, которая приписывается имени предлогом (о категоризирующем потенциале предлогов см. [262]). Типичные пути именуется при помощи таких существительных, как *Straße* ‘улица’, *Platz* ‘площадь’, *Brücke* ‘мост’.

Таблица 19

Частотный ранг наименований объектов, употребляемых с предлогом *über* в димензиональном и дирекциональном значениях, %

№	<i>über</i> _{димензионал}		<i>über</i> _{дирекционал}	
1	Ограниченно подвижные артефакты	22,2	Вещепризнаки	27,6
2	Части зданий	15,6	Пути	21,9
3	Части тела	15,2	Части зданий	14,9
4	Геофизические объекты	12,7	Геофизические объекты	14,2
5	Геополитические объекты	10	Геополитические объекты	12,7
6	Здания и сооружения	9,5	Части тела	7,2
7	Человек	6,8	Здания и сооружения	0,06
8	Вещепризнаки	4,3	Человек	0,05
9	Пути	3,4	Ограниченно подвижные артефакты	0,3
10	Транспортные средства	0,5	Транспортные средства	0

Путь, который описывается предлогом *über*, является пересекаемым участком маршрута перемещения; следовательно, объект, по которому пролегает маршрут, мыслится как имеющий границы. Это обуславливает употребительность *über* с наименованиями границ, которые мы относим в класс объектов «Вещепризнаки». Среди релятивов данного класса существительное *Grenze* ‘граница’ обнаруживает наибольшую частотность (примеры других релятивов этого класса – *Gelände* ‘территория’, *Oberfläche* ‘поверхность’, *Rand* ‘край’). Это существительное фигурирует в 190 из 240 контекстов. В отношении релятива *Grenze* наиболее ярко проявляется возможность профилирования различных участков пути, заложенного в семантике *über*. Так, в примере (180) данный релятив представляет собой часть маршрута перемещения. В примерах (181) и (182) профилируется конечная точка перемещения. Различия в профилировании отражаются в переводе на русский язык: конструкция из примера (180) переводится при помощи предлога *через*, указывающего на маршрут, а в примерах (181) и

(182) – при помощи предлога *za*, который обозначает локализацию за пределами объекта, именуемого релятумом.

(180) *Als die Familie die Wohnung nicht mehr bezahlen konnte, entschlossen sie sich zu gehen. Zuerst nach Polen, dann illegal bei Görlitz über die Grenze und weiter nach Berlin* ‘Когда семья больше не могла платить за квартиру, они решили переехать. Сначала в Польшу, затем возле Герлица нелегально **через** границу и дальше в Берлин’ [taz].

(181) *Viele Bauarbeiter und Saisonkellner, aber auch Verkäuferinnen und Köchinnen verbringen hier nur kurze Zeit. Im tiefen Winter, aber auch im Hochsommer, strömen vor allem Kurzzeitige über die Grenze* ‘Многие строители и сезонные официанты, а также продавщицы и поварихи бывают здесь только короткое время. И в самую зиму, и в разгар лета устремляются прежде всего те, у кого краткосрочные контракты, за границу’ [taz].

(182) *Seitdem die Einheimischen auch über die Grenze dürfen, das westliche Warenangebot größer geworden ist und die Fahrpreise nicht mehr nur symbolisch sind, versiegt nicht nur diese Einnahmequelle* ‘С тех пор как местным жителям разрешено ездить за границу, увеличился ассортимент товаров западного производства, а цены на дорогу перестали быть символическими, иссяк и этот источник доходов’ [taz].

Наименования классов объектов «Части зданий», «Геофизические объекты», «Геополитические объекты» и «Части тела» также могут категоризоваться как пути, по которым пролегает маршрут перемещения (например, *Treppe* ‘ступеньки’, *Korridor* ‘коридор’, *Fluß* ‘река’, *Feld* ‘поле’, *Wald* ‘лес’, названия стран, городов и т. д.). Части тела человека категоризуются как пути перемещения в контекстах типа *Schweißperlen krochen über sein Gesicht* ‘Капли пота ползли по его лицу’, *Der Regen triefte über sein Haar* ‘Дождь стекал по его волосам’.

Наименования классов объектов «Человек» и «Ограниченно подвижные артефакты» являются низкочастотными (0,8%) и выступают в качестве путей в довольно специфических контекстах:

(183) *Heißes Wasser läuft über ihn* ‘По нему струится горячая вода’ [taz].

(184) *Die Finger der rechten Hand streichen über die Saiten* ‘Пальцы правой руки скользят по струнам’ [taz].

Возможность употребления предлога *über* с наименованиями практически всех классов объектов еще раз свидетельствует о том, что с помощью предлогов объектам могут приписываться пространственные свойства, актуальные в данной коммуникативной ситуации.

4.2.4. Семантическая структура предлогов *над*, *поверх*, *сверху*

В словарных дефинициях отмечается, что предлог *над* употребляется с творительным падежом и используется для указания на расположение, пребывание, действие кого-либо, чего-либо выше или поверх кого-либо, чего-либо. Например, *Над городом пролетал аэроплан, лампа над столом*.

Д. Пайар и В. А. Плунгян в качестве признаков, определяющих пространственное значение предлога *над*, называют «обязательное отсутствие контакта» и вертикальность (строгую или смещенную) [83]. Наше исследование также показывает, что русский первообразный предлог *над* – коррелирует немецкого предлога *über* – предполагает наличие дистанции между соотносимыми объектами и исключает возможность контакта (ср.: *книга лежит на столе – книга лежит над столом*). В современном русском языке данный предлог не выражает дирекциональные отношения, т. е. вводимый им релятум не может выступать как цель движения. Предлог *над* при этом может употребляться с глаголами движения, однако только с такими, которые обозначают перемещение, не требующее контакта с опорой, например, *лететь, парить* (примеры (185), (186)). Семантическая роль релятума в данном случае подобна роли релятумов, вводимых предлогом *über* в контекстах (170)–(173), с той разницей, что «опора» имеет здесь условный характер, поскольку контакт с ней в норме должен отсутствовать.

(185) *Эта машина не имеет аналогов в мире, способна стартовать с волны высотой до 2 метров, затем со скоростью 400-500 километров в час лететь над самой водой* [С. Ищенко. «Орленок» расправил крылья // Труд-7, 2002.08.01].

(186) *Озорник-летчик однажды вздумал низко лететь над курятником* [В. Песков. Верхняя точка // Комсомольская правда, 2001.12.14].

То, что семантические признаки в значении *над* получают однозначную маркировку, отражается и на употребительности данного предлога. В списке частотности он занимает тринадцатую позицию (247 контекстов). Любопытно, что семантика этого предлога подверглась «спецификации» в относительно недавнем историческом прошлом. Еще в словаре В. Даля отмечена способность *над* управлять винительным падежом, и в качестве примера приведены высказывания *Подыми конец доски над себя, наднеси его над стойку. Пошли над берег погулять*.

Денотативная сфера предлога *над* оказывается значительно уже денотативной сферы его немецкого коррелята, предлога *über*, который способен означивать существенно большее количество комбинаций пространственных отношений (табл. 20).

Таблица 20

Денотативные сферы предлогов *над* и *über* в сопоставлении

Комбинации пространственных отношений, обозначаемые предлогом	над	über
верх + стат + (–контакт)	+	+
верх + дирекционал + (–контакт)	–	+
верх + стат + контакт	–	+
верх + дирекционал + контакт	–	+

Однако это не означает, что соответствующие комбинации пространственных отношений не находят отражения в семантике русских предлогов. Сочетания семантических компонентов, которые не могут выражаться предлогом *над*, реализуются при помощи непервообразных предлогов *поверх* и *сверху*. Оба предлога управляют родительным падежом, их пространственные значения представляются очень сходными, о чем свидетельствуют практически идентичные словарные дефиниции данных предлогов. Так, в словаре Т. Ф. Ефремовой пространство локализации *поверх* определяется как «сверху кого-л., чего-л., на поверхности чего-л.» (ср. также определения в словарях С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова). Пространство локализации, задаваемое предлогом *сверху*, описывается как «по направлению вниз», «на поверхности, в верхней части чего-л.».

Дифференциальными признаками, отличающими семантику предлогов *поверх*, *сверху* от семантики предлога *над*, являются КОНТАКТ и ДИРЕКЦИОНАЛ. Наличие контакта в семантике *поверх* и *сверху* можно вывести из их словарных определений, согласно которым данные предлоги обозначают, в частности, местонахождение на поверхности локализуемого объекта. Оба предлога могут обозначать направленное движение в соответствующий регион локализации. В примерах (187)–(190) реализуются оба признака, а сами предлоги кажутся взаимозаменяемыми; они употребляются в сходных контекстах, например, для описания особенностей одежды или порядка выкладки ингредиентов при приготовлении блюда:

(187) *Но главный хит сезона – юбка, надеваемая **сверху** брюк (летом, видимо, будут обходиться без оных)* [Главный хит сезона – юбка. Что мужчинам носить весной? // Известия, 2005.04.07].

(188) *Впрочем, в холодную погоду женщины могут надевать юбку **поверх** брюк и в таком виде заходить в храм* [Итоговый выпуск вечерний – 23.06.04 18:15 // Новый регион 2, 2004.06.24].

(189) ***Поверх** грибов выложить сливки или сметану и посыпать тертым сыром* [Н. Тубольцева, Т. Максимова. Картошка: еда аристократов? // Комсомольская правда, 2004.07.14].

(190) *Каждую пластинку сворачиваем в кулечек, внутрь вкладываем перепелиное яйцо и выкладываем **сверху** лука* [Закуска из перепелиных яиц // Комсомольская правда, 2007.07.03].

Однако между обеими языковыми единицами обнаруживаются глубокие семантические различия. Рассмотрим особенности отношения контакта, которое выражается предлогами *поверх* и *сверху*. Из анализа контекстов следует, что семантика предлога *поверх* менее специфицирована, чем семантика предлога *сверху*: *поверх* выражает отношение возможного контакта, а *сверху* – обязательного. Предлог *поверх* реализует отношение контакта в сочетании с такими глаголами, как *класть*, *лежать*, *надевать*, *наносить*, *натягивать*, *пойти*, *стелить*, *сыпать* и др. Отношение контакта в подобных случаях является необходимым следствием осуществления действия (примеры (191), (192)):

(191) *Железную дверь с глазком нам открыл казак-дневальный, в его каморке **поверх** серого казенного одеяла лежало потертое ружье* [А. Коц, Д. Стешин. Вернутся ли русские на Кавказ? // Комсомольская правда, 2006.06.07].

(192) *Раскатать небольшие лепешки толщиной в 1 см, уложить на них немного начинки, края загнуть; смазать шаньги **поверх** начинки яйцом или сметаной* [Я. Бедовая. Едим вместе с Гоголем // Комсомольская правда, 2006.07.11].

Предлог *сверху* не может употребляться с теми же глаголами, что и предлог *поверх*: в контекстах типа (191) и (192) допустимость такой замены сомнительна (^{???}*сверху одеяла лежало ружье, ^{???}смазать шаньги сверху начинки*); в ряде случаев замена *поверх* на *сверху* ведет к изменению интерпретации пространственной ситуации. Рассмотрим подробнее семантические факторы, обуславливающие ограничения на взаимозамену данных предлогов.

Выявлено два семантических различия, обуславливающих употребления *поверх* и *сверху*, – это различия в регионе локализации предлогов и направленности вектора действия. Первое различие проявляется в таких контекстах, как (193)–(195). Здесь регионом локализации предлога *сверху* является ингерентная верхняя часть локализуемого объекта: выражение *отметка сверху талона* обозначает, что отметка размещена в верхней части талона. Регионом локализации предлога *поверх* является вся поверхность локализуемого объекта. Взаимозамена предлогов в этих контекстах приведет к изменению интерпретации выражения (ср.: *отметка поверх талона, писать сверху чертежа*). В примере (195) недопустимость замены *поверх* на *сверху* обусловлена, очевидно, знаниями о пространственных свойствах локализуемого и локализуемого объектов, в частности трудностями выделения региона локализации, задаваемого объектом *следы*: данные объекты не имеют ингерентной верхней стороны. Ограничения на употребление предлога *сверху* с наименованиями пространственных объектов накладывает возможность vs. невозможность идентификации их верхней части.

(193) *На вашем талоне, который действует, допустим, до 2002 года, есть отметка о том месяце, когда вы обязаны пройти техосмотр. **Сверху** талона должно быть написано* [В. Варинов, Ю. Гейко. Что дает водителю новый кодекс? // Комсомольская правда, 2002.02.19].

(194) *Леонардо да Винчи одновременно работал левой и правой рукой: он одной чертил, а другой писал **поверх** чертежа.* [Всемирный день леворуких. Налево пойдешь – гением будешь? // РИА Новости, 2006.08.13]

(195) ***Поверх** следов от бича на правом плече и левой лопатке видна широкая отметина – вероятно, от тяжелой перекладки креста* [А. Моисеенко. Иисус умер от удушья // Комсомольская правда, 2004.04.09].

Площадь региона локализации предлога *поверх* оказывается больше площади региона локализации предлога *сверху*. Фактически предлог *сверху*

дополнительно ограничивает регион локализации. Так, в примере (192) конструкция *смазать шанги **поверх** начинки* несет в себе информацию о том, что действие распространяется на всю поверхность объекта, обозначаемого релятивом *начинка*. Допустимость замены *поверх* на *сверху* сомнительна, поскольку здесь вступают в конфликт знания о мире (цель действия *смазать* при данных конкретных обстоятельствах) и ограничения на площадь региона действия, накладываемые предлогом *сверху*.

Очевидно, что семантике предлога *поверх* свойственен признак РАСПРОСТРАНЕНИЕ, который выделяется также и у немецкого предлога *über*. По этому признаку предлог *поверх* может быть противопоставлен предлогу *на* в контекстах с такими глаголами, как *стелить*, *наносить*, *раскладывать*. Так, конструкция *расстелить покрытие поверх брусчатки* обозначает такое отношение в пространстве, когда вся поверхность локализуемого объекта закрывается локализуемым. Из примера (196) следует, что именно такое отношение являлось целью субъектов действия. При замене предлога *поверх* предлогом *на* – *расстелить покрытие на брусчатке* – значение распространения нейтрализуется, возникает ситуация, в которой локализуемый объект не обязательно занимает всю площадь поверхности релятива.

(196) *Центральный матч в 1936 году в честь Дня физкультурника на Красной площади, прямо перед трибуной мавзолея, на глазах Сталина и членов правительства, футболисты 1-го и 2-го составов московского «Спартака» должны были сыграть показательный матч. <...> Футболистам было строжайше запрещено сильно бить по «шарику», чтобы, не приведи Господь, мяч ненароком не угодил в высокопоставленных зрителей. Больше того, чтобы уменьшить отскок от поля, **поверх** брусчатки расстелили специально сшитое войлочное покрытие* [С. Леснов. Хроника, оставшаяся за кадром // Труд-7, 2007.04.27].

Различие, связанное с направленностью вектора действия, проявляется в контекстах типа (197). Здесь замена *поверх* на *сверху* также приведет к изменению интерпретации высказывания, на этот раз связанному с направлением движения локализуемого объекта. Если конструкция *пойти поверх чего-либо* обозначает ситуацию, когда локализуемый объект перемещается параллельно поверхности локализуемого, то конструкция *пойти сверху чего-либо* – ситуацию, когда перемещение локализуемого объекта осуществляется по направлению от верхней части локализуемого объекта вниз.

(197) *Вчера поступило сообщение из Варненского района: поднялась река Кызыл-Маяк, и вода пошла **поверх** местной плотины* [Итоговый выпуск (вечерний) – 28.03.06 18:50 – Челябинск // Новый регион 2, 2006.03.29].

В контекстах, в которых присутствует субъект действия, замена *поверх* на *сверху* и связанное с этим изменение вектора действия влечет за собой реинтерпретацию местоположения субъекта действия. Так, в примере (198) пространственная ситуация интерпретируется следующим образом: действие

прицелился направлено в регион релятума *магазин*, который задает предлог *поверх*. Это область пространства, которая на вертикали «верх – низ» (напомним, что данная вертикаль обусловлена гравитацией Земли и имеет в силу этого абсолютный характер) находится выше области, занимаемой объектом *магазин*. Деятель (*он*) находится внизу, действие осуществляется «снизу вверх». При замене предлога *поверх* на предлог *сверху* изменяется и интерпретация пространственной ситуации. Выражение *он прицелился сверху магазина*, подразумевает, что *он* находится в контакте с релятумом (например, располагается на крыше магазина) и осуществляет действие «сверху вниз». Направленность действия «снизу вверх» или «сверху вниз» обусловлена, в частности, внутренней формой предлогов, однако при интерпретации пространственной ситуации важную роль играет и фактор обязательности либо возможности отношения контакта, которое передается семантикой предлогов.

(198) *Тут из магазина, **поверх** которого он прицелился своим фотоаппаратом, выскочил какой-то амбал и заявил, что здесь снимать нельзя* [С. Олифирова. Что в Москве запрещено фотографировать на улицах // Комсомольская правда, 2005.09.04].

Рассмотрим контексты, в которых *поверх* исключает возможность контакта. Это семантическое свойство предлога реализуется с такими глаголами, как *бросать*, *стрелять*, *целиться*. Предлог в этом случае употребляется для указания на отсутствие контакта между локализуемым и локализирующим объектами. Отношение контакта при осуществлении данных действий является не неизбежным, а желательным следствием. Желательность реализации отношения контакта при этих глаголах выражается с помощью предлогов *в*, *по*. Конструкции типа *стрелять в*, *целиться по* имплицитно информируют о намерениях деятеля достичь результата (попасть). Предлог *поверх*, указывая при подобных глаголах на потенциальное отсутствие контакта, имплицитно информирует о ненамерении попасть в объект, обозначаемый релятумом (примеры (199) и (200)).

(199) *Мы приняли их «шутку» и начали отстреливаться, конечно, не по милиции, а **поверх** голов* [А. Коц. Как контрактники с ментами в войну играли // Комсомольская правда, 2006.04.07].

(200) *Его удар со штрафного **поверх** стенки в самую «девятку» был из разряда неберущихся, и недвижимый Альберто лишь проводил взглядом залетавший в сетку мяч* [Н. Бойков. Погоня дышит в спину // Советский спорт, 2004.03.23].

Необходимо отметить, что в подобных случаях *поверх*, хотя и исключает контакт, обозначает очень близкое расстояние между соотносимыми объектами, локализует в проксимальном регионе.

Как следует из проведенного анализа, семантика русских предлогов, обозначающих вектор «верх», дифференцирована по признаку КОНТАКТ: предлог *над* исключает возможность этого отношения, предлог *поверх* –

допускает, а предлог *сверху* передает информацию об обязательности данного отношения. Таким образом, комбинации семантических компонентов ВЕРХ + ДИРЕКЦИОНАЛ + (–КОНТАКТ), ВЕРХ + СТАТ + КОНТАКТ, ВЕРХ + ДИРЕКЦИОНАЛ + КОНТАКТ, которые обнаруживаются в семантике предлога *über* и отсутствуют в семантике предлога *над*, выявляются в семантике русских предлогов *поверх* и *сверху*. Это ни в коем случае не означает, что значение *über* равно значениям трех рассмотренных предлогов русского языка. Семантика непервообразных предлогов *поверх* и *сверху* обнаруживает особенности (например, обозначение движения параллельно поверхности или сверху вниз), которые обусловлены их внутренней формой, а также живой связью с классом наречий, от которых они произошли (об особенностях семантики русских наречий, обозначающих векторы «верх» и «низ», см. статью Н. В. Лягушкиной «Семантика пространственных предлогов и наречий *позади* и *сзади*» [74]).

Сравним количественные и дистрибутивные характеристики рассматриваемых русских синонимичных предлогов. Напомним, что предлог *над* занимает в нашем частотном списке тринадцатую позицию. Из 1479 контекстов, обнаруженных для данного предлога, лишь 247 (16,7%) представляют его пространственные употребления. Поскольку в нашем исследовательском корпусе предлог *поверх* в пространственном значении обнаружен всего в 19 контекстах, а предлог *сверху* не имеет ни одного вхождения, мы обратились к газетному подкорпусу Национального корпуса русского языка. Языковая единица *поверх* имеет в этом корпусе 758 вхождений, из них в качестве предлога – 638. В 602 контекстах из 638, т. е. более чем в 94%, *поверх* употребляется в пространственном значении³⁹. В отличие от *поверх*, языковая единица *сверху* имеет 4479 вхождений, однако в качестве предлога только 28, все в пространственном значении.

Дистрибуция *над*, *поверх* и *сверху* с наименованиями классов объектов дана на рис. 30. Как следует из рисунка, предлог *над* обнаруживает достаточно равномерную дистрибуцию: он употребляется с наименованиями почти всех классов объектов за исключением класса «Транспортные средства», представители которого редко выступают в качестве локализующих объектов.

Предлог *поверх* также употребляется с наименованиями большинства классов объектов, однако его дистрибуцию нельзя охарактеризовать как равномерную. Для этого предлога выделяется класс объектов, наименования которых представлены в 73,1% контекстов с данным предлогом (табл. 21). Кроме того, *поверх* не употребляется с наименованиями класса «Геополитические объекты», которые составляют второй по частотности класс для предлога *над*. В контекстах с наименованиями данного класса

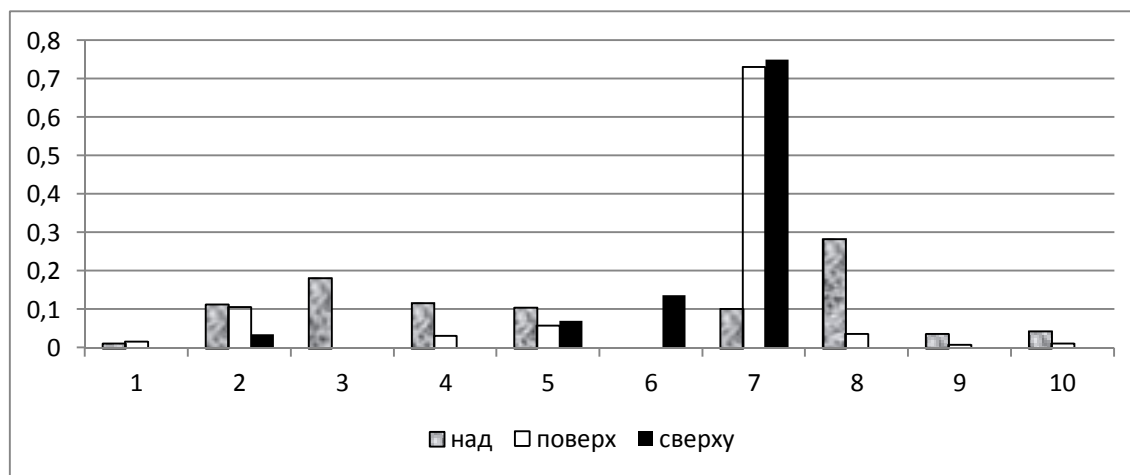
---

³⁹ В нашем исследовательском корпусе употребления данного предлога в пространственном значении также составляют большинство (76%), что подтверждает предположение о меньшем пороге минимальной достаточности анализируемых контекстов для непервообразных предлогов, по сравнению с первообразными.

замена предлога *над* предлогом *поверх* недопустима (примеры (201) и (202)), поскольку предлог *поверх*, в отличие от предлога *над*, не может локализовать в отношении объектов воображаемого пространства, которыми являются геополитические объекты.

(201) *В вихре страха и сострадания вы вместе с камерой в финале взлетите **над** городом (*поверх города) и будете долго лететь над ним, глядя с высоты на бесконечные ржавые крыши и неширокие дворы* [Санкт-Петербургские ведомости].

(202) *И, наконец, страшный ураган осенью прошлого года, который пронесся **над** всеми Карибами (*поверх всех Карибов), но страннейшим образом не затронул Гавану, хотя она лежала у него на пути* [Огонек].

Легенда: 1 – «Человек», 2 – «Части тела», 3 – «Геополитические объекты», 4 – «Здания», 5 – «Части зданий», 6 – «Транспорт», 7 – «Ограниченно подвижные артефакты», 8 – «Геофизические объекты», 9 – «Пути», 10 – «Вещепризнаки».

Рис. 30. Относительная частота употребления предлогов *над*, *поверх* и *сверху* с наименованиями классов объектов

При локализации в отношении объектов воспринимаемого пространства предлоги *над* и *поверх* противопоставлены по параметру ДИСТАНЦИИ: *над* профилирует наличие дистанции, а *поверх*, наоборот, – очень близкое расположение или контакт. Эта семантическая особенность отражается в способности предлогов употребляться с глаголами движения. Предлог *над* употребляется с глаголами, которые обозначают перемещение без контакта с опорой как параллельно верхнему региону локализуемого объекта (*лететь*, *парить*), так и перпендикулярно вверх (*подниматься*); предлог *поверх* – с глаголами, обозначающими «контактное» перемещение параллельно поверхности. Именно в силу этого в примерах (203) и (204) также недопустима замена *над* на *поверх* и наоборот.

(203) *Когда листья растения поднимутся **над** землей (*поверх земли) на 3–5 см, то вместе с цветочной почкой они и представляют собой розетку.* [Санкт-Петербургские ведомости].

(204) *На юге области вода может пойти **поверх** (*надо льдом) льда, низменные участки могут оказаться подтоплены* [С. Намская. Паводок на Южном Урале будет затяжным // Новый регион 2, 2010.03.30].

Как следует из проведенного анализа, предлоги *над* и *поверх* не находятся в отношении взаимодополнительности, что наблюдается, например, в случае с предлогами *у* и *возле*. Напомним, что в эти отношения предлоги *у* и *возле* вступают при употреблении с наименованиями лиц, когда предлог маркирует принадлежность релятума к воображаемому либо воспринимаемому пространству (ср.: *у него – возле него*).

Таблица 21

Частотный ранг наименований классов объектов, употребляемых с предлогами *над*, *поверх*, *сверху*, %

№	над		поверх		сверху	
	Объект	Частота	Объект	Частота	Объект	Частота
1	Геофизические объекты	28,5	Ограниченно подвижные артефакты	73,1	Ограниченно подвижные артефакты	75
2	Геополитические объекты	18,3	Части тела	10,5	Транспортные средства	13,8
3	Здания и сооружения	11,8	Части зданий	5,8	Части зданий	7,1
4	Части тела	11,4	Геофизические объекты	3,7	Части тела	3,6
5	Части зданий	10,6	Здания и сооружения	3,2	-	-
6	Ограниченно подвижные артефакты	10,2	Человек	1,7	-	-
7	Вещепризнаки	4,5	Вещепризнаки	1,2	-	-
8	Пути	3,7	Пути	0,8	-	-
9	Человек	1,2	Геополитические объекты	0	-	-
10	Транспортные средства	0	Транспортные средства	0	-	-

Отношения между предлогами *над* и *поверх* можно охарактеризовать как гипо-гиперонимические: регион локализации предлога *над* менее специфицирован, он включает в себя регион локализации предлога *поверх*. Крайне редко обнаруживаются контексты, в которых дифференциальные признаки данных предлогов нейтрализуются, что делает возможным их взаимозамену. Эта нейтрализация обусловливается семантикой глагола, который не выдвигает требований типа наличия или отсутствия контакта, как в примере (205).

(205) *Без них в Москве и вокруг нее не было бы построено ничего – ни офисных зданий, изуродовавших многие красивейшие кварталы в центре; ни так называемого «элитного» жилья, торчащего над окраинными кварталами еще не снесенных пятиэтажек и поверх деревьев быстро ужимающихся парков; ни сотен коттеджных поселков, изумляющих проезжего зеваку шедеврами «подмосковной готики»* [А строить кто будет? // РИА Новости, 2005.07.22].

Предлог *сверху* употребляется с наименованиями только четырех классов объектов. Во всех случаях речь идет об объектах воспринимаемого пространства с идентифицируемым (ингерентным) верхом. Ограниченную дистрибуцию данного предлога мы объясняем большей специфичностью семантики по сравнению с *над* и *поверх*. Семантические признаки немецкого предлога *über* и русских предлогов *над*, *поверх*, *сверху*, выявленные в результате контекстуального и дистрибутивного анализа, представлены в обобщенном виде в таблице 22.

Таблица 22

Семантические признаки предлогов *über*, *над*, *поверх*, *сверху*
в сопоставлении

Семантические признаки	<i>über</i>	<i>над</i>	<i>поверх</i>	<i>сверху</i>
Локализация в воображаемом пространстве	+	+	-	-
Локализация в воспринимаемом пространстве	+	+	+	+
Спецификация региона: проксимальный регион	+/-	+/-	+	+
Спецификация региона: верхний регион, обусловленный гравитацией (вертикальность)	+	+	-	-
Спецификация региона: ингерентный верх локализующего объекта	+(-)	+(-)	+(-)	+
Топологические отношения: контакт	+/-	-	+/-	+
Дирекциональные отношения	+/-	-	+/-	+
Спецификация дирекционального отношения:	-	-	перемещение по горизонтали	перемещение по вертикали «сверху вниз»
Спецификация дирекционального отношения: распространение	+	-	+	-

Как следует из таблицы, семантика немецкого предлога включает в себя значительно большее количество положительно маркированных признаков. Комбинации признаков, характерные для семантики предлога *über*, реализуются в русском языке с помощью трех предлогов: *над*, *поверх* и *сверху*. Тем самым подтверждается высказанное ранее предположение об общности комбинаций семантических признаков, отражающих информацию о пространстве, которые реализуются в языках. Эти комбинации представляют схваченные определенным образом совокупности характеристик пространства, по-видимому, универсальных. Своеобразие языков в описании пространственных отношений обеспечивается сложными мотивировочными связями, в первую очередь, непервообразных предлогов: так, семантические характеристики предлогов *поверх* и *сверху* (горизонтальная либо вертикальная направленность перемещения), обусловлены, с нашей точки зрения, их связью с дирекциональными предлогами *по* и *с*.

4.3. Семантика и дистрибутивные характеристики предлогов, обозначающих вектор «низ»

4.3.1. Комбинации семантических компонентов предлога *unter*

Димензиональным антонимом предлога *über*, который служит в немецком языке для обозначения вектора «низ», является предлог *unter*. Этот предлог также управляет двумя падежами – дательным и винительным – и используется для указания как на местонахождение в области нижнего региона локализуемого объекта, так и на перемещение в данный регион. Пространственные значения, выделяемые в словарях для этого предлога, укладываются в схемы из разных комбинаций признаков ДИМЕНЗИОНАЛ_{НИЗ}, ДИРЕКЦИОНАЛ_{ЦЕЛЬ}, КОНТАКТ⁴⁰ (здесь примеры употреблений взяты из словаря Duden-online):

1. ДИМЕНЗИОНАЛ_{НИЗ} – КОНТАКТ – ДИРЕКЦИОНАЛ_{ЦЕЛЬ}: *unter einem Baum sitzen* ‘сидеть под деревом’, *unter jemandem wohnen (ein Stockwerk tiefer wohnen als jemand anders)* ‘жить под кем-либо (жить этажом ниже, чем кто-то другой)’, *unter einem Zaun durchkriechen* ‘проползти под забором’;
2. ДИМЕНЗИОНАЛ_{НИЗ} – КОНТАКТ + ДИРЕКЦИОНАЛ_{ЦЕЛЬ}: *sich unter die Dusche stellen* ‘встать под душ’;

---

⁴⁰ Употребления типа *die Temperatur liegt unter dem Gefrierpunkt* ‘температура находится ниже точки замерзания’, *unter null sinken* ‘отпуститься ниже нуля’, *in Mengen unter 100 Stück* ‘в количестве меньше ста единиц’, которые в словаре Duden-online квалифицируются как пространственные, мы не обсуждаем, поскольку усматриваем в этих употреблениях метафорический перенос.

3. ДИМЕНЗИОНАЛ_{НИЗ} + КОНТАКТ – ДИРЕКЦИОНАЛ_{ЦЕЛЬ}: *unter einer Decke liegen* ‘лежать под одеялом’, *sie trägt eine Bluse unter dem Pullover* ‘она носит блузку под свитером’, *die Bunker liegen unter der Erde (befinden sich in der Erde)* ‘бункеры находятся под землей (находятся в земле)’, *dicht unter (unterhalb) der Oberfläche* ‘сразу под поверхностью’;
4. ДИМЕНЗИОНАЛ_{НИЗ} + КОНТАКТ + ДИРЕКЦИОНАЛ_{ЦЕЛЬ}: *er kriecht unter die Decke* ‘он залезает под одеяло’, *mit dem Kopf unter Wasser (unter die Wasseroberfläche) geraten* ‘уйти с головой под воду (под поверхность воды)’.

Комбинации 1 и 2 отражают локализацию по вертикали «верх – низ», которая может быть строгой, как в примере (206), или смещенной (пример (207)).

(206) ... *sehe ich unter dem Wagen nach und durchsuche den Kofferraum* ‘...Я посмотрю под машиной и обыщу багажник’ [taz].

(207) *Einer dieser Kerle lenkte gegen vier Uhr morgens seinen Viehtransporter auf den Rastplatz, parkte ihn unter einer Bogenlampe und verschwand in der Fernfahrerckeipe* ‘Один из этих парней около четырех часов утра завернул свой грузовик для перевозки скота на стоянку, припарковался под фонарем и исчез в забегаловке для дальнобойщиков’ [taz].

Наличие контакта в комбинациях 3 и 4 выводится из словарного определения, согласно которому *unter* обозначает «eine Stelle, Lage, in der jemand, etwas unmittelbar von etwas bedeckt, von etwas darüber Befindlichem unmittelbar berührt wird» ‘место, положение, в котором кто-либо, что-либо чем-либо покрыто, находится в непосредственном соприкосновении с чем-то, находящимся сверху’, «eine Bewegung an einen Ort, eine Stelle, wo jemand, etwas von etwas darüber Befindlichem unmittelbar berührt wird» ‘движение к месту, где что-нибудь, кто-нибудь будет находиться в непосредственном соприкосновении с чем-то, находящимся сверху’. Однако информация о контакте в приведенных примерах, по нашему мнению, выводится из знаний о мире, об обычном положении вещей по отношению друг к другу, а не из семантики предлога. Можно представить себе нестандартную ситуацию, когда, например, одеяло натянуто над кроватью, в этом случае контакт между локализуемыми объектами будет отсутствовать. Знание о контакте или его отсутствии выводится здесь из других элементов контекста, а не из семантики предлога. Приписывать семантике предлога положительное или отрицательное значение контакта можно в случаях типа *lampe на столе – лампа над столом*, в которых вопрос о наличии контакта решается в зависимости от употребленного предлога.

Отношение контакта не реализуется через семантику предлога также и в конструкциях *sich unter der Erde, unter Wasser befinden* ‘находиться под землей, под водой’. Эти конструкции обозначают то же положение вещей, что и конструкции с предлогом *in* ‘в’: *sich in der Erde, im Wasser befinden* ‘находиться в земле, в воде’. Предлог *in* здесь также не передает значение контакта между локализуемым и локализующим объектами, хотя его

наличие является обязательным условием соответствующей пространственной ситуации. Разница между конструкциями *sich in der Erde, im Wasser befinden* и *sich unter der Erde, unter Wasser befinden* заключается в том, что в первом случае без дополнительной контекстуальной информации остается неясным, является ли включение, которое выражает предлог *in*, полным или частичным. В конструкциях с предлогом *unter* этот вопрос решается однозначно: данный предлог позволяет сделать вывод о том, что локализуемый объект полностью закрыт локализующим.

Из сказанного следует, что контакт в семантике предлога *unter* специфицируется как возможный или допустимый.

Информация о «покрытии» локализуемого объекта локализующим связана, очевидно, с невозможностью зрительного восприятия объекта. Информация о недоступности зрительному восприятию особенно ярко проявляется в конструкциях предлога *unter* с глаголами типа *verstecken* ‘прятать’. Глаголы с такой семантикой имеют валентность, которая заполняется обстоятельством места – предложной конструкцией. Предлог в этой конструкции связан с глаголом отношениями свободного управления, т. е. теоретически после этого глагола может употребляться любой предлог с пространственным значением (*прятать в, за, между*). Однако как в немецком, так и в русском языке наблюдаются определенные ограничения на возможность употребления после глаголов рассматриваемого типа димENSIONАЛЬНЫХ предлогов. Если конструкции с предлогами *unter/nod* и *hint(er)/za* воспринимаются как соответствующие норме (например, *unter (hint(er)) dem Schrank verstecken/прятать под (за) шкафом*), то конструкции с предлогами *über/nad* и *vor/pered* – как сомнительные (ср.: ^{???} *über (vor) dem Schrank verstecken/прятать над (перед) шкафом*).

В контекстах, в которых реализуется признак недоступности зрительному восприятию, предлог указывает не на нижний регион локализуемого объекта, а на недоступный независимо от того, размещается ли он по вертикали. Например, в примере (208) регионом локализации, на который указывается при помощи конструкции *unter der Tapete* ‘под обоями’, является не нижняя, а задняя сторона локализуемого объекта, а соотносимые в пространстве объекты *Schimmel* ‘плесень’ и *Tapete* ‘обои’ расположены по горизонтали (ср. [88, с. 121]).

(208) *Wie lange dauert es, dass Schimmel falls er unter der Tapete ist, durch die Tapete durchkommt?* ‘Через какое время плесень, если она есть под обоями, пробьется наружу?’ [www.cosmiq.de/qa/show/850352/].

При локализации с помощью предлога *unter* может нарушаться когнитивное условие выбора релятума, согласно которому объект, им обозначаемый, больше размера локализуемого объекта. В примерах (209)–(211) наблюдается обратное положение вещей, что обусловлено коммуникативными интересами. В примере (210) *Akten* ‘папки’ локализируются относительно релятума *Achseln* ‘подмышки’, в (211) – *Boden* ‘земля, почва’ относительно *Füßen* ‘ноги’. В высказывании (209)

относительно релятума *Schüssel* ‘миска, блюдо’ определяется положение в пространстве действия *Nickerchen* ‘кратковременный спонтанный сон’. Пространственная картина дремлющих людей, которые прикрывают головы от солнца блюдами вместо шапок, восстанавливается на основании элементов контекста, а описание получается образным и компактным.

(209) *...das spontane Nickerchen läßt sich in Gambia an allen Ecken und Enden beobachten, sei es mitten auf dem quirligen Marktplatz neben einem Haufen Fischabfällen, unter einer leeren Schüssel als Sonnenhut, oder an einer der verkehrsreichsten Kreuzungen des Landes...* ‘...устроивших себе небольшой отдых и дремлющих (дословно: спонтанный кратковременный сон) в Гамбии можно увидеть на каждом углу, будь то посреди шумной рыночной площади возле кучи рыбных отходов, **под** пустой миской вместо шляпы от солнца или на самом оживленном перекрестке страны...’ [taz].

(210) *Die Richter klemmen ihre Akten unter die Achseln und entschwinden in ihre Büros* ‘Судьи зажимают папки **под** мышками и исчезают в кабинетах’ [taz].

(211) *Da mußte ich feste strampeln, natürlich immer mit angehaltener Luft, bis ich Boden unter den Füßen spürte* ‘Тогда мне пришлось барахтаться изо всех сил, конечно, задержав дыхание, пока я не почувствовал почву **под** ногами’ [taz].

Рассмотрим еще один фактор, релевантный для употребления предлога *unter*. Исследование показывает, что в немецком языке на выбор предлога для локализации по отношению к определенной категории релятумов оказывают влияние знания о пространственной ориентации обозначаемого ими объекта. Так, *unter* употребляется для локализации по отношению к именам, обозначающим нижнюю часть объекта (пример (212)). В немецком языке, помимо согласования между глаголом и предлогом относительно отношения контакта, обнаруживается согласование знаний об ингерентной ориентации объекта, обозначаемого релятумом, с предлогом относительно координат трехмерности, отраженных в языке.

(212) *Ab und zu kam ein Parkettschleifer, der sich Bürsten unter die Fußsohlen schnallte* ‘Иногда приходил паркетчик, который привязывал себе щетки к подошвам (дословно: под подошвы)’ [taz].

Как следует из перевода, для русского языка согласование между релятумом и предлогом по данному параметру в этом контексте не происходит: хотя русский димензиональный коррелят предлога *unter* – предлог *под* – также допускает наличие контакта, его употребление в приведенном контексте создает эффект избыточности. Информация о том, что локализуемый объект *щетки* находится снизу по отношению к релятуму *подошвы*, выводится из семантики релятума.

Во всех рассмотренных нами контекстах локализация осуществляется в проксимальном регионе релятума. Такая локализация обусловлена, в частности, возможностью контакта, которую допускает семантика *unter*. В случае отсутствия контакта речь также идет о проксимальном регионе:

локализуемый объект остается в зоне влияния локализующего. Отсюда следует логический вывод о близком расположении друг к другу соотносимых объектов. Хотя конструкции с данным предлогом не используются для обозначения отношения близкого расположения в пространстве (в отличие от конструкций с его русским коррелятом – предлогом *под*), близкое расположение как семантический признак, по нашему мнению, входит в семантическую структуру предлога *unter*, поскольку он эксплуатируется при фразеологизации пространственных конструкций. Например, нахождение на близком расстоянии обозначают такие фразеологизмы, как *jemandem etwas unter die Nase halten* ‘сунуть кому-либо что-либо под нос’, *unter jemandes Augen* ‘в присутствии кого-либо’, дословно: ‘под глазами’. Аналогично этому в фразеологизмах эксплуатируются и другие семантические свойства предлога *unter*: признак недоступности восприятию в конструкции *etwas unter der Hand machen* ‘делать что-либо в тайне от других’ (дословно: ‘делать под рукой’); признаки расположения снизу и возможности контакта в конструкции с тем же релятивом, но во множественном числе – *etwas unter den Händen haben* ‘работать с чем-либо’. В русском же языке в аналогичной конструкции *иметь что-либо под руками* (дословный перевод выражения *etwas unter den Händen haben*) проявляется признак расположения вблизи.

Перейдем к рассмотрению семантических особенностей предлога *под*, обозначающего вектор «низ» в русском языке.

4.3.2. Денотативная сфера предлога *под* в сравнении с немецким коррелятом

В русском языке ряду предлогов, обозначающих вектор «верх», противопоставлен только один димензиональный антоним – предлог *под*. Этот предлог может обозначать как стативные, так и дирекциональные отношения, управляя творительным и винительным падежами соответственно. Помимо локализации в отношении нижнего региона (*сидеть под столом, под кроватью*) данный предлог реализует отношение контакта в случаях, когда *под* указывает на «предмет, к основанию, к нижней части которого направлено действие» [Ефремова 2004], «предмет, к-рый поддерживается чем-н. снизу», как в выражениях *Держать бочку под дно, Взять под руку* [Ушаков 2005] (см. также исследование значения предлога *под* в [Плунгян 2000]). Денотативное пространство предлога *под* подобно денотативному пространству его немецкого коррелята – предлога *unter*. Оно может определяться как в соответствии со строгой вертикалью (пример (213)), так и со смещенной (пример (214)):

(213) *Вы знаете, больше всего меня покорило то, что в течение десяти дней, просматривая ведущие газеты, которые вам подсовывают под дверь, практически ни одного упоминания о России найти в этих газетах невозможно* [Завтра].

(214) Как сообщили «МК» в отделе милиции муниципального округа «Ломоносовский», причиной взрыва стала брошенная **под** дверь неизвестными злоумышленниками граната «РГД-5» [Московский комсомолец].

Регион локализации предлога *под* также может смещаться в сторону горизонтали, если реализуется признак недоступности зрительному восприятию, как в примере (215):

(215) Там **под** обоями прячутся обрезанные провода, а **под** штукатуркой или в подвале – заглушенные ржавые водопроводные трубы [С. Есин. Марбург (2005)].

Однако *über* обнаруживает несколько иные свойства при локализации по смещенной вертикали, чем *под*. Анализируя семантику *über*, мы приводили примеры контекстов со смещением вертикали, однако данное смещение возможно лишь в тех случаях, когда локализующий объект обладает выступающей частью. У дерева, например, такой частью является крона, у окна – подоконник и т. д. В примере (207), в котором локализация производится в отношении объекта «фонарь», присутствует эксплицитная информация о его форме – *Bogenlampe* – фонарь, имеющий изогнутую форму. Локализация в отношении подобных объектов – а в этих случаях речь идет об объектах, в норме располагающихся вертикально, – довольно часто встречается в немецком языке (например, *unter dem Baum* ‘под деревом’, *unter dem Fenster* ‘под окном’). Конструкции типа *unter der Wand* ‘под стеной’, *unter der Tür* ‘под дверью’, в которых объекты, обозначаемые релятумом, не имеют выступающих частей, отсылают к строгой вертикали. Этим они отличаются от коррелятивных конструкций русского языка, в которых денотативное пространство (строгая или смещенная вертикаль) определяется в зависимости от характера локализуемого объекта. Так, для выражения *цель под дверью* денотативное пространство определяется по строгой вертикали, это регион ниже нижней поверхности объекта, а для выражения *я стою под дверью* – по смещенной: это регион, задаваемый нижней частью боковой поверхности.

Очевидно, что необходимым когнитивным условием такой локализации является большая высота локализуемого объекта по сравнению с локализуемым: чтобы выражение *я стою под цветком* стало допустимым, необходимо представить себе ситуацию, в которой цветок выше меня. Расположение снизу вместе со знаниями о свойствах релятума ведут к стилистической окраске некоторых конструкций с *под*. Как отмечают [Плунгян 2000, с. 124], *стоять под дверью* обозначает униженное, зависимое положение стоящего. Однако эта стилистическая окраска проявляется только в тех контекстах, когда стоящий хочет, но по каким-либо причинам не может войти в дверь (пример (215)). В примере (216) реализуется только значение близкого нахождения.

(216) *А то я тут недавно выхожу из реанимации, под дверью женщина стоит, плачет, а на нее уборщица орет: отойди, мол, не видишь, полы мою!* [А. Берсенева. Возраст третьей любви (2005)].

(217) *Уперши глаза прямо на Лисса, громко, – вероятно, голос его слышала стоявшая под дверью охрана, – он сказал...* [В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)].

Анализ контекстов позволяет сделать вывод о том, что близкое расположение можно квалифицировать как семантический признак предлога *под*, который реализуется при локализации по смещенной вертикали. На наличие этого признака указывают элементы контекста. В примере (218) о близком расположении локализуемого объекта *юноша* к релятуму *дверь* свидетельствует быстрая смена региона локализации (*открывает мгновенно*); в примере (219) регион локализации *под окном* как более близкий наблюдателю противопоставляется региону *в зоне видимости из этого самого окна* как более удаленному.

(218) *На этот раз юноша открывает мгновенно, словно сидел под дверью* [О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)].

(219) *К безусловным плюсам относится хоть какая-нибудь зелень под окном или хотя бы в зоне видимости из этого самого окна* [Московский комсомолец].

В конструкциях с релятумами – названиями городов – признак НИЗ в семантике *под* нейтрализуется и предлог реализует только отношение близкого расположения (пример (220)). При нейтрализации дименционального признака происходит изменение характера региона локализации. В контекстах, в которых признак НИЗ является актуальным, локализуемый объект расположен в проксимальном регионе локализующего, т. е. в воспринимаемом пространстве, а в контекстах типа (220) – в воображаемом. Здесь *под* можно без ущерба для содержания заменить предлогами *недалеко от*, *рядом с*. Для примеров (218) и (219) замена *под* другим предлогом, обозначающим близкое расположение в проксимальном регионе (*у/возле двери*, *у/возле окна*), сопряжена с изменением интерпретации пространственной конфигурации объектов, так как регион локализации предлогов *у*, *возле* больше региона локализации предлога *под*.

(220) *Жили Савельевы на широкую ногу: купили трехэтажный коттедж под Москвой, ездили на дорогах иномарках – Lexus и Mercedes* [Р. Низамов. Российские богачи вывозят детей за границу, чтобы их не похитили дома // Комсомольская правда, 2011.04.28].

В заключение рассмотрим особенности реализации отношения контакта в конструкциях с *под*. Отношение контакта в семантике данного предлога подобно отношению контакта в семантике его немецкого коррелята, предлога *unter*: это возможный, но не обязательный контакт, не

ограниченный по площади. Пространственные ситуации, в которых *под* реализует отношение контакта, аналогичны описанным для предлога *unter*. Поскольку эти пространственные ситуации подробно обсуждались выше, мы остановимся на некоторых особенностях сочетаемости предлога *под* при реализации рассматриваемого отношения.

Так, выявлена тенденция к употреблению *под* при указании на контакт с нижней стороной объекта не с наименованием самого объекта, а с именами-вещепризнаками *низ*, *дно*. В ряде случаев употребление этих существительных в качестве релятивов связано с уточнением положения локализирующего объекта. В примере (221) локализация *под дном бочки* подразумевает вертикальное расположение локализирующего объекта, в то время как конструкция *под бочкой* оставляет вопрос о вертикальном или горизонтальном положении этого объекта открытым.

(221) *Под дно бочки со сбитнем купец подкладывал монетку, для пущей торговой удачи* [А. Балдин. Московские праздные дни (1997)].

В примерах (222) и (223) конструкции *под дном палатки* и *под палаткой* обозначают разные пространства локализации. В первом случае речь идет о регионе, задаваемом нижней наружной стороной объекта *палатка*, во втором – о его внутреннем регионе:

(222) *При ночевке на льду или на снегу будет холоднее снизу, чем сверху, поэтому на дно палатки следует положить все, что возможно: веревку, расстелив ее равномерно по полу, штормовки, рюкзак; в зимних походах под дно палатки подкладывают лыжи, – словом, все, что есть под руками* [Л. Гутман и др. Техника альпинизма (1939)].

(223) *Время от времени доктора выбирались из палаток на свежий воздух, который вдыхали в себя, как жуки на песке; курили, созерцая хороший солнечный день и голубое небо, затаиваясь столько же из удовольствия, сколько и из гигиенической предосторожности, и затем опять ныряли под палатку осматривать, перевязывать, резать* [В. В. Верещагин. Литератор (1894)].

Если в примерах (221)–(223) употребление *под* с наименованием целого объекта или с наименованием его нижней стороны связано с особенностями интерпретации пространственной ситуации, то в контекстах типа (224) и (225) *под* может употребляться только с существительными *дно*, *низ*. Употребление в этих контекстах в качестве релятива наименования целого объекта, а не его части представляется сомнительным (ср.: **ударил под коробку*, **поддал под посудину*).

(224) *И прежде чем женщина успела ответить ему, он собрал все свои силы и кулаком правой руки ударил снизу под дно коробки* [Н. Никандров. Проклятые зажигалки (1920–1929)].

(225) *Он аккуратно поддал под дно посуды, так, что пробка только наполовину вышла из горлышка, и исчез, как бы уносясь по воздуху* [Б. Губер. Осколки (1927)].

Очевидно, что и здесь употребление в качестве релятивов существительных *ниж*, *дно* приписывает локализуемому объекту ориентацию по вертикали и уточняет актуальный регион локализации. В противном случае из контекста непонятно, какую позицию в пространстве – вертикальную или горизонтальную – занимает локализуемый объект. Выборочные опросы информантов – носителей русского языка, а также носителей немецкого языка, которым соответствующие конструкции предъявлялись в переводе, позволяет сделать вывод о том, что без уточнения локализации с помощью имен типа *дно*, *ниж* положение локализуемого объекта может интерпретироваться как горизонтальное, даже если в норме эти объекты занимают вертикальное положение.

В конструкциях с предлогом *под*, как и в конструкциях с его немецким коррелятом *unter*, часто наблюдается нарушение правила выбора локализуемого и локализуемого объекта, согласно которому первый представляет собой фигуру, а второй – фон. Примером этому может служить выражение *лошадь под седлом*. В. А. Плунгян и Е. В. Рахилина приводят другие примеры таких нарушений – *Пол под ногами ходил ходуном*; *Бумага под пером слегка поскрипывала* [88, с. 124–126]. Авторы объясняют это явление доминирующей ролью, которую локализуемый объект играет по отношению к локализуемому объекту. Доминирующая роль по-разному проявляется в зависимости от характера локализуемого объекта, обозначаемого релятивом. В конструкциях типа *пол под ногами*, *дорога под колесами*, по мнению авторов, она заключается в активном воздействии локализуемого объекта на локализуемый. В других контекстах, например, *стоять под дверью*, *жить под забором*, доминирующая роль релятива может привести к стилистической окрашенности конструкции.

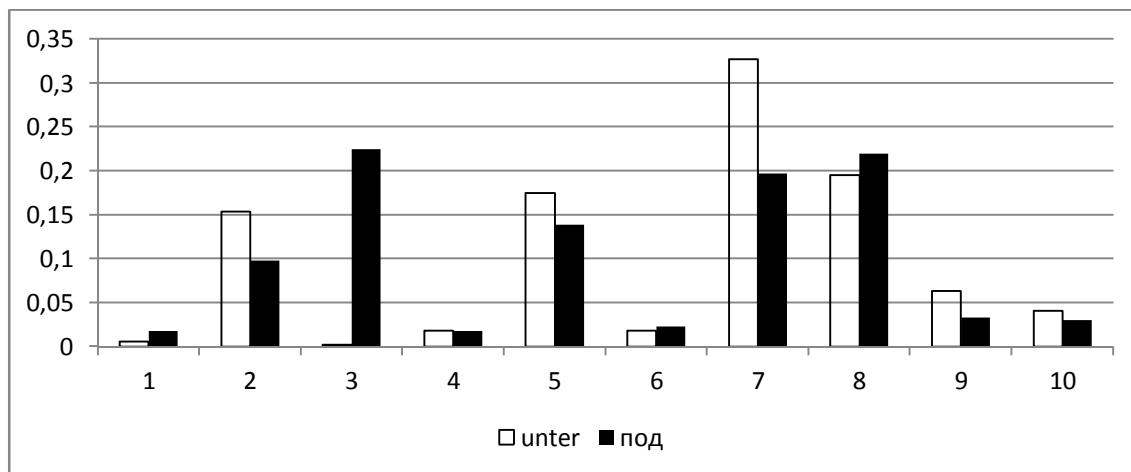
Понятие доминирующей роли локализуемого объекта кажется нам весьма дискуссионным. Конструкции, в которых наблюдаются описанные нарушения, как правило, имплицитно подразумевают дополнительные смыслы, характер которых каждый раз уточняется за счет контекста. Здесь, как и в случае с предлогами *in*, *в* (конструкции типа *in Schuhen/в ботинках*, см. § 3.1), имеет место идиоматизация предложных конструкций, которые в данном случае не служат для описания пространства, являясь квазипространственными. Употребление квазипространственных предложных конструкций позволяет достичь определенных коммуникативных эффектов, некоторые из них упоминались нами выше – компактность и объективация описания, формирование коммуникативного фокуса. Впрочем, коммуникативная роль предложных конструкций не может быть исчерпывающе освещена в настоящей работе и должна стать предметом отдельного исследования.

Завершая анализ семантических свойств *unter* и *под*, отметим, что семантическая структура этих языковых единиц обнаруживает по сравнению с другими немецкими и русскими коррелирующими предлогами намного больше общих характеристик. В обобщенном виде данные характеристики представлены в табл. 23.

Семантические признаки предлогов *unter* и *под*

Семантические признаки	<i>unter</i>	<i>под</i>
Локализация в воображаемом пространстве	-	-
Локализация в воспринимаемом пространстве	+	+
Спецификация региона: проксимальный регион	+	+/-
Спецификация региона: нижний регион (строгая вертикальность)	+	+
Спецификация региона: нижний регион (смещенная вертикальность)	(+)	(+)
Спецификация региона: скрытая (недоступная) сторона локализующего объекта	+	+
Топологические отношения: контакт	+/-	+/-
Топологические отношения: расположение вблизи	+	+
Дирекциональные отношения	+	+

Сходство семантической структуры предлогов *unter* и *под* отражается и в сходстве их дистрибуции (рис. 31). За исключением класса «Геополитические объекты», наименования которой являются наиболее частотными для предлога *под* и наименее частотными для предлога *unter*, дистрибуция этих предлогов с остальными классами объектов коррелирует как в отношении частотности, так и в отношении равномерности распределения. К частотным для обоих предлогов относятся наименования классов «Геофизические объекты» (релятумы типа *Baum/дерево*, *Erde/земля*, *Sonne/солнце*, *Wasser/вода*, *Himmel/небо*), «Ограниченно подвижные артефакты» (например, *Tisch/стол*, *Decke/одеяло*, *Kissen/подушка*, *Matratze/матрац*), «Части зданий» (*Balkon/балкон*, *Dach/крыша*, *Fenster/окно*, *Kuppel/купол* и др.). Примечательно, что наименования частей зданий встречаются в конструкциях с *unter* и *под* гораздо чаще, чем наименования самих зданий (для *unter* наименования этих классов составляют 17,5 и 1,8%, для *под* – 13,9 и 1,8% соответственно), а наименования частей тела – чаще, чем наименования человека или животных (15,4 и 0,6% для *unter* и 9,8 и 1,8% для *под*).

Легенда: 1 – «Человек», 2 – «Части тела», 3 – «Геополитические объекты», 4 – «Здания», 5 – «Части зданий», 6 – «Транспорт», 7 – «Ограниченно подвижные артефакты», 8 – «Геофизические объекты», 9 – «Пути», 10 – «Вещепризнаки».

Рис. 31. Относительная частота употребления предлогов *unter* и *под* с наименованиями классов объектов

Рассмотрим особенности употребления предлогов *unter* и *под* для локализации по отношению к наименованиям геополитических объектов. Во-первых, не обнаружено ни одного контекста, в которых бы эти предлоги употреблялись с названиями стран. Это вполне согласуется с их семантическим свойством локализовать в воспринимаемом пространстве. Оба предлога употребляются в конструкциях с наименованиями городов, для *под* соответствующие релятивы составляют 22,5% от всех контекстов с пространственным значением, для *unter* – 0,2% (табл. 24). В такой дистрибуции находит отражение семантическое свойство предлога *под* передавать информацию о расположении вблизи (*под Москвой, под Полтавой*).

Локализация может осуществляться также и по отношению к нижнему региону объекта *город*, который выделяется в соответствии с гравитационной вертикалью. Именно в этой функции употреблен предлог *unter* в примере (226). Предлог *под* также может употребляться в такой функции, однако подобная локализация встречается очень редко в силу ее специфичности. Соответствующие контексты в нашем исследовательском корпусе не представлены, они обнаружены в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка. Здесь из 137 вхождений конструкции *под городом* локализация в отношении нижнего региона представлена только в трех (пример (227)).

(226) *Der Fluß, der heute unter der Stadt durchfließt, ist der Hauptstrang der Brüsseler Kanalisation* ‘Река, которая протекает сегодня под городом, является основным руслом канализации Брюсселя’ [taz].

(227) *Из-за особенностей почвы тоннели под городом можно рыть только в толще кембрийских глин, то есть на глубине 50-100 м* [Накрыло «по-юбилейному». Трехсотое наводнение в Петербурге // РИА Новости, 2006.10.28].

Частотный ранг наименований классов объектов,
употребляемых с предлогами *unter* и *под*, %

№	<i>unter</i>		<i>под</i>	
1	Ограниченно подвижные артефакты	32,7	Геополитические объекты	22,5
2	Геофизические объекты	19,5	Геофизические объекты	22
3	Части зданий	17,5	Ограниченно подвижные артефакты	19,7
4	Части тела	15,4	Части зданий	13,9
5	Пути	6,3	Части тела	9,8
6	Вещепризнаки	4,1	Пути	3,3
7	Здания и сооружения	1,8	Вещепризнаки	3
8	Транспортные средства	1,8	Транспортные средства	2,3
9	Человек	0,6	Человек	1,8
10	Геополитические объекты	0,2	Здания и сооружения	1,8

При сходстве дистрибуции и семантической структуры сравниваемых предлогов существенно отличается их частотный ранг: в частотном списке пространственных предлогов *unter* занимает шестнадцатую позицию, а *под* – девятую. Обнаруживается разница и в соотношении пространственных и непространственных употреблений данных предлогов. Если доля употреблений *unter* для описания пространства составляет 44,5% от всех зафиксированных контекстов, то доля пространственных употреблений *под* – только 16,4%. Более высокая частотность русского предлога объясняется меньшей спецификацией его семантики, в том смысле, что данный предлог, в отличие от своего немецкого коррелята, не выдвигает отдельных требований к форме релятума (наличие выступающей части) и, как следствие, может употребляться для обозначения большего количества пространственных ситуаций.

Анализ предлогов, обозначающих вектор «снизу», позволил сделать некоторые интересные наблюдения. Во-первых, связь между семантикой предлога и зрительным восприятием, установленная ранее для предлогов *vor* и *перед* [261], обнаруживается и для предлогов *unter* и *под*. Во-вторых, пример (212) наводит на мысль о различиях между сравниваемыми языками в требованиях к согласованию между знаниями о пространственной организации объекта и возможностью употребления с их наименованиями димензиональных предлогов. Ранее нами отмечалась тенденция к согласованию информации о димензиональном векторе в семантике

предлога и в семантике релятума: существительные, обозначающие ингерентные димензиональные стороны локализующего объекта употребляются с предлогами, обозначающими ту же димензиональную сторону (ср.: *перед лицом, за спиной* при сомнительности ^{???}*за лицом, ??? перед спиной*). Вероятно, в немецком языке эта тенденция проявляется сильнее.

Наконец, на основании имеющихся данных можно сделать предположение о роли семы ДИРЕКЦИОНАЛ для развития предложных рядов. Как показывает исследование, при наличии этой семы в семантике первообразного димензионального предлога в языке не фиксируются другие предлоги, которые бы обозначали тот же вектор. И, наоборот, при отсутствии данной семы у первообразного предлога развивается предложный ряд, между единицами которого «перераспределяются» различные комбинации сем с наличием или отсутствием дирекциональных отношений. В последующих параграфах мы выясним, насколько сделанные наблюдения справедливы для других димензиональных предлогов.

4.4. Проблема идентификации денотативного пространства предлогов, обозначающих вектор «спереди – сзади»

Для обозначения полюсов горизонтали «спереди – сзади» в сравниваемых языках употребляется разное количество предлогов, так же, как и в случае с предлогами, обозначающими полюса вертикали «верх – низ». В немецком языке локализация в отношении полюса «спереди» осуществляется при помощи первообразного предлога *vor*, в русском – при помощи первообразного предлога *перед* и двух непервообразных предлогов – *впереди* и *спереди*. Полюс «сзади» в немецком языке обозначается первообразным предлогом *hinter*, в русском – первообразным предлогом *за* и непервообразными предлогами *сзади* и *позади* (рис. 32). Регионы локализации предлогов *vor*, *перед*, *впереди*, *спереди* определяются относительно лицевой стороны локализующего объекта. Так, *vor*, согласно Duden-online, означает местонахождение «auf der Vorderseite, auf der dem Betrachter oder dem Bezugspunkt zugewandten Seite einer Person, Sache» ‘с передней стороны, со стороны лица или предмета, обращенной к наблюдателю или точке отсчета’. Немецкий предлог может обозначать также отношение перемещения в описанный регион. Предлог *перед* не выражает дирекциональных отношений, а обозначает, согласно толковому словарю Д. Н. Ушакова, расположение «в том месте, куда обращена передняя часть, лицо кого-чего-н., впереди, напротив кого-чего-н.», согласно словарю С. И. Ожегова – «на некотором расстоянии от лицевой стороны чего-н., напротив кого-чего-н.». Сходные толкования получают и предлоги *спереди* (словарь С. И. Ожегова: «то же, что перед кем-чем-н.»; словарь

лингвистов и психолингвистов. Такое внимание обусловлено, в первую очередь, неоднозначностью ориентации с их помощью. Выражение *Остановиться перед вокзалом* может указывать как на пространство, примыкающее к фронтальной стороне здания вокзала (*Газетный киоск находится перед вокзалом*), так и на сторону, которая будет восприниматься первой при движении (*Поезд остановился перед вокзалом*). Еще труднее определить область пространства, на которую указывает языковая единица, если речь идет об объектах, не имеющих ингерентной (маркированной) фронтальной стороны (например, дерево, мяч).

Существует мнение, что наличие либо отсутствие ингерентной фасадной стороны влияет на сочетаемость русского предлога *перед* с наименованиями объектов [4; 10; 12]. Это подтверждается и нашим исследованием [261], согласно которому отсутствие у локализуемого объекта ингерентной фасадной стороны накладывает нестрогие ограничения на его сочетаемость с *перед* (ср.: [?]*туча перед солнцем*, [?]*лодка перед островом*). Однако такое ограничение на сочетаемость характерно только для русского языка. В немецком языке коррелирующий предлог *vor* способен в равной степени употребляться с релятумами, обозначающими и ингерентно ориентированные объекты, и объекты без такой ориентации.

Возникает вопрос, каким общим знанием должны руководствоваться говорящий и слушающий, если говорящий употребляет предлоги *vor*, *перед* в отношении какого-либо объекта и слушающий понимает, какая сторона релятума используется для локализации и выступает в качестве передней. Это означает, что оба должны располагать конвенцией об исходной точке ориентации, которая служит для определения пространства локализации предлогов типа *vor/перед*. Труды, посвященные исследованию семантики таких предлогов, как *vor* и *перед*, направлены в основном на выявление факторов, обуславливающих выбор исходной точки ориентации. Поскольку результаты этих изысканий важны для настоящей работы, мы кратко изложим суть основных из них.

В психологии и психолингвистике исходная точка ориентации называется *origo*. Существует несколько определений этого понятия. Наиболее известным является определение К. Бюлера, в котором ориго обусловлено тремя факторами – «я», «здесь» и «сейчас», причем посредством «здесь» и «сейчас» связываются пространство и время. В работах по пространственной лингвистике ориго применяется для объяснения выбора перспективы ориентации и имеет, следовательно, только пространственные характеристики. Й. Грабовский, автор одного из самых значимых трудов по данной проблематике, трактует ориго как функциональную абстракцию антропоморфного объекта «я», задающую точку зрения [181, S. 76]. Точка зрения определяет перспективу, в которой воспринимаются или воображаются пространственные отношения. Ориго не является какой-либо отмеченной точкой в пространстве. Это всегда либо сам человек, познающий пространство, либо результат его ментальной проекции

на актуальный или воображаемый объект по антропоморфному принципу [там же, S. 120]. Пространственный объект, в котором находится или в который проецируется ориго, является *ориго-инстанцией* (у Й. Грабовского – *origo-gebende Instanz*). Ориго-инстанция задает перспективу, в которой воспринимается пространственная ситуация. С точки зрения ориго-инстанции *vor/перед* соотносят со стороной, которая находится ближе к наблюдателю, является более доступной. *Hinter/за* указывает, соответственно, на сторону, ей противоположную, удаленную, менее доступную.

Стратегии размещения ориго в психолингвистике называют *системами отношений* (СО). Существует немало попыток путем исследования и описания СО объяснить употребление пространственных языковых выражений, в частности димензиональных предлогов. Далее мы остановимся лишь на трех, наиболее известных СО.

4.4.1. ДИ-дихотомия

СО, которая получила название *дейктически-интринзическая дихотомия*, или *ДИ-дихотомия* (*deiktisch-intrinsische Dichotomie*), предполагает две возможности перспективизации пространства языковыми средствами: в дейктической⁴¹ перспективе и в интринзической. Для немецкого языка ДИ-дихотомия была разработана В. Эрих [168]. Двум перспективам она дает следующее определение: «В дейктической перспективе говорящий или наблюдатель делает себя или свою визуальную ориентацию исходной точкой описания, в интринзической перспективе единственной исходной точкой для ориентации являются ингерентные свойства объекта, в отношении которого производится локализация» [там же, S. 132]. В качестве примера В. Эрих приводит изображение игрушечной комнаты с наблюдателем (рис. 33). В комнате находятся (наряду с прочими предметами) письменный стол и стул.

В интринзической перспективе стул располагается *перед* (*vor*) письменным столом, поскольку он стоит возле его фронтальной стороны. В дейктической перспективе существуют две возможности описания этой пространственной ситуации: нарисованный наблюдатель комнаты и потенциальный наблюдатель рисунка (читатель) зрительно воспринимают

---

⁴¹ Традиция употребления терминов «дейктический» и «интринзический» в отношении пространственной ориентации в языке восходит, очевидно, к Г. Миллеру и П. Н. Джонсон-Лэрду [226]. Использование в данном случае термина «дейктический» неоднократно подвергалось критике как не совсем адекватное [183, S. 82–87], не отвечающее понятию *дейксис*, как его интерпретировал К. Бюлер. Поскольку наша работа преследует цель представить различные взгляды на перспективизацию пространства языковыми средствами, мы используем этот термин в том смысле, в каком его использовали Г. Миллер и П. Н. Джонсон-Лэрд.

данную ситуацию с противоположных сторон. С точки зрения нарисованного наблюдателя, стул будет также находиться *перед* (*vor*) столом. С точки же зрения читателя, стул находится *за* (*hinter*) столом, поскольку соотносится с более удаленной от читателя стороной релятума. Таким образом, интринзическая перспектива является константной и не зависит от позиции наблюдателя, дейктическая – напротив, определяется этой позицией.

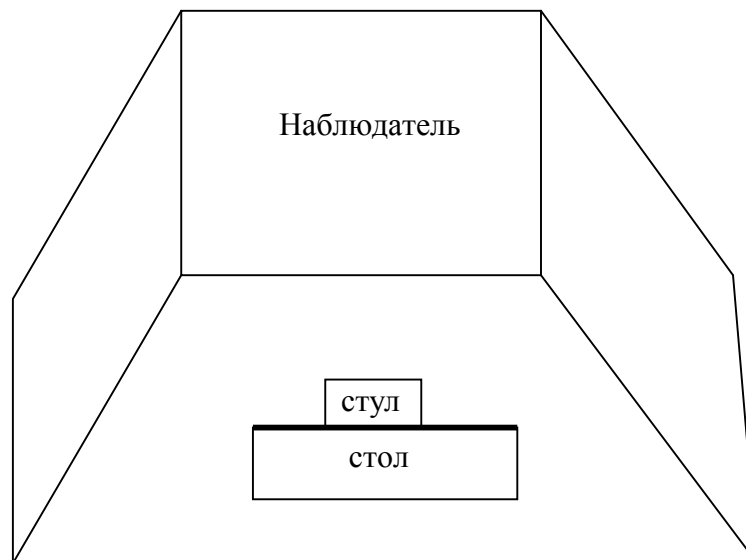

Рис. 33. Схема игрушечной комнаты, по В. Эрих

Итак, интринзическая СО предполагает ориентацию в отношении объектов, которые имеют выделенную фронтальную сторону (ингерентно ориентированные объекты). В свое время было выдвинуто предположение, что при описании пространственных ситуаций подобные объекты выступают в качестве ориго-инстанции в первую очередь, говорящий предпочитает описывать ситуацию в их перспективе [226]. Следовательно, в интринзической перспективе *vor/перед* указывают на пространство, которое соотносится с конкретной, имеющей ингерентные признаки, фронтальной стороной релятума. Эта сторона и соотносимое с ней пространство не зависят от позиции наблюдателя/говорящего. Пространство, задаваемое предлогами *hinter/за*, соотносится с противоположной стороной и также не изменяется с изменением позиции говорящего. По мнению А. Фридеричи, любая локализация, в которой ориго-инстанцией выступает не говорящий, является интринзической [177]. В дейктической перспективе *vor/перед* указывают на ту сторону релятума, которая расположена к говорящему/наблюдателю ближе остальных и более доступна для восприятия.

В эксперименте с кукольной комнатой В. Эрих ставит задачу определить взаимосвязь между выбором интринзической или дейктической перспективы и пространственными свойствами релятумов. Лицам, принимавшим участие в эксперименте, предлагалось описать расположение мебели в нарисованной комнате. Результаты исследования показали, что, несмотря на то, что большинство предметов мебели в комнате имеют ингерентную фронтальную сторону, при описании расположения этих предметов предпочтение отдавалось дейктической перспективе (например, большинство опрошенных разместили стул *за* столом, а не *перед* ним). Данный результат противоречит предположению Г. Миллера и П. Н. Джонсон-Лэрда, что при локализации в отношении объектов с ингерентной фронтальной стороной доминирует интринзическая перспектива. В. Эрих дает следующее объяснение подобному противоречию: она ставит выбор перспективы и, следовательно, использование того или иного дименционального предлога в зависимости от требований организации дискурса: «Необходимость найти в интересах слушателя по возможности единую схему описания задает условия для выбора перспективы» [168, S. 160]. Возможно, что в другом типе дискурса будет выбрана другая перспектива.

СО, предложенная В. Эрих, имеет один существенный недостаток – в ней не учитывается позиция слушающего или любой третьей инстанции, которая вовлечена в пространственную ситуацию.

4.4.2. 6Н-модель

Т. Герман и К. Швайцер [195; 197] подвергают критике ДИ-дихотомию как модель языковой ориентации и указывают на то, что в ней не учитываются многие случаи языкового структурирования пространства. В первую очередь это касается ситуаций, в которых присутствует адресат высказывания. Исходной точкой ориентации в пространстве может выступать не только говорящий или локализуемый объект, но и некоторая третья инстанция. Т. Германом и К. Швайцером учтены эти три возможности выбора исходной точки ориентации – *модель шести основных вариантов (das Sechs-Hauptvarianten-Modell, 6Н-модель)*. Авторы предпринимают попытку отразить с помощью этой модели позицию слушающего и подвергнуть дименциональные языковые выражения более дифференцированному анализу. В качестве примера приводится изображение пространственной ситуации, которая включает не только локализуемый и локализуемый объекты (пассатижи и машина соответственно), но и говорящего, слушающего, а также третье лицо [197, S. 43] (рис. 34).

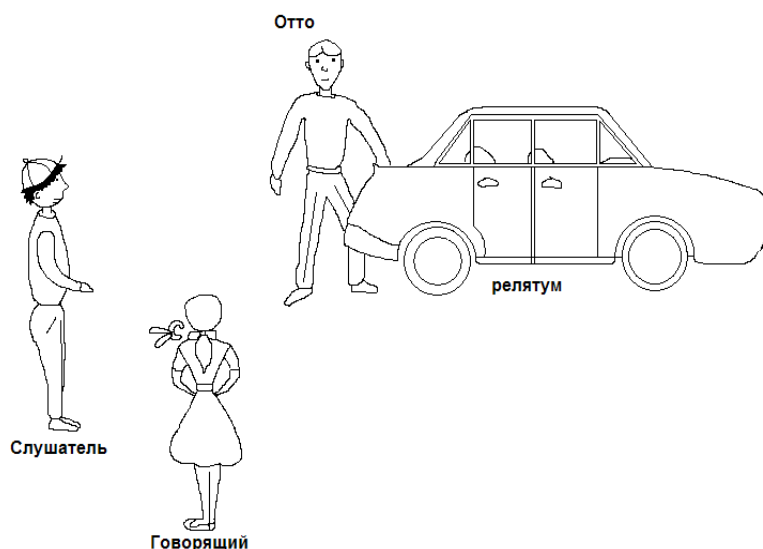

Рис. 34. Изображение пространственной ситуации, по Т. Герману и К. Швайцеру

В 6Н-модель входят следующие варианты ориентации в пространстве с помощью языковых выражений [там же, S. 51]:

- локализация на основе трех точек в пространстве, при которой исходной точкой ориентации выступает говорящий (*Die Zange liegt [von mir aus] links vom Auto* ‘Пассатижи [из моей перспективы] лежат слева от машины’);
- локализация на основе трех точек в пространстве, при которой исходной точкой ориентации выступает слушающий (*Die Zange liegt [von dir aus] vor vom Auto* ‘Пассатижи [из твоей перспективы] лежат перед машиной’);
- локализация на основе трех точек в пространстве, при которой исходной точкой ориентации выступает третье лицо (*Die Zange liegt [von Otto aus] rechts vom Auto* ‘Пассатижи [из перспективы Отто] лежат справа от машины’);
- локализация на основе двух точек в пространстве, при которой исходной точкой ориентации выступает говорящий (*Die Zange liegt vor mir* ‘Пассатижи лежат передо мной’);
- локализация на основе двух точек в пространстве, при которой исходной точкой ориентации выступает слушающий (*Die Zange liegt vor dir* ‘Пассатижи лежат перед тобой’);
- локализация на основе двух точек в пространстве, при которой исходной точкой ориентации выступает третье лицо (*Die Zange liegt hinter dem Auto* ‘Пассатижи лежат за машиной’ – *Die Zange liegt vor Otto* ‘Пассатижи лежат перед Отто’).

Данная модель также опирается на классификацию пространственных объектов в соответствии с наличием либо отсутствием у них интринзической ориентации. Интринзически ориентированные объекты, в свою очередь, подразделяются на средства передвижения (Vehikelobjekte), например машины, и противопоставленные объекты (Gegenüberobjekte) – предметы мебели, приборы. Т. Герман и К. Швайцер предполагают, что средства передвижения могут выступать в качестве ориго-инстанции и использоваться при локализации с опорой на две точки в пространстве. Локализация по отношению к противопоставленным объектам происходит из перспективы «канонического наблюдателя», т. е. из обычной перспективы восприятия данных объектов. Таким образом, исследователи пытаются создать таксономию всех возможных языковых реализаций некоторой пространственной ситуации, которая характеризуется набором определенных признаков (ориентация объектов, количество участников и т. д.).

Модель Т. Германа и К. Швайцера на практике оказывается, с одной стороны, слишком громоздкой, с другой – не совсем объективной, поскольку базируется не на определенном множестве пространственных ситуаций и аутентичных высказываний, их описывающих, а на единичных, конструируемых авторами примерах. Применение бН-модели для анализа языкового материала в обратном направлении, т. е. для интерпретации языковых выражений, представляется затруднительным, поскольку зачастую контекстом не задается позиция наблюдателя либо он вовсе отсутствует в описании.

4.4.3. Интринзический и экстринзический варианты ориентации

Проблема интерпретации высказываний с дименциональными предложными конструкциями с несколько иных позиций решается с помощью модели ориентации Й. Грабовского. Как и В. Эрих, он использует дихотомию внешней и внутренней перспектив. Понятие внешней, или экстринзической, перспективы применяется им вместо понятия дейктической перспективы, это более широкое понятие: дейктическая перспектива является одним из видов экстринзической [181]. На первый взгляд, внешняя и внутренняя перспективы у Й. Грабовского в принципе соответствуют дейктической и интринзической перспективам, о которых писала В. Эрих, однако между ними есть существенное различие: Й. Грабовский не ставит выбор перспективы в зависимость от пространственной ориентации объектов-релятумов. Считается, что обе перспективы могут быть применены как к объектам с ингерентной ориентацией по первой горизонтали, так и к объектам, которые такой ориентации не имеют. Соответственно, если ориго находится в релятуме, то речь идет о внутренней перспективе, если вне релятума – то о внешней [181, S. 121].

Если В. Эрих в своем эксперименте исследует выбор предлогов для локализации при порождении высказываний, то Й. Грабовский анализирует интерпретацию уже готовых высказываний. Он моделирует две ситуации на дороге [там же, S.181]. В первой ситуации слушающий – водитель – и сидящий рядом с ним говорящий находятся в движущейся машине (рис. 35).

Говорящий просит слушающего остановиться *перед* (*vor*) или соответственно *за* (*hinter*) грузовиком. Ориентация грузовика обозначена стрелкой. В этом случае у слушающего есть две возможности: если он выберет в качестве исходной точки для ориентации грузовик (внутренняя перспектива), то он должен остановиться в области 3. Если будет выбрана внешняя перспектива и он сам или говорящий послужат ориго-инстанцией, то остановиться нужно будет в области 1. Заданы также условия коммуникации: у одной части опрашиваемых речь шла об экзамене на водительские права, у другой – о поездке домой. В условиях экзамена большинство опрошенных на просьбу остановиться *перед* грузовиком принимает за исходную точку ориентации грузовик – ингерентно ориентированный объект, и указывает на область 3. Другая картина возникла в условиях поездки домой: почти половина опрошенных интерпретировала высказывание во внешней перспективе (перспективе говорящего или слушающего) и указала на область 1 как на пространство *перед* грузовиком. Из этого автор делает вывод, что в официальных условиях преимущество отдается внутренней перспективе. При изменении коммуникативной ситуации, например в неофициальных условиях, возрастает значение ориентации во внешней перспективе.

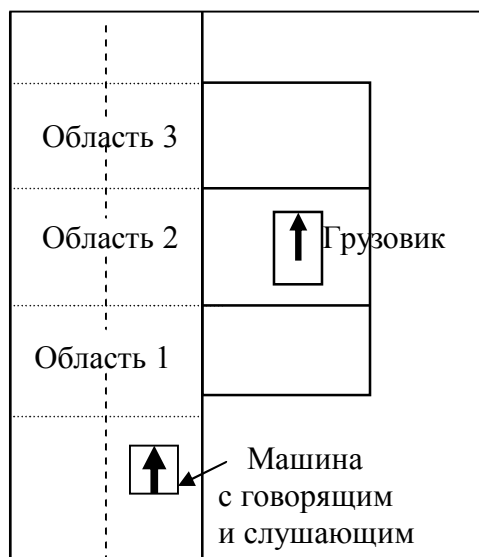

Рис. 35. Схема ситуации на дороге, по Й. Грабовскому

Во второй ситуации Й. Грабовский заменил ингерентно ориентированный релятум *грузовик* на релятум без маркированной фронтальной стороны – *дерево*. В этом случае и в ситуации экзамена, и в ситуации

поездки домой в качестве пространства *перед* (*vor*) деревом большинство указывало на область 1, таким образом интерпретировав высказывание во внешней перспективе.

Результаты, полученные Й. Грабовским, показывают, что выбор исходной точки ориентации, а с ним и интерпретация предлога, могут зависеть как от пространственной ориентации релятума, так и от коммуникативной ситуации, что в целом подтверждает и предположение Г. Миллера, П. Н. Джонсон-Лэрда, и выводы В. Эрих.

Давая оценку этим и подобным психолингвистическим исследованиям, можно резюмировать, что в данных работах авторы исходят из общего методологического посыла в рассмотрении соотношения *пространство – язык*: языковые пространственные отношения рассматриваются в перспективе «от пространства к языку» – пространственные отношения сначала воспринимаются человеком, а потом описываются в языковых выражениях. Выбор того или иного языкового выражения для передачи определенных пространственных отношений зависит от перспективы, в которой говорящий рассматривает эти отношения [220, S. 188]. Однако объяснить неоднозначность пространственной ориентации, которую обнаруживают выражения с дименциональными предлогами, за счет СО как психологического феномена оказывается даже в рамках одного языка весьма проблематично, поскольку в нем лингвистический фактор отодвигается на второй план.

Проведенные нами сопоставительные исследования пространственных выражений с данными языковыми единицами в немецком и их коррелятами в русском языке показали, что в отношении некоторых классов релятумов в русском и немецком языках в одних и тех же пространственных ситуациях регулярно используются разные перспективы описания, что выражается в употреблении предлогов-антонимов из коррелирующих пар в художественном переводе. Рассмотрим примеры из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его перевода на немецкий язык.

(228) ...в комнату через широкопетлистую и легкую решетку... хлынуло солнце. *За* решеткой [взору Ивана] открылся балкон, за ним берег извивающейся реки и на другом ее берегу – веселый сосновый бор (с. 359).

(228a) *Durch das großmaschige, leichte Gitter... flutete Sonne ins Zimmer. Vor dem Gitter sah Iwan einen Balkon, ein Ufer eines sich schlängelnden Flusses und am anderen Ufer einen fröhlichen Kiefernwald* (S.110).

В примере (228) ситуация описывается во внешней перспективе с использованием предлога *за*, при переводе же данного выражения на немецкий язык в (228a) ситуация передается во внутренней перспективе, о чем свидетельствует употребление предлога *vor* (дословно *перед*). Поскольку такие примеры не единичны (ср. также *vor die Tür setzen* ‘выставить за дверь’, *vor der Stadt* ‘за городом’, *es regnet vor dem Fenster* ‘за окном дождь’), напрашивается вывод о том, что носители немецкого языка независимо от типа дискурса и условий коммуникации в силу каких-то причин отдают предпочтение внутренней перспективе, а носители рус-

ского – внешней. В связи с этим возникает вопрос, лежит ли природа этих причин в лингвистической плоскости (семантика языковых единиц) или же они обусловлены психологическими факторами (выбор исходной точки ориентации). Пытаясь ответить на поставленные вопросы, мы провели несколько экспериментов, результаты которых приводятся ниже.

Эксперимент 1. Основанием для эксперимента послужило наблюдение, что в научных источниках при изображении пространственной ориентации объектов в виде схемы вектор «перед» у авторов – носителей разных языков – имел разную направленность. Всего наблюдались три основных варианта изображения (рис. 36).

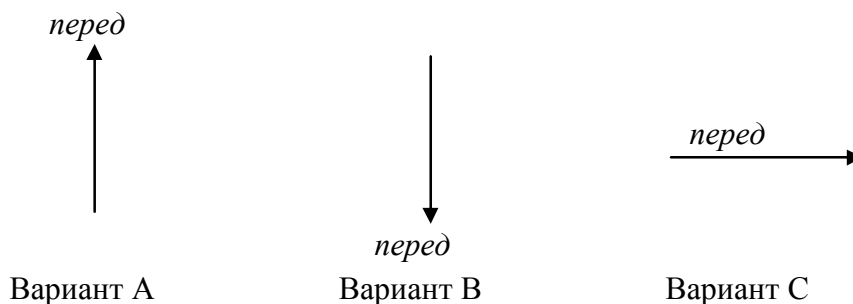

Рис. 36. Варианты схематичного изображения вектора «перед»

Очевидно, что направленность стрелки в разных вариантах зависит от выбора исходной точки ориентации и перспективы. В варианте А наблюдатель переносит собственную ориентацию на воображаемый объект (лист бумаги), который и выступает в качестве исходной точки ориентации. В варианте В исходной точкой ориентации служит сам наблюдатель, в его перспективе наиболее доступная для восприятия сторона воображаемого объекта обозначается как передняя. Вариант С отражает, очевидно, стандартное направление движения слева направо, например, при чтении или письме, осмысливаемое как движение вперед.

Если верно предположение, что носители русского и немецкого языков при выборе исходной точки ориентации отдадут предпочтение разным перспективам, то это должно находить отражение при схематическом изображении объектов носителями разных языков. Основываясь на этом предположении, мы предложили информантам (носителям немецкого и русского языков) приписать чистому листу бумаги ориентацию в виде векторов «спереди – сзади», «слева – справа», при этом возможные варианты ориентации не назывались. Всего было опрошено 44 носителя немецкого и 52 носителя русского языка. Результаты эксперимента отражены в табл. 25.

Как следует из таблицы, большинство русскоговорящих и немецкоговорящих информантов отдали предпочтение варианту А (соответственно 65,4 и 59%). Значительно реже использовался вариант В (26,9 и 38,6%). Вариант С изобразили 7,7% опрошенных носителей русского языка и 2,4% опрошенных носителей немецкого языка. Таким образом, эксперимент не выявил существенных отличий в выборе перспективы пространственной ориентации носителями разных языков.

Таблица 25

Распределение вариантов ответов среди носителей немецкого и русского языков в эксперименте 1

	Вариант А	Вариант В	Вариант С
Носители русского языка	34	14	4
Носители немецкого языка	26	17	1

Эксперимент 2. Для подтверждения или опровержения результатов первого эксперимента мы провели исследование интерпретации носителями немецкого языка аутентичного высказывания, взятого из прессы:

(229) *Von einer Stahlplattform vor der Insel aus beobachtete der Brite in dem einen Jahr etwa 15 Atomtests* [taz].

Это же высказывание, переведенное на русский язык, было предъявлено носителям русского языка:

(229а) *Со стальной платформы перед островом англичанин в течение года наблюдал около 15 атомных испытаний.*

Информантов просили схематично изобразить на листе бумаги остров и платформу и обозначить место, где, по их мнению, проходили испытания. Здесь возможны два основных варианта интерпретации: если исходная точка ориентации – остров (внутренняя перспектива), то атомные взрывы происходят в море (вариант А). Если же исходной точкой ориентации является сам наблюдатель (внешняя перспектива), можно сделать вывод о том, что взрывы происходили на острове (вариант В). Варианты возможных интерпретаций информантам не указывались. Как и в первом эксперименте, мы исходили из предположения, что если носители немецкого и русского языков руководствуются разными стратегиями в выборе ориго-инстанции, это должно отразиться на интерпретации ими высказывания. Всего было опрошено 22 носителя немецкого языка и 45 носителей русского языка. Результаты эксперимента приведены в табл. 26.

Таблица 26

Распределение вариантов ответов среди носителей немецкого и русского языков в эксперименте 2

	Вариант А (в море)	Вариант В (на острове)
Носители русского языка	23	22
Носители немецкого языка	12	10

Данные таблицы подтверждают, что носители обоих языков интерпретируют ситуацию, представленную в высказываниях (1) и (2) неоднозначно, обнаруживая при этом одинаковую тенденцию: предпочтение локализации в море отдали немногим более половины как русских

(51,11 %), так и немецких (54,54 %) информантов. Таким образом, во втором эксперименте также не было обнаружено разницы в выборе перспективы между носителями немецкого и русского языков.

Эксперимент 3. Еще раз верифицируя результаты первых двух экспериментов, мы повторили эксперимент Й. Грабовского с носителями русского языка. В данном случае информантам в той же смодулированной ситуации дорожного движения в коммуникативных условиях поездки домой необходимо было интерпретировать просьбу пассажира остановиться *перед* грузовиком (см. рис. 35). Всего было опрошено 59 русскоязычных информантов. 40 из них (приблизительно 67,79 %) в качестве пункта остановки указали на точку в области 1; 13 человек (22 %) выбрали точку в области 3 (что в целом согласуется с выводами Й. Грабовского); шесть человек (приблизительно 10,21 %) указали на точку в области 2. Такая интерпретация высказывания в эксперименте Й. Грабовского отсутствует, ее нельзя также объяснить ни одним из описанных нами выше факторов, влияющих на выбор денотативной области предложной конструкции.

Для объяснения отличий в употреблении и интерпретации высказываний с *vor/перед*, *hinter/за* в русском и немецком языках, а также других предлогов, обозначающих полюса первой горизонтали в русском языке, мы обратились к семантике сравниваемых предлогов. Поскольку определение денотативного пространства для этой группы предлогов непосредственно связано со знаниями о пространственных свойствах локализуемых объектов, мы начнем анализ с представления дистрибутивных характеристик данных предлогов⁴².

4.5. Особенности локализации при помощи предлогов, обозначающих вектор «спереди»

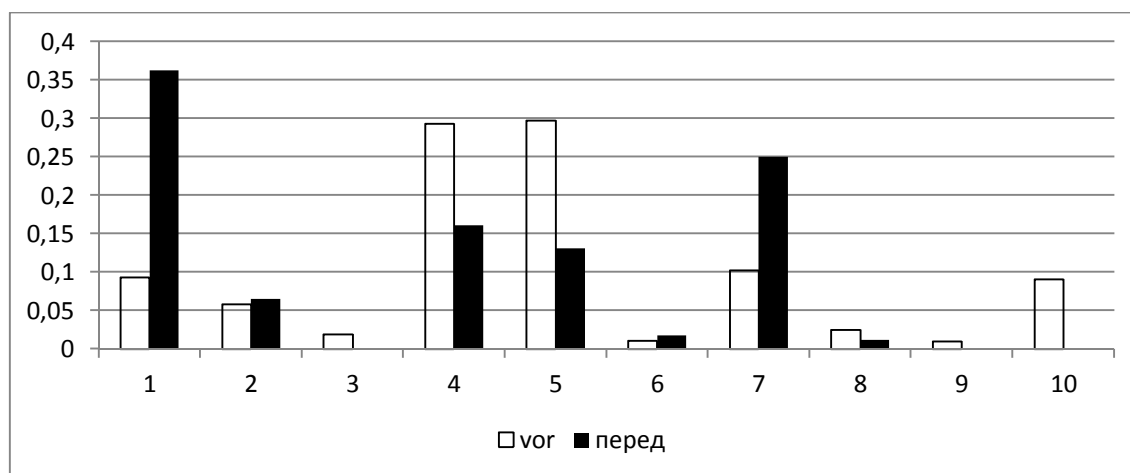
4.5.1. Семантические условия корреляции предлогов *vor* и *перед*

Предлог *vor* относится к числу высокочастотных пространственных предлогов (2119 контекстов) и занимает в частотном списке восьмое место. Пространственные употребления этого предлога составляют почти 21,1% от всех его употреблений. Употребительность предлога *перед* существенно ниже его немецкого коррелята: в частотном списке пространственных предлогов *перед* занимает четырнадцатую позицию (всего в корпусе найдено 168 контекстов, в которых *перед* употребляется в пространственном значении). Пространственные употребления этого предлога составляют лишь 10,2%, что в два раза меньше по сравнению с *vor*.

---

⁴² Приводимые здесь количественные данные незначительно отличаются от данных в [114] и [261] в связи с тем, что для настоящего исследования нами используется переработанная и актуализированная версия сопоставимых корпусов.

При сравнении дистрибутивных характеристик обоих предлогов выявляются как общие, так и отличительные черты. Общий для обоих предлогов показатель дистрибуции – ее неравномерность, т. е. наличие высокочастотных и низкочастотных классов наименований объектов (рис. 37).

Легенда: 1 – «Человек», 2 – «Части тела», 3 – «Геополитические объекты», 4 – «Здания», 5 – «Части зданий», 6 – «Транспорт», 7 – «Ограниченно подвижные артефакты», 8 – «Геофизические объекты», 9 – «Пути», 10 – «Вещепризнаки».

Рис. 37. Относительная частота употребления предлогов *vor* и *перед* с наименованиями классов объектов

Наименования первых пяти по частотности классов в конструкциях с *vor* составляют 87,6% от всех пространственных контекстов, соответствующий показатель для *перед* – 97,4% (табл. 27). При этом предлог *vor* зафиксирован в конструкциях с представителями всех классов наименований объектов; для предлога *перед* в нашем исследовательском корпусе не найдены конструкции с наименованиями классов «Геополитические объекты», «Вещепризнаки», «Пути». Это не означает, что конструкции с наименованиями этих классов в русском языке в принципе невозможны.

Строгого запрета на такие сочетания в языке не существует, однако подобные конструкции употребляются очень редко. Например, конструкции *перед городом*, *перед краем* в пространственном значении встречаются в газетном подкорпусе Национального корпуса – каждая только в одном контексте (примеры (230), (231)). В примере (230) речь идет о ситуации движения, в которой передняя сторона приписывается локализирующему объекту в соответствии с направлением движения; в примере (231) описываются правила дорожного движения.

(230) *Теперь на вокзале меня встречает тот, кто организовывал салюты и десант парашютистов на поле (было и такое шоу) – бывший пресс-атташе «Факела» Влад Семенов. «Я бы **перед** городом поставил*

крест и на нем написал: оставь надежду всяк сюда входящий!» – говорит он [Д. Туманов. Зачем нужно столько «факелов»? // Советский спорт, 2008.08.26].

(231) Знак 2.5 «STOP» запрещает движение без остановки перед стоп-линией, а если ее нет – **перед** краем пересекаемой проезжей части [Что делать с техосмотром при замене номеров? // Комсомольская правда, 2007.08.10].

Таблица 27

Частотный ранг наименований классов объектов, употребляемых с предлогами *vor* и *перед*, %

№	<i>vor</i>		<i>перед</i>	
1	Части зданий	29,7	Человек	36,3
2	Здания и сооружения	29,3	Ограниченно подвижные артефакты	25
3	Ограниченно подвижные артефакты	10,2	Здания и сооружения	16,1
4	Человек	9,3	Части зданий	13,1
5	Вещепризнаки	9,1	Части тела	6,5
6	Части тела	5,8	Транспортные средства	1,8
7	Геофизические объекты	2,5	Геофизические объекты	1,2
8	Геополитические объекты	1,9	Вещепризнаки	-
9	Транспортные средства	1,1	Пути	-
10	Пути	1	Геополитические объекты	-

Анализ контекстов позволяет сделать вывод, что предлог *vor* может употребляться для локализации в воображаемом пространстве. Об этом свидетельствует его способность употребляться с наименованиями геополитических и геофизических объектов. Примером такого употребления может служить контекст (232):

(232) *Vor seiner Inhaftierung leitete er eine große Baumwollkolchose einige Kilometer vor der Stadt* ‘Перед своим арестом он руководил большим колхозом, специализировавшимся на выращивании хлопка, в нескольких километрах от города (дословно: несколько километров перед городом)’ [taz].

При сравнении дистрибутивных характеристиках предлогов *vor* и *перед* обнаруживается отсутствие корреляции по частотности их употреблений с наименованиями разных классов объектов.

Наиболее частотными для предлога *vor* являются наименования зданий и их частей, в частности, релятумы *Tür* ‘дверь’, *Fenster* ‘окно’, *Eingang* ‘вход’. Обращает на себя внимание тот факт, что немецкий предлог употребляется с наименованиями не только объектов, имеющих выделенную фасадную сторону, но и с наименованиями объектов без такой ориентации. Соотношение релятумов обоих типов в нашем корпусе составляет примерно 55 к 45%. Предлог *перед*, в отличие от *vor*, в большинстве случаев используется для локализации в отношении объектов, обладающих фасадной стороной. Первое место по частотности употреблений с *перед* занимают наименования классов «Человек» и «Ограниченно подвижные артефакты». Среди последних особенно часто встречаются релятумы *камера*, *телевизор*, *монитор*, *экран*.

Причина отличий в дистрибуции сравниваемых предлогов усматривается, в первую очередь, в их различной семантической структуре. Семантическая структура предлогов *vor/перед* в деталях разбиралась нами ранее [261; 263]. Свойство семантики предлога *vor* указывать на близкое расположение объектов друг к другу уже обсуждалось и в этой работе (§ 3.4). Напомним, что предпосылкой для выбора говорящим предлога *vor* при указании на близкое расположение объектов друг к другу служит наличие у локализуемого объекта ингерентной фасадной стороны (пример (233)).

(233) *Führende Vertreter aus Politik und Gesellschaft würdigten vor dem Gebäude des Tschechischen Rundfunks den mutigen und unbewaffneten Widerstand des Volkes gegen die Truppen des Warschauer Paktes, die in der Nacht zum 21. August 1968 in die damalige Tschechoslowakei einmarschiert waren* ‘Бывшие общественные и политические деятели почтили у здания Чешского радиовещания мужественное и невооруженное сопротивление народа войскам Варшавского договора, которые в ночь на 21-е августа 1968 г. вошли в бывшую Чехословакию’ [taz].

Для русского языка наличие фасадной стороны является необходимой, однако недостаточной предпосылкой для выбора *перед* при локализации. Его употребление связано с дополнительными характеристиками региона локализации, задаваемого данным предлогом. Эти характеристики обусловлены семантическими свойствами *перед*, проявляющимися в зависимости от класса, к которому принадлежит релятум в предложной конструкции. Например, в конструкциях с наименованиями зданий локализуемый объект занимает либо весь регион (или значительную его часть), задаваемый фасадной стороной (*площадь перед зданием*), либо расположен ближе к центру этого региона (*памятник перед зданием*). В большинстве представленных контекстов относительно наименований зданий локализуются такие объекты, как *площадь*, *площадка*, *поле*, *сцена*, *дом* (пример (234)).

(234) *A потом были долгие, сладостные поцелуи у стен дворца, под аркой, посреди пустынной площади перед ратушей* [Завтра].

В условиях, когда локализуемый объект расположен не по центру фронтальной стороны, место его расположения дополнительно уточняется. В примере (235) описывается положение в пространстве объектов *флаги* относительно релятума *президиум*. Большинство флагов находится в области тыльной стороны президиума (*в глубине сцены*), один – в области его фронтальной стороны, на что указывает локализация *перед президиумом*. Эта локализация уточняется наречной конструкцией *чуть сбоку*, из чего следует, что без такого уточнения конструкция *перед президиумом* локализует в отношении центральной части фронтальной стороны.

(235) *В глубине сцены, на которой разместился президиум, стоят флаги США, ВМФ и Авиационной станции. Перед президиумом и чуть сбоку еще один, черный, флаг* [Общая газета].

Другие отличительные свойства семантики *перед* проявляются, прежде всего, в конструкциях с наименованиями лица. Этот класс релятумов является наиболее частотным для *перед* и четвертым по частотности для *vor*. Для обоих предлогов он играет особую роль. Как в немецком, так и в русском языке человек в качестве локализуемого объекта выступает в двух категориях:

1) подобно другим ингерентно ориентированным объектам (например, здания, машины, приборы), он структурирует пространство в соответствии со своей ориентацией; в таких случаях предлоги *vor/перед* конвертируемы с другими дименциональными предлогами – *hinter/за, neben/возле*;

2) как субъект восприятия, в этом случае выражения типа *X перед человеком* синонимичны конструкциям *человек видит X*, позиционные глаголы в таких выражениях могут замещаться глаголами с семантикой визуального восприятия.

Рассмотрим примеры с каждой из категорий:

(236) *Die wenigen Frauen müssen immer wieder ihre Plätze räumen, weil sie beim Gebet nicht vor den Männern sitzen dürfen* ‘[И те] немногие женщины должны всегда освобождать свои места, потому что во время молитвы им нельзя сидеть перед мужчинами’ [taz];

(237) *Ельцин всегда пользуется только своей ручкой и никогда – стоящей перед ним на подставке* [Аргументы и факты].

В приведенных примерах релятумы *Männer, Ельцин* выбраны говорящим в качестве исходной точки ориентации, организующей пространство: употребление по отношению к такому релятуму предлогов *vor/перед* позволяет адресату получить представление об описываемой пространственной ситуации и определить местонахождение локализуемых объектов *Frauen, ручка*. Их позиционирование *vor/перед* локализуемым объектом образует альтернативы к позиционированию *neben/возле* или *hinter/за* ним.

Пространственная ориентация человека неразрывно связана с его способностью визуального восприятия. Если некоторый предмет расположен *перед* человеком, т. е. в поле его зрения, то логично

предположить, что человек видит локализуемый объект. В примере (238) предложная конструкция синонимична глаголу с семантикой зрительного восприятия (*перед ней ≈ она видит*). Использование предложной конструкции вместо глагола зрительного восприятия выполняет важную коммуникативную функцию: задает высказыванию определенную коммуникативную перспективу за счет изменения синтаксической роли семантического объекта, который в высказываниях с предложными конструкциями выполняет функцию формального субъекта.

(238) *Пристально рассмотрев фигурки, [она] выразила уверенность, что **перед ней** не иначе как искусная резьба по дереву* [Литературная газета].

Пример (238) можно условно разделить на две части, в которых в условиях одной пространственной ситуации выступают один и тот же субъект и объект действия: 1) *она рассматривала фигурки* и 2) *перед ней искусная резьба по дереву*. Из высказывания следует, что субъект зрительно воспринимает объект. В первой части высказывания это выражается в форме субъектно-объектных отношений, во второй части субъект и объект включены в пространственную ситуацию и информация о зрительном восприятии выводится логически. Замещение субъектно-объектной конструкции предложной позволяет сместить коммуникативный фокус: на синтаксической поверхности субъект действия выступает в роли обстоятельства места – *перед ней*, а объект действия уже с новой качественной оценкой (*фигурки – резьба по дереву*) получает синтаксический статус подлежащего, за счет чего повышается его коммуникативный ранг. Описание взаимодействия между субъектом и объектом в форме образуемой ими пространственной ситуации создает эффект объективности, реальности происходящего: адресату сообщается не о субъективном восприятии (*она видит*), а об объективных пространственных отношениях (*перед ней искусная резьба по дереву*).

Размер региона локализации, задаваемого передней стороной человека, – это пространство, которое он видит. В нем могут размещаться как объекты, соразмерные человеку, так и объекты, значительно бóльшие по размеру, и даже целые события:

(239) *Vor ihnen lag nur noch der Wald* ‘Перед ними оставался только лес’ [taz];

(240) *К финалу **перед нами** молодой старичок, у которого нет сил жить дальше* [Общая газета].

Если визуального восприятия нет или оно нарушается по каким-либо причинам, информация об этом может эксплицироваться, как в примере (241):

(241) *Matz sitzt im Dunkeln vor mir, ich sehe nichts von ihm, außer den Rand seiner Silhouette und die Glut der Zigarette...* ‘Матц сидит передо мной в темноте, я его совсем не вижу, видны только очертания его силуэта и уголек сигареты...’ [taz].

В данном примере локализация объекта *Matz* в пространстве перед объектом *ich (mir)* подразумевает, что человек должен с определенным

качеством видеть локализуемый объект, о чем свидетельствует дальнейшее частичное отрицание перцепции (*ich sehe nichts von ihm* дословно: ‘я ничего от него не вижу’), а также указывается и на препятствующий фактор – темноту.

В немецком языке подобная импликация возможна, но не обязательна. В русском же языке, по-видимому, она является обязательной. Это становится очевидным при сравнении переводов литературных текстов с немецкого языка на русский. Рассмотрим пример из повести Г. Гессе «Степной волк» на немецком и на русском языках:

Оригинальный текст	Перевод	Дословный перевод
(242) <i>Bezaubert saß ich, bezaubert suchte ich aus der Westentasche meinen Bleistift hervor, <u>suchte nach Papier</u>, <u>fand die Weinkarte vor mir liegen</u>, drehte sie um und schrieb auf ihre Rückseite ...</i> (S. 199)	(242a) <i>Я замороженно сидел, замороженно вытащил карандаш из кармана жилетки, <u>поискал глазами бумаги</u>, <u>увидел перед собой прейскурант вин</u> и стал писать на его обороте ...</i> (с. 412)	... искал глазами бумагу, нашел лежащий передо мной прейскурант вин ...

В приведенном примере для перевода предлога *vor* на русский язык использован его пространственный коррелят – *перед*. При этом в русском переводе локализация *fand die Weinkarte vor mir liegen* ‘нашел лежащий передо мной прейскурант вин’ предваряется конструкцией со значением зрительного восприятия – *поискал глазами*. Дословный перевод данного фрагмента на русский язык – *fand vor mir die Weinkarte liegen* ‘нашел лежавший передо мной прейскурант вин’ – был бы в данном случае не совсем корректным: искали предмет, который все время находился в поле зрения. Это может быть воспринято как ирония – обычно ищут скрытый предмет, в то время как исходный отрывок такого подтекста в себе не несет (подробнее по этому вопросу см. [261, S. 96–99]).

Семантика предлогов *vor* и *перед* дифференцируется также и по признаку контакта. Предлог *vor* может обозначать отношение контакта, которое в его семантике специфицируется как возможное. Рассмотрим эту семантическую характеристику подробнее.

Сема КОНТАКТ в словарных толкованиях *vor* не фиксируется, однако семантический анализ контекстов с данным предлогом приводит к выводу о ее наличии. Предлог *vor* передает информацию о возможном контакте в контекстах типа (243)–(245). В пространственных ситуациях, описываемых в приведенных примерах, в качестве релятивов выступают наименования частей тела человека – *Gesicht* ‘лицо’, *Brust* ‘грудь’, *Mund* ‘рот’, *Lippen* ‘губы’ и др. Употребление в немецком языке в подобных ситуациях предлога *vor* обусловлено пространственными характеристиками локализуемых объектов, которые являются маркерами ингерентной

фронтальной стороны. Как показывают исследования, ее наличие создает предпосылку для употребления предлога, указывающего на эту сторону – предлога *vor* [261]. Однако данная предпосылка является недостаточной при отсутствии семы КОНТАКТ в семантике предлога. Так, употребление в русском языке в аналогичных ситуациях предлога *перед*, несмотря на те же тенденции в сочетаемости (превалирование употребления с наименованиями объектов, имеющих ингерентную фронтальную сторону), представляется невозможным, поскольку данный предлог исключает контакт соотносимых объектов.

(243) *Ein paar Minuten später stehen fast alle vor ihren Bussen, dick verummt, Schals vor die Gesichter gezogen, mit dem Rücken zum eisigen Wind* ‘Через несколько минут все стоят возле автобусов, плотно закутавшись, с натянутыми **на** лица шарфами (дословно: *натянув шарфы перед лица), спиной к ледяному ветру’ [taz].

(244) *Ich wälzte mich auf dem Boden, Schaum trat mir vor den Mund* ‘Я катался по полу, пена выступила у меня на губах (дословно: *перед рот)’ [taz].

(245) *Ich hieve den Brühkaffeebecher vor die Lippen und mutmaße, daß man darin durchaus ein, wenn auch sehr kleines, Kleinkind ertränken könnte* ‘Я подношу стакан с горячим кофе **к** губам (дословно: перед губы) с мыслью о том, что в нем мог бы утонуть ребенок, даже если и очень маленький’ [taz].

Возможность контакта, которую допускает семантика *vor*, подтверждается также тем, что данный предлог способен употребляться после таких глаголов, как *schießen* ‘стрелять’, *werfen* ‘бросать’, *stießen* ‘толкать’, для указания на объект действия. В русском языке подобные пространственные ситуации передаются при помощи предлогов *к*, *на*, *по* и *в*. Эти предлоги передают информацию об обязательном либо возможном контакте или о направленности во внутренний регион. Именно такое положение вещей наблюдается при сравнении оригинального литературного текста на русском языке с его переводом на немецкий язык, выполненным носителем немецкого (примеры (246)–(249)).

Оригинальный текст	Перевод
(246) ... Коровьев <...> повесил на грудь Маргариты тяжелое в овальной раме изображение ... (с. 526).	(246a) ... Korowjew <...> <i>hängte ihr das ovalgerahmte schwere Bild <...> vor die Brust...</i> (S. 335).
(247) Иван <...> шлепнул себя ладонью по лбу (с. 406).	(247a) <i>Iwan klatschte die Hand vor die Stirn</i> (S. 173).
(248) А когда Бегемот, приложив грязный подранный рукав к глазу, воскликнул трагически (с. 612).	(248a) <i>Und als Begemot den schmutzigen zerrissenen Ärmel vor die Augen legte und tragisch ausrief</i> (S. 447).
(249) Но тут вдруг та самая утренняя волна ожидания и возбуждения толкнула ее в грудь (с. 489).	(249a) <i>Aber plötzlich versetzte ihr dieselbe Welle von Erwartung und Erregung wie heute morgen einen Stoß vor die Brust</i> (S. 287).

Как следует из приведенных примеров, предлоги в русском языке профилируют аспекты пространственной ситуации, обусловленные глагольной семантикой. Так, глагол *шлепнуть* предполагает краткосрочный контакт с поверхностью объекта, на который направлено действие; отношение краткосрочного контакта реализуется в семантике предлога *по*, который, в свою очередь, не может употребляться с глаголами (за исключением глаголов движения), предполагающими длительный контакт: выражения типа **лежать по*, **висеть по* являются недопустимыми. Глагол *прикладывать* обозначает целенаправленное движение локализуемого объекта, результатом которого является контакт с локализуемым объектом. Употребление во всех указанных случаях предлога *vor* подтверждает вышеизложенный тезис о том, что в немецком языке выбор предлога для описания пространственных отношений в определенной степени детерминируется знаниями об ингерентной ориентации объекта, обозначаемого релятивом.

Семантика предлога *перед* возможность контакта исключает. На эту семантическую особенность предлога указывают и словарные дефиниции. Например, С. И. Ожегов пространственное значение *перед* описывает как «на некотором расстоянии от лицевой стороны» (ср. также определение в словаре Т. Ф. Ефремовой).

В структуру семантики предлога *vor* входит признак, отражающий еще одно топологическое отношение – отношение исключения. При локализации в отношении внешней стороны объекта регион локализации предлога *vor* противопоставляется региону локализации предлога *in* ‘в’.

(250) *Bei der Kundgebung <...> vor dem Gelände des Bundeswehrkommandos Ost in Strausberg am 20. Januar sind einige entgegen unseren Planungen über den Zaun in das Gelände eingestiegen und haben das Tor geöffnet, woraufhin viele Teilnehmer über das Kasernengelände strömten* ‘Во время проведения мероприятия у территории командования восточной группой федеральных вооруженных сил в Штраусберге двадцатого января несколько человек вопреки нашим планам перебрались через забор [на эту территорию] и открыли ворота, после чего многие участники устремились на территорию казармы’ [taz].

(251) *Mal werden im Zentrum spektakulär gleich mehrere hundert «Nomadenkinder» festgenommen und, allseits sichtbar, zur Präfektur eskortiert, mal rücken Polizeistreifen in den Camps draußen vor der Stadt ein, holen erwachsene Roma oder Sinti zur Feststellung der Elternschaft Minderjähriger* ‘Иногда в центре города показательно подвергаются аресту несколько сотен «детей кочевников» и у всех на виду эскортируются в префектуру, иногда наряды полиции выезжают в лагерь за городом (дословно: *наружу перед город), забирают взрослых цыган для установления родителей несовершеннолетних’ [taz].

В примере (250) пространство *vor dem Gelände* (дословно ‘перед территорией’) противопоставляется пространству *in das Gelände* (дословно

‘в территорию’), в примере (251) – пространство *im Zentrum* ‘в центре’ противопоставляется пространству *draußen vor der Stadt* ‘снаружи перед городом’.

Языковая локализация в отношении наружной стороны объектов-вместилищ может производиться при помощи конструкций с наименованиями как самих этих объектов (наименования ограниченных пространств типа *die Stadt* ‘город’, *das Gelände* ‘территория’, *die Insel* ‘остров’), так и их границ (например, *die Wand* ‘стена [здания]’, *die Mauer* ‘стена [ограда]’, *die Tür* ‘дверь’, *das Fenster* ‘окно’).

Для указания на внешний регион предлог *vor* употребляется также с наименованиями зданий. Как правило, в таких контекстах проксимальный регион релятума противопоставляется его внутреннему региону, предлог *vor* в этом случае находится в оппозиции к предлогу *in* (пример (252)).

(252) *In dem Cafü, das man ihr als Treffpunkt genannt hatte, entdeckte sie einen Mann, den sie nur zu gut kannte. <...> Er redete mit zwei Männern. Sie wartete vor dem Lokal und beobachtete ihn durchs Fenster* ‘В кафе, которое ей назвали в качестве места встречи, она обнаружила мужчину, которого знала слишком хорошо. <...> Он разговаривал с двумя [другими] мужчинами. Она ждала снаружи (дословно: перед заведением) и наблюдала за ним через окно’ [taz].

Релятумами в конструкциях с *vor* в рассматриваемом значении выступают также такие существительные, как *Fenster* ‘окно’, *Tür* ‘дверь’, *Mauer* ‘ограждение, стена’, *Wand* ‘стена’ (примеры (253)–(255)):

(253) *Es ist schlecht geheizt in ihrem Zimmer, vor dem Fenster steht die Dunkelheit wie eine Wand* ‘В ее комнате плохо натоплено, за окном (дословно: перед окном) стеной стоит темнота’ [taz].

(254) *Sein tägliches Leben spielt sich in einem einzigen, zur Straße liegenden Zimmer ab und auf fünfzig Zentimetern Straße vor dem Fenster* ‘Его повседневная жизнь проходит в единственной комнате, расположенной со стороны улицы, и на пятидесяти сантиметрах улицы за окном’ [taz].

(255) *Mal ehrlich: An wie vielen Abenden haben Sie sich nicht vor die Tür getraut...* ‘А теперь честно: сколько раз вечером Вы не отважились выйти за дверь...’ [taz].

Особенностью локализации в отношении внешней стороны релятума при помощи предлога *vor* является то, что данный предлог профилирует проксимальный регион. Если при описании пространственной ситуации с помощью предлогов *außer*, *außerhalb* сообщается о месте, в котором локализуемый объект отсутствует, и местонахождение локализуемого объекта остается неопределенным, то конструкции с предлогом *vor* несут в себе информацию о том, что локализуемый объект находится в непосредственной близости от релятума, в месте, которое точно известно говорящему и может быть идентифицировано адресатом.

В определении проксимального региона, которое мы приводили выше, критерием его выделения служит возможность интеракции с этим объектом.

Такую интеракцию мы наблюдаем в примере (251), в котором действие агенса *Polizeistreifen* ‘наряд полиции’ попеременно происходит то во внутреннем, то во внешнем регионах объекта *Stadt* ‘город’. Следует обратить внимание на тот факт, что размер проксимального региона, соответственно и понятие «непосредственная близость», являются относительными величинами и определяются радиусом действий агенса: он определяется его физическими возможностями и может быть расширен при применении технических средств. Проксимальный регион одного и того же релятума может, таким образом, отличаться для разных агентов: в примере (256) местонахождение агенса *wir* ‘мы’ (военные) описывается как *draußen vor dem Dorf* ‘за деревней’, т. е. в проксимальном регионе релятума. Одновременно это местонахождение характеризуется и как *ganz weit* ‘очень далеко’ для другого агенса – *die* ‘они’ (местное население), потенциальные действия которого в данном случае необходимо предотвратить.

(256) *Warum wir Brühwürfel, Salz und Reis ausgerechnet hier, ganz weit draußen vor dem Dorf, verteilen sollen, hat unser Leutnant uns so erklärt: Weil innerhalb der Orte die Gefahr besteht, daß die unsere Lastwagen stürmen* ‘Почему мы должны раздавать бульонные кубики, соль и рис далеко за деревней (дословно: снаружи перед деревней), наш лейтенант объяснил нам так: потому что в пределах населенных пунктов существует опасность того, что они будут штурмовать наши грузовики’ [taz].

Таким образом, немецкий предлог *vor* в значении указания на внешнюю сторону релятума употребляется с наименованиями того же класса объектов, что и предлог *außerhalb*, т. е. с наименованиями ограниченных пространств, а также их границ, к которым, в частности, относятся стены, двери и окна. Следует заметить, что границы, в отношении которых производится локализация при помощи *außerhalb*, и границы, в отношении которых локализуется *vor*, имеют разные функции. *Außerhalb* употребляется с наименованиями границ, конституирующих пространственные объекты, *vor* – с наименованиями границ, обеспечивающих доступ во внешний или внутренний регион (окна, двери) или препятствующих ему (стены). Локализация при помощи *außerhalb* является неопределенной (точное местонахождение локализуемого объекта неизвестно), локализация с помощью *vor* специфицирована, местонахождение локализуемого объекта может быть идентифицировано на основании соответствующего языкового выражения.

Помимо представленных семантических различий между предлогами *vor* и *перед* (способность немецкого предлога выражать дирекциональные отношения, а также отношения исключения, контакта либо близкого расположения; строгая очерченность региона локализации, задаваемого *перед*, обязательная реализация информации о зрительном восприятии в конструкциях с наименованием лица) у немецкого предлога обнаруживается еще одна семантическая особенность, вытекающая из его димензиональной природы. Она заключается в способности предлога обозначать отношение

ФОНОВОСТИ, которое, по нашему мнению, следует выделять среди пространственных отношений. Разъясним, в чем заключается его сущность.

Принято считать, что в предложных конструкциях локализуемый и локализуемый объекты соотносятся между собой по принципу «фигура – фон». Основанием для такой квалификации роли релятума служит размер: фон больше фигуры. Однако значение немецкого существительного *Hintergrund* и русского *фон* толкуется не через размер, а через отношение к горизонтали «перед – зад» и зрительному восприятию. *Hintergrund* определяется в словаре Duden-online как «*hinterer, abschließender Teil des Blickfeldes bzw. des im Blickfeld liegenden Raums, Bereichs (von dem sich die Gegenstände abheben)*» ‘задняя, замыкающая часть поля зрения или находящегося в поле зрения пространства (на котором выделяются предметы)’. В словаре С. И. Ожегова дается следующее определение слову *фон*: «Задний план картины, а также вообще задний план чего-н., то, на чем что-н. видится, выделяется». Существительное *фон* в русском языке является в принятой нами терминологии вещепризнаком, при помощи этого существительного обозначается и сам объект, и его качество, свойство. Информацию о том, что объект реализует это качество, передает составной предлог *на фоне*:

(257) *А кто-то фотографируется на фоне арт-объектов и считает так: плохие дороги и грязь есть во всех городах* [М. Сафина. Возле администрации Пермского края будет еще больше красных человечков // Комсомольская правда, 2011.05.12].

Отношение ФОНОВОСТИ переносится и на другие сферы, например, на социальную:

(258) *На фоне проблем, охвативших мир, Россия выглядит островком благополучия* [Корпорация «Центр»: от магазинов – к гипермаркетам // Комсомольская правда, 2011.05.12].

В немецком языке пространственное отношение ФОНОВОСТИ передается при помощи предлога *vor*:

(259) *Die als Vorstudien geschaffenen dunklen Bauernportraits allerdings bräuchten, so der Maler, gar keine Rahmung: «Sie würden genau so gut aussehen vor einer Tapete in der Farbe von reifem Getreide»* ‘По словам художника, портреты крестьян в темных тонах, созданные на подготовительном этапе, не требуют вообще никакого обрамления: «Они будут точно так же хорошо выглядеть на фоне (дословно: перед обоями) обоев цвета спелого зерна’ [taz].

В случаях, когда *vor* реализует отношение ФОНОВОСТЬ, ингерентная ориентация объектов по первой горизонтали нейтрализуется. В примере (260) речь идет о фотографировании на фоне машины. Предлог в конструкции *sie vor ihrem Auto* ‘она перед своей машиной’ не ограничивает регион локализации фронтальной стороной объекта, как следовало бы ожидать. Это может быть любая из сторон, заполняющая задний план локализуемого объекта *sie*.

(260) *Wenn sie vor ihrem Auto für die Kameras der Lokalzeitungen in Position geht, verschmelzen der Mercedes und Ilsa in ihren weißen Jeans und ihrem weißen T-Shirt mit Perot- Aufdruck zu einer perfekten Werbeeinheit* 'Когда она принимает позу на фоне своей машины (дословно: перед своей машиной) для камер местных газет, сливаются Мерседес и Ильза в белых джинсах и белой футболке <...> в идеальное рекламное единство' [taz].

Очевидно, что способность предлога *vor* передавать отношение ФОНОВОСТИ базируется на его семантических свойствах обозначать вектор «спереди», а также отношение расположения вблизи vs. контакта: то, что находится спереди, ближе к наблюдателю, а объекты-фоны воспринимаются как более удаленные; с точки зрения визуального восприятия часть фона закрыта локализуемым объектом, последний как бы является частью поверхности фона, находится с ним в контакте.

Русский коррелят предлога *vor* – предлог *перед* не передает подобное значение. Анализ показал, что в семантике русского предлога представлено меньшее число компонентов по сравнению с его немецким коррелятом. В частности, *перед* не может выражать дирекциональные отношения и отношение контакта [261].

С точки зрения языковой эволюции у *перед*, как и у предлога *над*, наблюдается сужение пространственного значения и редукция сем. Так, еще в словаре В. Даля для данного предлога фиксируется управление творительным падежом, с которым этот предлог «означает покой», и с винительным падежом для обозначения отношения направительного движения: *Стою перед тобою; стану перед тебя*. Всего полвека спустя в словаре Д. Н. Ушакова фиксируется управление только творительным падежом, значит в современном употреблении данный предлог утратил способность обозначать дирекциональное отношение. В русском языке встречается только несколько стилистически маркированных конструкций с данным предлогом и релятивом в винительном падеже, например, *предстать пред очи*.

5.1.2. Комбинации признаков в семантике предлогов *впереди*, *спереди*

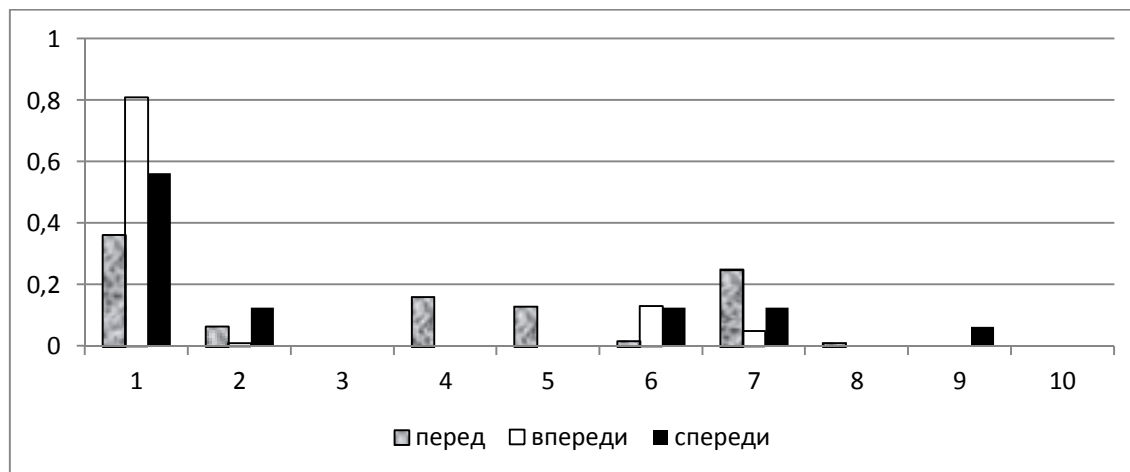
Разнообразие комбинаций типов пространственных отношений, которые реализуются в немецком языке через семантику предлога *vor*, в русском языке находит выражение при помощи непервообразных предлогов *впереди* и *спереди*. В словаре В. Даля языковая единица *впереди* квалифицируется только как наречие, а языковая единица *спереди* не зафиксирована. В словаре Д. Н. Ушакова у обеих языковых единиц зафиксирован предложный статус, однако из толкования не выводятся различия между этими предлогами: *впереди*, согласно Д. Н. Ушакову, означает «Перед кем-чем-н. *Он ехал впереди всех*», а *спереди* – «С лицевой, передней стороны. *Сесть спереди кого-н.*». В словарях С. И. Ожегова и Т. Ф. Ефремовой отмечается, что *впереди* и *спереди* обозначают

расположение «на некотором расстоянии перед кем-л., чем-л.». Таким образом, словари не дают представления об особенностях значения предлогов *перед*, *впереди*, *спереди*. Для дифференциации их семантики прибегнем к дистрибутивному и контекстуальному анализу.

Впереди и *спереди* относятся к числу наименее употребительных пространственных предлогов. Если *впереди* занимает тридцать четвертое место в нашем исследовательском корпусе, то *спереди* в функции предлога в нем не представлен совсем, поэтому в ходе анализа мы используем данные газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Языковая единица *впереди* имеет в нем 7720 вхождений. Проанализировано 2900 вхождений и выявлено, что в качестве предлога *впереди* выступает в 278 контекстах, таким образом, соотношение наречных и предложных употреблений составляет приблизительно 10 : 1. В 100 контекстах из 278 предлог *впереди* употреблен в пространственном значении.

Языковая единица *спереди* менее употребительна, в качестве предлога встречается очень редко, поэтому ее дистрибуция анализировалась по основному подкорпусу Национального корпуса. Здесь *спереди* имеет 1718 вхождений, из них в качестве предлога – 16, все в пространственном значении.

Дистрибуция обоих предлогов с наименованиями классов объектов в сопоставлении с дистрибуцией предлога *перед* представлена на рис. 38. Как следует из рисунка, *впереди* и *спереди* встречаются в конструкциях с ограниченным числом наименований объектов.

Легенда: 1 – «Человек», 2 – «Части тела», 3 – «Геополитические объекты», 4 – «Здания», 5 – «Части зданий», 6 – «Транспорт», 7 – «Ограниченно подвижные артефакты», 8 – «Геофизические объекты», 9 – «Пути», 10 – «Вещепризнаки».

Рис. 38. Относительная частота употребления предлогов *перед*, *впереди* и *спереди* с наименованиями классов объектов

Подавляющее большинство употреблений предлога *впереди* (81%) и более половины употреблений предлога *спереди* (56,3%) приходится на

класс объектов «Наименования человека и животных». Вторым по частотности для *впереди* является класс «Транспортные средства» (13%), за ним следуют наименования класса «Ограниченно подвижные артефакты» (5%), класс «Наименования частей тела» представлен одним контекстом.

В конструкциях с предлогом *спереди* наименования классов «Транспортные средства», «Части тела» и «Ограниченно подвижные артефакты» представлены в одинаковом количестве. Зафиксирован также один контекст с релятивом *рельсы* (класс «Пути»).

Анализ пространственных констелляций, описываемых при помощи *впереди*, показывает, что данный предлог служит преимущественно для обозначения ситуаций, в которых локализуемый и локализующий объекты осуществляют однонаправленное движение (примеры (261) и (262)), при этом локализуемый объект находится в регионе, задаваемом фронтальной стороной локализующего.

(261) *Я выезжала с Привокзальной площади на Коммунистическую в сторону 7-й Гвардейской. Впереди меня было два автомобиля. Я ехала примерно по той же траектории, что и они* [Е. Акимова. Водителя лишили прав за несуществующую разметку // Комсомольская правда, 2010.09.18].

(262) *«Машину, которая шла впереди нашей, подкинуло», – рассказали изданию очевидцы* [О. Панфилова. В Иркутской области произошла серия землетрясений // Новый регион 2, 2008.08.27].

Типичными локализуемыми объектами, образующими пространственные констелляции с однонаправленным движением, являются люди и транспортные средства. Это могут быть и другие объекты, если они целенаправленно перемещаются. Так, в примере (263) локализация осуществляется относительно релятива *камень*. Данный объект не имеет выделенной фронтальной стороны, однако в керлинге он становится субъектом движения, а фронтальная сторона приписывается ему в соответствии с направлением перемещения.

(263) *При броске два игрока могут натирать щетками лед впереди камня для корректировки его движения* [А. Зильберт. Время разбрасывать камни. Сегодня в Шотландии стартует чемпионат Европы по керлингу // Советский спорт, 2009.12.05].

При замене в таких контекстах *впереди* на *перед* проявляются семантические различия этих предлогов. В первую очередь, в подобных конструкциях у *перед* наблюдается синкретизм пространственного и временного значений. Высказывания с глаголами, обозначающими целенаправленное движение, и предлогом *перед* имеют также и темпоральное значение – *идти, бежать, финишировать перед* может означать предшествование по времени. Выражение *Машину, которая шла перед нашей, подкинуло* можно трактовать и в том смысле, что эта машина ехала раньше нашей. Употребление предлога *впереди*, который задает только пространственные координаты, способствует разрешению возможной неоднозначности.

Информация о том, что локализуемый объект находится в движении, не входит в семантику предлога *вперед*, этот предлог используется и при описании ситуаций, в которых локализуемый объект находится в состоянии покоя (пример (264)).

(264) *Вперед* меня сидел парень, который, видимо, уже видел это кино. Поэтому он не просто громко обсуждал со своей спутницей реплики и действия героев, но заранее рассказывал, как дальше будет развиваться сюжет. Смотреть фильм после этого дальше было уже просто неинтересно [trud.ru. Опрос: Чем вам мешали соседи по кинозалу? // Труд-7, 2010.10.05].

Различие между *перед* и *вперед* заключается здесь в том, что предлоги профилируют разные аспекты ситуации. Пространственные конструкции предлога *перед* с наименованиями лиц могут имплицировать информацию о зрительном восприятии. Выражение *Передо мной сидел парень* можно интерпретировать таким образом, что локализуемый объект видит локализуемый, в то время как конструкции с предлогом *вперед* указывают только на пространственные отношения.

Перед и *вперед* различаются также и по характеру региона локализации. *Перед* всегда локализует в отношении проксимального региона, в то время как регион локализации *вперед* не является таковым. Примерами служат контексты (265) и (266), в которых оба предлога употребляются с одним и тем же релятивом, однако не могут быть взаимозаменяемыми. В примере (265) речь идет о локализации объекта *артерия*, между локализуемым и локализующим объектом, помимо пространственных, нет других отношений. В примере (266) описывается размещение двух объектов в отношении друг друга (*марля* и *ухо*), однако в данном случае целью этой локализации является воздействие локализуемого объекта на локализующий. Взаимозамена *вперед* и *перед* в данных контекстах представляется сомнительной.

(265) *Если рана на голове, то остановить или хотя бы уменьшить кровоток можно, прижав височную артерию пальцем. Она находится примерно в 1,5 см вперед ушной раковины* [В. Хлыстун. Пока не приехала «скорая» // Труд-7, 2009.04.16].

(266) *При отите помогают компрессы с 10-12-дневным настоем чайного гриба: смочить марлю, наложить ее на околоушную область (перед ухом и за ним), накрыть полиэтиленом, ватой...* [samsebelekar.ru>index/0-44].

Таким образом, семантика предлогов *перед* и *вперед* поддается дифференциации, которая проявляется не в запретах на употребление, а в специфических смыслах, которые профилируются в зависимости от употребленного предлога.

Рассмотрим отличительные семантические признаки предлога *спереди*. В дефинициях этого предлога, так же как и в дефиниции предлога *вперед*, отмечается, что он указывает на дистанцию. Согласно С. И. Ожегову, предлог *вперед* означает «на расстоянии и с передней стороны от кого-че-

го-н., перед кем-чем-н.». Значение предлога *спереди* автор определяет как «то же, что перед кем-чем-н. (в 1 знач.)». Т. Ф. Ефремова отмечает, что *спереди* может обозначать местонахождение «1. С передней стороны (противоп.: сзади). 2. На некотором расстоянии перед кем-л., чем-л.; впереди». Таким образом, наличие дистанции постулируется и для предлога *спереди*. Однако исследование показывает, что в ряде случаев в основе дифференциации значений данных предлогов лежит отношение контакта, которое в семантике этих предлогов маркируется по-разному. Отношение дистанции, а точнее, отсутствия контакта, характерно только для семантики предлога *впереди* (пример (267)).

(267) *Вы ведь не можете знать, с какой точно скоростью ползет впереди вас трактор* [М. Луканин. Водителям возвращают «сухой закон» // Труд-7, 2010.02.26].

В отличие от предлога *перед*, *впереди* не исключает контакт объектов, соотносимых в пространстве. В примере (268) локализуемый объект *крылья-лопасти* является частью релятума *она (снегоуборочная машина)*, что, естественно, связано с отношением контакта. Замещение в данном примере предлога *впереди* на предлог *перед* недопустимо, поскольку конструкция *перед ней крылья-лопасти* описывает ситуацию с двумя дискретными пространственными объектами. В примере (269) *впереди* ориентирует относительно релятума *себя*, оставляя вопрос о контакте объектов открытым.

(268) *О том, что эта яркая красавица – снегоуборочная машина, можно было с трудом догадаться, разглядев небольшие крылья-лопасти впереди нее* [Подготовка к росту // Комсомольская правда, 2010.02.12].

(269) *В людном месте держите сумки и рюкзаки впереди себя* [Н. Корчмарек. Большие милицейские чины попались на покровительстве воров-карманников // Труд-7, 2010.03.17].

В отличие от предлога *впереди*, предлог *спереди* предполагает возможность контакта. Особенностью семантики данного предлога, которая обуславливает эту возможность, является то, что регион его локализации во многих случаях не выходит за границы локализующего, а локализуемый объект может представлять собой его часть. Например, в контексте (270) локализуемый объект *водяные и масляные радиаторы* находится в передней части автомобиля, т. е. в его границах. Употребление в данном контексте предлога *впереди* означало бы местонахождение вне локализующего объекта. В примере (271) локализуемый объект *кармашки* является составной неотъемлемой частью релятума *пальто*.

(270) *Кстати, именно для лучшего распределения массы водяные и масляные радиаторы спрятали спереди автомобиля* [М. Сачков. В золотую коллекцию (2004) // «За рулем», 2004.02.15].

(271) *...стройный барин, хоть старый; руки он прячет в кармашки, проделанные спереди пальто...* [А. Белый. Серебряный голубь (1909)].

Любопытны в этом отношении контексты типа (272) и (273), в которых релятивы – *кортеж, поезд* – представляют собой не целостные объекты, а совокупность объектов, объединяющихся для совместного передвижения. Е. С. Кубрякова характеризует объекты, обозначаемые такими именами, следующим образом: «это нечто воспринимаемое как топологически единое объединение поверхностей, сохраняющее свою связность при движении: два соприкасающихся объекта воспринимаются поэтому как одно целое...» [62, с. 83]. Локализуемые объекты *иномарки* и *локомотивы* в данных контекстах – части целостных образований и находятся в пределах этих образований. Употребление в подобных случаях предлога *впереди* (*впереди поезда, впереди кортежа*) указывало бы на «отдельность» локализуемых объектов, их непричастность к совокупным образованиям.

(272) *В его центре один или два «шестисотых» (вариант – «ЗИЛ-117»), вокруг – джипы охраны, сзади и спереди кортежа – иномарки ГИБДД «на спецтрассе»* [М. Виноградов. Путин в пробке. Депутатам мешают кортежи президента и премьера (2001) // «Известия», 2001.07.04].

(273) *Дорога, приближаясь к Сурамскому перевалу, заметно идет в гору; поезд движется значительно медленнее, хотя от станции Сурам везут два локомотива, один спереди поезда, другой сзади* [Н. Спешнев. Батум. (Путевой очерк) // «Исторический вестник», 1889].

Таким образом, между предлогами *впереди* и *спереди* обнаруживаются различия по признаку КОНТАКТ, а также на уровне спецификации региона локализации.

В обобщенном виде семантические признаки немецкого и русских предлогов, обозначающих вектор «спереди», даны в табл. 28. Как следует из таблицы, семантике этих предлогов присущи и общность, и отличия. И в немецком, и в русском языке находят выражение все композиции основных типов семантических признаков (димензиональный, дирекциональный и топологический), с тем отличием, что они в сравниваемых языках реализуются в семантике разного количества предлогов. Различия семантических свойств сравниваемых языковых единиц обнаруживаются на уровне спецификации региона, отражающей индивидуальность каждого языка, в котором развитие получают разные аспекты семантики предлогов. В немецком языке это отношение фоновости, в русском – центральности расположения. Мотивированность внутренней формы непервообразных предлогов также служит предпосылкой некоторых семантических свойств: при наличии в составе непервообразного предлога приставки *с-*, производной от соответствующего предлога, в его семантике выявляется сема КОНТАКТ, а регион локализации дополнительно специфицируется (ср. анализ семантики предлогов *снаружи, сверху*).

Таким образом, в случае с предлогами, обозначающими вектор «спереди», как и в случае с предлогами для обозначения вектора «верх», мы наблюдаем обязательность выражения определенных сочетаний семантических признаков, которые в немецком языке обозначаются при помощи

одного предлога, а в русском – при помощи нескольких. Напомним, что это явление мы связываем с редукцией пространственных сем у русских первообразных предлогов, в частности «выветриванием» семы ДИРЕКЦИОНАЛ.

Таблица 28

Семантические признаки предлогов *vor*, *перед*, *впереди* и *спереди*

Семантические признаки	<i>vor</i>	<i>перед</i>	<i>впереди</i>	<i>спереди</i>
Локализация в воспринимаемом пространстве	+	+	+	+
Локализация в воображаемом пространстве	+	-	+	-
Спецификация региона: фоновость	+	-	-	-
Спецификация региона: центральная часть	-	+	-	-
Спецификация региона: ингерентная фронтальная сторона	+/-	+/-	+/-	+
Спецификация региона: проксимальный регион	+	+	+	+/-
Топологические отношения: контакт	+/-	-	+/-	+
Дирекциональные отношения	+/-	-	+/-	+/-

Количественная асимметрия предложных рядов в немецком и русском языках наблюдается и у предлогов, обозначающих вектор «сзади»: в немецком языке данный вектор обозначается одним предлогом, в русском – тремя. Однако становление предложного ряда в этом случае вряд ли можно связать с редукцией семантики. Как будет показано ниже, предлог *за* передает целый комплекс характеристик пространственной ситуации, в том числе и дирекциональные отношения. В следующем параграфе будут рассмотрены факторы, обуславливающие возникновение в русском языке предложного ряда для обозначения вектора «сзади».

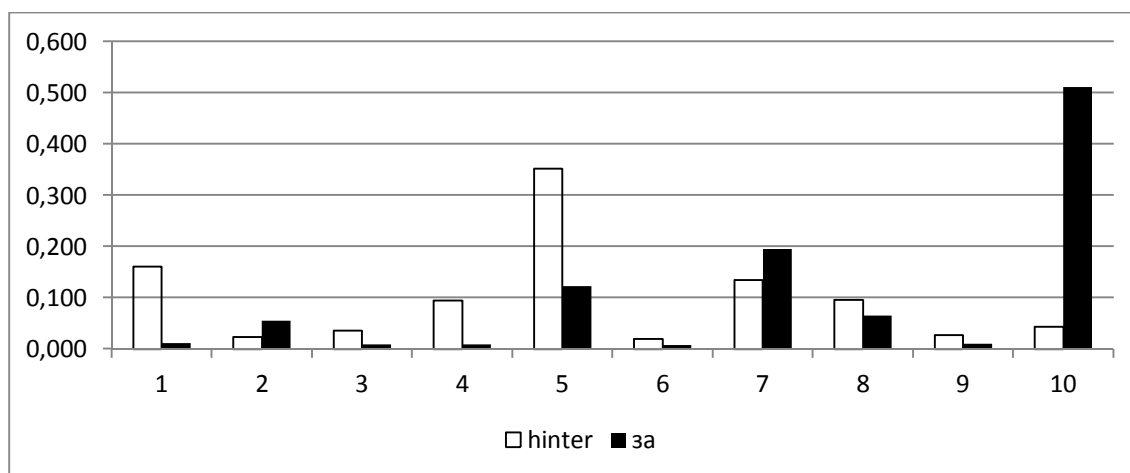
4.6. Особенности локализации при помощи предлогов, обозначающих вектор «сзади»

В частотном списке употреблений немецких предлогов в пространственном значении предлог *hinter* занимает двенадцатую позицию (807 употреблений), предлог *за*, соответственно, – пятую (1268 употреблений). Для *hinter* количество употреблений в пространственном значении составляет 60,9% от общего числа, для *за* – только 9%. Мы

связываем это с различиями в семантической структуре обоих предлогов, а также с разной степенью эксплуатации их семантических компонентов при переносе на другие (непространственные) сферы. Предлоги *hinter/za* являются димENSIONАЛЬНЫМИ антонимами предлогов *vor/nepred*, поэтому здесь также актуален вопрос о влиянии знаний об ингерентной ориентации объектов по первой горизонтали на способность этих предлогов употребляться с их наименованиями.

На рис. 39 показана относительная частота употреблений сравниваемых предлогов с наименованиями классов объектов в сопоставлении. В отношении сочетаемости с наименованиями отдельных классов объектов *hinter/za* обнаруживаются как сходства, так и различия: если оба предлога достаточно часто употребляются с наименованиями частей зданий и ограниченно подвижных артефактов, то, например, наименования класса «Вещепризнаки» являются самыми употребительными для предлога *za* и в то же время малоупотребительными для предлога *hinter*.

Дистрибуция предлога *hinter* является достаточно равномерной, наиболее частотный класс наименований для этого предлога – «Части зданий» (35,2%, табл. 29). За ним следуют классы «Человек» (16,1%), «Ограниченно подвижные артефакты» (13,5%), «Геофизические объекты» (9,5%), «Здания и сооружения» (9,4%). Наименования объектов этих пяти классов составляют 83,7% всех контекстов для *hinter*.

Легенда: 1– «Человек», 2 – «Части тела», 3 – «Геополитические объекты», 4 – «Здания», 5 – «Части зданий», 6 – «Транспорт», 7 – «Ограниченно подвижные артефакты», 8 – «Геофизические объекты», 9 – «Пути», 10 – «Вещепризнаки».

Рис. 39. Относительная частота употребления предлогов *hinter* и *za* с наименованиями классов объектов

Дистрибуция *za* по сравнению с дистрибуцией *hinter* отличается неравномерностью. Для этого предлога выделяется класс наименований объектов – «Вещепризнаки», представители которого встречаются более чем в половине (51,2%) всех конструкций с *za* в пространственном значении. За

ним следуют наименования классов «Ограниченно подвижные артефакты» (19,6%), «Части зданий» (12,3%), «Геофизические объекты» (6,6%) и «Части тела» (5,6%). Названные классы образуют 95,3% контекстов для *за*, остальные пять классов составляют менее 5% от общего количества пространственных употреблений данного предлога. Для объяснения выявленных различий в употребительности проведен анализ семантики и функций сравниваемых предлогов.

Таблица 29

Частотный ранг наименований классов объектов в конструкциях
с предлогами *hinter/за*, %

№	hinter		за	
1	Части зданий	35,2	Вещепризнаки	51,2
2	Человек	16,1	Ограниченно подвижные артефакты	19,6
3	Ограниченно подвижные артефакты	13,5	Части зданий	12,3
4	Геофизические объекты	9,5	Геофизические объекты	6,6
5	Здания и сооружения	9,4	Части тела	5,6
6	Вещепризнаки	4,3	Человек	1,2
7	Геополитические объекты	3,6	Здания и сооружения	1
8	Пути	2,7	Пути	1
9	Части тела	2,4	Геополитические объекты	0,9
10	Транспортные средства	2	Транспортные средства	0,8

Предлоги *hinter/за* служат для локализации в отношении тыльной стороны объекта. Тыльная сторона, в свою очередь, определяется по отношению к фронтальной как противоположная ей. Выше обсуждались проблемы идентификации фронтальной стороны, которые оказываются актуальными и для идентификации тыльной стороны. Считается, что достаточно просто тыльная сторона определяется у объектов с ингерентной, выделенной фронтальной стороной (например, *шкаф, телевизор*), как в примерах (274) и (275):

(274) ...*Ratten hinter den Schränken...* [taz] ‘...крысы за шкафами...’

(275) *У зрителя возникает чувство, что он невольно подглядывает интимные сцены, находясь за прозрачным зеркалом, в которое наблюдает себя героиня Людмилы*[Литературная газета].

Однако анализ употребительности *hinter/за* с наименованиями объектов, имеющих выделенную фронтальную сторону, показывает, что регионы локализации, задаваемые немецким и русским предлогами, могут отличаться.

4.6.1. Условия идентификации тыльной стороны в ситуациях, обозначаемых конструкциями с *hinter/za*

Как следует из анализа дистрибуции, оба предлога способны локализовать в отношении объектов как с ингерентной ориентацией, так и не имеющих маркированных фронтальной vs. тыльной стороны.

К релятумам, имеющим ингерентную ориентацию по первой горизонтали, можно отнести наименования классов «Человек», «Здания», «Транспортные средства», часть наименований классов «Части тела», «Части зданий». Как в русском, так и в немецком языке *hinter/za* достаточно редко употребляются с наименованиями транспортных средств. Как показывает анализ употребительности других предлогов, представители данного класса объектов достаточно редко выступают в качестве релятумов при пространственной ориентации. Возможно, это связано с их неконстантным положением в пространстве. Рассматриваемые предлоги также не обнаруживают высокой употребительности с наименованиями зданий, процент конструкций с наименованиями данного класса составил для *hinter* 9,4, для *za* – 0,8.

Установлено, что предлог *hinter* всегда локализует по отношению к стороне, противоположной фронтальной, в то время как пространство локализации предлога *za* может располагаться и в регионе фронтальной стороны ингерентно ориентированных объектов, т. е. совпадать с регионом локализации предлога *перед*. Это происходит в конструкциях с наименованиями приборов, предметов обстановки:

(276) *За компьютер сядем все?* [Завтра].

(277) *Но для меня это – внуки и дети тех, с кем я сидел за одной партией* [Завтра].

(278) *Они любят сидеть за столом с закусками* [Сегодня].

(279) *За этим столом рождались страницы книги «Пойдем в кино»* [Санкт-Петербургские ведомости].

Подобные конструкции, с нашей точки зрения, не являются в чистом виде локативными, поскольку не служат для описания пространства. Предлог *za* в таких конструкциях не противопоставлен предлогу *перед* в пространственном отношении, а сама предложная конструкция может замещаться беспредложной конструкцией, которая обозначает тот или иной вид деятельности: *сидеть за компьютером* – выполнять какую-либо работу с помощью данного прибора, *сидеть за партией* – учиться в школе, *сидеть за столом* – заниматься какой-либо деятельностью, используя стол (принимать пищу, писать и т. д.)⁴³.

---

⁴³ Выше мы уже рассматривали конструкции подобного рода с другими предлогами. Здесь важно отметить, что граница между локативными предложными конструкциями и предложными конструкциями с другими значениями диффузна, ряд конструкций обнаруживают синкретизм разных значений. Мы считаем целесообразным рассматривать и такие случаи, поскольку в сравниваемом языке значение аналогичной конструкции с предлогом-коррелятом может отличаться.

В немецком языке выражения типа *hinter dem Computer, hinter dem Tisch* также возможны, однако функции *hinter* и *за* в подобных конструкциях сильно отличаются. С помощью предлога *hinter* задается перспектива визуального восприятия пространственной ситуации, в которой локализуемый объект находится дальше, а локализирующий – ближе к наблюдателю. В таких случаях пространство *hinter* противопоставлено пространству *vor*:

(280) *Alle sind da, Journalisten von Presse, Rundfunk und Fernsehen. Die deutschen hinter, die türkischen vor dem Tisch* ‘Все собрались, журналисты от прессы, радио и телевидения. Немецкие **за**, турецкие **перед** столом’ [taz].

Обнаруживаются особенности в локализации при помощи предлогов *hinter/за* по отношению к объектам класса «Человек». По употребительности немецкого предлога данный класс занимает второе место (более 16% всех употреблений). В русском корпусе выявлено всего лишь 16 контекстов употреблений предлога *за* с наименованиями этого класса объектов (немногим более 1%). Рассмотрим примеры контекстов.

В обоих языках в конструкциях с *hinter/за* наименования человека обнаруживают такую же категоризацию, как и в конструкциях с *vor/перед*. При помощи предлогов *hinter/за* может осуществляться локализация по отношению к человеку как исходной точке пространственных координат. В этом случае по отношению к человеку локализуются объекты, значительно превосходящие его по размеру, и даже целые события. В случае с *vor/перед* мы связывали такую категоризацию человека с его способностью зрительного восприятия, поскольку пространство локализации *vor/перед* совпадает со зрительно воспринимаемой стороной. *Hinter/за* соотносит объекты со стороной противоположной, недоступной зрению человека (примеры (281)–(284)).

(281) *Такое воцарилось молчание за мной, что я подумал о том, что это уже преисподняя* [Московский комсомолец].

(282) *Не Москва ль за нами? – восклицал на Бородинском поле герой Лермонтова* [Завтра].

(283) *Hinter ihm steht ein kompletter Häuserblock in Flammen* ‘За ним пылает весь блок домов’ [taz].

(284) *Inzwischen liegt die Stadt hinter uns* ‘Между тем город остался позади нас’ [taz].

В отношении человека может осуществляться локализация так же, как и по отношению к любому физическому объекту. При подобной локализации в способах употребления немецкого и русского предлогов обнаруживаются существенные отличия. Рассмотрим сначала примеры с *за*.

Предлог *за* употребляется преимущественно в конструкциях с глаголами движения, как в примере (285):

(285) *Я шел за ним по другой стороне Пятой авеню. Потом он свернул на Ист. Неподалеку от празднично выглядывшего собора опустошил еще одну шляпу, около «Макдональда» – третью...* [Московский комсомолец].

Конструкция *я шел за ним* описывает пространственные отношения между локализуемым объектом *я* и локализующим объектом *он*. Предлог *за* выполняет здесь две функции:

1) указывает на то, что локализуемый и локализующий объекты движутся в одном направлении и между ними сохраняется определенная дистанция (на сокращение дистанции между объектами указывает предлог *к* – *я шел к нему*);

2) ориентирует в отношении того, с какой стороны релятума соотносится локализуемый объект, и таким образом находится в оппозиции другим дименциональным предлогам, ср. *я шел перед ним/возле него*. При ориентации в отношении наименований лиц глагол движения может опускаться, как в примере (286):

(286) *Диспозиция такова: мы идем по пушкинским местам, за нами три машины, черная, белая и голубая, местное руководство со свитой...* [Огонек].

Данный контекст содержит также эксплицитное указание на то, что речь идет об описании пространственной ситуации: *диспозиция такова*. Это уточнение и элиминация глагола из поверхностной структуры высказывания не являются случайными. В русском языке конструкции типа **локализующий объект + глагол движения + за + имя лица** включают в себя информацию об интенциях субъекта движения по отношению к релятуму. Эту информацию адресат выводит на основании знаний о мире, о типичных отношениях, которые возникают между объектами в той или иной пространственной ситуации. Так, из выражения *Иногда за Сергеем следует машина сопровождения* можно сделать вывод, что целью субъекта движения *машина сопровождения* является, скорее всего, охрана релятума *Сергей*. Из того же выражения, взятого в более широком контексте, делается вывод о другой интенции субъекта движения – перевозке грузов:

(287) *Иногда за Сергеем следует машина сопровождения, но и без нее он движется налегке, имея в сумке только сухой паек...* [Московский комсомолец].

Рассматриваемый тип конструкций широко употребляется в переносном значении: *идти/следовать за* – руководствоваться идеями, примером лица-релятума, *бегать за* – неотступно следовать за кем-либо с какой-либо целью и т. п. Видимо, на счет метафоризации и насыщенности дополнительными смыслами следует отнести также очень редкое употребление конструкций типа *быть/стоять/находиться за* для пространственной ориентации по отношению к наименованиям лиц. Так, выражение *за нами никого нет* может быть истолковано как в пространственном значении – в области релятума, на которую указывает *за*, отсутствует локализуемый объект, так и в смысле «нас никто не поддерживает, не защищает». Для определения, идет ли речь о переносном значении или локализации, необходим более широкий контекст:

(288) *За нами никого нет. Расскажу израильский анекдот. Встречаются двое [Сегодня].*

Любопытно, что в русском языке существуют и другие предложные средства для локализации по отношению к тыльной стороне релятума. Это непервообразные предлоги *позади* и *сзади*, которые функционируют и в качестве наречий. Мы полагаем, что предложное употребление этих наречий *позади* развилось в том числе и вследствие неоднозначности пространственных выражений с предлогом *за*.

В отличие от русского языка, немецкий язык обладает только одним предложным средством для обозначения вектора «сзади» – предлогом *hinter*. При употреблении *hinter* с глаголами движения многозначности не возникает. *Hinter* передает информацию только о том, с какой стороны релятума соотносится локализуемый объект. В случаях, когда в немецком языке сообщается об однонаправленном движении локализуемого и локализующего объектов, употребляется предлог *hinter* в сочетании с дейктиком *her* ‘сюда’:

(289) *Bis ans Dorfende rennen sie juchzend **hinter** den Fahrrädern **her*** ‘До самого конца деревни бегут они, запыхавшись, **за** велосипедом’ [taz].

Конструкция *hinter ... her sein* может употребляться синонимично глаголу *folgen* ‘следовать’:

(290) *Merkwürdig ist, seitdem er mir dieses Vieh feilbot, **ist** es wie verrückt **hinter** mir **her**, geht mit bis zur U-Bahn...* ‘Странно, с тех пор как он предложил мне купить это животное, оно, как сумасшедшее, **следует за** мной, идет со мной к метро...’ [taz].

Употребление коррелирующих предлогов *hinter* и *за* с наименованиями класса «Человек» обнаруживает отличия также и на уровне пространства локализации, которое зависит от падежного управления предлога. Оба сравниваемых предлога – *за* и *hinter* – управляют двумя падежами: винительным – при указании на движение локализуемого объекта в область, задаваемую релятумом, и творительным в русском, а в немецком дательным падежом – при указании на местонахождение локализуемого объекта в соответствующей области. Рассмотрим на примере, как реализуется данное грамматическое свойство в отношении анализируемого класса релятумов:

(291) *Er drängte sich **hinter** einen fülligen Mann und setzte seinen Fuß schon auf die Stufe, ehe dieser endgültig eingestiegen war* [taz].

В данном примере речь идет о посадке пассажиров в транспортное средство (*einsteigen*), локализуемый объект *er* осуществляет направленное движение (*drängte sich/протискивается*) в область релятума (*ein fülliger Mann*), которую задает *hinter*. Схематически данная ситуация представлена на рис. 40. Направленные стрелки обозначают движущийся локализуемый объект (X) и локализирующий (Y). Пространство вокруг Y разбито на области локализации в соответствии с его ориентацией. *Hinter* управляет в данной

ситуации винительным падежом и указывает на область локализации, которая соответствует ингерентной ориентации Y, т. е. область 1. Если перевести предложную конструкцию в данном выражении в соответствии с оригиналом, чтобы предлог *за* управлял винительным падежом, то получим следующее:

(291a) *Он протиснулся за полного мужчину и уже поставил ногу на ступеньку, прежде чем этот окончательно успел войти.*

Область локализации для (291a) соответствует области 3 на рисунке, являясь, таким образом, противоположной оригиналу. Для корректной передачи пространственных отношений, которые представлены в примере (291), необходимо использовать предлог *за* с творительным падежом: *Он протиснулся за полным мужчиной.*

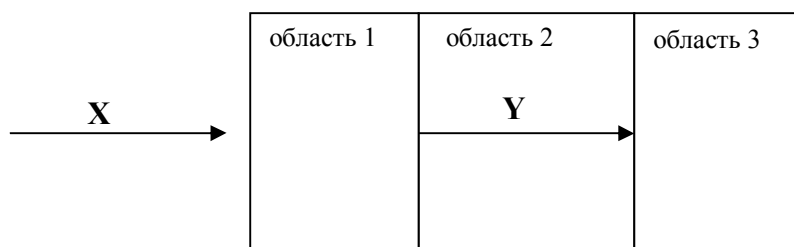

Рис. 40. Схема пространственной ситуации в примере (292a)

В немецком языке в качестве релятивов с *hinter* наименования лиц выступают в основном в ситуациях покоя:

(292) *Im Regal hinter ihr stehen das Gartenbuch, das Pilzbuch, das Backbuch, das Kochbuch...* ‘На полке за ней стоят книга о садоводстве, книга о грибах, книга с рецептами для выпечки, поваренная книга...’ [taz].

Языковая локализация в отношении наименований человека, как в примере (292), для русского языка нетипична, хотя с грамматической точки зрения вполне допустима. Однако в подобных случаях в русском языке в качестве релятива выступает существительное *спина*, пример (293). Возможность замены в этом примере конструкции *за спиной у хозяйки* конструкцией ^{??}*за хозяйкой* сомнительна.

(293) *За спиной у хозяйки <...> банки с перловой кашей, прозрачные мешочки с крупой и мукой...* [Известия].

Рассмотрим условия, влияющие на определение региона локализации предлогов *hinter/за* в конструкциях с наименованиями объектов, не имеющих ингерентной ориентации по оси «перед – зад». Этот регион определяется в зависимости от перспективы восприятия: исследуемые предложные корреляты указывают на сторону объекта, которая более удалена от наблюдателя:

(294) *Солнце садится за рекой, в лес, долго потухает...* [Завтра].

(295) *Dort, hinter den braunen Äckern <...> liegt Szczecin* ‘Там, за коричневыми полями находится Щецин’ [taz].

В примерах (294) и (295) пространственные констелляции объектов описываются из перспективы наблюдателя, по отношению к которому объекты *солнце*, *Szczecin* ‘Щецин’ расположены дальше, чем объекты *река*, *Äcker* ‘поля’.

В примерах с *hinter/за* часто встречаются глаголы со значением *прятаться*, поскольку, как указывают исследователи, тыльная сторона, в отличие от передней, малодоступна [114; 143]:

(296) *Auf der Höhe zwischen Reichstagsgebäude und Brandenburger Tor will der griechische Künstler Jannis Markopoulos bis Ende des Monats ein denkmalgeschütztes und leerstehendes Haus hinter 50.000 Meter Kunststoffseilen verschwinden lassen* ‘На возвышенности между зданием Рейхстага и Бранденбургскими воротами греческий художник Янис Маркопулос хочет до конца месяца спрятать охраняемый как памятник архитектуры и пустующий дом за 50 000 метрами канатов из искусственного материала’ [taz].

(297) *Интересуюсь у <...> продавщицы ларька, чье лицо спрятано за батареями бутылок водки и крепленого вина: знает ли она, что продавать сей товар теперь не имеет права* [Санкт-Петербургские ведомости].

Часто релятум в конструкциях с *hinter/за* служит разделению пространства в дейктической перспективе на область «здесь» и область «там». Особенно выражена эта функция у русского предлога. Не случайно более половины всех контекстов для *за* составляют конструкции с наименованиями объектов класса «Вещепризнаки», причем в подавляющем большинстве из них (624 из 649) выступают существительные типа *рубеж*, *кордон*, *пределы*:

(298) *Der Grenzstreifen hinter der weißen Markierungslinie ist übersät mit Dosen, Bierflaschen und Glasscherben* ‘Приграничная полоса за белой демаркационной линией усеяна банками, бутылками из-под пива и осколками стекла’ [taz];

(299) *...я жил все время за границей* [Независимая газета];

(300) *Предусматривают ли эти варианты возможность открытия Чечней своих представительств за рубежом?* [Известия].

Функцию деления пространства в русском языке могут выполнять также такие релятумы, как *океан*, *море*, обозначения расстояний типа *метр*, *километр*, *шаг*:

(301) *Если бы за океаном знали историю, в СНГ было бы меньше сложностей* [Век];

(302) *Чтобы спасти оленей, их пришлось перегонять за 120 километров на новые пастбища* [Известия].

Следующим фактором, который влияет на идентификацию тыльной стороны, является направление движения. В условиях движения *hinter/za* указывают на сторону релятума, которая следует позже:

(303) *Als es draußen langsam hell wird, ist der Zug schon weit hinter Glasgow* ‘Когда на улице начало светать, поезд был уже далеко **за** Глазго’ [taz];

(304) ...*устремляемся в небольшой тоннель на нейтральной полосе. По выезде из него сразу за мостом через Терек видим бесконечную вереницу большегрузных машин* [Известия].

В русском языке тыльная сторона может определяться также в перспективе «внутри – снаружи»: предлог *за* указывает на наружную сторону релятума, в то время как *hinter* подобной семантической характеристики не обнаруживает. Следовательно, в структуру семантики предлога *за* входит признак ИСКЛЮЧЕНИЕ. Рассмотрим примеры:

(305) *А новой игры для него нет, делать нечего – ни в Кремле, ни за его стенами* [Огонек];

(306) *За стенами его казармы бурлит непостижимая для разума простого смертного жизнь* [Известия].

В контекстах типа (305) и (306) предлог *за* образует оппозицию с предлогом *в*: *в Кремле – за стенами Кремля, в казарме – за стенами казармы*. При переводе на немецкий язык отношение нахождения снаружи эксплицируется в конструкции *draußen vor*. Любопытно, что для выражения местонахождения внутри чего-либо предлог *в* употребляется с наименованием здания как целого, а предлог *за* – с наименованием его частей – стен, окон, которые являются, по сути, границами, конституирующими внутреннее пространство.

Внешнее пространство профилируется в конструкциях с наименованиями конституирующих границ и с существительным *город*: в примере (307) пространство *внутри России* противопоставляется пространству *за пределами РФ*, в примере (308) – пространство внутри города – пространству вне его; местоположение локализуемого объекта в подобных конструкциях остается неопределенным.

(307) *Именно это ведет к тому, что крайне болезненно **внутри** самой России воспринимается любая, даже, на первый взгляд, незначительная информация о дискриминации наших соотечественников **за пределами** РФ* [Сегодня].

(308) *«Без Аракиных и Москва не Москва», – говорила Е. М. Склифосовская, когда семья Аракиных летом перебиралась **за город** на дачу* [Независимая газета].

Предлог *за* может указывать и на проксимальный регион пространственного объекта – помещения – в конструкциях с релятумами *окно, дверь* (примеры (309) и (310)). В подобных контекстах положение локализуемого объекта идентифицируемо: он находится в пределах досягаемости (в поле зрения, в пределах слышимости и т. д.):

(309) *Сидишь среди художников, слушаешь рассуждения об их гениальных картинах, а за окном идет в полумраке, в слякоти народ [Завтра];*

(310) *Но однажды, когда дома были обе сестры, люди за дверью были очень настойчивы, грозились взломать дверь и пристрелить собаку [Известия].*

Предложные конструкции с *за* в значении указания на внешнюю сторону обладают определенной устойчивостью референции. Устойчивость таких конструкций проявляется прежде всего в фиксированном показателе грамматического числа релятума: релятумы *граница, рубеж, город* всегда употребляются в конструкциях с *за* в единственном числе, релятум *пределы* – во множественном. Выражения с названными релятумами характеризуются некоторым словообразовательным потенциалом (ср.: *заграница, зарубежье, запредельный, загородный*).

Конструкции с релятумами *дверь, окно* менее устойчивы, как правило, при указании на внешнюю сторону данные релятумы употребляются в единственном числе: в национальном корпусе русского языка выражение *за окном* в пространственном значении имеет 431 вхождение, *за окно* – 23, в то время как выражение *за окнами* представлено в 87 контекстах, а выражение *за окна* не имеет ни одного вхождения. Подобная картина наблюдается и с конструкциями *за дверью, за дверь* (204 и 181 вхождение соответственно), *за дверями, за двери* (37 и 16 вхождений). Вероятно, таким образом в языке отражается каноническая перспектива зрительного восприятия внешнего мира из пространства внутри помещения, в котором доступ к внешнему пространству обычно обеспечивается одним окном и одной дверью.

Из проведенного семантического анализа следует, что предлог *за* имеет общность как с предлогом *снаружи* (профилирование проксимального региона, употребление с релятумами *окно, дверь*), так и с предлогом *вне* (профилирование внешнего пространства, неопределенная локализация, употребление с релятумами *граница, пределы, стены, город*). При этом разграничение семантики предлога *снаружи* и предлога *за* в значении указания на внешнюю сторону объекта не представляет особых трудностей, поскольку конструкции *за окном, за дверью* и *снаружи окна, снаружи двери* отсылают к проксимальным регионам, задаваемым разными объектами. В первом случае речь идет о регионах зданий, помещений (*за окном* = с наружной стороны здания), во втором – о регионах объектов, которые именуются самими релятумами (*снаружи окна* = с наружной стороны окна).

Разница между семантикой предлогов *за* и *вне*, связанная с локализацией в разного типа регионах (проксимальном vs. не проксимальном), кажется очевидной. Это можно продемонстрировать на примере (311), в котором конструкция *вне города* указывает на локализацию в любой точке за исключением пространства, занимаемого городом. Замена данной конструкции на конструкцию *за городом* влечет за собой и изменение местоположения объекта, который в этом случае будет

находиться в проксимальном регионе. Именно такая локализация отражена в примере (312).

(311) *Вы ведь тоже большую часть времени проводите вне города* [М. Садчиков. Из поколения очкариков // Труд-7, 2006.02.18].

(312) *Вы живете за городом. Какой в этом смысл, ведь все равно каждый день вы, муж, дочь вынуждены ехать в Москву по делам, на работу, в школу и так далее?* [А. Славуцкий. Алена Хмельницкая: мой шопинг Тигран // Труд-7, 2008.01.12].

В ряде случаев требуется дополнительное разграничение семантики предлогов *за* и *вне*, не связанное с противопоставлением регионов локализации. Как отмечалось выше, релятум *граница* употребляется с предлогом *за* в единственном числе, а соответствующая конструкция имеет устойчивую область денотации: она обозначает пространство не в своей стране. Данная конструкция является идиоматичной. На синтаксической поверхности это проявляется в избыточности определения при релятуме *граница* в предложной конструкции (ср. в примере (313) *работа разведчиков за границей* при сомнительности ^{??}*работа разведчиков за границей России*). Этот же релятум с предлогом *вне* всегда употребляется во множественном числе (*вне границ* при сомнительности ^{??}*вне границы*), причем определение при релятуме, уточняющее вне границ чего локализуется объект или действие, является обязательным (пример (314)).

(313) *Его направили в отдел по изготовлению паспортов для работы разведчиков за границей* [Работу Павла Громушкина в разведке коллеги называют высоким искусством // РИА Новости, 2008.02.21].

(314) *Маневры должны были пройти с 19 по 28 июля вне границ территориальных вод Украины в северной части Черного моря* [Скандально известные украинско-американские военные учения отменили // Известия, 2006.07.20].

Конструкция *вне границ* является грамматикализованным выражением, в Русской грамматике-80 она отнесена к числу составных именных предлогов. Так же квалифицируется и конструкция *вне пределов*, в то время как выражение *за пределами* в перечне составных именных предлогов не указано. Однако конструкция *за пределами* в пространственном значении употребляется гораздо чаще, чем конструкция *вне пределов*: в Национальном корпусе русского языка *за пределами* имеет 2554 вхождения, *вне пределов* – 87, при этом процент употреблений в непространственных значениях у обоих выражений приблизительно одинаков (7 и 10 соответственно). В большинстве контекстов данные конструкции взаимозаменяемы (см., например, (315)). Отличия обнаруживаются в возможности применения к конструкциям оператора «далеко»: выражение *далеко за пределами* является допустимым (пример (316)), в то время как ^{??}*далеко вне пределов* – сомнительным.

(315) *Тогда президент Чечни Джохар Дудаев обратился ко всем соплеменникам, находящимся вне пределов Чечни, с призывом приехать в*

республику для того, чтобы отдать ей все свои силы и знания [В. Перекрест. Из полковника в террористы // Известия, 2007.12.24].

(316) «Считаем подобные заходы неприемлемыми ввиду серьезного ущерба, который тем самым был бы нанесен беспристрастности и легитимности роли ООН в урегулировании конфликтов в «горячих точках» мира, в том числе **далеко за пределами Балкан**», – отметил российский дипломат [Л. Саенко. СБ ООН не послал сигнала поддержки Приштине // РИА Новости, 2008.02.15].

Предлог *hinter* нейтрален в отношении оппозиции «включение – исключение» и задает только перспективу членения пространства: если в русском языке конструкция *за окном* часто употребляется синонимично наречию *снаружи* (ср.: *за окном потемнело, за окном идет дождь*), то коррелирующая конструкция в немецком языке *hinter dem Fenster* в большинстве контекстов, найденных в корпусе, указывает на пространство внутри в соответствии с перспективой описания ситуации, чаще всего это пространство внутри зданий, сооружений:

(317) *Für den Einwohner, der hinter seinem Fenster womöglich gerade fernsah, war die Wirkung erschreckend* Дословно: ‘Для жителя, который, скорее всего, смотрел за своим окном телевизор, воздействие было ужасающим’ [taz].

4.6.2. Признак КОНТАКТ в семантике предлогов *hinter/za*

В семантическую структуру предлога *за* входит топологический признак КОНТАКТ [114; 261]. Возможность контакта, заложенная в семантике предлога *за*, обуславливает, например, его употребление с существительными *стакан, чашка*, для обозначения процесса питья. Такую же функцию в немецком языке выполняет предлог *vor* ‘перед’ – антоним предлога *за* с точки зрения димензиональной структуры пространства. Напомним, что семантика предлога *vor*, в отличие от его коррелята в русском языке – предлога *перед*, также допускает возможность контакта:

(318) *...видно уже не первый час за стаканчиком сосредоточенно спорят* [Огонек];

(319) *Zwei Tschechinnen sitzen vor einer Tasse Tee* ‘Две чешки сидят за (дословно **перед**) чашкой чая’ [taz].

Предлог *за* допускает возможность контакта, как и в случае с немецкими предлогами *über, unter*, реализация семы КОНТАКТ у этого предлога осуществляется в согласовании с глаголами, семантика которых предполагает контакт с объектом действия. На возможность употребления предлога *за* с подобными глаголами указывается в словарных дефинициях. Так, в толковом словаре Д. Н. Ушакова отмечается, что предлог *за* употребляется при глаголах *брать, хватать, держать* и т. п. «для указания на предмет, на к-рый направляется действие или при посредстве к-рого происходит какое-н. действие». В толковом словаре С. И. Ожегова

говорится, что *за* «указывает на лицо или предмет, к-рый охватывается, к-рому прикасаются при направлении на него действия». Согласно Толковому словарю служебных слов Е. Т. Ефремовой, предлог *за* употребляется при указании на лицо или предмет, «которые берут, которых касаются, до которых дотрагиваются».

В приведенных дефинициях не дифференцируется семантическая роль релятума, вводимого предлогом *за*. С нашей точки зрения, для уточнения семантической роли релятума, который вводится предлогом, необходимо обратиться к валентностной структуре глаголов соответствующей семантики. Глаголы типа *брать*, *хватать*, *держать* являются переходными и предполагают наличие актанта, обозначающего лицо или предмет – объект действия, который в синтаксической структуре предложения имеет статус прямого дополнения. С помощью предложной конструкции заполняется сирконстантная валентность глагола, предлог вводит релятум, который обозначает место контакта, предложная конструкция выполняет функцию обстоятельства места. Релятум-сирконстант в подобных контекстах представляет собой партоним по отношению к актанту.

(320) *Дьявольская сила все же повлекла его вслед за машиной, но кто-то сгреб, схватил его за ноги – удержал!* [Завтра]

(321) *Так прореагировала одна из трех организаций, руководящих профессиональным боксом, на известный инцидент во время его боя в Лас-Вегасе с Эвандером Холифилдом, когда Тайсон укусил соперника за ухо* [Санкт-Петербургские ведомости].

При употреблении с возвратными глаголами, например *взяться*, *схватиться*, *держаться*, предложная конструкция заполняет актантную валентность, в этом случае релятум представляет собой объект действия, а предложная конструкция выполняет синтаксическую функцию непрямого дополнения:

(322) *Что в нем – никто толком не знает, но каждый азартно высказывает свою догадку, и вместо того чтобы дружно взяться за мешок и выбросить его за борт, все ожесточенно спорят, чья догадка вернее* [Независимая газета].

В семантике предлога *за* признак КОНТАКТ объективируется в целом ряде контекстов. Что касается предлога *hinter*, то наличие или отсутствие данного признака в его семантике нельзя установить с помощью анализа контекстов или словарных толкований. С одной стороны, предлог *hinter* не употребляется с глаголами типа *halten* ‘держать’, *nehmen* ‘брать’ для введения семантических ролей релятума, которые выделялись нами для предлога *за*. С другой – среди дефиниций в толковых словарях находим определение лексического значения данного предлога, которое может указывать на наличие искомой семы. Так, согласно словарю Duden-online, предлог *hinter* указывает на местонахождение «auf der Rückseite von, auf der abgewandten Seite von» ‘на тыльной стороне чего-либо, на обратной стороне чего-либо’. Опыт работы со словарными дефинициями предлогов

показывает, что в практике составления словарей часто прибегают к определению значения одного предлога через значение другого на основании общего семантического признака. Таким семантическим признаком у предлогов *hinter* и *auf* может быть КОНТАКТ. Поскольку в контекстах с предлогом *hinter*, представленных в нашем исследовательском корпусе, примеров, в которых данные предлоги могли бы употребляться синонимично, не обнаружено, мы прибегли к опросу информантов – носителей немецкого языка.

Испытуемым (всего двенадцать человек разного возраста и рода занятий) предъявлены картинки (рис. 42, 42) с просьбой описать изображение. Данные картинки взяты в Интернете из русскоязычного сайта с инструкцией по пользованию сумкой-кенгуру. Примечательно, что в русском языке изображенные ситуации описываются как при помощи предлога *за*, так и при помощи предлога *на*, который является коррелятом предлога *auf* при указании на контакт. Примеры (323) и (324) представляют собой оригинальные подписи к рисункам 42 и 43 соответственно.

(323) *Чтобы носить ребенка за спиной, сначала усадите его в кенгурушку, затем наденьте ее на себя [kenguru.kiev.ua].*

(324) *В ЮВА в сельской местности распространено носить детей на спине. Родители с утрачка взваливают чадо на хребтину и ходят так целый день... [ardm.livejournal.com].*

Рис. 41. Изображение к примеру (323)

Рис. 42. Изображение к примеру (324)

Все информанты при описании картинки указывали на то, что ребенок находится *auf dem Rücken* ‘на спине’ женщины. На вопрос о возможности описания данной пространственной ситуации при помощи предлога *hinter* (*hinter dem Rücken* ‘за спиной’) все информанты ответили отрицательно. Найденные нами на немецкоязычных сайтах изображения, подобные рис. 41, 42, описываются при помощи предлога *auf* (рис. 43, пример (325)).

(325) ...*lächelnde Frau trägt ihr kleines Kind im Tragetuch auf dem Rücken...* ‘...улыбающаяся женщина носит своего маленького ребенка в платке за спиной (дословно: на спине)...’ [www.flonline.de].

Рис. 43. Изображение к примеру (325)

Из опроса следует, что предлог *hinter* не употребляется для передачи информации о контакте между объектами, соотносимыми в пространстве. Одновременно с этим такой контакт не исключается, как это происходит, например, в семантике предлога *над* (ср.: *голова на плечах – голова над плечами*). Примером тому служит надпись к изображению, представленному на рис. 44:

(326) *Beide Füße hinter dem Kopf gefaltet. Die Hände hinter dem Rücken* ... ‘Обе ноги заложены за голову. Руки за спиной...’ [www.yoga-vidya.de].

Рис. 44. Изображение к примеру (326)

Таким образом, в семантике предлога *hinter* признак КОНТАКТ не может быть маркирован ни положительно, ни отрицательно.

Анализ семантики дименциональных предлогов позволяет сделать вывод, что наличие в их семантике семы КОНТАКТ связано со способностью предлогов выражать дирекциональные отношения. Так, немецкие предлоги *vor*, *über* и *unter*, в семантике которых присутствует данная сема, могут обозначать как стативные отношения (с дательным падежом), так и направительное движение локализуемого объекта в соответствующий регион (с винительным падежом). Корреляты предлогов *vor* и *über* в русском языке

– предлоги *перед* и *над* – управляют только одним падежом и не могут выражать дирекциональные отношения, их семантика исключает также и отношение контакта (ср.: **голова над плечами*, **маска перед лицом*). Предлог *под*, напротив, выражает оба типа отношений и может указывать на контакт между соотносимыми объектами (например, *почва под ногами*, *лежать под одеялом*). Предлог *hinter*, обозначающий пространственные отношения как в статике, так и динамике, контакт между объектами, соотносимыми в пространстве, не профилирует, но и не исключает.

4.6.3. Семантические особенности предлогов *позади*, *сзади*

В русском языке для обозначения вектора «сзади» существует еще два непервообразных предлога: *позади* и *сзади*. В толковых словарях их значения определяются друг через друга. Так, в словаре Т. Ф. Ефремовой значение предлога *сзади* описывается как «позади кого-л., чего-л.», «за кем-л., чем-л.» (ср. определения в словарях Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова). Для предлога *позади* в словарном толковании можно выделить компонент, отличающий значение данного предлога от значения предлогов *за* и *сзади*. Согласно Д. Н. Ушакову, предлог *позади* означает «следом за кем-чем-н., отставая от кого-чего-н. (при глаг., означающих направление, движение)». В данном толковании отражается семантическое свойство предлога указывать на некоторое расстояние между локализуемыми объектами, Это свойство выводится и из толкования предлога *позади* в словаре С. И. Ожегова: «На расстоянии и с задней стороны от кого-чего-н., сзади кого-чего-н.». Всегда ли реализуется этот компонент и каковы другие отличительные черты семантики предлогов *за*, *позади*, *сзади* – выявляется в ходе последующего анализа.

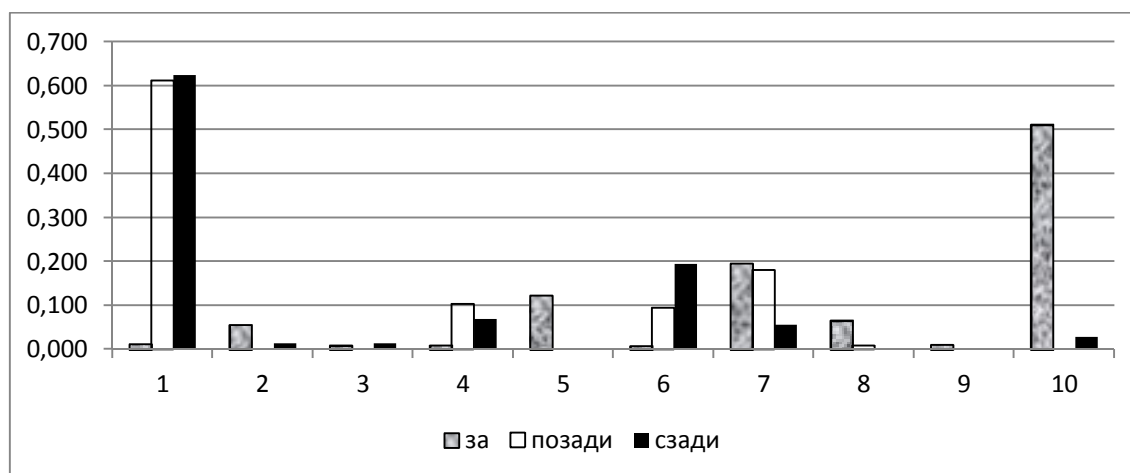
Рассмотрим особенности семантики и дистрибуции данных предлогов в сравнении с предлогом *за*.

Предлоги *позади* и *сзади* имеют низкий частотный ранг в нашем исследовательском корпусе (40-е и 39-е места соответственно). Для проведения анализа привлекались данные газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка.

В газетном подкорпусе языковая единица *позади* имеет 2727 вхождений, из которых анализу подверглись 1000. Из проанализированных 1000 контекстов языковая единица *позади* в качестве предлога употреблена в 161 контексте, в пространственном значении – в 116 контекстах, т. е. употребления данного предлога в пространственном значении составляют чуть менее 73%.

Языковая единица *сзади* имеет в газетном подкорпусе всего 2148 вхождений. Проанализированы все контексты, выявлено, что в качестве предлога *сзади* употребляется в 72 контекстах, во всех случаях в пространственном значении.

Относительная частота употреблений предлогов *за*, *позади*, *сзади* с наименованиями классов объектов представлена на рис. 45. Как следует из гистограммы, употребительность сравниваемых предлогов характеризуется как неравномерная.

Легенда: 1– «Человек», 2 – «Части тела», 3 – «Геополитические объекты», 4 – «Здания», 5 – «Части зданий», 6 – «Транспорт», 7 – «Ограниченно подвижные артефакты», 8 – «Геофизические объекты», 9 – «Пути», 10 – «Вещепризнаки».

Рис. 45. Относительная частота употребления предлогов *за*, *позади*, *сзади* с наименованиями классов объектов

Для каждого из них выделяется класс объектов, наименования которого по частотности употребления находятся впереди на значительном расстоянии от последующих классов. Характерной особенностью дистрибуции предлогов *позади* и *сзади* является то, что они в подавляющем большинстве случаев употребляются с наименованиями объектов, имеющими ингерентную ориентацию по оси «спереди – сзади». Также обращает на себя внимание тот факт, что предлоги *позади* и *сзади* практически не употребляются с наименованиями объектов-частей («Части тела» и «Части зданий»), а также с наименованиями путей; найден лишь один контекст для предлога *сзади*, в котором он употребляется с релятумом *сустав*. Также отдельными контекстами представлены в конструкциях с предлогом *сзади* наименования классов «Геополитические объекты» (*сзади поселка*), «Вещепризнаки» (*сзади линии ворот*, *сзади линии атаки*). Одним контекстом представлен класс «Геофизические объекты» для предлога *позади* (*позади кустов*).

Частотный ранг наименований классов объектов с предлогами *за*, *позади*, *сзади* представлен в табл. 30. Как следует из таблицы, первое место по употребительности для предлогов *позади* и *сзади* занимают объекты класса «Человек», которые составляют 61,2% и 62,5% употреблений данных предлогов в пространственном значении соответственно. Вторым по частотности для предлога *сзади* и четвертым для предлога *позади* является класс наименований «Транспортные средства», в то время как для предлога *за* этот класс наименее частотен. Относительно часто со всеми тремя

предлогами употребляются наименования класса «Ограниченно подвижные артефакты» (второе место для предлогов *за* и *позади* и четвертое – для предлога *сзади*).

Таблица 30

Частотный ранг наименований классов объектов в конструкциях
с предлогами *за*, *позади*, *сзади*, %

№	за		позади		сзади	
	наименование	%	наименование	%	наименование	%
1	Вещепризнаки	51,2	Человек	61,2	Человек	62,5
2	Ограниченно подвижные артефакты	19,6	Ограниченно подвижные артефакты	18,1	Транспортные средства	19,4
3	Части зданий	12,3	Здания и сооружения	10,3	Здания и сооружения	6,9
4	Геофизические объекты	6,3	Транспортные средства	9,5	Ограниченно подвижные артефакты	5,6
5	Части тела	5,6	Геофизические объекты	0,9	Вещепризнаки	2,8
6	Человек	1,2	Части зданий	0	Части зданий	1,4
7	Здания и сооружения	1	Части тела	0	Геополитические объекты	1,4
8	Пути	1	Геополитические объекты	0	Геофизические объекты	0
9	Геополитические объекты	0,9	Пути	0	Части тела	0
10	Транспортные средства	0,8	Вещепризнаки	0	Пути	0

Рассмотрим контексты с наименованиями классов объектов, являющихся наиболее частотными для *позади* и *сзади*.

Предлоги *позади* и *сзади* употребляются с наименованиями человека в двух типах ситуаций. В первом случае речь идет о ситуациях, в которых локализуемый и локализуемый объекты осуществляют однонаправленное движение, при этом дистанция между ними сохраняется (пример (327)).

(327) *Рядом с поворотом расположен нерегулируемый пешеходный переход. Позади меня двигались две маршрутки. Пешеходы перешли дорогу, и я начала тихо поворачивать* [И. Кумейко. В Челябинске негодяй избил женщину посреди оживленной дороги на глазах у ее детей // Комсомольская правда, 2011.02.18].

(328) *Мы ехали загружаться в Курск зерном, сзади нас шла наша вторая машина – тоже «КамАЗ», – рассказал «Комсомолке» водитель Иван Харитонов* [А. Кажарина. Под Воронежем «КамАЗ» протаранил легковушку: трое погибших // Комсомольская правда, 2011.02.01].

Замена в этих контекстах предлогов *позади*, *сзади* предлогом *за* приведет к изменению значения конструкции – выражение *за мной двигались*

две маршрутки обозначает, что локализуемый объект, возможно, преследует локализующий либо движется прокладываемому по маршруту. Подтверждением тому служит применимость к подобным конструкциям оператора *следом* – *следом за мной двигались две маршрутки*. Использование этого оператора в конструкциях с предлогами *позади*, *сзади* недопустимо: **следом позади меня двигались две маршрутки*, **следом сзади нас шла вторая машина*. Замена предлога *сзади* предлогом *за* в примере (328) приведет к возникновению неоднозначности: конструкция *за нами шла наша вторая машина* может обозначать не только пространственную ситуацию, но и соотносить во времени (*после нас*), может указывать также на отношение цели (*чтобы забрать нас*).

Анализируя семантику предлога *за*, мы обращали внимание, что неоднозначность конструкций с данным предлогом, характеризующимся высокой степенью полисемичности (процент употреблений этого предлога в пространственном значении составляет лишь 9 от общего числа контекстов, представленных в нашем исследовательском корпусе), разрешается при употреблении предлогов *позади* и *сзади*. Как показывает анализ дистрибуции, предлог *за*, с одной стороны, и предлоги *позади*, *сзади* – с другой, находятся между собой в отношениях взаимодополнительности в конструкциях с наименованиями таких классов объектов, как «Человек» и «Транспортные средства». Наименования этих классов в конструкциях с предлогом *за* характеризуются низкой частотностью, в то время как для предлогов *позади* и *сзади* они относятся к числу наиболее частотных (см. табл. 30).

В отличие от предлога *за*, регион локализации которого определяется в зависимости от целого ряда факторов (наличие у локализуемого объекта ингерентной ориентации по первой горизонтали, перспектива наблюдателя, направление движения, наличие контакта), предлоги *позади* и *сзади* локализуют только по отношению к ингерентной тыльной стороне объекта. Выше мы уже отмечали, что эти предлоги в подавляющем большинстве случаев употребляются с наименованиями именно таких объектов. Подобно предлогу *за*, предлоги *позади* и *сзади* могут локализовать как в проксимальном, так и в непроксимальном регионе объекта.

Еще одним важным отличием в употреблении предлогов *за* и *позади*, *сзади* является то, что *за* локализует как в отношении объектов воспринимаемого, так и в отношении объектов воображаемого пространства.

Как же дифференцируется семантика предлогов *позади* и *сзади*? Можно предположить, что предлог *позади* обозначает бóльшую по сравнению с предлогом *сзади* дистанцию, однако этот признак на основании контекстуального анализа не объективируется, следовательно, его нельзя относить к дифференциальным признакам исследуемых предлогов. Более того, для обоих предлогов найдены контексты, в которых дистанция между локализуемым и локализующим объектами сопоставима. В примерах (329) и (330) предлоги *позади* и *сзади* употребляются в ситуации, когда

локализуемый объект сидит позади/сзади локализующего. Вероятнее всего, дистанция между соотносимыми объектами в ситуации, описываемой в примере (330), даже больше, чем в ситуации, описываемой в примере (329). Сходное положение вещей наблюдается и в примерах (331), (332), где анализируемые предлоги употребляются с глаголом *стоять*.

(329) *Инструктор, сидящий позади пилотов, фактически «работает» за диспетчера и «управляет» силами природы: вызывает туман, грозу и другие неприятности, которые могут случиться во время реального полета* [А. Зайцев. Кузница небесных кадров // Комсомольская правда, 2011.03.16].

(330) *Он сидел где-то сзади нас, и я его не видел* [«Справиться с оравой англичан удастся немногим...» // Советский спорт, 2008.05.27].

(331) *А в довесок к этому обязательно нужно было говорить: «Вот вам меню, выбирайте», да еще стоять позади гостей и ждать заказа»* [А. Зайниев. Добрый босс – залог успеха // Труд-7, 2009.02.04].

(332) *Принцип звездности, впрочем, оставался не ясен, так как сзади меня в очереди стоял режиссер Сергей Бодров* [С. Тыркин [и др]. Тарантино открыл Московский кинофестиваль // Комсомольская правда, 2004.06.18].

Как показывает исследование, дифференциальным признаком для семантики предлогов *позади* и *сзади* может служить возможность контакта, обозначаемая предлогом *сзади*. Отношение контакта в семантике *сзади* реализуется в примерах (333) и (334). В этих контекстах замена *сзади* предлогом *позади* недопустима (**шрамик позади плечевого сустава*, **номер позади машины*).

(333) – *Да, мне сделали операцию на плече, – Настя показывает два небольших шрамика спереди и сзади плечевого сустава* [А. Насекина. Тренер тревожного плана. Интервью с наставником сборной России по синхронному плаванию // Советский спорт, 2010.08.02].

(334) *Спроси, что везет в прищепе, и почему нет дублированного номера сзади машины, – шепчет мне на ухо Дорогин* [И. Жеглова. Сегодня День ГИБДД: Гаишники надели парадную форму – накрахмаленные рубашки и белые погоны // Комсомольская правда, 2009.07.03].

Отношение контакта, обозначаемого предлогом *сзади* в приведенных примерах, специфицируется подобно контакту, на который указывает предлог *на*. Об этом свидетельствует возможность трансформации конструкции с *сзади* в конструкции с предлогом *на* и наречием *сзади*: *шрамик сзади плечевого сустава – шрамик сзади на плечевом суставе, номер сзади машины – номер сзади на машине*.

Предлог *сзади* употребляется также с глаголами, обозначающими действия, направленные на создание контакта между объектами, например, *прикрепить, прицепить, приклеить* (пример (335)). Подобное отношение выражается обычно предлогом *к*. В данном случае конструкции с предлогом *сзади* трансформируются в конструкции с предлогом *к* и наречием *сзади*: *прикрепить сзади машины знак – прикрепить сзади к машине знак*.

(335) *В буксируемой машине может находиться только водитель, и у нее должна быть включена «аварийка». Если она не работает или сел аккумулятор, прикрепите сзади машины знак аварийной остановки. Итак, поехали* [Ю. Гейко. В отпуск ехать на бензине или лететь на керосине? // Комсомольская правда, 2001.06.05].

Так же как и в примерах (333), (334), употребление в данном случае предлога *позади* означало бы, что локализуемый объект – *знак* – крепится на некотором расстоянии от локализуемого объекта *машина*. В подобных случаях недопустимо также употребление предлога *за* для передачи отношения контакта, несмотря на то, что соответствующая сема есть в значении данного предлога. Эта недопустимость обусловлена разными семантическими ролями релятумов, которые вводятся предлогами *за* и *сзади*. Если релятум, вводимый предлогом *за*, уточняет место контакта с локализуемым объектом, то предлог *сзади* маркирует этот объект как цель направленного движения, в результате которого должен возникнуть контакт.

Подведем итоги анализа немецкого и русских предлогов, обозначающих вектор «сзади». Резюмируя вышесказанное, отметим, что *hinter* и *за* обнаруживают в своем употреблении как общие черты, так и различия, которые обусловлены их семантикой. В структуру семантики предлога *hinter* входят димензиональный и дирекциональный признаки, в структуру семантики предлога *за* – димензиональные, дирекциональный и топологический. Как димензиональные предлоги, языковые единицы *hinter* и *за* указывают на тыльную сторону релятума. Тыльная сторона идентифицируется в зависимости от наличия у релятума ингерентной ориентации по оси «спереди – сзади», у объектов без такой ориентации – от перспективы восприятия. В условиях движения локализуемого объекта по направлению к локализуемому тыльная сторона приписывается в зависимости от его направления перемещения. В конструкциях с релятумами, обозначающими объекты с ингерентной ориентацией по первой горизонтали, фактор движения обуславливает неоднозначность идентификации тыльной стороны (ср. [181]).

Предлог *за* может локализовать в отношении маркированной фронтальной стороны релятума, если предполагается возможность контакта соотносимых объектов. Топологический признак КОНТАКТ в семантике предлога *за* активизируется в конструкциях с глаголами типа *сидеть, работать, хватать, тянуть, дернуть*.

Предлог *позади* обнаруживает только димензиональный признак, предлог *сзади* – димензиональный и топологический. В табл. 31 представлены семантические признаки рассматриваемых предлогов в сопоставлении.

Семантические признаки предлогов *hinter*, *за*, *позади*, *сзади*

Семантические признаки	<i>hinter</i>	<i>за</i>	<i>позади</i>	<i>сзади</i>
Локализация в воспринимаемом пространстве	+	+	+	+
Локализация в воображаемом пространстве	+	+	+	+
Общая характеристика региона: тыльный регион	+	+	+	+
Спецификация региона: ингерентная тыльная сторона	+/-	+/-	+	+
Спецификация региона: проксимальный регион	+/-	+/-	+/-	+/-
Спецификация региона: скрытая (недоступная) сторона локализирующего объекта	+	+	-	-
Топологические отношения: контакт	-	+/-	-	+/-
Дирекциональные отношения	+	+	-	-

***

Сопоставление семантики и дистрибуции димензиональных предлогов в немецком и русском языках подтвердило предположение о релевантности топологических отношений для семантики димензиональных предлогов [183; 278]. Топологические признаки в семантической структуре димензиональных предлогов оказывают влияние на их употребительность с наименованиями классов объектов.

В настоящей главе рассматривалась проблема определения региона локализации для димензиональных предлогов. Исследование показывает, что на идентификацию этого региона влияет не только выбор точки отсчета, из перспективы которой определяются димензиональные стороны, но и семантика предлога.

Обнаруживается связь между топологическими и дирекциональными признаками в структуре семантики предлогов рассматриваемой подгруппы: первообразные димензиональные предлоги, которые способны передавать отношение перемещения в пространстве, допускают возможность контакта либо не исключают ее (немецкие предлоги *über*, *unter*, *vor*, *hinter*, русские предлоги *за*, *под*). Те первообразные димензиональные предлоги, в семантике которых дирекциональный признак отсутствует, контакт объектов, соотносимых в пространстве, исключают.

В немецком языке ингерентная ориентация локализуемых объектов служит предпосылкой для употребления с их наименованиями димENSIONАЛЬНЫХ предлогов (например, *vor die Stirn schlagen* дословно: ‘ударить перед лоб’, *Maske vor dem Gesicht* дословно: ‘маска перед лицом’, *unter die Sohle binden* дословно: ‘привязать под подошву’). В русском языке такая подобная зависимость хотя и прослеживается, однако проявляется не в такой степени.

Заключение

Изучаемая структура семантики пространственных предлогов предполагает, с одной стороны, систематизацию накопленных знаний об особенностях предлогов как класса слов, об их синтаксических и семантических свойствах, с другой, – как необходимый дальнейший шаг исследования, – рассмотрение проблем отражения разных аспектов пространства в значении языковых единиц.

В силу сложности и неочевидности семантики предлогов ее объективация зачастую возможна только через межъязыковое сопоставление, которое оказывается весьма эффективным методом выявления семантических особенностей пространственных предлогов. Категория пространства является основополагающей для человеческого мышления, в той же степени она является и привычной, естественной и «незаметной». Описывая отношения объектов в пространстве тем или иным образом, носитель языка считает именно такой способ описания возможным и правильным, он не задумывается, почему в данной ситуации выбран именно этот предлог, а не какой-либо другой. Здесь как нельзя более уместно отметить, что он действительно «видит» пространство сквозь призму своего языка. В таких условиях «зеркальный» перевод конструкций с пространственным значением позволяет объективировать те аспекты пространственной ситуации, которые нашли отражение в виде семантических компонентов значения предлога.

С целью полного и адекватного описания семантики пространственных предлогов проведен сопоставительный анализ их функционирования в сравниваемых языках. Получены частотные списки употребительности пространственных предлогов как во всей совокупности их значений, т. е. включая и непространственные, так и только в пространственном значении.

Выявлено количественное соотношение употреблений предлогов в пространственном и непространственных значениях. Любопытно, что это соотношение у коррелирующих предлогов значительно отличается, например, если у немецкого предлога *hinter* количество употреблений в пространственном значении составляет почти 61% от всех зафиксированных контекстов, то у его коррелята в русском языке – предлога *за* – только 9%. Данное явление обусловлено целым комплексом причин, до конца еще не исследованных. Еще предстоит выяснить, как количество локативных признаков, представленных в семантике предлога, влияет на его способность развивать другие значения; какие компоненты пространственной семантики предлогов эксплуатируются в первую очередь при метафорическом и метонимическом переносе из пространственной на другие, непространственные, сферы; каковы причины, условия и границы идиоматизации предложных конструкций с пространственным значением в разных языках.

Количественные данные указывают на существенные семантические свойства предлога, позволяют выявить значимость отдельных единиц в анализируемой подсистеме. Установлено, что высокая частотность связана с неспецифицированностью семантики предлога: более высокой частотностью отличаются те предлоги, семантика которых не выдвигает строгих требований к пространственным характеристикам региона локализации, как, например, замкнутость, ограниченность, доступность или недоступность.

Наряду с анализом употребительности проведен дистрибутивный анализ пространственных предлогов в немецком и русском языках, что позволило обнаружить закономерности в сочетаемости пространственных предлогов с наименованиями различных классов объектов. Напомним, что классификация объектов, наименования которых выступают в качестве релятумов в предложных конструкциях с пространственным значением, разрабатывалась на основании их пространственных характеристик: размер, стационарность положения, способность к передвижению и др. В ходе дистрибутивного анализа выявлена важная закономерность в употребительности пространственных предлогов с наименованиями классов объектов: в рамках одного стиля она практически не подвержена влиянию тематической направленности текстов и является величиной относительно стабильной. Так, для каждого предлога существуют более и менее частотные классы наименований объектов, с которыми данный предлог употребляется в рамках одного стиля с относительно постоянной частотой. В целом дистрибуция пространственных предлогов может быть охарактеризована как 1) **равномерная** – предлог употребляется с наименованиями всех или большинства классов объектов, при этом разница между количеством употреблений с наименованиями объектов смежных классов не превышает 10%; 2) **неравномерная** – обнаруживаются несколько классов объектов, конструкции с наименованиями которых составляют подавляющее большинство (90% и больше) от всех употреблений данного предлога в пространственном значении.

Основное внимание в работе уделено семантическим характеристикам предлогов. В первую очередь, исследуется информация о пространстве, которая входит в семантику предлога. Семантический анализ показал, что эта информация неоднородна и включает в себя характеристики как пространственного отношения, так и региона локализации.

Пространственные отношения в семантике немецких и русских предлогов получают спецификацию, например, отношение ВКЛЮЧЕНИЕ специфицируется как полное в семантике предлогов *innerhalb/внутри*; КОНТАКТ специфицируется как обязательный (например, *auf/на*), возможный (*an, у, снаружи* и др.), невозможный (*bei, около* и др.); отношение БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ в ряде случаев специфицируется по параметру дистанции.

Проведенное исследование позволило уточнить перечень пространственных отношений, релевантных для семантики предлогов. В обоих языках находит отражение отношение фоновости (*vor/на фоне*). В

семантику некоторых предлогов входит также информация о дискретности vs. недискретности объектов, соотносимых в пространстве (см. анализ семантики предлогов *auf* и *an*, *спереди*). Примечательно, что категория дискретности обнаруживается не только в немецком и русском языках. Очевидно, что именно этот параметр использовал Э. Бенвенист для разграничения семантики латинских предлогов *prae* и *pro*: «Pro означает не столько «перед», как «вне, снаружи»», а *prae* локализует в передней части объекта, причем «этот объект всегда понимается как *непрерывный*» [Бенвенист 1974:149].

Помимо спецификации пространственного отношения предлоги специфицируют также регион локализации объектов. В семантике предлогов может заключаться информация об особых свойствах этого региона: наличие границ (*innerhalb*, *außerhalb* и др.), отношение к трехмерности (дизименциональные предлоги), проксимальность (например, *neben*, *спнаружи* и т. д.).

Важным результатом исследования является раскрытие взаимосвязи между зрительным восприятием и вербализацией пространственных отношений. Оказывается, что принадлежность объектов к одному из двух типов пространств – воспринимаемому или воображаемому, которые выделяются в гештальт-психологии [180, S. 824], обуславливает возможность употребления предлогов в конструкциях с его наименованием. Например, предлоги *спнаружи*, *у*, при помощи которых происходит локализация в воспринимаемом пространстве, не употребляются с наименованиями геополитических объектов, которые относятся к пространству воображаемому (ср. ^{???}*спнаружи города, страны*; ^{???}*дача у Минска*, ^{???}*деревня у Карпат*). Таким образом, можно говорить об отражении двух типов пространств в языке: специфицируя пространственное отношение и регион локализации, предлог также специфицирует и тип пространства локализации.

Подчеркнем, что воображаемое пространство неоднородно. В нем можно выделить по меньшей мере один подвид, связанный с особым типом объектов. Этот подвид мы называем *антропоцентрическим пространством*, т. е. пространством, организуемым вокруг человека. Отличительной чертой этого пространства является необязательность физического присутствия локализующего объекта – человека – в регионе локализации. Маркером принадлежности локализующего объекта к антропоцентрическому пространству в немецком языке выступает предлог *bei*, в русском – *у* (например, *die Schreibmaschine steht bei ihm/пишущая машинка стоит у него*). На принадлежность человека как локализующего объекта к воспринимаемому пространству указывают предлоги *neben* и *возле* соответственно (*die Schreibmaschine steht neben mir/пишущая машинка стоит возле меня*).

В сравниваемых языках представлены одинаковые типы и виды пространственных отношений, тем не менее коррелятивные связи между

немецкими и русскими пространственными предлогами оказываются весьма сложными и запутанными. Это свидетельствует о своеобразии членения пространства при помощи предлогов сравниваемых языков. Оно проявляется как в различиях в семантической структуре немецких и русских пространственных предлогов, так и в асимметрии предложных рядов для обозначения одного и того же отношения в этих языках. Например, в русском языке для обозначения большинства видов димензиональных отношений существуют предложные ряды, в то время как в немецком языке для указания на те же отношения служит один предлог (ср. *vor* – *перед*, *впереди*, *спереди*, *hinten* – *за*, *позади*, *сзади*, *über* – *над*, *поверх*, *сверху* и т. д.). Заметные отличия обнаруживаются и в членении ближнего пространства, которое в немецком языке описывается с помощью двух топологических (*an*, *bei*) и двух димензиональных (*neben*, *vor*) предлогов; последние подразделяют ближнее пространство на фронтальное и латеральное. В русском языке то же отношение описывается с помощью целого ряда топологических (*у*, *возле*, *около*, *при*, *близ*, *вблизи*) и одного димензионального предлога (*под*), который в ряде случаев локализует в нижней части ближнего региона.

Причины асимметрии предложных рядов устанавливались в ходе семантического анализа. Выявлено, что в ходе языковой эволюции пространственная семантика предлогов может сужаться, в результате этого процесса часть сем «выветривается»⁴⁴. Примером такого развития в немецком языке является предлог *bei*, утративший способность выражать дирекциональные отношения⁴⁵; в русском языке сужение семантики (потеря способности выражать дирекциональные отношения) наблюдается, например, у предлогов *перед* и *над*. В немецком языке предлог *bei*, а в русском предлоги *перед* и *над* функционируют не изолированно, а в составе предложных рядов. Следует предположить, что функции, которые утрачивает один предлог, распределяются между другими предлогами ряда либо соответствующие предложные значения развиваются у других частей речи. Так, в ходе сопоставления выявлено, что комбинации пространственных сем, реализуемые в семантике немецких предлогов *über* и *vor*, в русском языке выражаются при помощи предлогов *над* – *поверх* – *сверху* и *перед* – *спереди* – *впереди* соответственно.

В сравниваемых языках наблюдается процесс, противоположный сужению пространственной семантики, – ее перенасыщение. Оно проявляется в неоднозначности региона локализации у конструкций предлогов с наименованиями некоторых классов объектов, их идиоматизации. Например, конструкции димензионального предлога *за* с существительными типа *стол*, *компьютер* (*за столом*, *за компьютером*) имплицитно информируют о функциональной взаимосвязи локализуемого и

---

⁴⁴ Процесс сокращения семного состава обозначается как «выветривание» в теории грамматикализации [16].

⁴⁵ В некоторых диалектах предлог *bei* сохранил управление винительным падежом.

локализирующего объектов. При этом предлог не обязательно локализует в отношении тыльной стороны релятума, в случае с компьютером даже наоборот – указывает на его фронтальную сторону. Неоднозначность пространственной локализации решается при употреблении предлогов *sзади*, *позади*. В немецком языке сходными причинами обусловлено, очевидно, становление предложного ряда *an – auf* (см. § 3.3.1).

Сужение, расширение и следующее из них перепрофилирование семантики пространственных предлогов представляют собой сложный и многоаспектный процесс, заслуживающий отдельного рассмотрения. На данном этапе можно утверждать, что этому процессу подвержены предлоги как в немецком, так и в русском языке. Общность семантических изменений обусловлена природой предложного значения, которое именуется такую динамическую сущность, как отношение. Однако описанным семантическим изменениям подвергаются в сравниваемых языках разные предлоги, что влечет за собой усложнение коррелятивных связей.

В задачи данной работы входило исследование отношений между предлогами, обозначающими одно и то же пространственное отношение. Как правило, предлоги, входящие в один ряд, толкуются в словарях друг через друга, так что напрашивается вывод об их синонимии. Однако исследование показывает, что эти отношения гораздо сложнее. Наряду со случаями синонимии, когда предлоги одного ряда свободно замещают друг друга в конструкции, не влияя при этом на интерпретацию пространственной ситуации (*у/возле стола*), наблюдаются также случаи, когда предлоги находятся в привативной оппозиции, один из членов которой специфицирует обозначаемое отношение. Например, предлоги *innerhalb/внутри* специфицируют отношение включения как полное и находятся в этом смысле в оппозиции к *in/в*, в семантике которых соответствующий признак остается немаркированным. Наконец, предлоги одного ряда могут находиться в отношениях взаимодополнительности, в этом случае замена одного предлога на другой того же ряда ведет к переинтерпретации пространственной ситуации (ср.: *außerhalb des Hauses/снаружи дома* и *außer Haus/вне дома*).

В ходе исследования решался вопрос об особой спецификации пространственных отношений в семантике предлогов в одном из языков, которая бы не обнаруживалась в семантике предлогов другого языка. Например, в практике преподавания немецкого языка принято разграничивать употребление предлогов *auf* и *an* в их корреляции с русским предлогом *на* на основании горизонтального (для *auf – auf dem Tisch* ‘на столе’) или вертикального (для *an – an der Wand* ‘на стене’) положения релятума. Подобная информация не входит в семантику ни одного из русских предлогов. Проведенное исследование подводит к однозначному выводу о том, что в обоих языках пространственные отношения получают одинаковую спецификацию. Что касается предлогов *auf* и *an*, то такой признак, как горизонтальность vs. вертикальность релятума, не входит в их семантику, последняя дифференцируется на основании других параметров.

Отдельно хотелось бы остановиться на перспективах, связанных с исследованием дирекциональных отношений. В данной работе они рассматривались лишь в той степени, в которой это необходимо для изучения семантики топологических и димензиональных предлогов. Проведенный фрагментарный анализ особенностей реализации дирекциональных признаков (см. исследование семантики предлогов *über*, *поверх*, *сверху*) показывает, что этот тип отношений также специфицируется в семантике предлогов (ср. признаки РАСПРОСТРАНЕНИЕ, НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ). Наблюдается взаимозависимость между наличием дирекционального признака направительного движения к цели и топологического признака контакта: предлоги, утратившие способность обозначать перемещение, как правило, исключают и контакт объектов, соотносимых в пространстве (например, *bei*, *перед*, *над*). Выявление особенностей семантической структуры дирекциональных предлогов, аспектов взаимодействия дирекциональных и топологических признаков представляет собой самостоятельную и весьма непростую задачу, поскольку категория движения непосредственно связана с категорией времени.

Помимо изучения семантики дирекциональных предлогов в повестку дня семантических исследований этого класса слов можно включить целый ряд других задач: выявление соотношения разных типов значений (имеются в виду пространственные, временные, целевые и др.) в семантике одного предлога; выявление особенностей сочетаемости предлогов с разными классами существительных; изучение направлений идиоматизации предложных конструкций в разных языках и т. д. Надеемся, что проведенное нами исследование послужит ступенькой на пути решения перечисленных, а также многих других открывающихся задач в области семантики предлогов.

Литература

1. Адмони, В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка / В. Г. Адмони. – М. : Просвещение, 1986. – 334 с.
2. Алпатов, В. М. О разных подходах к выделению частей речи / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – М., 1986. – № 4. – С. 37–46)
3. Аникина, Н. В. Формализация семантики предлогов с помощью тезауруса / Н. В. Аникина, Ю. И. Горбунов // Автоматическая переработка текста методами прикладной лингвистики : материалы всесоюзной конф. 6–8 окт. 1971 г. / М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та языкознания АН СССР. М-во нар. образования МССР. Кишинев. политехн. ин-т им. С. Лазо; [Ред. коллегия: проф. Р. Г. Пиотровский (отв. ред.) и др.]. – Кишинев, [б. и.]. – С. 56–57.
4. Апресян, Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1995. – Т.1: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – 472 с.
5. Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.classes.ru/grammar/128.Arnold-research/html/8.html> – Дата доступа : 12.09.2009.
6. Арутюнова, Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М. : Наука, 1980. – С. 156–249.
7. Балабан, Ф. П. Функциональная значимость предлога (На материале романских языков) / Ф. П. Балабан. – Кишинев : Штиинца, 1983. – 108 с.
8. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 358 с.
9. Баранов, А. Н. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, К. Л. Киселева [и др.]. – М. : Аванта+, 2007. – 1135 с.
10. Баранов, А. Н. Проблема репрезентативности корпуса данных (на примере политической метафорики) [Электронный ресурс] / А. Н. Баранов // Труды международного семинара Диалог`2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – М., 2001. – Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=6812&y=2001-&vol=6078> – Дата доступа : 15.09.2010.
11. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с.
12. Баранов, А. Н. Когнитивное моделирование в семантике / А. Н. Баранов // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2012. – № 5. – С. 5–12.
13. Белявская, Е. Г. Принципы минимизации интерференции родного языка при обучении иностранному языку (концептуальные структуры пространства и времени в английском и русском языках) / Е. Г. Белявская, Т. Н. Маляр. – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2012. – 179 с.

14. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
15. *Биньковская, М. В.* Предлоги в деловом языке второй половины XVIII века: структура, семантика, функционирование (По материалам Государственного архива Челябинской области) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. В. Биньковская ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2003. – 269 с.
16. *Бирцер, С.* Развитие предлога отступя от / С. Бирцер // Вопросы языкознания. – 2011. – № 3. – С. 69–84.
17. *Богуславский, И. М.* Сфера действия лексических единиц / И. М. Богуславский. – М. : Языки слав. культуры, 1996. – 464 с.
18. *Бондаренко, В. С.* Предлоги в современном русском языке / В.С. Бондаренко. – М. : Учпедгиз, 1961. – 75 с.
19. *Бороздина И. С.* Семантика пространственных предлогов (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. С. Бороздина ; Курск. гос. ун-т. – Курск, 2003. – 219 с.
20. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание : [Сб. ст.: пер. с англ. / отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М. : Рус. слов., 1997. – 411 с.
21. *Вертгеймер, М.* Продуктивное мышление : пер. с англ. / М. Вертгеймер ; вступ. ст. В. П. Зинченко, [с. 5–26]; общ. ред. С. Ф. Горбова, В. П. Зинченко. – М. : Прогресс, 1987. – 335 с.
22. *Веселитский, В. В.* Принципы передачи предлогов в словарях (на материале русско-английских словарей) : автореф. ... канд. филол. наук / В. В. Веселитский; [Акад. наук СССР. Ин-т языкознания]. – М., 1959 – 19 с.
23. *Виноградов, В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 1972. – 614 с.
24. *Виноградов, В. В.* О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка / В. В. Виноградов // Мысли о современном русском языке. – М. : Наука, 1969. – С. 5–23.
25. *Власенко, А. В.* Падежная семантика и принципы ее описания (на материале нем. яз.) : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Власенко; [Волгогр. гос. ун-т]. – Волгоград, 2004. – 18 с.
26. *Всеволодова, М. В.* Предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис. Первые результаты межнационального проекта / М. В. Всеволодова // Функціонально-комунікативні аспекти граматики і тексту / Зб. наук. праць, присвячений ювілею А. П. Загнітка. – Донецьк : ДонНУ, 2004. – С. 173–180.
27. *Всеволодова, М. В.* К вопросу о грамматике славянского предлога (осмысление первичных результатов первого этапа в работе межнационального проекта) / М. В. Всеволодова // Ogród nauk filologicznych. Księga Jubileuszowa poświęcona Profesorowi Stanisławowi Kochmanowi. – Opole : [s. n.], 2005. – S. 707 –724.

28. *Всеволодова, М. В.* Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации / М. В. Всеволодова // Вопросы языкознания. – 2010. – № 4. – С. 3–27.
29. *Всеволодова М. В.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М. В. Всеволодова, Е. Ю. Владимирский. – Изд. 3. – М.: Едиториал УРСС, 2009. – 288 с.
30. *Гаврилова, О. Ю.* Корреляция семантических и мотивировочных признаков лексических единиц как способов языковой репрезентации знаний (на материале наименований животных в современном английском языке) : автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О. Ю. Гаврилова ; УО «Мин. гос. лингвистич. ун-тет». – Минск, 2008. – 20 с.
31. *Гак, В. Г.* Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1998. – 768 с.
32. Гештальт-психология. Сб. ст. Предисл., коммент. Е. И. Гарбера. – М.–Назрань : АСТ, 1998. – 682 с.
33. Глагол, наречие, предлоги, союзы в русском литературном языке XIX века ; под ред. В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1964. – 320 с.
34. *Гладкий А. В.* О точных и математических методах в лингвистике и других гуманитарных науках / А. В. Гладкий // Вопросы языкознания. – 2007. – № 5. – С. 22–38.
35. *Гофман, Т. В.* Концептуализация пространства в семантике предлогов : Теоретико-экспериментальное исследование предлогов *над, наверху, поверх, сверх, выше, свыше* : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т.В. Гофман ; Рос. академия наук, Ин-т яз-ния. – М., 2005. – 179 с.
36. *Демьянков, В. З.* Тетради новых терминов № 23. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Порождающая грамматика / В. З. Демьянков ; под ред. Ю. В. Ванникова. – М. : Всесоюзный центр переводов, 1979. – 278 с.
37. *Добровольский, Д. О.* Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфической лексики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru/sbornik2008/20.pdf> – Дата доступа : 03.01.2011.
38. *Ельмслев, Л.* Можно ли считать, что значения слов образуют структуру / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике, II – М. : Прогресс, 1962. – С. 117–136.
39. *Ельмслев, Л.* Прологомены к теории языка : перевод с английского / Л. Ельмслев ; [вступ. ст. А. Мартине, с. 3-28]. – Москва : URSS : КомКнига, 2006. – 243 с.
40. *Есперсен, О.* Философия грамматики / О. Есперсен ; пер. с англ. В. В. Пассека, С. П. Сафроновой ; под ред. и с предисл. Б.А. Ильиша. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 404 с.

41. *Звегинцев, В. А.* Теоретическая и прикладная лингвистика / В. А. Звегинцев – М. : Просвещение, 1963. – 335 с.
42. *Золотова, Г. А.* Синтаксический словарь : Репертуар элементар. единиц рус. синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 435 с.
43. *Зозуля, О. Л.* Семантика и структурная организация фитонимов в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. Л. Зозуля ; УО «Мин. гос. лингвистич. ун-тет». – Минск, 2008. – 23 с.
44. *Зубов, А. В.* Обработка на ЕС ЭВМ текстов естественных языков / А. В. Зубов. – Минск : Вышэйш. шк., 1977. – 135 с.
45. *Исенгалиева, В. А.* Русские предлоги и их эквиваленты в казахском языке / В. А. Исенгалиева ; Акад. наук КазССР. Ин-т языка и литературы. – Алма-Ата : Изд-во Акад. наук КазССР, 1959. – 227 с.
46. Исследования по семантике предлогов : сб. ст. / отв. ред. : Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. – М. : Рус. словари, 2000. – 375с.
47. *Канюшкевіч, М. І.* Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка : у 3 ч. / М. І. Канюшкевіч ; Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, УА «Гродзенскі дзярж. ун-т імя Я. Купалы». – Гродна : ГрДУ, 2008.
48. *Караулов, Ю. Н.* Общая и русская идеография / Ю. Л. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 355 с.
49. *Каримов, А.* Еще раз о среднеперсидском предлоге 1[pat] / А. Каримов ; М-во нар. обр. Тадж. ССР. Тадж. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Душанбе, 1968. – 28 с.
50. *Клобуков, Е. В.* Семантика предложных форм в современном русском литературном языке (введение в методику позиционного анализа) / Е. В. Клобуков. – М. : МГУ, 1986. – 117 с.
51. *Ключникова, И. В.* Локативность и темпоральность как семантические признаки имен существительных (на примере соврем. англ. яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И. В. Ключникова ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2001. – 19 с.
52. *Кожухова, Н. Е.* Онтогенез вибральных ассоциативных структур глаголов движения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н.Е. Кожухова ; Бел. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск, 1991. – 20 с.
53. *Комарова, З. И.* Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование / З. И. Комарова, С. В. Краев. – Екатеринбург : Урал. литератур. агентство, 2008. – 303 с.
54. Концепт движения в языке и культуре : сб. ст. ; / [Редкол. : Т. А. Агапкина (отв. ред.) и др.]. – М. : Индрик, 1996. – 383 с.
55. *Кравченко, Н.* Оказиональные возможности русских предлогов в публицистическом и художественном дискурсе [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.relga.rsu.ru/n73/rus73_1.html. – Дата доступа : 18.10.2006.

56. *Красных, В. В.* Ното Loquens и система координат культуры / В. В. Красных // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Юрия Николаевича Караулова : Сб. ст. М. : Изд-во РУДН, 2006. – С. 40–48.
57. Краткая русская грамматика / В. Н. Белоусов [и др.] ; / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – М. : РАН ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2002. – 726 с.
58. *Крейдлин, Г. Е.* О лексикографическом описании служебных слов русского языка / Г. Е. Крейдлин, А. К. Поливанова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 1. – С. 106–120.
59. *Крейдлин, Г. Е.* Метафора семантических пространств и значение предлога / Г. Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 19–27.
60. *Кронгауз, М. А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика / М. А. Кронгауз. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1998. – 286 с.
61. *Кронгауз, М. А.* Чуткая семантика предлогов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.svobodanews.ru/content/article/388123.html>. – Дата доступа : 10.11.2007.
62. *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 556 с.
63. *Кулакова, Т. Н.* К вопросу о разграничении частей речи [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2009/II/uch_2009_II_00007.pdf – Дата доступа : 12.04.2009.
64. *Купрэева, Т. І.* Транспазіцыя «назоўнік – прыназоўнік» у сучаснай беларускай мове : аўтарэф. ... канд. філал. навук : 10.02.01: 00.00.2006 / Т. І. Купрэева ; УА «Беларус. дзярж. ун-т.». – Мінск, 2006. – 21 с.
65. *Курилович, Е.* Очерки по лингвистике : сб. ст. ; пер. с польского, франц., англ., нем.. – М. : Изд. иностр. лит., 1962. – 456 с.
66. *Лакофф, Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи : что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф ; пер. с англ. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 792 с.
67. *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 252 с.
68. *Ли, Т. Т.* «Форма», «размер» и «расположение объекта» в познании и в языке (на материале вьетнамского языка) / Т. Т. Ли // Вопросы языкознания. – 1992. - №5. – С. 106–117.
69. *Ли, Т. Т.* Пространственная модель мира: когниция, культура, этнопсихология : На материале вьет. и рус. яз. / Т. Т. Ли ; под ред. Ю. С. Степанова ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М. : 1993. – 193 с.
70. *Ли, Т. Т.* Пространственная модель мира: концепция, культура, этнопсихология (на материале вьетнам. и рус. яз.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Т. Т. Ли ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М., 1993. – 66 с.

71. *Линднер, С.* То, что движется вверх (*up*) не обязательно может следовать вниз (*down*): сопоставление *in* и *out* / С. Линднер // Исследования по семантике предлогов. – М. : Рус. словари, 2000. – С. 55–82.
72. *Ломоносов, М. В.* Российская грамматика [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=1966> – Дата доступа : 15.12.2011.
73. *Лягушкина, Н. В.* Семантика пространственных предлогов и наречий позади и сзади / Н. В. Лягушкина // Исследования по семантике предлогов. – М. : Рус. словари, 2000. – С. 297–312.
74. *Лягушкина, Н. В.* Семантические представления, релевантные для описания значения ряда пространственных предлогов и наречий : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. В. Лягушкина; Моск. гор. пед. ун-т. – М. : 2002. – 29 с.
75. Методы автоматического анализа и синтеза текстов : учеб. пособие для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. / Р. Г. Пиотровский, В. Н. Билан, М. Н. Боркун [и др.]. – Минск : Выш. шк., 1985. – 222 с.
76. *Мещанинов, И. И.* Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – 387 с.
77. *Мирский, А. А.* Падеж в современном немецком языке / А. А. Мирский. – Мн. : МГЛУ, 2004. – 21 с.
78. *Наумович, А. Н.* Конструкции с предлогом ПО в восточнославянских языках : автореф. ... канд. филол. наук / А. Н. Наумович ; Академ. наук БССР, Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – Минск, 1966. – 15, [1] с.
79. *Никитин, М. В.* Курс лингвистической семантики : учеб. пособие к курсам языкознания, лексикологии и теорет. грамматики / М. В. Никитин. – СПб. : Науч. центр проблем диалога, 1996. – 756 с.
80. *Никитин, М. В.* Уровневая структура языка : учебное пособие / М. В. Никитин. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – 79 с.
81. *Норман, Б. Ю.* Значение падежа и лексические пределы его действия (с особым вниманием к предложно-падежным формам) / Б. Ю. Норман // Язык и метод. Т. 1. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. – Краков : Изд. Ягеллонского ун-та, 2012. – С. 253–265.
82. *Олейник, М. И.* Семантика предметных имен (на материале соврем. англ. яз.) : автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М. И. Олейник ; УО «Мин. гос. лингвист. ун-т». – Минск, 2001. – 19 с.
83. *Пайар, Д.* Предлог *над*: факты и интерпретации / Д. Пайар, В. А. Плунгян // Исследования по семантике предлогов. – М. : Рус. словари, 2000. – С. 83–114.
84. *Пантелеева, Т. А.* Семантико-грамматическая структура предлога НА1, оформляющего винительный падеж, и предлога НА2, оформляющего предложный падеж, в современном русском языке : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. А. Пантелеева ; Челябин. гос. педаг. ун-т. – Саратов, 2006. – 23 с.

85. *Патейчук, Н. Ф.* Связующие компоненты, типы и свойства семантических структур многозначных слов (на материале имен существительных современного немецкого языка) : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. Ф. Патейчук ; УО «Мин. гос. лингвистич. ун-т». – Минск, 2010. – 26 с.
86. *Пекар, В. И.* Семантика предлогов вертикальной соположенности в когнитивном аспекте (на материале английских предлогов *above* и *over* и русского предлога *над*) : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.04. - 10.02.20 / В. И. Пекар ; Башкир. Гос. пед. ун-т. – Уфа, 2000. – 21 с.
87. *Пешковский, А. М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 9-е изд. – М. : УРСС, 2009. – 432 с.
88. *Плунгян В. А.* По поводу локалистской концепции значения: предлог *под* / В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина // Исследования по семантике предлогов. – М. : Рус. словари, 2000. – С. 115–133.
89. *Попова, З. Д.* Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII века : Структурно-семант. описание / З. Д. Попова. – Воронеж : Изд. Воронежского ун-та, 1969. – 183 с.
90. *Потебня, А. А.* Мысль и язык : собр. тр. / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 268 с.
91. *Протасова, Е. Ю.* Функциональная прагматика: вариант психолингвистики или общая теория языкознания? / Е. Ю. Протасова // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 142–155.
92. *Рахилина, Е. В.* «Без конца и без края» / Е. В. Рахилина // Исследования по семантике предлогов. – М. : Рус. словари, 2000. – С. 243–262.
93. *Рейман, Е. А.* Английские предлоги : Значения и функции / Е. А. Рейман. – Л. : Наука, 1982. – 241 с.
94. *Реферовская, Е. А.* Развитие предложных конструкций в латинском языке позднего периода / Е. А. Реферовская ; Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. – Л. – М. : Наука, 1964. – 116 с.
95. *Рогожникова, Р. П.* Служебные слова и принципы их лексикографического описания : автореф. ... д-р филол. наук : 10.02.01 / АН СССР. Ин-т рус. яз.. – М., 1974. – 25 с.
96. *Рубанюк, Э. В.* Опыт отделения предложно-именных конструкций, по форме совпадающих с инструментальными (на материале предлогов *mit/in*). – Минск : МГЛУ, 1998. – 19 с. – (Препринты МГЛУ / Мин. гос. лингвист. ун-т ; N 39).
97. *Русина, Ю. Н.* Семантика меронимов современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю. Н. Русина ; УО «Мин. гос. лингвист. ун-т». – Минск, 2007. – 138 с.
98. Русская Грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 783 с.

99. Рыков, В. В. Корпус текстов как реализация объектно-ориентированной парадигмы [Электронный ресурс] / В. В. Рыков // Труды международного семинара Диалог`2002 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – Москва, 2002. – Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=7373&y=2002&vol=6077> – Дата доступа : 06.10.2010.
100. Сегень, Б. Прыназоўнік у сістэме адной усходнеславянскай гаворкі Беластоцчыны / Б. Сегень. – Беласток : Выд-ва Ун-ту у Беластоку, 2001. – 232 с.
101. Селиверстова, О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания / О. Н. Селиверстова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 152 с.
102. Селиверстова, О. Н. Семантическая структура предлога *на* / О. Н. Селиверстова // Исследования по семантике предлогов. – М. : Рус. словари, 2000. – С. 189–242.
103. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 959 с.
104. Сметанина, Е. Н. Система предложно-падежных форм, выражающих направление движения, в русском языке по сравнению с польским : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.03 / Е.Н. Сметанина ; Бел. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск, 1985. – 23 с.
105. Собинникова, В. И. Падежные и предложно-падежные формы в русском языке в сопоставительном аспекте с другими славянскими языками / В. И. Собинникова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. – 112 с.
106. Съедин, В. Н. Предлоги немецкого языка / В. Н. Съедин. – М. : Высш. шк., 1963. – 288 с.
107. Талми, Л. Отношение грамматики к познанию / Л. Талми // Вестник московского университета. – 1999. – Сер. 9. Филология. – № 1. – С. 91 – 115. – № 6. – С. 88–121.
108. Тарасевич, Л. А. Предложные объектные конструкции как средство импликации интенциональных значений / Л. А. Тарасевич // Молодые ученые в творческом поиске : тез. респ. науч. конф. аспирантов. Минск, 21 дек. 1999 г. ; отв. ред. З. А. Харитончик. – Минск : МГЛУ, 1999. – С.70–71.
109. Тарасевич, Л. А. Атрибутивные предложные конструкции в коммуникативном аспекте / Л. А. Тарасевич // Материалы респ. круглого стола, посвящ. памяти М. Д. Степановой. Минск, 16–17 дек. 1999 г. ; отв. ред. Е. В. Зарецкая. – Минск : МГЛУ, 2003. – С. 69–70.
110. Тарасевич, Л. А. *Vor* и его соответствия в русском языке / Л. А. Тарасевич // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2003. – № 12. – С. 63–78.
111. Тарасевич, Л. А. Предлоги как маркеры языковой категоризации / Л. А. Тарасевич // Языковые категории: границы и свойства : материалы докл. Междунар. науч.-практ. конф. – Минск, март 2004 г. ; отв. ред. З. А. Харитончик, Е. Г. Задворная. – Минск : МГЛУ, 2004. – С. 94–99.

112. *Тарасевич, Л. А.* Пространство и язык: о подходах к исследованию / Л.А. Тарасевич // Теоретические и методолог. аспекты коммуникации : сб. науч. тр. ; ред. Л. С. Кожуховская. – Минск : РИВШ, 2005. – С. 81–90.
113. *Тарасевич, Л. А.* О сопоставительном изучении художественных текстов и их переводов. Лингвистический аспект / Л. А. Тарасевич // Язык общество и проблемы межкультур. коммуникации : материалы Междунар. науч. конф. – Гродно, нояб. 2004 г. ; отв. ред. К. Богацкий, Х. Метлюк. – Белосток : Ун-т в Белостоке, 2005. – С. 363–365.
114. *Тарасевич, Л. А.* Языковая ориентация в пространстве: к вопросу о выборе объекта / Л. А. Тарасевич // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2009. – № 5. – С. 79–88.
115. *Филиппенко, М. Ф.* Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях / М. Ф. Филиппенко // Исследования по семантике предлогов. – М. : Рус. словари, 2000. – С. 12–54.
116. *Филлмор, Ч.* Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Т. 10. – М. : Прогресс, 1981. – С. 496–530.
117. *Фортунатов, Ф. Ф.* Избранные труды / Ф. Ф. Фортунатов ; [редкол. : М. Н. Петерсон (отв. ред.) и др.] ; вступ. стат. М. Н. Петерсона]; Академия наук СССР, Отделение языка и литературы. – М. : Учпедгиз, 1956. – В 2 т.
118. *Фрумкина, Р. М.* Психолингвистика : учеб. для вузов / Р. М. Фрумкина. – М. : Изд. центр «Академия», 2001. – 315 с.
119. *Харитончик, З. А.* Очерки о языке / З. А. Харитончик. – Минск : МГЛУ, 2004. – 367 с.
120. *Харитончик, З. А.* Проблемы категоризации и семантического описания лексики / З. А. Харитончик // Очерки о языке. – Минск : МГЛУ, 2004. – С. 90–172.
121. *Ходова, К. И.* Падежи с предлогами в старославянском языке / К. И. Ходова – М. : Наука, 1971. – 192 с.
122. *Хоружая, Ю. Н.* Семантические функции пространственных и временных предлогов в русском и немецком языках : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. Н. Хоружая ; Кубан. гос. ун-т – Краснодар, 2007. – 26 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lib.ua-gu.net/diss/cont/163843.html> – Дата доступа : 25.01.2010.
123. *Христорождественская, Л. П.* Предлоги в современном английском языке / Л. П. Христорождественская. – Минск : Современная школа, 2005. – 190 с.
124. *Черкасова, Е. Т.* Переход полнозначных слов в предлоги / Е. Т. Черкасова – М. : Наука, 1967.
125. *Шакрыл, К. С.* Соответствия русским предлогам в языках Западного Кавказа / К. С. Шакрыл. – Черкесск : Облиздат, 1952. – 71 с.
126. *Шаранда, А. Н.* Сравнительная типология категории предлога (на материале нем., рус. и белорус. яз.) / А. Н. Шаранда. – Минск : Наука и техника, 1981. – 230 с.

127. *Шаранда, А. Н.* Предлоги модальной семантики в немецком и русском языках / А. Н. Шаранда. – Минск : МГЛУ, 1999. – 88 с.
128. *Шендельс, Е. И.* Практическая грамматика немецкого языка / Е. И. Шендельс. – М. : Высш. шк., 1988. – 416 с.
129. *Щерба, Л. В.* Избранные труды по русскому языку / Л. В. Щерба. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 260 с.
130. *Юнг, В.* Грамматика немецкого языка / В. Юнг. – СПб. : Лань, 1996. – 518 с.
131. *Якобсон, Р. О.* К общему учению о падеже / Р. О. Якобсон // Избранные работы : пер. с англ., нем., фр. яз. ; сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 1985. – с. 133–175.
132. *Яскевич, А. А.* Корпусная лингвистика [Электронный ресурс]. / А. А. Яскевич // Беларуская лінгвістыка. – Минск, 2009. – Режим доступа : – <http://www.philology.by/page/corpling> – Дата доступа : 06.10.2010.
133. Approaches to prepositions / ed. R. Gisa. – Tübingen : Narr, 1991. – 299 p.
134. *Balci, T.* Das Problem der Kasuswahl nach Wechselpräpositionen / T. Balci, F. Kanatli // Deutsch als Fremdsprache. – 2001. – H. 38(1). – S. 28–30.
135. *Baranov, A.* Zum Problem der Repräsentativität von Datenbanken (am Beispiel des Projekts «Interkulturelle Analyse der Struktur kollektiver Vorstellungswelten») / A. Baranov // Kulturelle Vorstellungswelten in Metaphern Metaphorische Stereotypen der deutschen und russischen Medien als Hypertext – Reihe: Forum Translationswissenschaft. Bd. 6. – Frankfurt a. M. [u.a.] : Peter Lang, 2006.
136. *Bartels, G.* Semantische Analyse der Präpositionen in der deutschen Gegenwartssprache : Diss. / G. Bartels – Griewswald : Univ. Griewswald, 1979. – 199 S.
137. *Bartels, G.* Von *a* bis *zwischen*: das Beziehungswort der deutschen Gegenwartssprache / G. Bartels, B. Tarnow. – Frankfurt a. M. : Lang, 1993. – 342 S.
138. *Bednarsky, P.* Deutsche und tschechische Präpositionen kontrastiv – am Beispiel von *an*, *auf* und *na* / P. Bednarsky. – Münster [u.a.] : Waxmann, 2002. – 205 S.
139. Beiträge zum Stand der Kasustheorie. J. Pleines [Hrsg.]. – Tübingen : Narr, 1981. – 212 S.
140. *Bierwisch, M.*, Etwas länger – viel tiefer – immer weiter: Epilog zum Dimensionaladjektiv projekt / M. Bierwisch, E. Lang // Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionaladjektiven ; Hrsg. M. Bierwisch, E. Lang. – Berlin : Akad.-Verl., 1987. – S. 649–699.
141. *Bierwisch, M.* On the grammar of lokal prepositions / M. Bierwisch // Syntax, Semantik und Lexikon ; Hrsg. M. Bierwisch. – Berlin : Akad.-Verl., 1988. – S.1–65.
142. *Bittner, M.* Case, scope, and binding / M. Bittner. – Dordrecht [u.a.] : Kluwer, 1994. – 202 S.

143. *Blank, G.* Verhältniswörter im Kontext räumlicher Gliederung / G. Blank. – Frankfurt a. M. [u.a.] : Lang, 1993. – 474 S.
144. *Bondzio, W.* Zur Bedeutung von Präpositionen / W. Bondzio // Lexikologie und Lexikographie ; Hrsg. K. Welke, R. Neurath. – Berlin : Akad.-Verl., 1987. – S. 169–177.
145. *Böttger, K.* Die häufigsten Fehler russischer Deutschlerner. Ein Handbuch für Lehrende / K. Böttger. – Münster [u.a.] : Waxmann, 2008. – 227 S.
146. *Braun, A.* *Wahrnehmung von Wald und Natur* / A. Braun. – Opladen : Leske + Budrich, 2000. – 253 S.
147. *Breindl, E.* Präpositionalobjekte und Präpositionalobjektsätze im Deutschen / E. Breindl. – Tübingen : Niemeyer, 1989. – 284 S.
148. *Broschart, J.* Präpositionen im Tonganischen. Zur Varianz und Invarianz des Adpositionsbegriffs / J. Broschart. – Bochum : Univ.-Verl. Brockmeyer, 1994. – 311 S.
149. *Broschart, J.* Raum und Grammatik oder wie berechenbar ist Sprache? / J. Broschart. – Köln : Inst. für Sprachwissenschaft Univ. zu Köln, 1992. – 65 S.
150. *Brugmann, C. M.* Cognitive topology and lexical networks / C. M. Brugmann, G. Lakoff // Lexical ambiguity resolution: perspectives from psycholinguistics, neuropsychology, and artificial intelligence ; ed. by Steven L. Small. – San Mateo, Calif. : Kaufmann, 1988. – P. 477–508.
151. *Bühler, K.* Sprachtheorie / K. Bühler. – Stuttgart [u.a.] : Gustav Fischer Verl., 1982. – 434 S.
152. *Carstensen, K.-U.* Räumliche Mikroperspektivierung und die Semantik lokaler Präpositionen / K.-U. Carstensen // Räumliche Konzepte und sprachliche Strukturen ; Hrsg. C. Habel, C. Stutterheim. – Tübingen : Niemeyer, 2000. – S. 237–260.
153. *Cienki, A. J.* Spatial cognition and the semantics of prepositions in English, Polish, and Russian / A. J. Cienki. – München : Sagner, 1989. – 172 S.
154. *Chafe, W.* Bedeutung und Sprachstruktur / W. Chafe. – München : Hueber, 1976. – 266 S.
155. *Clark, E. V.* Here's the top: non-linguistic strategies in the acquisition of orientational terms / E. V. Clark // Child Development. – 1980. – № 51. – P. 329–338.
156. *Cuyckens, H.* Prepositions in cognitive lexical semantics / H. Cuyckens // Lexikalische und grammatische Eigenschaften Präpositionaler Elemente ; Hrsg. D. Haumann, S. Schierholz. – Tübingen : Niemeyer, 1997. – S. 63–92.
157. *Dengscherz, S.* Spiegelübersetzung als Lernhilfe? : ungarische Lokalkasus und deutsche Präpositionen : eine kontrastive Analyse mit empirischer Untersuchung zu positivem und negativem Transfer bei ungarischen Deutschlernenden und deutschsprachigen Ungarischlernenden / S. Dengscherz. – Innsbruck [u.a.] : Studien-Verl., 2009. – 219 S.
158. *Desportes, Y.* Das System der räumlichen Präpositionen im Deutschen. Strukturgeschichte vom 13. bis zum 20. Jh. / Y. Desportes. – Heidelberg : Winter, 1984. – 134 S.

159. *Dewell, R.* Over again: Image-schema transformations in semantic analysis / R. Dewell // *Cognitive Linguistics*. – 1994. – № 4, 5.
160. *Diewald, G.* Grammatikalisierung. Eine Einführung in Sein und Werden grammatischer Formen / G. Diewald – Tübingen: Niemeyer, 1997. – 133 S.
161. *DiMeola, C.* Die Grammatikalisierung deutscher Präpositionen / C. DiMaola – Tübingen: Stauffenburg-Verl. – 2000. – 285 S.
162. *Droop, H. G.* Das präpositionale Attribut / H. G. Droop. – Tübingen : Narr, 1977. – 358 S.
163. *Duden.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Mannheim [u.a.] : Dudenverl. 5., völlig neu bearb. und erw. Aufl. / Hrsg. und bearb. von G. Drosdowski, 1995. – 864 S.
164. *Duteil, F. P.* Zum Problem der Äquivalenz im Sprachvergleich / F. P. Duteil // *Sprache in Raum und Zeit* ; Hrsg. W. Boeder, Ch. Schroeder, K. H. Wagner [u.a.]. Band. 2. – Tübingen : Gunter Narr, 1998. – S. 123–137.
165. *Ehlich, K.* Interjektionen / K. Ehlich. – Tübingen : Niemeyer, 1986. – 314 S.
166. *Ehlich, K.* Muster und Institution. Untersuchungen zur schulischen Kommunikation / K. Ehlich, J. Rehbein. – Tübingen : Narr, 1986. – 62 S.
167. *Ehlich, K.* Funktional-pragmatische Kommunikationsanalyse – Ziele und Verfahren / K. Ehlich // *Verbale Interaktion. Studien zur Empirie und Methodologie der Pragmatik* ; Hrsg. D. Flader. – Stuttgart : Metzler, 1991. – S. 127–143.
168. *Ehrich, V.* Zur Linguistik und Psycholinguistik der sekundären Raumdeixis / V. Ehrich // *Sprache und Raum* ; Hrsg. H. Schweizer, K. Ehlich. – Stuttgart : Metzler, 1985. – S. 130–161.
169. *Ehrich, V.* Die temporale Festlegung lokaler Referenz / V. Ehrich // *Raumkonzepte in Verstehensprozessen* ; Hrsg. Ch. Habel. – Tübingen : Niemeyer, 1989. – S. 1–16.
170. *Eisenberg, P.* Grundriß der deutschen Grammatik / P. Eisenberg – 3., überarb. Aufl. – Stuttgart [u.a.] : Metzler, 1994. – 581 S.
171. *Engel, U.* Deutsche Grammatik. Vollständige Darstellung der deutschen Gegenwartssprache / U. Engel. – 2., verb. Aufl. – Heidelberg : Groos, 1991. – 888 S.
172. *Engelkamp, J.* Sprache, Wahrnehmung und Denken / J. Engelkamp // *Perspektiven auf Sprache* ; Hrsg. H.-G. Bosshardt. – Berlin : de Gruyter, 1986. – S. 111–129.
173. *Erben, J.* Deutsche Grammatik. Ein Abriss / J. Erben. – München : Hueber, 1980. – 392 S.
174. *Eroms, H.-W.* Valenz, Kasus und Präpositionen / H.-W. Eroms. – Heidelberg : Universitätsverl., 1981. – 390 S.
175. *Eroms, H.-W.* Valenzgebundene Präpositionalkonstruktionen / H.-W. Eroms // *Die deutsche Sprache – Gestalt und Leistung* ; Hrsg. R. Harweg, H. Brinkmann. – Münster : Nodus Publ., 1991. – S. 39–54.
176. *Freitag, J.* Deutsche Präpositionen: eine fehleranalytische Untersuchung / J. Freitag, S. Vandermeeren // *Das Wort, Germanistisches Jahrbuch 2005*. – Moskau : Metatext, 2006. – S. 155–182.

177. *Friderichi, A.* Raumreferenz unter extremen perzeptuellen Bedingungen: Perzeption, Repräsentation und sprachliche Abbildung. / A. Friderichi // Raumkonzepte in Verstehensprozessen ; Hrsg. Ch. Habel. – Tübingen : Niemeyer, 1989. – S. 17–36.
178. *Fries, N.* Prepositions and prepositional phrases: a contrastive analysis / N. Fries // Approaches to prepositions ; Hrsg. G. Rauh. – Tübingen : Narr, 1991. P. 53–75.
179. *Gapp, K.-P.* Objektlokalisierung: ein System zur sprachlichen Raumbeschreibung / K.-P. Gapp. – Wiesbaden : Dt. Univ.-Verl., 1997. – 242 S.
180. *Gosztonyi, A.* Der Raum. Geschichte seiner Probleme in Philosophie und Wissenschaften. In 2 Bd. – Freiburg, München : Karl Alber, 1976.
181. *Grabowski, J.* Raumrelationen / J. Grabowski. – Opladen, Wiesbaden : Westdeutscher Verl., 1999. – 299 S.
182. *Grabowski, J.* Das Präpositioneninventar als Determinante des Verstehens von Raumpräpositionen: „vor“ und „hinter“ in fünf Sprachen / J. Grabowski, P. Weiß // Deutsch – typologisch (Jahrbuch des Instituts für deutsche Sprache) ; Hrsg. E. Lang, G. Zifonun. – Berlin : de Gruyter, 1996. S. 289–311.
183. *Grießhaber, W.* Die relationierende Prozedur / W. Grießhaber. – Münster [u.a.] : Waxmann, 1999. – 286 S.
184. *Grießhaber, W.* Lokale Präpositionen. Analyse, Beschreibung und Systematik ihres Gebrauchs unter didaktischen Gesichtspunkten / W. Grießhaber // Zielsprache Deutsch. – Tübingen : Stauffenburg-Verl., 1981. – Heft 2. – S. 15–25.
185. *Grießhaber, W.* Präpositionen / W. Grießhaber // Handbuch der deutschen Wortarten ; Hrsg. L. Hoffmann. – Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter, 2009. – S. 629–655.
186. *Grießhaber, W.* Präpositionen als relationierendes Verfahren – Präpositionen vor dem Hintergrund des Türkischen / W. Grießhaber // Wortarten im Kontrast. Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache ; Hrsg. W. Thielmann. – München : Iudicium, 2011. – S. 136–152.
187. *Habel, C.* *zwischen*-Bericht / C. Habel // Raumkonzepte in Verstehensprozessen ; Hrsg. Ch. Habel, M. Herweg, K. Rehkämper. – Tübingen : Niemeyer, 1989. S. 37–69.
188. *Hafka, B.* Zur Syntax und Semantik direkterer Erweiterungen von steigen und hinaufsteigen / B. Hafka // Lexikalisch und grammatische Eigenschaften präpositionaler Elemente ; Hrsg. D. Haumann, S. J. Schierholz. – Tübingen : Niemeyer, 1997. – S. 143–184.
189. Handbuch der Lexikologie / Hrsg. Ch. Schwarze, D. Wunderlich. – Königstein : Athenaem, 1985. – 491 S.
190. *Heine, B.* Grammaticalization. A Conceptual Framework / B. Heine, U. Claudi, F. Hünemeyer. – Chicago [u.a.] : Univ. of Chicago Press, 1991. – 318 p.
191. *Heinemann, S.* Bedeutungswandel bei italienischen Präpositionen / S. Heinemann. – Tübingen : Gunter Narr Verl., 2001. – 346 S.

192. *Helbig, G.* Deutsche Grammatik / G. Helbig, J. Buscha. – Leipzig : Enzykl., 1984. – 736 S.
193. *Helbig, G.* Probleme der Valenz- und Kasustheorie / G. Helbig. – Tübingen : Niemeyer, 1992. – 194 S.
194. *Heringer, H. J.* Lesen lehren lernen. Eine rezeptive Grammatik des Deutschen / H. J. Heringer. – Tübingen : Niemeyer, 1988. – 372 S.
195. *Hermann, Th.* Vor, hinter, rechts und links: das 6H-Modell. Psychologische Studien zum sprachlichen Lokalisieren / Th. Hermann // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik ; Hrsg. W. Klein, Th. Hermann. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. – H. 78: Sprache und Raum. – S. 117–140.
196. *Hermann, Th.* Sprechen – Psychologie der Sprachproduktion / Th. Hermann, J. Grabowski. – Heidelberg u.a. : Spektrum, Akad. Verl., 1994.
197. *Hermann, Th.* Sprechen über Raum. Sprachliches Lokalisieren und seine kognitiven Grundlagen / Th. Hermann, K. Schweizer. – Bern [u.a.] : Huber, 1998. – 258 S.
198. *Herskovits, A.* Language and Spatial Cognition / A. Herskovits. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1986. – 208 p.
199. *Herweg, M.* Ansätze zu einer semantischen Beschreibung topologischer Präpositionen / M. Herweg // Raumkonzepte in Verstehensprozessen ; Hrsg. Ch. Habel, M. Herweg, K. Rehkämper. – Tübingen : Niemeyer, 1989. – S. 9–127.
200. *Hoffmann, L.* Deutsche Grammatik. Grundlagen für Lehrerausbildung, Schule, Deutsch als Zweitsprache und Deutsch als Fremdsprache / L. Hoffmann. – Göttingen : Ehrich Schmidt Verl., 2012. – 592 S.
201. *Hottenroth, P.* Die Semantik lokaler Präpositionen. Ein prototypen-semantisches Modell für die französische Präposition *dans* mit einer Analyse der Beziehungen zwischen der Präposition und Objektbezeichnungen in den Präpositionalsyntagmen. Habilitationsschrift / P. Hottenroth. – Konstanz : Univ. Konstanz, 1986. – 258 S.
202. *Hottenroth, P.* Präpositionen und Objektkonzepte. Ein kognitiv orientiertes zweistufiges Modell für die Semantik lokaler Präpositionen / P. Hottenroth // Approaches to prepositions ; ed. R. Gisa. – Tübingen : Narr, 1991. – S. 77–107.
203. *Jackendoff, R.S.* Semantics and Cognition / R. S. Jackendoff. – Cambridge : MIT Press, 1990. – 283 p.
204. *Kaufmann, I.* Konzeptuelle Grundlagen semantischer Dekompositionsstrukturen / I. Kaufmann. – Tübingen : Niemeyer, 1995. – 258 S.
205. *Kaufmann, I.* Direktionale Präpositionen / I. Kaufmann // Raumkonzepte in Verstehensprozessen ; Hrsg. Ch. Habel, M. Herweg, K. Rehkämper. – Tübingen : Niemeyer, 1989. – S. 128–149.
206. *Klaus, C.* Grammatik der Präpositionen. Studien zur Grammatikographie / C. Klaus – Frankfurt a. M. u.a. : Lang, 1999. – 287 S.

207. *Klein, W.* Überall und nirgendwo. Subjektive und objektive Momente in der Raumreferenz / W. Klein // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik ; Hrsg. W. Klein, Th. Hermann. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. – H. 78: Sprache und Raum. – S. 9–42.
208. Kasustheorie / W. Abraham [Hrsg.]. – Frankfurt a. M. : Athenaeum, 1971. – 213 S.
209. *Koniuszaniec, G.* Präpositionale Rektion und Valenz im Deutschen und Polnischen / G. Koniuszaniec. – Poznan : Wydaw. nauk. uniw. im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1987. – 227 S.
210. *Krause, M.* Rechts-Abgrenzung durch eine Präposition / M. Krause // Satzanfang – Satzende. Syntaktische, semantische und pragmatische Untersuchungen zur Satzabgrenzung und Extraposition im Deutschen ; Hrsg. J. F. Marillier. – Tübingen : Narr, 1993. – S. 49–60.
211. *Lang, E.* Semantik der Dimensionsauszeichnung räumlicher Objekte / E. Lang // Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven ; Hrsg. M. Bierwisch, E. Lang. – Berlin : Akademie-Verl., 1987, S. 287–458.
212. *Lang, E.* Primärer Orientierungsraum und inhärentes Proportionsschema: Interagierende Kategorisierungsraster bei der Konzeptualisierung räumlicher Objekte / E. Lang // Raumkonzepte in Verstehensprozessen ; Hrsg. Ch. Habel, M. Herweg, K. Rehkämper. – Tübingen : Niemeyer, 1989. – S. 150–173.
213. *Lang, E.* Sprachkenntnis, Objektwissen und räumliches Schließen / E. Lang // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik ; Heft 78 : Sprache und Raum. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. – S. 59–97.
214. *Lang, E.* A two-level approach to projective prepositions / E. Lang // Approaches to prepositions ; ed. by G. Rauh. – Tübingen : Narr, 1991. S. 127–167.
215. *Langacker, R. W.* Foundations of cognitive grammar / R. W. Langacker. – Stanford : Stanford Univ. Press, 1995. – Vol. 1: Theoretical prerequisites. – 516 p.
216. *Langacker, R. W.* Foundations of cognitive grammar / R. W. Langacker – Stanford : Stanford Univ. Press, 1996. – Vol. 2: Descriptive application. – 589 p.
217. *Lauterbach, S.* Genitiv, Komposition und Präpositionalattribut / S. Lauterbach. – München : Iudicium-Verl., 1993. – 237 S.
218. *Lehmann, Ch.* Thoughts on grammaticalization / Ch. Lehmann – München [u.a.] : LINCOM Europa, 1982/1995. – 192 p.
219. *Levelt, W.* Some perceptual limitations in talking about space / W. Levelt // Limits in perception ; ed. by A. J. van Doorn. – Utrecht : VNU Science Press, 1984. – P. 323–358.
220. *Levelt, W.* Zur sprachlichen Abbildung des Raumes: Deiktische und intrinsische Perspektive / W. Levelt // Perspektiven auf Sprache ; Hrsg. H.-G. Bosshardt. – Berlin [u.a.] : Gruyter, 1986. – S. 187–211.
221. *Li, J.* Räumliche Relationen und Objektwissen am Beispiel „an“ und „bei“ / J. Li. – Tübingen : Narr, 1994. – 211 S.

222. *Lindqvist, Ch.* Zur Entstehung von Präpositionen im Deutschen und Schwedischen / Ch. Lindqvist. – Tübingen: Niemeyer, 1994. – 323 S.
223. *Lutzeier, P. R.* Sprachliche Vermittler von Räumlichkeit. – Zur Syntax und Semantik lokaler Präpositionen / P. R. Lutzeier // Sprache und Raum ; Hrsg. H. Schweizer, K. Ehlich. – Stuttgart : Metzler, 1985. – S. 90–110.
224. *Mayer, R.* Wegkonnexion / R. Mayer // Raumkonzepte in Verstehensprozessen ; Hrsg. Ch. Habel, M. Herweg, K. Rehkämper. – Tübingen : Niemeyer, 1989. – S. 174–201.
225. *Mikosch, I.* Die Präpositionen in gesprochener Sprache: Vorkommen und Funktion ; untersucht an Tonbandaufnahmen aus Baden-Württemberg, Bayrisch-Schwaben und Vorarlberg / I. Mikosch. – Tübingen : Niemeyer, 1987. – 219 S.
226. *Miller, G.* Language and Perception / G. Miller, P. N. Jonson-Laird. – Cambridge [et al.] : Cambridge Univ. Press, 1976. – 760 p.
227. *Müller, S.* Grammatiktheorie / S. Müller. – Tübingen : Stauffenburg, 2010. – 521 S.
228. Papers on the interpretation of case / ed. by M. Kracht. – Potsdam : Univ.-Bibl., Publ.-Stelle, 2000. – 107 p.
229. Perspektiven auf Sprache / Hrsg. H.-G. Bosshardt. – Berlin [u.a.] : Gruyter, 1986. – 326 S.
230. *Pribbenow, S.* Regelbasierte Interpretation am Beispiel von *in* und *bei* / S. Pribbenow // Raumkonzepte in Verstehensprozessen ; Hrsg. Ch. Habel, M. Herweg, K. Rehkämper. – Tübingen : Niemeyer, 1989. – S. 202–227.
231. *Rauh, G.* Prepositional Forms in the Lexicon: Problems and Suggestions / G. Rauh // Approaches to prepositions ; ed. By R. Gisa. – Tübingen : Narr, 1991. – P. 169–223.
232. Raumkonzepte in Verstehensprozessen / Hrsg. Ch. Habel, M. Herweg, K. Rehkämper. – Tübingen : Niemeyer, 1989. – 360 S.
233. Räumliche Konzepte und sprachliche Strukturen / Hrsg. C. Habel, C. Stutterheim. – Tübingen : Niemeyer, 2000. – 282 S.
234. Rechts von N. Untersuchungen zur Nominalgruppe im Deutschen / Hrsg. P. Valentin. – Tübingen : Narr, 1992. – 134 S.
235. *Redder, A.* Wortarten oder sprachliche Felder, Wortartenwechsel oder Feldtransposition? / A. Redder // Wortarten und Grammatikalisierung ; Hrsg. C. Knobloch, B. Schaedler. – Berlin ; N. Y. : de Gruyter, 2005. – S. 43–66.
236. *Rehbein, J.* Komplexes Handeln. Elemente zur Handlungstheorie der Sprache / J. Rehbein. – Stuttgart : Metzler, 1977. – 399 S.
237. *Reiter, N.* Die Semantik deutscher und russischer Präpositionen / N. Reiter. – Wiesbaden : Harrasowitz, 1975. – 522 S.
238. *Reiter, N.* Der serbokroatische Präpositionstyp *nad/isnad* / N. Reiter. – Berlin: Harrasowitz, 1987. – 107 S.
239. *Rock, I.* Orientation and form / I. Rock. – New York [u.a.] : Academic Pr., 1973. – 165 p.

240. *Romare, E.* Präpositionen und Präpositionalisierungsprozesse. Der räumliche Bereich im Alt- und Mittelniederdeutschen / E. Romare. – Göteborg : Acta Univ. Gothoburgensis, 2004. – 333 S.
241. *Rosch, E.* Principles of Categorization / E. Rosch // Cognition and Categorization ; ed. by E. Rosch, B. Lloyd, N. J. Hillsdale. – Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27–48.
242. *Rosch, E.* Family Recemblances. Studies in the internal structure of categories / E. Rosch, C. B. Mervis // Readings in language and mind ; ed. by H. Geirsson, M. Losonsky. – Cambridge ; Oxford, 1996. – P. 442–460.
243. *Sauter, R.* Kasus oder Präposition? Eine mögliche Anwendung der guillaumesnchen Theorie der „incidence“ / R. Sauter // Signans und Signatum: auf dem Weg zu einer semantischen Grammatik ; Hrsg. E. Faucher. – Tübingen : Narr, 1995. – S. 195–204.
244. *Schanen, F.* Präpositionalgruppen rechts von N / F. Schanen // Rechts von N. Untersuchungen zur Nominalgruppe im Deutschen ; Hrsg. P. Valentin. – Tübingen : Narr, 1992. – S. 93–104.
245. *Schepping, M.-T.* Bewegung und Wahrnehmung / M.-T. Schepping // Raumkonzepte in Verstehensprozessen ; Hrsg. Ch. Habel, M. Herweg, K. Rehkämper. – Tübingen : Niemeyer, 1989. – S. 283–309.
246. *Schöfer, G.* Semantische Funktionen des deutschen Dativs : Vorschlag einer Alternative zur Diskussion um den homogenen/heterogenen Dativ der deutschen Gegenwartssprache / G. Schöfer. – Münster : Nodus-Publ., 1992. – 111 S.
247. *Schönberger, A.* Priscians Darstellung der lateinischen Präpositionen. Lateinischer Text und kommentierte deutsche Übersetzung des 14. Buches der «Institutiones grammaticae» / A. Schönberger. – Francofurti Moenani : Valentia, 2008. – 218 S.
248. *Schröder, J.* Lexikon deutscher Präpositionen / J. Schröder. – Leipzig : Enzykl., 1986. – 268 S.
249. *Schröder, J.* Deutsche Präpositionen im Sprachvergleich / J. Schröder. – Leipzig : Enzykl., 1987. – 163 S.
250. *Schwarze, Ch.* Polysemie als Prozedur, am Beispiel von frz. *à travers* und *chez* / Ch. Schwarze // Raumkonzepte in Verstehensprozessen ; Hrsg. Ch. Habel, M. Herweg, R. Rehkämper. – Tübingen : Niemeyer, 1989. S. 310–338.
251. *Schweizer, H.* Ein-Leitung. Was bedeutet dem Menschen der Raum / H. Schweizer // Sprache und Raum ; Hrsg. H. Schweizer, K. Ehlich. – Stuttgart : Metzler, 1985. – S. 1–15.
252. *Skalička, V.* On case theory / V. Skalicka // Praguiana : 1945 – 1990 ; ed. by Ph. A. Luelsdorff. – Amsterdam , 1994. – P. 45–70.
253. *Smith, M. B.* Cases and conceptual categories. Evidence from German / M. B. Smith // Conceptualizations and mental processing in language ; ed. by R. A. Geiger, B. Rudzka-Ostyn. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1993. – P. 531–565.
254. Sprache und Raum / Hrsg. H. Schweizer, K. Ehlich. – Stuttgart : Metzler, 1985. – 294 S.
255. Sprechen über Raum. Sprachliches Lokalisieren und seine kognitiven Grundlagen / Hrsg. Th. Hermann, K. Schweizer. – Bern [u.a.] : Huber, 1998. – 255 S.

256. *Stutterheim, Ch.* Einige Probleme bei der Beschreibung von Lokalisationen / Ch. Stutterheim // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik ; Hrsg. W. Klein, Th. Hermann. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. – Heft 78: Sprache und Raum. – S. 98–116.
257. *Svorou, S.* The grammar of space / S. Svorou. – Amsterdam (Philadelphia) : John Benjamins Publ. Co., 1993. – 277 p.
258. *Talmy, L.* Figure and ground in complex sentences / L. Talmy // Universals of human language. – Stanford : Stanford Univ. Press, 1978. – P. 625–649.
259. *Talmy, L.* How language structures space / L. Talmy // Spatial Orientation. Theory, research and application ; ed. by H. L. Pick, L. P. Acredolo. – N. Y. : Plenum Press, 1983. – P. 225–282.
260. *Talmy, L.* The Relation of Grammar to Cognition / L. Talmy // Topics in Cognitive Linguistics ; ed. B. Rudzka-Ostin. – Amsterdam [u.a.] : Benjamin, 1988. – P. 165–205.
261. *Tarasevich, L.* Dimensionale Präpositionen. Eine kontrastiv-semantische Untersuchung von *vor* und *nepeд* / L. Tarasevich. – Münster [u.a.] : Waxmann, 2003. – 174 S.
262. *Tarasevich, L.* Präpositionen aus der Sicht der Kategorisierung / L. Tarasevich // Das Wort, Germanistisches Jahrbuch 2003. – Moskau : Metatext, 2003. – S. 123–144.
263. *Tarasevich, L.* Wenn “vor” “hinter” bedeutet. Die Qual der Wahl der passenden Präpositionen zur Versprachlichung räumlicher Konstellationen / L. Tarasevich // Das Wort, Germanistisches Jahrbuch 2005. – Moskau : Metatext, 2006. – S. 277–295.
264. *Tarasevič, L.* Zum Problem der Vergleichbarkeit und Repräsentativität von sprachlichem Material. Am Beispiel von deutschen und russischen Präpositionen mit lokaler Bedeutung / L. Tarasevič // Das Wort, Germanistisches Jahrbuch 2011. – Moskau : Metatext, 2011. – S. 131–146.
265. *Tarasevich, L.* Lokale Präpositionen im sprachlichen Handeln. Eine funktional-distributionale vergleichende Untersuchung am Beispiel vom Deutschen und Russischen / L. Tarasevich // Mehrsprachiges Handeln im Fokus von Linguistik und Didaktik ; Hrsg. H. Roll, A. Schilling. – Duisburg : Universitätsverl. Rhein-Ruhr, 2012. – S. 297–315.
266. *Tesnière, L.* Grundzüge der strukturalen Syntax / L. Tesnière. – Stuttgart : Klett-Cotta, 1980. – 400 S.
267. *Vandeloise, C.* Spatial Prepositions: A Case Study from French / C. Vandeloise. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1991. – 244 p.
268. *Vandermeeren, S.* Polysemie bei der Wechselpräposition *in*. Eine kognitiv-linguistische Untersuchung / S. Vandermeeren // Deutsche Sprache. – 2004. – H. 32(2). – S. 171–194.
269. *Vater, H.* Einführung in die Raumlinguistik / H. Vater. – Hürth-Efferen : Gabel, 1991. – 98 S.
270. *Waldenberger, S.* Präpositionen und Präpositionalphrasen im Mittelhochdeutschen / S. Waldenberger. – Tübingen : Niemeyer, 2009. – 230 S.

271. *Wege, B.* On the Lexical Meaning of Prepositions: a Study of *above, below* and *over* / B. Wege // Approaches to Prepositions ; ed. by G. Rauh. – Tübingen : Narr, 1991. – P. 275–296.
272. *Weinrich, H.* Für eine Grammatik mit Augen und Ohren, Händen und Füßen – am Beispiel der Präpositionen / H. Weinrich. – Opladen : Westdeutscher Verl., 1976. – 27 S.
273. *Weinrich, H.* Textgrammatik der französischen Sprache / H. Weinrich. – Stuttgart : Klett, 1982. – 894 S.
274. *Weinrich, H.* Textgrammatik der deutschen Sprache / H. Weinrich. – Mannheim u.a. : Duden-Verl. 1993. – 1111 S.
275. *Wellmann, H.* „Aus Anlass einer Feier“. Grammatische Halbelemente im Umfeld der Präpositionen / H. Wellmann // Studien zur deutschen Grammatik ; Hrsg. E. Koller. – Innsbruck : Uiversitätsverl., 1985. – S. 375–393.
276. *Willems, K.* Kasus, grammatische Bedeutung und kognitive Linguistik: ein Beitrag zur allgemeinen Sprachwissenschaft / K. Willems. – Tübingen : Narr, 1997. – 276 S.
277. *Wittgenstein, L.* Philosophische Untersuchungen / L. Wittgenstein. – Frankfurt a. M. : Shurkamp, 1971. – 369 S.
278. *Wunderlich, D.* Sprache und Raum / D. Wunderlich // Studium Linguistik. – 1982. – T. 1 : SL 12. – S. 1–19; T. 2 : 13. – S. 37–59.
279. *Wunderlich, D.* Raum, Zeit und das Lexikon / D. Wunderlich // Sprache und Raum ; Hrsg. H. Schweizer, K. Ehlich. – Stuttgart : Metzler, 1985. – S. 66–89.
280. *Wunderlich, D.* Raum und die Struktur des Lexikons / D. Wunderlich // Perspektiven auf Sprache ; Hrsg. H.-G. Bosshardt. – Berlin [u.a.] : Gruyter, 1986. – S. 212–231.
281. *Wunderlich, D.* Ort und Ortwechsel / D. Wunderlich // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik ; Hrsg. W. Klein, Th. Hermann. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. – H. 78: Sprache und Raum – S. 43–58.
282. *Wunderlich, D.* Lokale Verben und Präpositionen – semantische und konzeptuelle Aspekte / D. Wunderlich, I. Kaufmann // Sprache und Wissen. Studien zur kognitiven Linguistik ; Hrsg. S. Felix, S. Kanngießer, G. Rickheit. – Opladen : Westdeutscher Verl., 1990. – S. 223–252.
283. *Wunderlich, D.* Lokale und Direktionale / D. Wunderlich, M. Herweg // Semantik. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung ; Hrsg. A. von Stechow, D. Wunderlich. – Berlin [u.a.] : de Gruyter, 1991. – S. 758–785.

Использованные словари

1. Большой толковый словарь немецкого языка: для изучающих немецкий язык / Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache / сост. D. Götz [и др.]. – М. : Март, 1998. – 1248 с.
2. Большой немецко-русский словарь / Das grosse deutsch-russische Wörterbuch: [около 165 000 слов: в 2 т.] / сост. Е. И. Лепинг [и др.] ; под рук. О. И. Москальской. – М. : Рус. яз., 1980.
3. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2003. – 4 т.

4. *Ефремова, Т. Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка : ок. 15 000 слов. ст. ; ок. 22 000 семант. единиц. – М. : Астрель : АСТ, 2004. – 814 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 707 с.
6. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка: 70 000 слов / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – 23-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1990. – 916 с.
7. *Ушаков, Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков ; под ред. Н. Ф. Татьянченко – М. : Альта-пресс, 2005. – 1206 с.
8. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка : В 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М. : Астрель : АСТ, 2003. – 4 т.
9. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1987. – 590 с.
10. *Шуба, П. П.* Тлумачальны слоўнік беларускіх прыназоўнікаў / П.П. Шуба. – Мінск : Нар. асвета, 1993. – 167 с.
11. Этимологический словарь современного русского языка : [в 2 т.] / составитель А. К. Шапошников. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 2 т.
12. Duden online [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – <http://www.duden.de> – Дата доступа : 05.10.2012.
13. *Grimm, J., Grimm, W.* Deutsches Wörterbuch. In 33 Bd. / J. Grimm, W. Grimm, Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1854. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1984.
14. *Paul, H.* Deutsches Wörterbuch / H. Paul. 6. Auflage. Bearbeitet von W. Betz. – Tübingen : Niemeyer, 1968. – 1243 S.

Источники примеров из художественной литературы

1. *Булгаков, М.* Избранные произведения в 2-х т. – М. : Мастацкая литература, 1990. – Т. 2. – С. 282–655.
2. *Bulgakow, M.* Der Meister und Margarita / M. Bulgakow : Übersetzung von Thomas Reschke. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997. – 526 S.
3. *Hesse, H.* Der Steppenwolf / H. Hesse. – Frankfurt a. M: Suhrkamp, 1974. – 278 S.
4. *Гессе, Г.* Избранные произведения / Г. Гессе. – М. : Панорама, 1995. – С. 281–464.

Использованные корпуса текстов

1. Taz-Korpus, Mannheimer Institut für Deutsche Sprache [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/projekt/referenz/virtuell1.html?sigle=taz-ohneN&archiv=W>
2. Публицистическая часть корпуса русского языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, отдел экспериментальной лексикографии.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – <http://www.ruscorpora.ru/>

Beispiel: Der junge Mann in kurzen Hosen

- Adidas _____
- Anzug _____
- Brille _____
- Fesseln _____
- Flecken _____
- Frack _____
- Gewand _____
- Halstuch _____
- Handschellen _____
- Hemd _____
- Hose _____
- Jacke _____
- Jeans _____
- Kampfdress _____
- Kittel _____
- Kleider _____
- Kleidung _____
- Kragen _____
- Lumpen _____
- Mantel _____
- Medaillen _____
- Mütze _____
- Outfit _____
- Pelz _____
- Perücke _____
- Samt _____
- Schuhe _____
- Schulterklappe _____
- Slip _____
- Socken _____
- Strumpfhose _____
- Tätowierung _____
- Trenchcoats _____
- Umhänge _____
- Uniform _____
- Zivil _____

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПРЕДЛОГИ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА.....	9
1.1. Критерии определения предлогов	9
1.2. Проблема лексического значения предлогов	11
1.3. Частеречная характеристика предлогов	13
1.4. Аспекты синтаксиса предлогов	19
1.4.1. Проблема разграничения значений предлогов и значений падежей	19
1.4.2. Внутренняя структура предложных конструкций	22
1.4.3. Синтаксические функции предложных конструкций	23
1.5. Подходы к исследованию семантики предлогов	29
1.5.1. Композиционные модели семантики предлогов	29
1.5.2. Прототипические модели семантики предлогов	34
1.5.3. Топологическая модель пространства как основа исследования семантики пространственных предлогов	39
1.5.4. Проблема отражения трехмерности пространства в семантике предлогов	44
1.5.5. Подходы к исследованию предлогов, обозначающих перемещение в пространстве	50
ГЛАВА 2. ПРЕДЛОГИ С ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ	54
2.1. Методы исследования предложной семантики.....	55
2.2. Материал исследования: проблемы формирования сопоставимых корпусов.....	57
2.3. Ограничение количества исследовательского материала с применением точных методов	64
2.4. Дистрибуция пространственных предлогов: классификация наименований объектов.....	68
2.5. Влияние тематического наполнения корпуса на дистрибутивные показатели пространственных предлогов	75
2.6. Проблема определения предложных коррелятов	78
2.7. Соотношение типов пространственных отношений в семантике предлогов	80
ГЛАВА 3. СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТОПОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДЛОГОВ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	84
3.1. Отношение включения: идентификация пространства локализации предлогов <i>in</i> и <i>в</i>	85
3.2. Спецификация отношения включения в семантике предлогов <i>innerhalb</i> и <i>внутри (внутри)</i>	92
3.3. Семантика и дистрибутивные характеристики предлогов, обозначающих отношение исключения	98
3.3. Особенности номинации отношения контакта при помощи предлогов в немецком и русском языках	108

3.3.1. Димензиональные признаки в семантике предлогов <i>an</i> и <i>auf</i>	110
3.3.2. Аспекты корреляции немецких предлогов <i>an</i> и <i>auf</i> и русского предлога <i>на</i>	116
3.4. Проблема дифференциации дистанции в семантике предлогов, обозначающих отношение близкого расположения	120
3.4.1. Особенности обозначения отношения близкого расположения в немецком языке	121
3.4.2. Проблема дифференциации семантики русских предлогов, обозначающих отношение близкого расположения	129
3.4.3. Оценочность и отношение БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ: семантика предлогов <i>вблизи</i> и <i>близ</i>	142
3.4.4. Спецификация отношения близкого расположения в немецком и русском языках	145
ГЛАВА 4. СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИМЕНЗИОНАЛЬНЫХ ПРЕДЛОГОВ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	149
4.1. Проблема идентификации денотативного пространства предлогов, обозначающих векторы вертикали «верх – низ».....	149
4.2. Особенности семантики предлогов, обозначающих вектор «верх»	154
4.2.1. Димензиональные и дирекциональные свойства предлога <i>über</i>	154
4.2.2. Спецификация отношения контакта в семантике предлога <i>über</i>	159
4.2.3. Дистрибутивные характеристики предлога <i>über</i>	164
4.2.4. Семантическая структура предлогов <i>над</i> , <i>поверх</i> , <i>сверху</i>	167
4.3. Семантика и дистрибутивные характеристики предлогов, обозначающих вектор «низ»	177
4.3.1. Комбинации семантических компонентов предлога <i>unter</i>	177
4.3.2. Денотативная сфера предлога <i>под</i> в сравнении с немецким коррелятом	181
4.4. Проблема идентификации денотативного пространства предлогов, обозначающих вектор «спереди – сзади»	189
4.4.1. ДИ-дихотомия	192
4.4.2. 6Н-модель	194
4.4.3. Интринзический и экстринзический варианты ориентации	196
4.5. Особенности локализации при помощи предлогов, обозначающих вектор «спереди».....	201
4.5.1. Семантические условия корреляции предлогов <i>vor</i> и <i>перед</i>	201
4.5.2. Комбинации признаков в семантике предлогов <i>впереди</i> , <i>спереди</i>	213
4.6. Особенности локализации при помощи предлогов, обозначающих вектор «сзади»	219
4.6.1. Условия идентификации тыльной стороны в ситуациях, обозначаемых конструкциями с <i>hinter/za</i>	222
4.6.2. Признак КОНТАКТ в семантике предлогов <i>hinter/za</i>	231
4.6.3. Семантические особенности предлогов <i>позади</i> , <i>сзади</i>	235
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	243
ЛИТЕРАТУРА	249
ПРИЛОЖЕНИЕ	270

Научное издание

Тарасевич Лариса Александровна

**СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЛОГОВ
(на материале немецкого и русского языков)**

Монография

Ответственный за выпуск *Л.А. Тарасевич*
Редактор *Т.Н. Короткая*
Компьютерный набор *Л.А. Тарасевич*

Подписано в печать 03.04.2014. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 16,91. Тираж 100 экз. Заказ 22.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». ЛИ № 02330/0548503 от 16.06.2009 г.
ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.